

Тихоокеанская археология
Сорок третий выпуск

8-й Международный симпозиум
ТИХООКЕАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ:
Проблемы теории и практики

8-nd International Symposium
PACIFIC ARCHAEOLOGY
Problems of Theory and Practice

Владивосток 2025

Дальневосточный федеральный университет
Школа искусств и гуманитарных наук
Учебно-научный музей ДВФУ
Департамент истории и археологии

Институт археологии РАН
Центр палеоискусства

Всемирный неолитический конгресс (WNC)

Тихоокеанская археология
Сорок третий выпуск

**ТИХООКЕАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ:
Проблемы теории и практики**

*8-й Международный симпозиум
Владивосток, 5–8 мая 2025 г.*

Сборник материалов

**PACIFIC ARCHAEOLOGY:
Problems of Theory and Practice**

*8th International Symposium
Vladivostok, May 5–8, 2025*

Abstracts

Владивосток

2025

УДК 902(5:265)(082)
ББК 63.4(59:94)я431
Т46

Серия основана в 1980 году профессором Д. Л. Бродянским.

Ответственный редактор
А.Н. Попов, кандидат исторических наук.

*При оформлении обложки сборника использованы рисунки
Т.В. Нюркиной.*

В текстах статей сохранена авторская стилистика.

Тихоокеанская археология: проблемы теории и практики. 8-й международный археологический симпозиум, Владивосток, 5–8 мая 2025 г. : сборник материалов = Pacific Archaeology: Problems of Theory and Practice 8th International Symposium, Vladivostok, May 5–8 2025 : Abstracts / отв. ред. А.Н. Попов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2025. – 282 с. – (Серия «Тихоокеанская археология»; вып. 43).
ISBN 978-5-7444-5913-0.

В сборник включены доклады участников 8-го Международного симпозиума, посвященные актуальным проблемам археологии в бассейне Тихого океана.

Книга предназначена для археологов, историков, этнологов.

The collection includes the reports of the 8th international symposium. The reports are highlighted the current problems of archaeology in the Pacific Ocean's basin.

The book is intended for archaeologists, historians and ethnologists.

УДК 902(5:265)(082)
ББК 63.4(59:94)я431

Содержание

ПРОГРАММА / PROGRAM.....	7
<i>Арсентьева А.С.</i>	
Относительно типологии лэланских погребений	15
<i>Артекин Р.А., Иванова Д.А.</i>	
Сравнительная характеристика морской адаптации населения янковской культуры и финального Дзёмона. (По материалам памятников Песчаный-1 и Накадзавамэ).....	20
<i>Балагурова А.В., Шашурин Д.А., Буравлев И.Ю., Иванов Н.П., Никитин Ю.Г.</i>	
Технологический анализ бронзовых скульптур империи Цзинь (1115–1234)	23
<i>Бессонова Е.А., Зверев С. А., Маликов А.С., Миягашев Д.А., Дикий Я.В., Бальжанов Б.Л.</i>	
Геофизические исследования антропогенно-структурированной геологической среды на территории археологического памятника Монгольской империи «Сутайская феодальная усадьба»	27
<i>Варенов А.В.</i>	
«Священные алтари» ритуальных бронз Саньсиндуя как «модели мира» древнего царства Шу.....	35
<i>Ватолина А.Е., Понкратова И.Ю., Тупахина О.С.</i>	
Швейные принадлежности гижигинцев(по данным археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск»).....	42
<i>Вережкина М.С.</i>	
Археологические свидетельства использования желудя в пищу на территории Восточной Азии.....	46
<i>Вострецов Ю.Е.</i>	
Исследование остатков грядковых полей в Приморье.....	51
<i>Гельман Е.И., Артёмкин Р.А.</i>	
Рыболовство населения Краскинского городища.....	52
<i>Гнездилова И.С.</i>	
Ханива-рыбы. Редкий феномен среди ханива.....	55
<i>Демичева И.Ю.</i>	
От археологического рисунка к 3D модели: история визуальной фиксации майяской фигуративной пластики	58
<i>Дьяконов В.М.</i>	
Новые свидетельства существования трансберингийских культурных связей в финале плейстоцена (на примере острий чиндадн)	63
<i>Елошкин Г.А.</i>	
Археологическое и этнографическое наследие в научном и политическом диалоге в Чили (XIX – начало XX вв.)	69
<i>Жгела Ш.Ж.</i>	
Ранний неолит на Адриатическом побережье Хорватии	74

Жуциховская И.С.

Новые материалы к дискуссии о растительной примеси в древней керамике Приморья.....	77	
<i>Захарова А.Н., Тупахина О.С., Понкратова И.Ю.</i>		
Интермедальность у гижигинцев («Волшебный фонарь»).....	83	
<i>Зуб Д.С.</i>		
У истоков костариканской археологии: экспедиции К.В. Хартмана.....	87	
<i>Иванов А.А. Понкратова И.Ю. Тупахина О.С.</i>		
Японская посуда из археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск»	92	
<i>Kanomata Y.</i>		
Key elements of Neolithic subsistence: the beginning of plant use in the Far East	97	
<i>Kilby D., Lohse J., Smith H., Rademaker K.</i>		
The Earliest Lithic Traditions of the Pacific Coast of the Americas: A High-Altitude Overview as of 2025	99	
<i>Ким А.Е. Дерюгин В.А.</i>		
Южное Охотоморье в охотский период и металлообработка	111	
<i>Комиссаров С.А., Кудинова М.А.</i>		
Значение культуры Ханьшу-2 в этнокультурном развитии Дунбэя	114	
<i>Лазин Б.В., Попов А.Н., Дюков Е.И., Руденко М.К., Лазина А.А.</i>		
Поселение Сопка Орлова по материалам раскопок 2024 г	120	
<i>Лазина А.А., Буравлев И.Ю., Федорец А.Н., Шевлягин А.В.</i>		
К вопросу о назначении миниатюрных сосудов из археологического памятника Падь Харинская (Приморский край): опыт исследования	127	
<i>Макашев Д.В.</i>		
Навершия однолезвийного длинноклинкового оружия воинов Японского государства III-VIII вв.	131	
<i>Мальшев А.С.</i>		
Анализ плотности застройки городищ и поселений государства Бохай (698-926гг.) на территории российского Приморья	139	
<i>Мальцева А.И.</i>		
Из истории тайско-американского сотрудничества: вклад США в развитие доисторической археологии Таиланда.....	142	
<i>Марченко В.Р., Понкратова И.Ю., Батаршев С.В., Тупахина О.С.</i>		
Парфюмерия на севере Дальнего Востока России (на примере изучения археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск»)	147	
<i>Мельников С.Г.</i>		
К роли В.Е. Ларичева в изучение «варварских» государств Центральной Азии	151	
<i>Моисеев В.Г., Зубова А.В., Шишкин А.А.</i>		156
Популяционные связи айнов Сахалина по антропологическим данным	156	
<i>Немкова А.А.</i>		

Неолит Корейского полуострова: терминология, периоды, культуры	160
<i>Нестеркина А.Л.</i>	
«Тайны» острова Чундо: археологические памятники и культуры	165
<i>Никитин Е.Ю.</i>	
Новые данные о поселении «Первостроителей 1» по результатам исследований 2024 года	171
<i>Никитин Е.Ю., Галютин Е.С.</i>	
Костяные артефакты памятника «Стеклянуха 1. Городище»	177
<i>Никитин Е.Ю., Хвищук В.С., Никитин Ю.Г., Сидоренко Е.В., Саяпина И.В.</i>	
Культурная идентификация объектов № 1 и № 10 Стеклянухинского городища (Приморье)	182
<i>Никитин Ю.Г.</i>	
О хронологии могильника Чернятино 5 в Приморье	187
<i>Никитина Ю.Д.</i>	
Погребальные обряды протогосударства Кая	190
<i>Огино Ю., Ямахара Т., Нисиваки Ц.</i>	
Происхождение керамики начала голоцена на Хоккайдо	196
<i>Понкратова И.Ю.</i>	
Портрет на фоне Тихоокеанской археологии (к столетию Н. Н. Дикова)	202
<i>Попов А.Н.</i>	
Хронология погребальных комплексов, родственные и брачные отношения носителей бойсманской археологической культуры среднего неолита Приморья (по материалам могильников на памятнике Бойсмана-2)	207
<i>Попов А.Н., Быкова А.А.</i>	
Археологический материал жилища № 43 памятника «Михайловка. Поселение 2» в Приморье	213
<i>Попов А.Н., Руденко М.К., Дюков Е.И., Лазин Б.В., Войтко Д.А.</i>	
Комплекс каменных артефактов руднинской культуры памятника «Михайловка-2. Поселение» (по материалам жилищ №34 и №43)	216
<i>Попов А.Н., Лазин Б.В., Дюков Е.И., Микишин Ю.А., Смирнова Г.В.</i>	
Радиоуглеродная хронология раннесредневекового слоя поселения Михайловка-2 в Приморье	225
<i>Пугачева А.И.</i>	
Ритуальные комплексы позднего этапа эпохи дзёмон в северном Тохоку	229
<i>Соколова Д.С., Тухватулина А.Д., Табарев А.В.</i>	
О всесоюзных конференциях океанистов и австраловедов (1968 – 1989 гг.)	233
<i>Соловьева Е.А.</i>	
Сюжеты антропоморфных изображений на керамике периодов дзёмон и яёй в Японии	238
<i>Сулейманлы Р.Т. Оглы, Тупахина О.С., Понкратова И.Ю.</i>	

Нумизматическая коллекция ОАН «Город Гижигинск» (по данным полевых работ в 2024 г)	241
<i>Сухорукова К.В.</i>	
Древнейшие археологические памятники Венесуэлы: тихоокеанский след	247
<i>Табарев А.В.</i>	
Тихоокеанская археология на площадке Первого Всемирного неолитического конгресса (4-8 ноября 2024 г., Турция)	252
<i>Тупахина О.С., Понкратова И. Ю., Казимиров И.В., Лебедева Л.С.</i>	
Погребение шамана (по материалам археологических раскопок ОКН «Город Гижигинск» в 2024 году)	256
<i>Тухватулина А.Д.</i>	
Археология Марианских островов, Микронезия: Период латте.....	260
<i>Fukuda M., Grishchenko V.A., Natsuki D., Yamaya F.</i>	
An Early Neolithic Complex at Rishiri Jinja-Shita Site, Rishiri Island: A Key Archaeological Hub in the La Pérouse/Soya Strait	264
<i>Sukbae J.</i>	
About the location of Deoklijin (Delizhen) in Balhae	268
<i>Choy K. Kim J.</i>	
Comparative study of prehistoric subsistence strategies in the Primorye Region, Russia and the Korean Peninsula using isotope mixing models	275

ПРОГРАММА / PROGRAM

5 Мая / May 5

Регистрация / Registration 09:30 – 10:00

Открытие симпозиума / Symposium opening

10:00-10:20

Приветственное слово директора Школы искусств и гуманитарных наук
ДВФУ

Полины Анатольевны Щербина /

Scherbina Polina Anatolyevna, Director of School of Art and Humanities -
Welcoming speech

Работа симпозиума / Morning session

10:20 – 13:30

1. Попов А.Н. Хронология погребальных комплексов, родственные и брачные отношения носителей бойсманской археологической культуры среднего неолита Приморья (по материалам могильников на памятнике Бойсмана-2).

Popov A.N. Chronology of burial complexes, kinship and marital relations in the mid-neolithic Boisman archaeological culture of Primorye (based on the materials of the burial grounds at the Boisman-2 site).

2. Табарев А.В. Тихоокеанская археология на площадке Первого Всемирного неолитического конгресса (4-8 ноября 2024 г., Турция).

Tabarev A.V. Pacific archaeology at the venue of the 1st World Neolithic Congress (4-8 November, Turkey).

3. Понкратова И.Ю. Портрет на фоне Тихоокеанской археологии (к столетию Н. Н. Дикова).

Ponkratova I.Yu. Portrait on the background of Pacific archeology (dedicated to centenary of N. N. Dikov).

4. Kilby D, Lohse J., Smith H., Rademaker K. The Earliest Lithic Traditions of the Pacific Coast of the Americas: A High-Altitude Overview as of 2025.

Килби Д., Лосе Дж., Смит Г., Рэйдмейкер К. Самые ранние традиции обработки камня на тихоокеанском побережье Америк: всеобъемлющий обзор по состоянию на 2025 год.

5. Fukuda M., Grishchenko V.A., Natsuki D., Yamaya F. An Early Neolithic Complex at Rishiri Jinja-Shita Site, Rishiri Island: A Key Archaeological Hub in the La Pérouse/Soya Strait.

Фукуда М., Грищенко В.А., Нацуки Д., Ямая Ф. Ранненеолитический комплекс на памятнике Rishiri Jinja-Shita, остров Рисири: ключевой археологический центр в проливе Лаперуза/Соя.

6. Огино Ю., Ямахара Т., Нисиваки Ц. Происхождение керамики начала голоцена на Хоккайдо.

Ogino Yu., Yamahara T., Nishiwaki Z. Genesis of initial golocene's ceramic on Hokkaido.

7. Комиссаров С. А., Кудинова М. А. Значение культуры Ханьшу-2 в этнокультурном развитии Дунбэя.

Komissarov S.A., Kudinova M.A. The value of Han Shu-2 culture in ethno-culture development of Dong Bei.

Обеденный перерыв / Lunch break

13:30 – 14:30

Работа симпозиума / Afternoon session

14:30 – 18:00

1. Kanomata Y. Key elements of Neolithic subsistence: the beginning of plant use in the Far East.

Каномата Й. Ключевые элементы жизнеобеспечения в неолите: начало использования растений на Дальнем Востоке.

2. Балагурова А.В, Шашурин Д.А., Буравлев И.Ю, Иванов Н.П., Никитин Ю.Г. Технологический анализ бронзовых скульптур империи Цзинь (1115–1234).

Balagurova A.V., Shashurin D.A., Buravlyov I.Yu., Ivanov N.P., Nikitin Yu. G. Technological analysis of Jin's bronze sculptures (1115-1234).

3. Гнездилова И.С. Ханива-рыбы. Редкий феномен среди ханива.

Gnezdilova I.S. Haniwa-fish. Rare phenomenon among Haniwa.

4. Дьяконов В.М. Новые свидетельства существования трансберингийских культурных связей в финале плейстоцена (на примере острив чиндадн).

Dyakonov V.M. New evidence of Trans-Beringia culture connections in the Final Pleistocene (Chindadn projectiles as example).

5. Тупахина О.С., Понкратова И.Ю., Казимиров И.В., Лебедева Л.С. Погребение шамана (по материалам археологических раскопок ОКН «Город Гижигинск» в 2024 году).

Tupakhina O.S., Ponkratova I.Yu., Kazimirov I.V., Lebedeva L.S. Shaman's burial (based on material of excavation "Gorod Gizhiginsk" site in 2024).

6. Гельман Е.И., Артёмкин Р.А. Рыболовство населения Краскинского городища.

Gelman Ye.I., Artyomkin R.A. Fishery of Kraskinskoye gorodishche site.

7. Варенов А.В. «Священные алтари» ритуальных бронз Саньсиндуя как «модели мира» древнего царства Шу.

Varyonov A.V. "Sacred altars" of Sanxingdui ritual bronzes in Chu's "world model".

8. Моисеев В.Г., Зубова А.В., Шишкин А.А. Популяционные связи айнов Сахалина по антропологическим данным.

Moiseev V.G., Zubova A.V., Shishkin A.A. Populational connections of Sakhalin's Ainu (based on anthropological materials).

6 Мая / May 6

Работа симпозиума / Morning session

10:00– 13:30

1. Лазин Б.В., Попов А.Н., Дюков Е.И., Руденко М.К., Лазина А.А. Поселение Сопка Орлова по материалам раскопок 2024 г.

Lazin B.V., Popov A.N., Dyukov E.I., Rudenko M.K., Lazina A.A. Ancient settlement "Sopka Orlova" (based on material of excavation in 2024).

2. Jung Sukbae. About the location of Deoklijin (Delizhen) in Balhae.

Чжун Сукбэ. О местонахождении Доклижина (Делижена) в Бохае.

3. Kyungcheol Choy, Jinwoo Kim. Comparative study of prehistoric subsistence strategies in the Primorye Region, Russia and the Korean Peninsula using isotope mixing models.

Чой Кенчхоль, Ким Джинву. Сравнительное изучение древних стратегий жизнеобеспечения в Приморье и на Корейском полуострове методом смешивания изотопных моделей.

4. Никитин Е.Ю., Хвищук В.С., Никитин Ю.Г., Сидоренко Е.В., Саяпина И.В. Культурная идентификация объектов № 1 и № 10 Стекланухинского городища (Приморье).

Nikitin E.Yu., Khvishchuk V.S., Nikitin Yu.G., Sidorenko E.V., Sayapina I.V. Cultural identification of objects №1 and №10 on Steklyanukhinskoye gorodishche site (Primorye).

5. Жущиховская И.С. Новые материалы к дискуссии о растительной примеси в древней керамике Приморья.

Zhushikhovskaya I.S. New Research Data on the Discussion About Plant Temper in Old Ceramics of Primor'ye Region.

6. Лазина А.А., Буравлев И.Ю., Федорец А.Н., Шевлягин А.В. К вопросу о назначении миниатюрных сосудов из археологического памятника Падь Харинская (Приморский край): опыт исследования.

Lazina A.A., Buravlyov I.Yu., Fedoretz A.N., Shevlyagin A.V. Function of miniature vessels from Pad' Kharinskaya site (Primorye): research experience.

7. Бессонова Е.А., Зверев С.А., Маликов А.С., Миягашев Д.А., Дикий Я.В., Бальжанов Б.Л. Геофизические исследования антропогенно-структурированной геологической среды на территории археологического памятника Монгольской империи «Сутайская феодальная усадьба».

Bessonova E.A., Zverev S.A., Malikov A.S., Miyagashev D.A., Dikiy Ya.V., Bal'zhanov B.L. Geophysycal studies of anthropogenical-structured geological environment at "Sutayskaya feodal'naya usadba" site (Mongol empire).

8. Вострецов Ю.Е. Исследование остатков грядковых полей в Приморье.

Vostretsov Yu.Ye. Studying of remains of marketgardens in Primorye.

Обеденный перерыв / Lunch break

13:30 – 14:30

Работа симпозиума / Afternoon session

14:30 – 18:00

1. Никитин Ю.Г. О хронологии могильника Чернятино 5 в Приморье.

Nikitin Yu.G. About the chronology of Chernyatino-5 cemetery in Primorye.

2. Попов А.Н., Лазин Б.В., Дюков Е.И., Микишин Ю.А., Смирнова Г.В. Радиоуглеродная хронология раннесредневекового слоя поселения Михайловка-2 в Приморье.

Popov A.N., Lazin B.V., Dyukov E.I., Mikishin Yu.A., Smirnova G.V. The C14 dating of the early medieval settlement's stratum at the Mikhailovka-2 site in Primorye.

3. Грищенко В.А. «Историко-культурные процессы в раннем голоцене островного региона северо-восточной Азии».

Grishchenko V.A. "Historical and cultural processes in the early Holocene of the island region of north-east Asia".

4. Соловьева Е.А. Сюжеты антропоморфных изображений на керамике периодов дзёмон и яёй в Японии.

Solovyeva E.A. Theme of anthropomorphic images on pottery of Jomon and Yayoi periods in Japan.

5. Никитин Е.Ю. Новые данные о поселении «Первостроителей 1» по результатам исследований 2024 года.

Nikitin Yu.G. New materials about "Pervostroiteley-1" settlement (based on studies in 2024).

6. Нестеркина А.Л. «Тайны» острова Чундо: археологические памятники и культуры.

Nesterkina A.L. "Mysteries" of Chundo island: archeological sites and cultures.

7. Демичева И.Ю. От археологического рисунка к 3D модели: история визуальной фиксации майяской фигуративной пластики.

Demicheva I.Yu. From archeological drawing to 3D-model: history of visual fixation of Mayan figurative plastic.

7 Мая / May 7

Работа симпозиума / Morning session

10:00– 13:30

1. Артемкин Р.А., Иванова Д.А. Сравнительная характеристика морской адаптации населения янковской культуры и финального Дзёмона. (По материалам памятников Песчаный-1 и Накадзавамэ).

Artyomkin R.A., Ivanova D.A. Comparative characteristic of marine adaptation in Yankovskaya and final Jomon cultures (based on materials from Peschany-1 and Nakawadzame sites).

2. Арсентьева А.С. Относительно типологии лэланских погребений.

Arsentyeva A.S. About the typology of Lelang burials.

3. Верешкина М.С. Археологические свидетельства использования желудя в пищу на территории Восточной Азии.

Vereshkina M.S. Archaeological evidence of acorn's cuisine using in East Asia.

4. Ватолина А.Е., Понкратова И.Ю., Тупахина О.С. Швейные принадлежности гижигинцев (по данным археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск»).

Vatolina A.E., Ponkratova I.Yu., Tupakhina O.S. Sewing tools of gizhigians (based on "Gorod Gizhiginsk" site material collection).

5. Жгела Ш.Ж. Ранний неолит на Адриатическом побережье Хорватии.

Zhgela Sh.Zh. Early Neolithic age on Adriatic coast of Croatia.

6. Елошкин Г.А. Археологическое и этнографическое наследие в научном и политическом диалоге в Чили (XIX – начало XX вв.).

Yeloshkin G.A. Archaeological and ethnographical legacy in scientific and politic dialog in Chile (XIX- beginning of XX centuries).

7. Иванов А.А., Понкратова И. Ю., Тупахина О.С. Японская посуда из археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск».

Ivanov A.A., Ponkratova I.Yu., Tupakhina O.S. Japanese pottery from "Gorod Gizhiginsk" archaeological collection.

8. Попов А.Н., Руденко М.К., Дюков Е.И., Лазин Б.В., Войтко Д.А. Комплекс каменных артефактов руднинской культуры памятника «Михайловка-2. Поселение» (по материалам жилищ №34 и №43).

Popov A.N., Rudenko M.K., Dyukov E.I., Lazin B.V., Voytko D.A. Lithic complex of Rudninskaya culture from Mikhailovka-2 site (based on material from dw. №34 and dw. №43).

9. Сулейманлы Р.Т. Оглы, Тупахина О.С., Понкратова И.Ю. Нумизматическая коллекция ОАН «Город Гижигинск» (по данным полевых работ в 2024 г.).

Suleimanli R.T. Ogli, Tupakhina O.S., Ponkratova I.Yu. Numismatic collection of "Gorod Gizhiginsk" (fieldworks of 2024 data).

10. Захарова А.Н., Тупахина О.С., Понкратова И.Ю. Интермедиальность у гижигинцев («Волшебный фонарь»)

Zakharova A.N., Tupakhina O.S., Ponkratova I.Yu. Intermediality of gizhigians ("Magic lantern").

11. Ким А.Е., Дерюгин В.А. Южное Охотоморье в охотский период и металлообработка.

Kim A.E., Deryugin V.A. South Okhotia in Okhotskaya period and metalworks.

Обеденный перерыв / Lunch break
13:30 – 14:30

Работа симпозиума / Afternoon session
14:30 – 18:00

1. Попов А.Н. Быкова А.А. Археологический материал жилища № 43 памятника «Михайловка. Поселение 2» в Приморье.

Popov A.N., Bykova A.A. Archaeological materials of dwelling №43 at Mikhailovka-2 site in Primorye.

2. Зуб Д.С. У истоков костариканской археологии: экспедиции К.В. Хартмана.

Zub D.S. At the origins of Costa-Rica archaeology: Hartman K.V. expeditions.

3. Малышев А.С. Анализ плотности застройки городищ и поселений государства Бохай (698-926гг.) на территории российского Приморья.

Malyshev A.S. Analysis of housing density of Bohai settlements in Russian Primorye (698-926).

4. Марченко В.Р., Понкратова И.Ю., Батаршев С.В., Тупахина О.С. Парфюмерия на севере Дальнего Востока России (на примере изучения археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск»).

Marchenko V.R., Ponkratova I.Yu., Batarshhev S.V., Tupakhina O.S. Perfume in the northern Far East Russia (based on study of “Gorod Gizhiginsk” site).

5. Мальцева А.И. Из истории тайско-американского сотрудничества: вклад США в развитие доисторической археологии Таиланда.

Maltseva A.I. From the history of Thai-American collaboration: contribution of the USA in development of Thailand’s prehistoric archaeology.

6. Макашев Д.В. Навершие однолезвийного длинноклинкового оружия воинов Японского государства (III-VIII вв).

Makashev D.V. Pommels of one-bladed long-sword arm in Japanese state (3-8 cent.).

7. Мельников С.Г. К роли В.Е. Ларичева в изучение «варварских» государств Центральной Азии.

Mel’nikov S.G. About the role of V.E. Larichev in studying “barbaric” states of Central Asia.

8. Немкова А.А. Неолит Корейского полуострова: терминология, периоды, культуры.

Nemkova A.A. Neolithic age of Korean Peninsula: terminology, periods, cultures.

9. Никитин Е.Ю., Галютин Е.С. Костяные артефакты памятника «Стеклянуха 1. Городище».

Nikitin E.Yu., Galyutin E.S. Bone artifacts of "Steklyanukha 1. Gorodishche" site.

10. Сухорукова К.В. Древнейшие археологические памятники Венесуэлы: тихоокеанский след.

Sukhorukova K.V. Ancient archaeological sites of Venezuela: pacific trace.

11. Тухватулина А.Д. Археология Марианских островов, Микронезия: Период латте.

Tukhvatulina A.D. Archaeology of Mariana islands, Micronesia: Latte period.

12. Никитина Ю.Д. Погребальные обряды протогосударства Кая

Nikitina Yu. D. Burial practice of Kaya proto-state.

13. Соколова Д.С., Тухватулина А.Д., Табаров А.В. О всесоюзных конференциях океанистов и австраловедов (1968 – 1989 гг.).

Sokolova D.S., Tukhvatulina A.D., Tabarev A.V. About the Union-wide conferences of oceanists and australists (1968-1989).

14. Пугачева А.И. Ритуальные комплексы позднего этапа эпохи дзёмон в северном Тохоку.

Pugatcheva A.I. Ritual complexes of late Jomon on north Tohoku.

8 Мая / May 8

Экскурсия по достопримечательностям острова Русский:

геология, археология, фортификация.

Excursion to the showplaces of the Russky Island:

Geology, Archaeology, Fortification.

Ужин

16:00

Относительно типологии лэланских погребений

В работе приводится краткий обзор классификационных построений погребений Лэлан, а также рассматриваются проблемы, связанные с их датированием и временным развитием. Округ Лэлан был образован ханьским императором У-Ди в 108 г. до н.э. и был завоеван в 313 г. н.э. Когурё. Наиболее многочисленным видом памятников в изучении Ханьских округов на Корейском полуострове являются погребения. Их типология и хронология из-за неполных данных и датированию по погребальному инвентарю является дискуссионной. Погребения обычно датируются методом сравнительного анализа с использованием отдельных элементов погребального инвентаря (изделия с эпиграфическим материалом, бронзовые зеркала) и кирпичей. Однако, не по всем захоронениям опубликованы полноценные данные, и многие из них были разграблены и как следствие, отсутствует датирующий материал. К тому же, не везде использовался кирпич с надписями и многие срубы перестраивались. Дополнительно осложняет ситуацию то, что неизвестно точное число лэланских захоронений, но приблизительное их число может равняться двум тысячам (정인성 2011: 71–72). Археологические исследования Лэлан активно использовались японцами в колониальной политике, поэтому у корейцев неоднозначное отношение к ханьским округам и их роли в истории региона, особенно в КНДР.

Японцы в 1930-е годы соотнесли деревянные погребения с кирпичными и на основании раскопок Чонбэкдон-127 предположили, что на смену деревянным пришли кирпичные гробницы. Также ими стали разрабатываться первые классификации кирпичей, бронзовых зеркал и эпиграфических материалов.

Из современных исследователей типологии захоронений выделяется Такаку Кэндзи так как он обучался в Японии и в Республике Корея и написал монографии на корейском языке в 1995 году, где подробно изложил типологию погребений, их хронологию, выявил 5 этапов развития обряда и 3 социальных группы погребенных, а также озвучил проблему подзахоронений и перестройки погребений. Он выделил 3 типа деревянных погребений А В С. Тип А имеет тонкий деревянный каркас и по расположению погребального инвентаря, наличию перегородки и количеству гробов 1 или 2 подразделяется на 4 подтипа.

Тип В представляет прямоугольные срубные камеры, которые в зависимости от количества гробов от 1 до 4, их расположения и видов погребальных камер подразделяется на 4 подвида. Также существуют погребения переделанные в процессе использования. Тип С представлен 2 погребениями, которые имеют Т-образную форму в плане и является недостаточно изученным.

Кирпичные погребения в зависимости от количества камер делятся на однокамерные гробницы (тип 1) и двухкамерные гробницы (тип 2). Тип 2 подразделяется на гробницы, у которых задняя камера уже передней и общая плоскость имеет Т-образную форму (тип 2А), и гробницы, у которых передняя и задняя камеры почти одинаковы (тип 2В). Тип 1 подразделяются на подтипы в зависимости от расположения, типа арок прохода и наличия дополнительной подкамеры. Каменные погребения недостаточно описаны в литературе и плохо датируются, так как в них мало инвентаря, но было выделено 5 типов гробниц правда с поправками на неполные данные по некоторым захоронениям и единичными примерами типов I II и IV.

В 2005–09 годах Такаку Кэндзи публикует ряд статей на японском языке о кирпичных и каменных погребениях и выдвигает гипотезу о сосуществовании срубов и кирпичных гробниц с I века н.э., а не со II века н.э. и предполагает, что каменные и кирпичные погребения относятся к одному типу и не связаны с Когурё. Японская классификация деревянно-кирпичных, кирпичных и каменных погребений является очень подробной с использованием названий погребений, разработки разных типологий полов, кирпичей, арок, зеркал и на основании этого предлагается определенная датировка захоронений и их развитие (高久健二 2009). Некоторые утверждения Такаку Кэндзи, в частности об отсутствии связи погребений Лэлан с Когурё не находят поддержку у южнокорейских исследователей, что отмечает Чон Инсон (Jung In-seung 2013: 149-150).

Южнокорейская исследовательница Ли Джехён обобщенно описала типологию погребений: одиночные захоронения в деревянных гробах (II век до н.э. – начало I века до н.э.), парные погребения в деревянных гробах (парные захоронения в срубах, конец I в. до н. э. – II в. н. э.), кирпичные камерные погребения (II-III в. н.э.). По ее мнению, одиночные захоронения в деревянных гробах появились еще во времена Виман Чосон. Она считает, что с конца I века до н.э. до I века н.э. появились деревянные захоронения, в которых пары хоронили вместе в одном деревянном срубе, большинство их имеют 2 или 3 гроба, но встречаются и 4. Эти совмещенные деревянные срубы квадратные в плане и конструктивно подобны деревянным погребениям в регионах Шаньдун и Ляодун в Китае. В некоторых совместных деревянных срубах I в. н. э. впер-

вые был использован кирпич, как материал для укрепления внешней части деревянной стены. Однако основным материалом оставался деревянный каркас, а вспомогательным – кирпич. Затем, пройдя переходный этап, на котором стены гробницы были кирпичными, а потолок деревянным, погребение трансформировалось в полнокамерную гробницу, где стены, потолок и даже входная дверь стали кирпичными (이재현 2023).

Чон Инсон упростил типологию Такаку Кэндзи – погребения в деревянных гробах, деревянные каркасные погребения (срубы), кирпичные гробницы. Его типология деревянных погребений аналогична японской, но без использований буквенных обозначений и выделения типа С. Деление кирпичных погребений также идет по пути упрощения классификации. Выделяется три типа: однокамерные гробницы, двухкамерные гробницы и гробницы с боковой камерой. Погребения этого типа обычно имеют куполообразный потолок. В редких случаях кирпичная камера покрыта деревянной крышей, а кирпичи используются только для потолка деревянной каркасной конструкции или для некоторых частей стен. Согласно Чон Инсону, северокорейские исследователи полагают, что эти исключения представляют собой гробницы переходного периода между деревянными каркасными гробницами и кирпичными гробницами. Эта интерпретация основана на предположении, что переход от деревянных каркасных гробниц к кирпичным гробницам был результатом внутреннего эволюционного процесса, а не был вызван или не находился под влиянием внешних факторов. Также Чон Инсон придерживается идеи влияния Когурё аргументируя это данными по гробнице генерал-губернатора округа Дайфан Чжан Фуи (Jung In-seung 2013: 146-150).

Существуют и более ранние южнокорейские варианты типологий захоронений, например, работа Ким Воннёна, где он делит погребения на 2 группы: деревянные (I в. до н.э. – I в. н.э.) и более поздние кирпичные (II – III в. н.э.). Кирпичные погребения он подразделяет на однокамерные, двухкамерные и передние или задние (зависит от расположения гробов), к камерам могут быть пристроены маленькие подкамеры. Он придерживается идеи линейного развития погребений от деревянных, смешанных (деревянно-кирпичных) до погребений с кирпичными сводами. Ким Воннён не выделяет отдельно каменные погребения, но пишет, что в более поздние времена кирпичные погребения развились в смешанные каменно-кирпичные гробницы (김원룡 1991: 121–123).

Имеются исследования более характерные для южнокорейцев — это выявление традиционных местных захоронений, по времени соотносимых с Лэлан, такие как погребения в урнах и каменных склепах из многослойного памятника

Намгён в Пхеньяне. При этом известные типологии не учитывают погребения с каменной кладкой между срубом и стенами ямы и наличие водоотводов (Согамни-9, Чонодон-10, Чонодон-11).

Мнение северокорейских ученых менялось в зависимости от интерпретации расположения Ханьских округов, но с момента обнаружения могилы Тангуна, разрабатывается идея непрерывного линейного развития от деревянных к каркасным, кирпичным и каменным, которые появились благодаря влиянию Когурё. До 1990-х учеными КНДР активно велись дискуссии о появлении деревянных погребений до основания Лэлан или после, о датировках погребений, в том числе высказывалось предположение, что кирпичные гробницы появились в I веке (高久健二 1995: 40-43).

Впервые на русском языке некоторые погребения Лэлан были описаны М.В. Воробьевым в монографии 1961 года с упором на элементы отдельно раскопанных погребений, а не на их типологические различия (Воробьев 1961: 68-82). Однако, уже в более поздней коллективной монографии 1974 г. он выделил две группы погребений: деревянные срубные камеры, похожие на монгольские могилы II в. до н.э. – II в. н.э., и кирпичные китайского типа II-IV в. н.э. (Гафуров 1974: 31). Позже Ю.А. Заднепровский в статье 1991 г. писал, что корейские исследователи относят курганы с деревянными гробами к середине II в. до н.э. по I в. до н.э., срубные камеры I в. до н.э. по I – II в. н.э. и кирпичные могилы к II – IV в. н.э. (Заднепровский 1991: 55). Он выделил 4 группы погребений: 1) в грунтовых ямах; 2) в деревянных гробах; 3) в срубах; 4) кирпичные, а каменные отнес к Когурё. Однако данная работа вызывает очень много нареканий (Варенов 1993).

В заключении можно говорить о том, что в настоящее время сохраняется ряд вопросов к имеющимся классификациям погребений округа Лэлан. Так, например вопрос традиционных местных типов погребений, соотносимых по времени с Лэлан и на тех же территориях, диспут вокруг появления ранних деревянных погребений до образования Ханьских округов или после и появление кирпичных гробниц в I веке н.э. или II веке н. э. Остается и вопрос о принадлежности каменных захоронений к Когурё или к одному из вариантов кирпичных гробниц Лэлан.

Литература

Варенов А. В. Где проходила восточная граница расселения сюнну? (К проблеме этнической атрибуции погребений Лолана) // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 1993. Т. 24, ч. 1. — С. 61–64.

Воробьев М. В. Древняя Корея: Историко-археологический очерк. М.: ИВЛ, 1961. 194 с.

Заднепровский Ю. А. Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н.э. — II в. н.э. в Северной Корее. // Изв. СО РАН. Сер. история, филология и философия. Вып. 1. Новосибирск: 1991. — С. 54–61.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней): в 2-х томах / Ред. кол. Б.Г. Гафуров и др. М.: Наука, 1974. 481 с.

Jung In-seung. The Material Culture of Lelang Commandery // The Han Commanderies in Early Korean History. Cambridge: Early Korea Project, Korea Institute, Harvard University, 2013. – pp. 137-164.

『낙랑구역일대의 고분 발굴보고』 사회과학원고고학연구소: 고고학자료집, 1983. –№ 6. – 202 с.

이재현 「낙랑 대방의 문화」 『한국고고학 이해』 영남문화재연구원 학술총서, 2023. – pp. 171- 181.

김원룡 『한국 고고학 개설』 서울: 열화당, 1991. – 500 p.

정인성 「樂浪古墳의 특징과 변천」 『동아시아의 고분문화』 중앙문화재연구원, 2011. – pp. 63-84.

高久健二 『낙랑 고분 문화 연구』 서울: 학연 문화사, 1995. – 335 p.

高久健二 「樂浪・帶方郡塹室墓の再検討塹室墓の分類・編年・および諸問題の考察」 『国立歴史民俗博物館研究報告』 2009. – Vol. 151. – pp. 161-210.

Р.А. Артемкин¹

Д.А. Иванова²

¹ Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

² Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Сравнительная характеристика морской адаптации населения янковской культуры и финального Дзёмона. (По материалам памятников Песчаный-1 и Накадзавамэ)

В данной работе представлена попытка сравнения морских адаптаций населения янковской культуры и финального Дзёмона. В своем исследовании, исходя из зависимости социокультурных процессов от экологических процессов, мы предполагаем, что разные группы населения могли формировать схожую адаптацию при схожих экологических условиях.

В качестве объектов сравнения взяты археологические материалы двух памятников: Песчаный-1 и Накадзавамэ.

Памятник Песчаный-1 располагается на северо-западном побережье Амурского залива, на полуострове Песчаный. Представляет собой ряд котлованов жилищ, размещенных на древней морской террасе, на высоте около 25 м. над уровнем моря. Часть жилищ была заполнена раковинными отложениями (Окладников, 1963). Памятник относится к янковской археологической культуре раннего железного века. Результаты радиоуглеродного датирования показывают, что раковинные отложения формировались приблизительно 2450–2400 л.н. (Санникова, 2012).

Памятник Накадзавамэ расположен в окрестностях г. Осаки в префектуре Мияги. Памятник представляет собой ряд раковинных куч, расположенных на пологом склоне холма между плато Онуки и заболоченной местностью в пойме реки Хасама. Участок лежит на высоте около 28 м. над уровнем моря. Памятник относится ко второй половине позднего и первой половине финального Дзёмона. Результаты радиоуглеродного датирования показывают, что раковинные кучи сформировались, приблизительно, в период 3720 ± 70 – 2990 ± 70 л.н. (Изучение раковинных куч, 1984)

Оба памятника функционировали на рубеже суббореальной и субатлантической фаз голоцена. Этот период характеризуется похолоданием климата.

Уровень моря был выше современного примерно на 1 м., в то время как температура воды была ниже современной приблизительно на 2-3°C. (Четвертичные отложения, 1980)

В ходе исследования археологического материала обоих памятников удалось выявить ряд общих черт. Население обоих памятников могло добывать виды рыб, образующие крупные скопления на мелководных побережьях (Рыбы Приморья, 2002). На памятнике Песчаный-1 таким видом является тихоокеанская сельдь (*Clupea pallasii*), образующая нерестовые скопления в весеннее время (Санникова, 2012). В свою очередь на памятнике Накадзавамэ подобные виды представлены дальневосточной сардиной (*Sardinops melanostictus*) и японским анчоусом (*Enguraulis japonicus*), приходящие на побережье в летнее время для нагула (Изучение раковинных куч, 1995).

На обоих памятниках присутствуют свидетельства промысла на глубоких участках побережья с использованием лодок. К таким свидетельствам относятся остатки тунца (*Thunnus sp.*), обнаруженные на обоих памятниках. Важно отметить то, что, в отличие от памятника Песчаный-1, в раковинных кучах Накадзавамэ не прослеживаются остатки японской скумбрии (*Scomber japonicus*), образующей скопления в толще воды над глубинами не менее 20 м. Возможно подобное различие может говорить о различиях в способах рыболовства на глубоких участках (Изучение раковинных куч, 1995; Санникова, 2012).

Ещё одним сходством может служить наличие остатков лосося (сем. Salmonidae) на обоих памятниках. Это может служить свидетельством того, что население обоих памятников занималось добычей лосося во время нерестовых миграций в близлежащие реки (Изучение раковинных куч, 1995; Санникова, 2012).

Помимо общих черт следует отметить и ряд существенных различий. Так на памятнике Накадзавамэ, прослеживается более широкое разнообразие пресноводных видов: 4 семейства и 8 видов в сравнении с 1 семейством и 2 видами на памятнике Песчаный-1 (Изучение раковинных куч, 1995; Санникова, 2012). Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что при уровне моря выше современного рядом с памятником Накадзавамэ могли образоваться обширные пресноводные водоемы, удобные для рыболовства.

Еще одним существенным отличием является полное отсутствие на памятнике Накадзавамэ костных остатков камбаловых (Изучение раковинных куч, 1995). Возможно, это может объясняться тем, что население памятника могло отдавать приоритет рыболовству в пресноводных водоемах.

Таким образом между двумя памятниками наблюдаются схожие черты в морской адаптации, но при этом прослеживаются и региональные различия.

Адаптация населения памятника Песчаный-1 была более направлена на рыболовство на мелководных побережьях. В это время адаптация населения памятника Накадзавамэ была в большей степени направлена на пресноводные водоемы. Мы предполагаем, что подобные различия могли быть вызваны разницей ландшафтной структуры вокруг памятников.

Литература

Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока: МИА. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – № 112. – 354 с.

Рыбы Приморья / Новиков Н.П., Соколовский А.С., Соколовская Т.Г., Яковлев, Ю.М. – Владивосток: Дальрыбвтуз, 2002. – 552 с.

Санникова А.В. Состав добываемых видов рыб Амурского залива Японского моря в период раннего железного века (2500–2400 л.н.) (По археологическим материалам поселения Песчаный-1) // Известия ТИНРО. – 2012. – т. 170 – С. 82-91

Четвертичные отложения Приморья. Стратиграфия и палеогеография / Короткий А.М., Караулова Л.П., Троицкая Т.С. – Новосибирск: Наука, 1980г. – 232 с.

Изучение раковинных куч финального дзёмона: Раковинная куча Накадзавамэ / отв. Ред. Такаси Судо. – Сендай: Общество археологических исследований факультета литературы Университета Тохоку, 1984. – Часть 1. – 218 с. (на яп. яз)

Изучение раковинных куч финального дзёмона: Раковинная куча Накадзавамэ / отв. Ред. Такаси Судо. – Сендай: Общество археологических исследований факультета литературы Университета Тохоку, 1995. – Часть 2. – 362 с. (на яп. яз)

А.В. Балагурова^{1,2}

Д.А. Шашурин³

И.Ю. Буравлев²

Н.П. Иванов²

Ю.Г. Никитин¹

¹ Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

² Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

³ Москва, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Технологический анализ бронзовых скульптур империи Цзинь (1115–1234)*

**Аналитическая часть работы выполнена с использованием
оборудования ДВФУ при финансовой поддержке из средств
государственного задания № FZNS-2024-0014*

В данном исследовании представлены результаты комплексного технологического анализа трёх бронзовых скульптур (рис. 1) периода империи Цзинь (1115–1234 гг.) из коллекции Музея археологии и этнографии ИИАЭ ДВО РАН. С применением энергочувствительной рентгеновской компьютерной томографии (ЭКТ) и энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии (ЭДС) реконструированы технологические особенности производства, выявлены различия в составе сплавов и установлена специфика литейных процессов. Результаты исследования позволяют идентифицировать две различные производственные традиции изготовления бронзовых изделий в рассматриваемом историко-культурном контексте.

Бронзовые артефакты периода империи Цзинь представляют значительный интерес для реконструкции технологических традиций и культурных связей средневековых государств Дальнего Востока. Коллекция Музея археологии и этнографии ИИАЭ ДВО РАН содержит серию уникальных скульптурных изображений, обнаруженных при археологических исследованиях памятников чжурчжэньской культуры на территории современного Приморского края. Комплексное изучение технологических особенностей этих предметов позволяет существенно расширить представления о металлургических традициях региона и проследить эволюцию технологий литья бронзы.

*Рис. 1. Бронзовые скульптуры империи Цзинь (1115–1234):
а – изделие №1; б – изделие №2; в – изделие №3*

Материалы и методы исследования. Для решения поставленных исследовательских задач был применён комплекс взаимодополняющих неразрушающих методов анализа. Рентгеновская компьютерная томография проводилась на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова с использованием энергочувствительного компьютерного томографа MARS Bioimaging. В результате исследования были получены трехмерные реконструкции, позволившие детально визуализировать внутреннюю структуру и технологические особенности изготовления исследуемых объектов.

Элементный состав скульптур определялся методом энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии на спектрометре Shimadzu EDX-7000 в Институте наукоёмких технологий и передовых материалов Дальневосточного федерального университета.

Результаты исследования. Скульптура № 1. Первая скульптура представляет собой технологически сложный объект, демонстрирующий различия в составе сплава и структуре отдельных элементов. Анализ элементного состава выявил использование тройного сплава меди, олова и свинца, который широко применялся в регионе с VII в. и был характерен для металлургической традиции империи Цзинь в Приморском крае и государства Восточное Ся в Приамурье.

Анализ показал, что в области крепежного элемента (петельки) металл характеризуется высоким содержанием меди (46%) и свинца (28%) при относи-

тельно низком содержании олова (17%). В противоположность этому, основное тело изделия имеет меньший суммарный объем значений меди (в среднем 36%) и свинца (16%), но демонстрирует более высокое содержание олова (35%). Томографические реконструкции четко фиксируют различие в рентгеновской плотности на границе головы и крепежного элемента, что свидетельствует о его присоединении после завершения основного процесса отливки.

Особый интерес представляют результаты, полученные при сравнении левой и правой половин фигуры. Левая половина демонстрирует следующее соотношение трех основных компонентов сплава: медь – 67%, олово – 9%, свинец – 12%, тогда как правая половина характеризуется иным составом: медь – 32%, олово – 37%, свинец – 17%. Данное различие в комбинации с томографическими реконструкциями указывает на прерывание процесса литья. Визуальный анализ поверхности выявил существенное различие в качестве отливки: левая половина имеет ровную поверхность с четкими деталями, а правая содержит множественные дефекты поверх бугристой поверхности с плохо читаемым рельефом. Граница раздела отчетливо прослеживается на томограммах и свидетельствует о том, что скульптура размещалась в литейной форме горизонтально (предположительно левой стороной вниз), а процесс литья был прерван и затем возобновлен с использованием сплава иного состава.

Примечателен также спектр, полученный в области ног фигурки, где содержание олова достигает 70%, меди – 21%, а свинца – лишь 6%. Томографические данные указывают на различие рентгеновской плотности, что позволяет предположить, что данные конструктивные элементы были изготовлены отдельно от основной части изделия.

Томографическое исследование с оценкой спектров поглощения реконструированных структур также выявило неоднородность внутренней структуры материала с наличием воздушных полостей и неметаллических включений, предположительно частиц формовочной смеси, что требует дополнительной верификации другими аналитическими методами.

Два следующих объекта представляют собой свинцовые бронзы с высокой плотностью и стилистически выглядят как предметы, изготовленные в одной мастерской.

Скульптура № 2. Второй исследуемый артефакт характеризуется более гомогенной структурой с минимальным количеством производственных дефектов. Среди наиболее значимых отклонений зафиксирован вытянутый воздушный пузырь внутри правой руки скульптуры, предположительно образовавшийся в результате усадки металла при охлаждении. К категории эксплуата-

онных повреждений относится только деформация в зоне отверстия крепежного элемента, связанная с механическим воздействием при ношении изделия на шнурке.

Элементный состав скульптуры включает медь (40–46%), олово (25–30%) и свинец (20–23%), равномерно распределенные по всему объему изделия, что подтверждает цельнолитой характер артефакта. Томографические данные позволяют предположить, что предмет отливался горизонтально в одностороннюю форму без признаков временного прерывания процесса.

Скульптура №3. Третий объект отличается особой морфологической сложностью и динамичностью композиции при высокой плотности и однородности внутренней структуры. Анализ не выявил существенных дефектов изготовления. Особый интерес представляет отверстие в сохранившейся руке фигуры, которое потенциально могло использоваться в качестве крепежного элемента, однако следов износа на его поверхности не обнаружено. Аналогичные фигуры с отверстиями в руках известны среди артефактов чжурчжэньского времени, обнаруженных на территории Китая, но также не демонстрируют следов использования в качестве подвесок.

Результаты томографического исследования не выявили во внутренней структуре скульптуры признаков последовательной сборки или соединения отдельных элементов. Состав сплава демонстрирует равномерное распределение меди (27-38%), олова (28-35%) и свинца (18-20%), что свидетельствует о единовременном («одноактном») литье изделия.

Заключение. В результате применения комплекса аналитических методов были реконструированы технологические особенности производства трех бронзовых скульптур периода империи Цзинь. Выявлены существенные различия в составе бронзовых сплавов, технологических приемах литья и конструктивных особенностях отдельных элементов. Полученные данные позволили идентифицировать две различные технологические традиции: первая характеризуется сложной многоэтапной технологией с использованием различных сплавов и соединением отдельно изготовленных элементов; вторая отличается цельнолитым характером изделий с однородным составом сплава.

Полученные результаты расширяют представления о развитии металлургических традиций в регионе и вносят вклад в понимание культурных связей средневековых государств Дальнего Востока.

Литература

Асташенкова Е.В. Антропоморфные изображения чжурчжэней Приморья // Россия и АТР. – 2001. – №1. – С. 20–30.

Гусева Л.Н. К характеристике одежды чжурчжэней на основе анализа фигурок духов-предков // Материалы по археологии Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. – С. 122–127.

Шавкунов Э.В. Антропоморфные подвесные фигурки из бронзы и культ предков у чжурчжэней // Сов. этнография. – 1975. – № 4. – С.45–59.

Е.А. Бессонова¹

С.А. Зверев¹

А.С. Маликов¹

Д.А. Миягашев²

Я.В. Дикий²,

Б.Л. Бальжанов²

¹ Владивосток, Тихоокеанский океанологический институт
им. В.И. Ильичева ДВО РАН,

² Улан-Удэ, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Геофизические исследования антропогенно-структурированной геологической среды на территории археологического памятника Монгольской империи «Сутайская феодальная усадьба»*

**Работа выполнена при поддержке:*

¹темы госзадания № 124022100084-8; ²гранта РФФИ № 23-78-10139

Современный технологический уровень развития цивилизации определяет широкое применение неразрушающих методов исследования во всех сферах деятельности человека. Изучение антропогенно-структурированной среды на территориях археологических памятников, предваряющих исследования раскопками методами геофизики – объективная реальность. Необходимость такого подхода обоснована многими исследователями. Наиболее полно эти вопросы освещены в научной литературе И.В. Журбиным. Основной вопрос в обеспечении успеха таких исследований – выбор метода. Конечно, наиболее эффективный результат могут дать комплексные методики.

В нашем исследовании в силу объективных причин и имеющегося профессионального опыта для изучения культурного слоя археологического памятника «Сутайская средневековая усадьба», расположенного в Мухоршибирском районе Республики Бурятия использованы два метода: микромагнитное картирование М 1: 100 и площадная георадиолокация М 1: 100.

Культурный слой археологического памятника уже частично исследован раскопками А.П. Окладникова и С.В. Данилова. В результате археологических исследований были получены материалы, использованные нами в качестве априорной информации для планирования границ участка геофизических исследований и оценки физических свойств верхней части геологической среды, содержащей антропогенные включения.

Особенности рельефа и геологического строения района исследований

Усадьба расположена на равнинном участке, вблизи сухого русла не крупного ручья. Визуально различимы высохшие остатки болотных кочек. Заметны следы задернованной вспашки. На поверхности почвы часто попадаются детали механизмов сельскохозяйственной техники различных размеров. На востоке отмечаются протяженные участки, ориентированные по направлению ювс, продавленные колесами автомобилей. Участок исследований используется местными жителями для выпаса крупного рогатого скота.

Оценка геологического разреза выполнена в шурфе глубиной до 0.5 м. В разрезе обнаружена подстилающая дресва (грубозернистая смесь) и аллювиальные суглинки. Перекрывающие отложения – дерн мощность до 30 см. Верхний слой представляет собой суглинистую почву мощностью 5–10 см.

На поверхности грунта встречаются обломки кирпича рыжего и различных оттенков серого цвета.

Остатки раскопов прежних лет выражены в рельефе задернованными ямами и сопряженными с ними задернованными насыпями (отвалы грунта) размерами 15х3м и 8х3 м (рис. 1). Размеры этих форм микрорельефа оценены визуально.

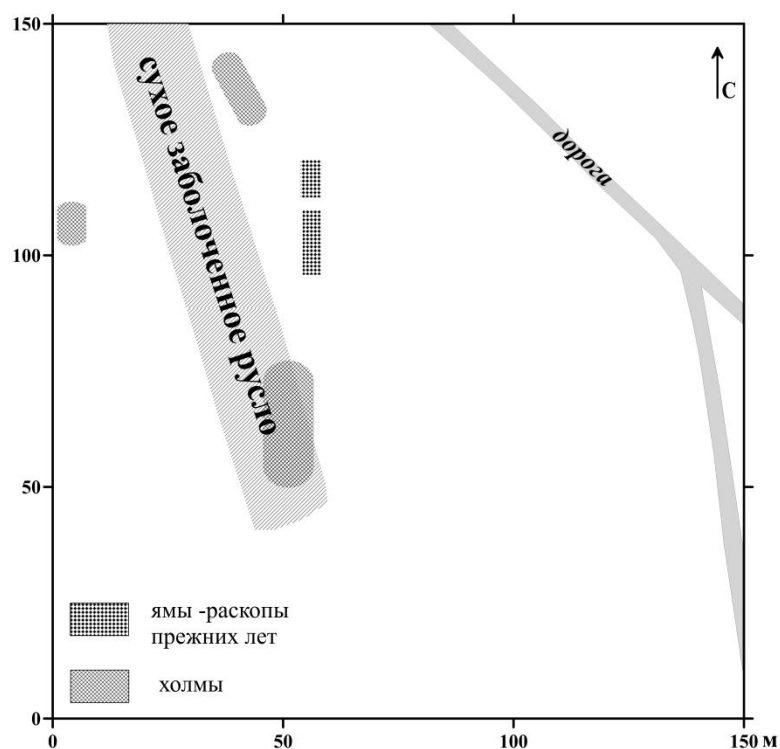

Рис. 1. Ситуационный план района работ

Методика измерений и обработки данных, использованное измерительное оборудование

Экспериментальные работы геофизическими методами на территории археологического памятника «Сутайская средневековая усадьба» выполнены в конце мая 2024 года.

Георадиолокация

Для проведения измерений методом георадиолокации был использован полевой комплект георадара ОКО-2 (НПЦ «ГЕОТЕХ», Россия).

Для выполнения измерений разбиты 3 полигона вплотную прилегающие друг к другу (рис. 2):

- полигон №1: 100×100 м (площадь $10\,000\text{ м}^2$);
- полигон №2: 50×100 м (площадь $5\,000\text{ м}^2$);
- полигон №3: 50×150 м (площадь $7\,500\text{ м}^2$).

Общее количество профилей георадиолокации - 303. Общая площадь исследуемого участка составила $150 \times 150\text{ м} = 22\,500\text{ м}^2$.

Координатная привязка к реперу выполнена в относительной системе координат.

На первом полигоне площадью 100×100 м был выполнен основной объем работ. В центре этого полигона расположен старый раскоп. Профили съемки были проложены с востока на запад, при этом каждый следующий профиль вы-

полнялся со смещением к северу. Для фиксации профилей на местности использовалась система пикетов, установленных с интервалом в 1 м.

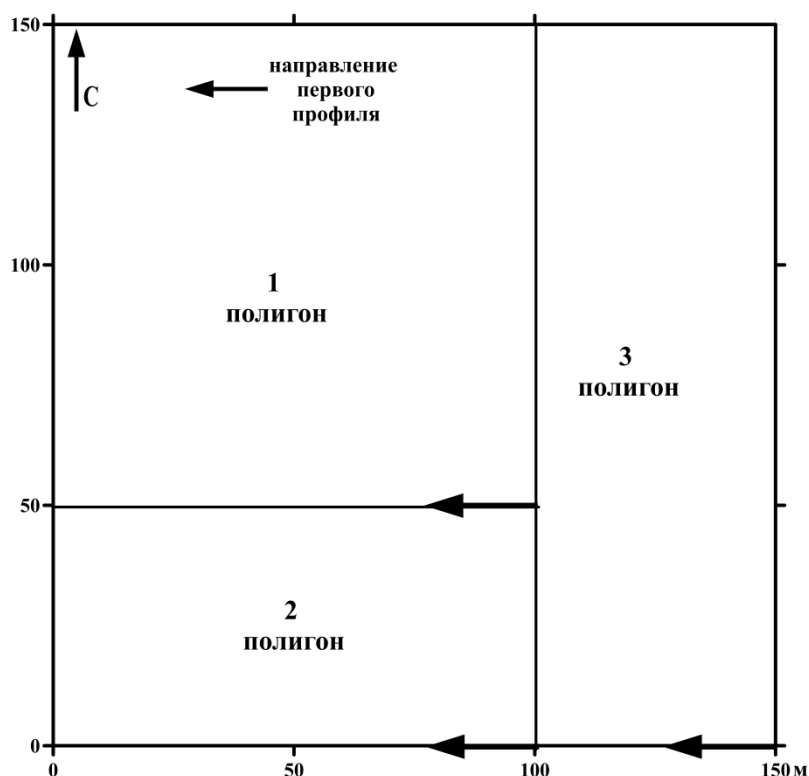

Рис. 2. Схема полигонов георадиолокации

Съемка на каждом полигоне выполнялась «змейкой». Это означало, что прибор перемещался вдоль профиля в одном направлении, а на следующем профиле движение осуществлялось в противоположную сторону (рис. 3). Такой подход позволял оптимизировать маршрут и уменьшать временные затраты. Направление движения прибора фиксировалось стрелками на плане полигона, что впоследствии упрощало обработку данных.

Для определения пространственного положения электрофизических границ и неоднородностей была применена послойная интерпретация данных трёхмерной визуализации.

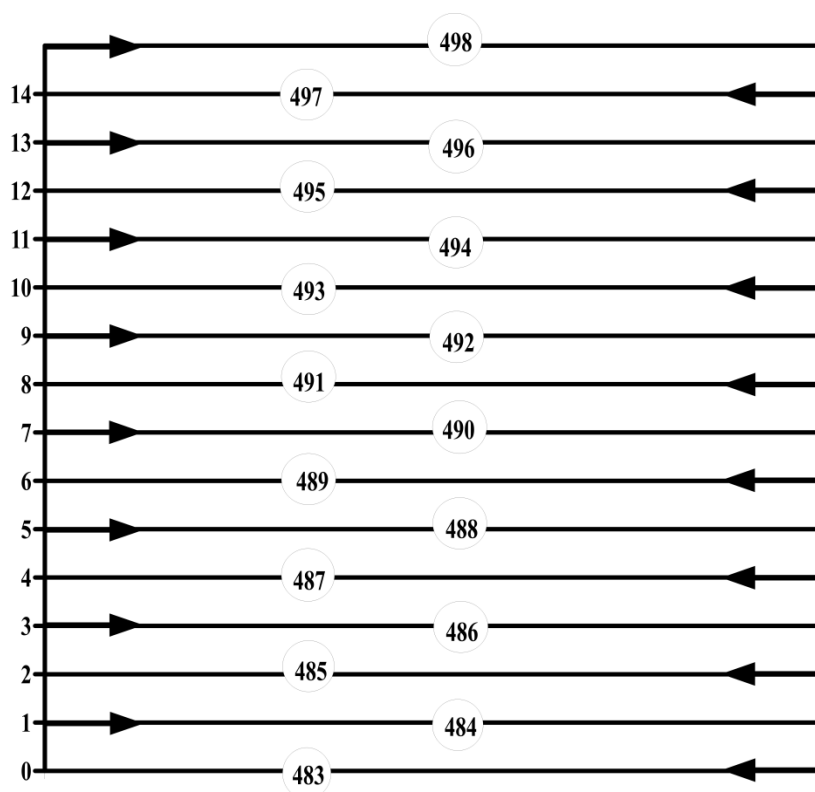

Рис. 3. Схема георадарной съемки (полигон 1)

Микромагнитная съемка

Измерения значений модуля полного вектора геомагнитного поля выполнено пешеходным протонным магнитометром MiniMag ("ГЕОДЕВАЙС" Россия, <https://geodevice.ru/main/magnetometers/minimag/>). Плотность сети наблюдений выбрана с учетом минимальных предполагаемых размеров магнитных аномалий, источниками которых являются руины средневековых строительных конструкций. Предполагаемые минимальные размеры аномалий 2x2 м. Профили измерений должны располагаться вкрест простираения объектов поиска, расстояние между профилями рассчитывается исходя из длины, а шаг съемки – из ширины предполагаемых магнитных аномалий. Густота сети при этом выбирается таким образом, чтобы искомая аномалия перекрывалась хотя бы 3-мя точками измерений.

Для выделения магнитных аномалий, источниками которых являются искомые археологические объекты предпочтительнее проводить измерения по квадратной сети наблюдений. На основании априорной информации об объектах поиска для картирования микромагнитной съёмкой выбрана квадратная сеть наблюдений с шагом 1 м, расстояние между профилями 1 м, при уровне съемки 0.5 м над поверхностью.

Разбивка сети наблюдений выполнялась в относительной системе координат с привязкой к реперной точке. Использован компас-буссоль, деревянные колышки и полихлорвиниловые мерные шнуры, на которых через каждый метр (соответственно шагу съёмки) выставлены метки. Профили измерений ориентированы по магнитному меридиану.

Микромагнитная съёмка археологического объекта выполнена на 18 экспериментальных полигонах, размеры которых: 25х25м. Всего 12 168 точек измерений. Общая площадь микромагнитной съёмки составила 11 250 м² (рис. 4). Учет вариаций геомагнитного поля выполнен на контрольных точках, которые выбирались в «спокойном» поле для каждого полигона.

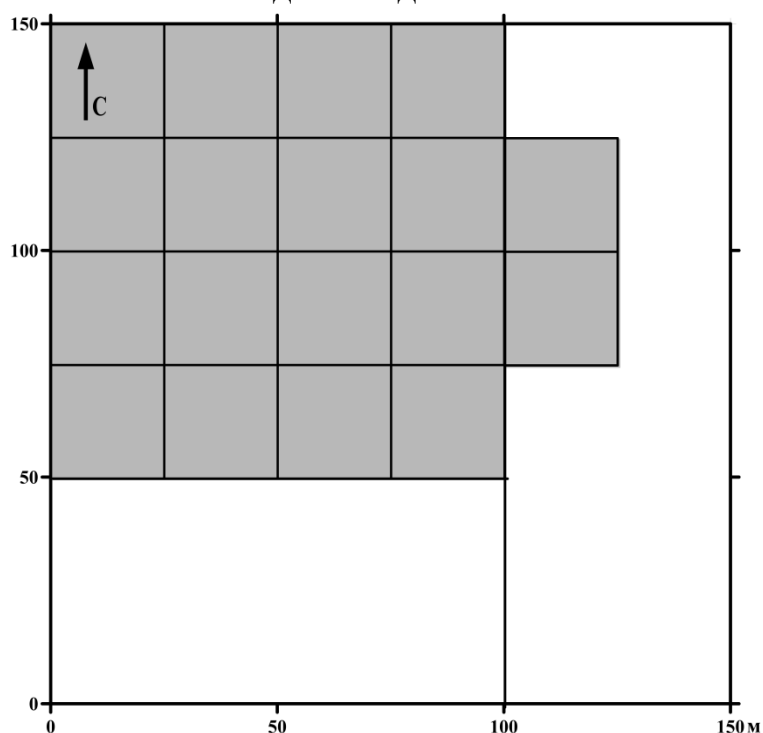

Рис. 4. Схема полигонов микромагнитной съёмки.
Полигоны выделены серым цветом

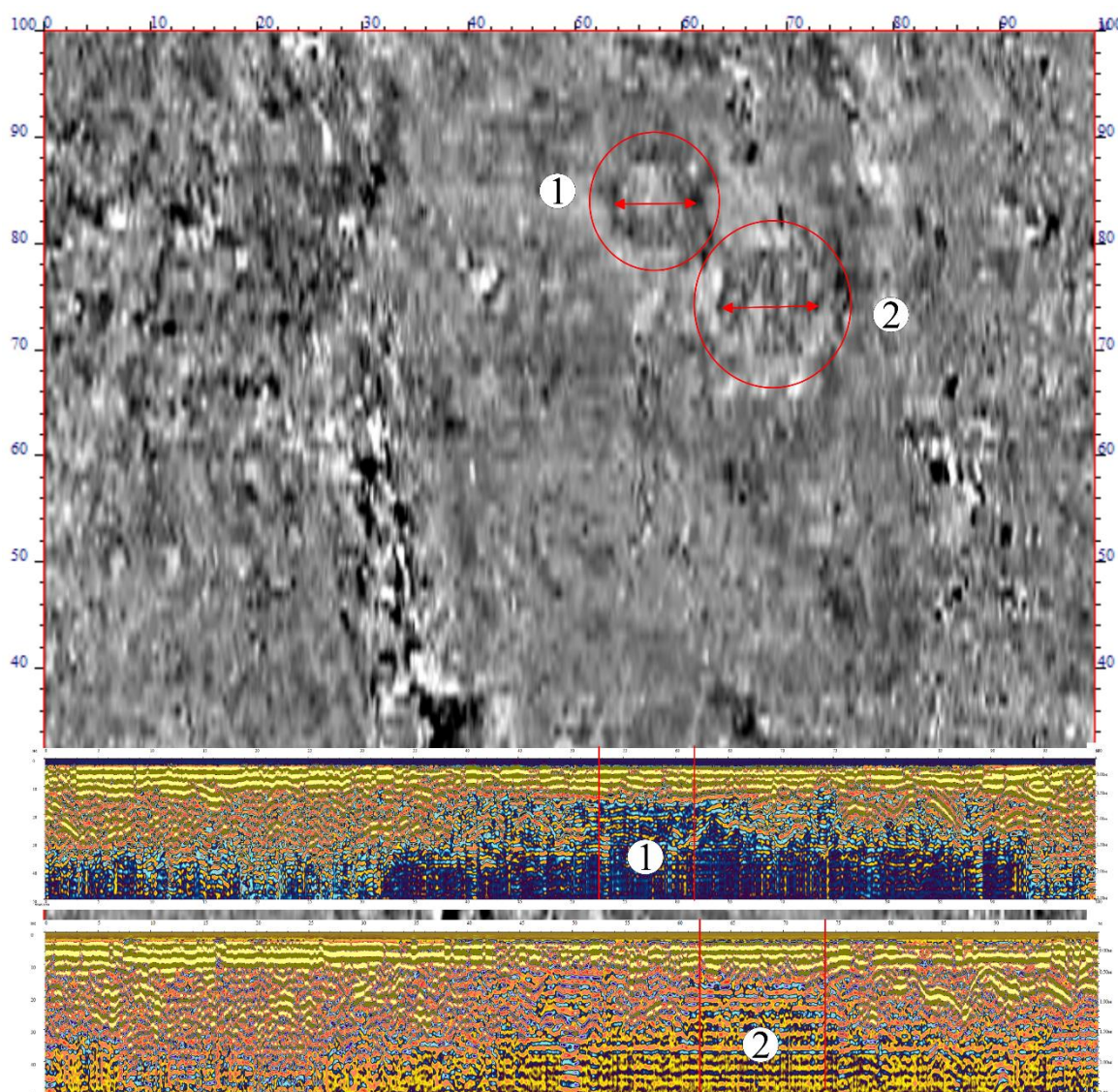
Результаты геомагнитного картирования представлены в виде цифровой модели магнитного поля вида ΔT_a и визуализированы в виде карт-схем. ΔT_a — приращение аномального магнитного поля, источником которого является приповерхностная геологическая среда.

Результаты измерений

Георадиолокация

Качество записи на георадарограммах удовлетворительное. Результаты работ представлены графически в виде плоскостных срезов трехмерной визуализации волновой картины на глубинах 30, 40 и 50 см от поверхности (рис. 5). Отмечен высокий уровень антропогенных помех, источниками которых явля-

ются: холмы насыпного грунта (отвалы раскопов), уплотнение грунта на месте грунтовой дороги линейного простирания, а также уплотнение грунта домашними животными, привязанными на выпасе к столбам на веревках. Эти помехи формируют последовательные переотражения сигнала на глубину. В северо-западной части полигона 1 на глубине 0.5 м выделены локальные кольцевые участки уплотненного грунта диаметром 7 и 9 метров (рис. 5). Предположительно это следы местоположения юрт.

*Рис. 5. Плоскостной срез трехмерной визуализации волновой картины полигона 1 на глубине 0.5 м от поверхности (серые оттенки).
1, 2 – участки аномального уплотнения грунта.
Цветом показаны профили георадиолокации,
пересекающие аномальные участки
1 и 2 в широтном направлении*

Отмечена высокая степень затухания сигнала с глубиной. Это проявляется размытостью осей синфазности и свидетельствует о достаточно высокой степени обводнения подпочвенного грунта, большой концентрации глинистых частиц в его составе и наличии неглубоко залегающего водоупора.

Результаты геомагнитных исследований

Аномальное магнитное поле вида ΔT_a характеризуется значениями -1200÷696 нТл. Разброс амплитуд в пределах 1900 нТл показывает высокую интенсивность магнитных аномалий. На большей площади исследований интенсивность магнитного поля вида ΔT_a не превышает 70 нТл. Участок наиболее интенсивных магнитных аномалий расположен компактно в юго-восточной части полигона 1 (рис. 2, 4, 6). Эти аномалии представляют собой диполи с неидеальной ориентацией отрицательного полюса на север. Диполи сгруппированы. Западная группа, обведенная на рисунке 6 овалами характеризуется интенсивностью не превышающей 150 нТл. Размеры аномалообразующих источников составляют 1.5-3 м. Восточная группа аномалий характеризуется интенсивностью магнитного поля -1200÷696 нТл. Хорошо выражено взаимное влияние локальных источников этих аномалий. Наблюдается эффект «слияния». С учетом априорной информации о наличии обломков термически обработанного средневекового кирпича и результатов раскопок С.В. Данилова эти аномалии могут отражать влияние магнитных масс средневековых печей для обжига строительной керамики.

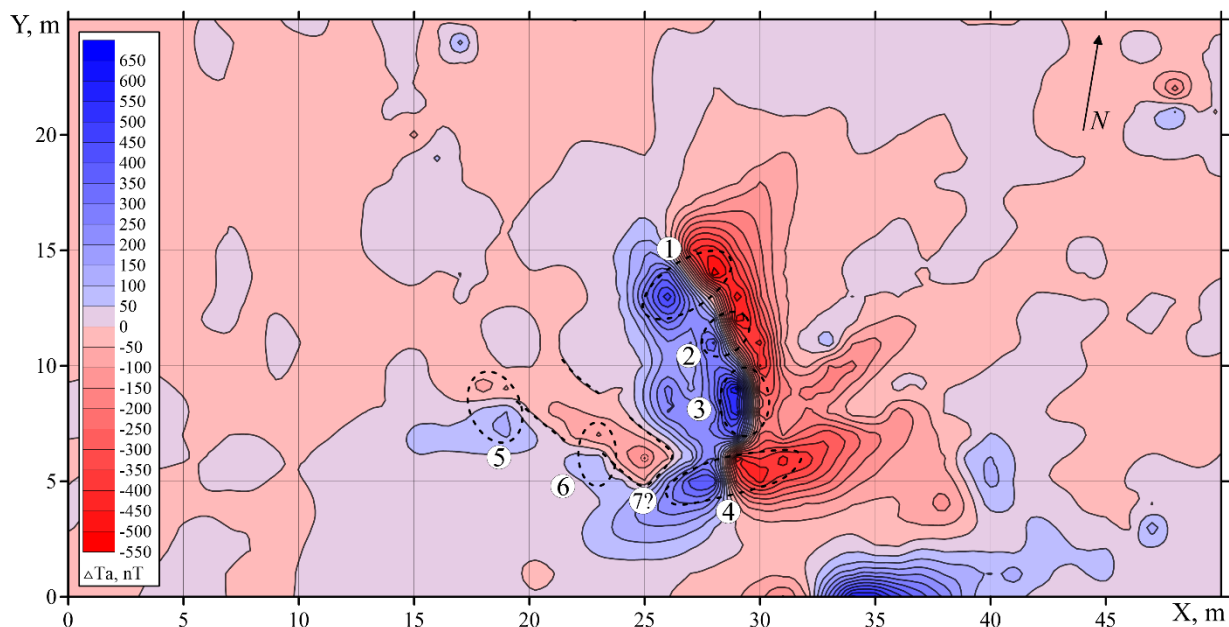

Рис. 6. Карта-схема аномального магнитного поля вида ΔT_a М 1: 100.

Археологический памятник «Сутайская средневековая усадьба».

Цифрами и овалами показаны локальные магнитные аномалии, источниками которых (предположительно) являются печи для обжига строительной керамики

Выводы

Учитывая все объективные и субъективные обстоятельства считаем, что результаты выполненных исследований достаточно успешны, но необходима детализация и изучение физических свойств строительной керамики. Впервые на территории Республики Бурятия обнаружены средневековые для обжига строительной керамики. Впервые на территории Республики Бурятия с использованием георадиолокации в верхней части грунта обнаружены следы бытования на местах установки юрт. Необходима заверка результатов исследований раскопками.

УДК 903.26

А.В. Варенов

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

«Священные алтари» ритуальных бронз Саньсиндуй как «модели мира» древнего царства Шу*

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>*

Саньсиндуй – культура эпохи бронзы, распространенная в последней четверти II тыс. до н.э. в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие крупной бронзовой скульптуры, в том числе деревьев, антропоморфных голов, масок и маскоидов, найденных в 1986 г. в двух жертвенных ямах JK1 и JK2 на территории эпонимного городища, которое китайские археологи считают столицей упоминаемого в летописях древнего царства Шу (Сыма Цянь 1972: 185). Приоритетное внимание китайские и зарубежные исследователи, включая и автора данной статьи, уделяли бронзовым антропоморфным изваяниям и «деревьям духов» – своеобразной «визитной карточке» культуры Саньсиндуй (Варенов, Гирченко 2012; 2013; 2015). Между тем, малые формы культовых бронз оставались как бы «в тени», хотя именно они могли многое дать для реконструкции некоторых сторон духовной жизни древних обитателей Саньсиндуя. Наиболее информативны в этом плане не отдельно взятые фигуры, а их композиции, которые китайские археологи называют «священными алтарями» или «алтарями духов» (Саньсиндуй 1999: 227–235).

«Священный алтарь» [Обр. К2(3):296] из жертвенной ямы JK2 сильно поврежден огнем, но основные принципы его конструкции все равно угадываются. Он состоит из четырех частей: подставки с изображением животного, подставки со стоящими людьми, подставки в форме гор и венчает все шкатулка в виде строения (рис. 1). Самая нижняя часть состоит из полого внутри существа, с большой головой, широко открытым плоским ртом, прямыми ушами, единственным рогом, длинным хвостом и крыльями. На них и опирается круглое основание следующего яруса с четырьмя стоящими фигурами, одетыми в двубортные халаты с короткими рукавами, перевязанные двойным поясом. Головы фигур увенчаны шапками с V-образным вырезом, из середины которого поднимаются плоские антропоморфные личины в причудливых головных уборах. Следующий уровень представлен фигурами в виде четырех гор. На вершины «гор» опирается квадратная шкатулка в форме строения, так называемого «небесного чертога». Вдоль каждой из его стен расположены в ряд по пять коленапоклоненных антропоморфных фигур, по углам крыши – хищные птицы, а на фронтонах – изображения человека-птицы. Сохранившаяся высота – 53,3 см.

Что касается интерпретационных возможностей культовых бронз из Саньсиндуя, то нам уже приходилось писать, что так называемый «священный алтарь» (или «алтарь духов») может являться моделью системы мироздания с трех/пяти- частным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали, где нижний мир представлен в двух слоях хтоническим зооморфным существом, возможно, олицетворяющим первобытный хаос и попирающими его четырьмя духами-хранителями, скорее всего, соотносимыми с четырьмя сторонами света (аналог локапал в индуизме) (Варенов, Гирченко 2009: 249–251). После возобновления раскопок в Саньсиндуне осенью 2020 г. было открыто шесть новых жертвенных ям, получивших индексы JK3–JK8. Полной научной публикации находок из них пока нет, но уже сейчас известно, что в JK3и в JK8 обнаружено по два хтонических зооморфных существа, однотипных со встреченным на нижнем уровне алтаря из ямы JK2 (Варенов 2024: 49–52, рис. 5). Средний мир, мир людей – уровень покоящихся на головах «хранителей» четырех гор, наверняка «мировых». Верхний мир в рассматриваемой модели, так же, как и нижний, двухслоен. Это опирающийся на вершины гор «небесный чертог» с коленапоклоненными антропоморфными фигурами, возможно, изображающими «духов предков» живых саньсиндуйцев (аналог скандинавской Вальхаллы) и витающие над «чертогом» орнитоморфные небесные духи или божества.

О почитании духов предков много говорят синхронные Саньсиндую шанские надписи на гадательных костях из Аньяна. Мы уже высказывали мнение,

что бронзовые маски и головы из жертвенных ям Саньсиндую как раз и могли изображать духов предков саньсиндуйцев, являясь частью интерьера их древних храмов, а именно бронзовыми деталями деревянных антропоморфных скульптур (Варенов, Гирченко 2012: 18–19; 2013: 28–29). Известно, что храмы, как правило, создаются как более или менее точное земное отражение (модель) небесного мира, как его себе представляют их создатели. Значит, справедлива будет и обратная зависимость. Бронзовый «небесный чертог» позволяет реконструировать возможный внешний вид саньсиндуйских храмов: квадратные (или прямоугольные) строения под четырехскатной кровлей, с крупными антропоморфными скульптурами расположенными рядами вдоль стен, лицевой частью наружу. Фигурка человека-птицы, размещенная на фронте «небесного чертога», что помещен в верхней части «священного алтаря» из Саньсиндую, помогла понять, как именно применялись крупные плоские бронзовые маскоиды, целая серия которых найдена в ЖК2. Они дополняли в качестве накладных деталей резные или живописные изображения такого же птичеловека на стенах реального храма, остатки которого захоронены во второй жертвенной яме (Варенов, Гирченко 2013: 24–26, 29–30).

«Священные алтари» из шести новых жертвенных ям, исследуемых начиная с 2020 г., пока научно не изданы. В печати появляются лишь предварительные сообщения, например, об алтаре из жертвенной ямы ЖК8 (Комиссаров, Гирченко, Соловьев 2021: 471–472, рис. 2, 1; Комиссаров, Соловьев, Гирченко 2022: 564–566, рис. 1, 1). Стоит отметить, что «священные алтари» отсутствуют в более ранней жертвенной яме ЖК1. Зато в ЖК1 встречен иной вариант «модели мира» с трехчастным вертикальным делением, представленный импортным (или изготовленным по привозным образцам) бронзовым сосудом *цзунь* с рельефными изображениями драконов и тигров, маркировавших, соответственно, верхний и средний (земной) слои мироздания (Варенов, Гирченко 2014: 27, 29).

Сосуд *цзунь* с изображением драконов и тигров – 1 экз. (рис. 2, 1). Венчик сосуда сильно выгнут, оплавлен, постепенно сужается к узкому горлышку и переходит в довольно широкие плечики. На горлышке три выпуклые линии. Тулово сосуда сужается к основанию. Дно сосуда ровное. Орнамент на плечиках представляет собой трех драконов. Головы драконов рельефные, выпуклые. У драконов круглые глаза с выпуклыми зрачками, хвост закруглен, тело украшено ромбами и волнистым узором (рис. 2, 2). Плечики сосуда орнаментированы спиралевидными узорами в качестве фона. Головы драконов находятся на стыке плечика и тулова, и маркируют вертикальные литейные швы, делящие тулово сосуда на три части. Ниже драконов, на каждой из трех частей тулова

изображен человек, на которого нападает(?) тигр, так что голова человека как бы оказывается внутри рельефно нависающей над ней своеобразным козырьком тигриной пасти (рис. 2, 3). Руки человека согнуты в локтях, кулаки подняты вверх, ноги согнуты в коленях (рис. 2, 4). На поддоне сосуда – три маски *тао-те* (рис. 2, 5).

Отметим, что иконография рельефных тигров и драконов с бронзового сосуда *цзунь* заметно отличается от таковой у саньсиндуйской круглой скульптуры. Причем изображения тигров и драконов на бронзовом сосуде и в круглой скульптуре различаются не только стилистически, но, видимо, и по изначально заложенной в них семантике. Если рассматривать бронзовый сосуд *цзунь* как своеобразную модель мира с трехчастным делением по вертикали, то драконы на его плечиках маркируют верхнюю (небесную) зону, тигры на тулове, нападающие на людей – средний (земной) мир, а маски монстра *тао-те* на поддоне – нижний (подземный). Правда, горизонтальное членение пространства на сосуде *цзунь* оказывается не четырех-, а трехчастным, но данное обстоятельство обусловлено, скорее, особенностями технологии отливки шанских бронзовых сосудов. Зооморфная маркировка разных зон мироздания специфична для шанских представлений, и фиксируется на бронзовых изделиях из Аньяна и из иных пунктов, но совершенно не характерна для Саньсиндуя.

Весьма типично для шанской традиции и «приниженное» положение человека рядом с хищником, который зачастую на него нападает. Эту черту шанского искусства (где вообще изображения человеческого лица очень редки) еще почти 50 лет назад отмечал Чжан Гуанчжи (Chang 1977: 382–383). Из относительно свежих примеров можно привести секиру из могилы Фу-хао с изображением человеческого лица в пасти у двух противостоящих тигров (Иньсюй Фу-хао му 1980: 105–106). Вполне вероятно, конечно, что тигр (как и на сосуде *цзунь*) подразумевается всего один, и перед нами лишь особенности развертки его объемного изображения на плоскости.

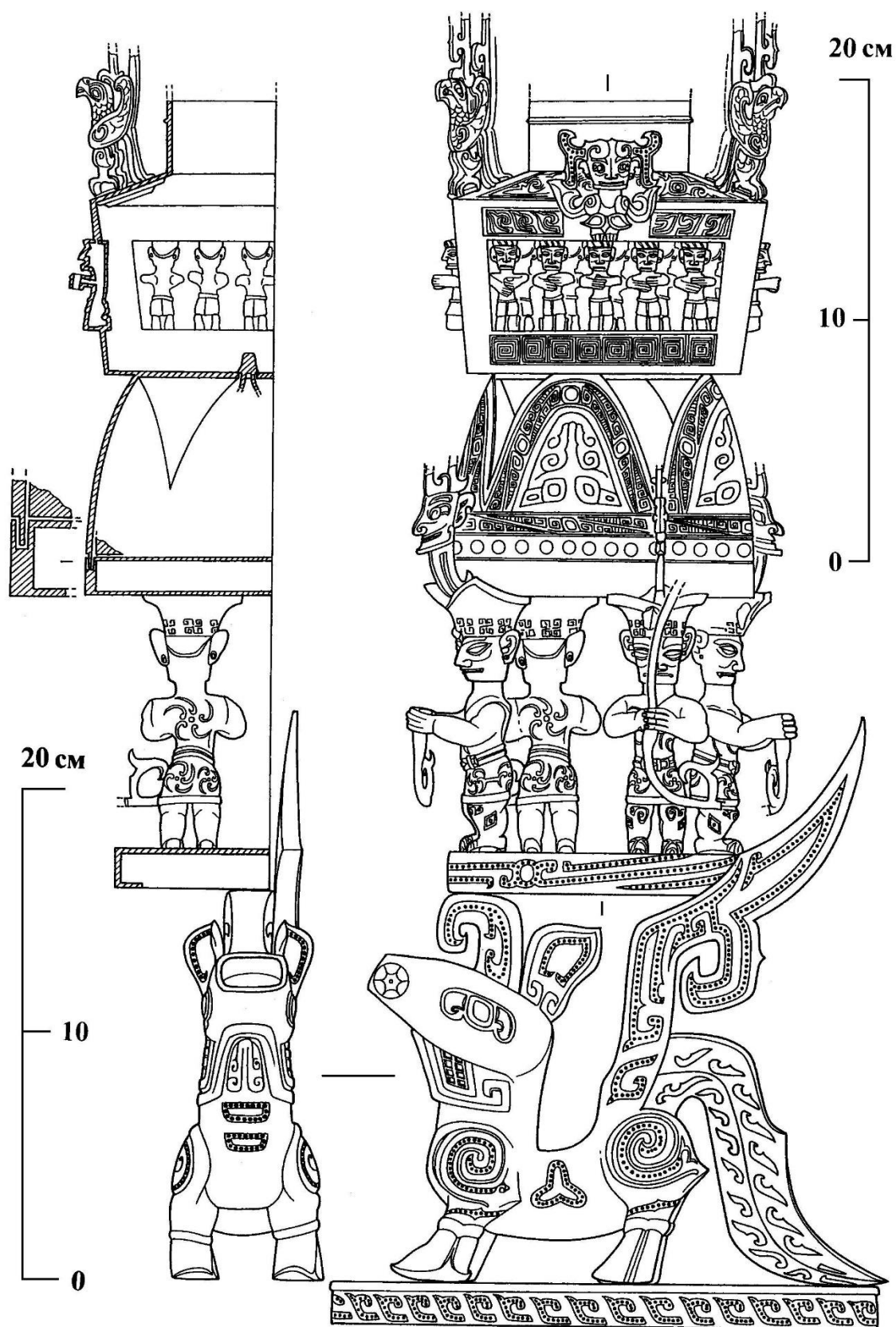

Рис. 1. Бронзовый «священный алтарь» из второй жертвенной ямы Саньсиндуй.
По: (Саньсиндуй цзисыкэн 1999: 233, рис. 129)

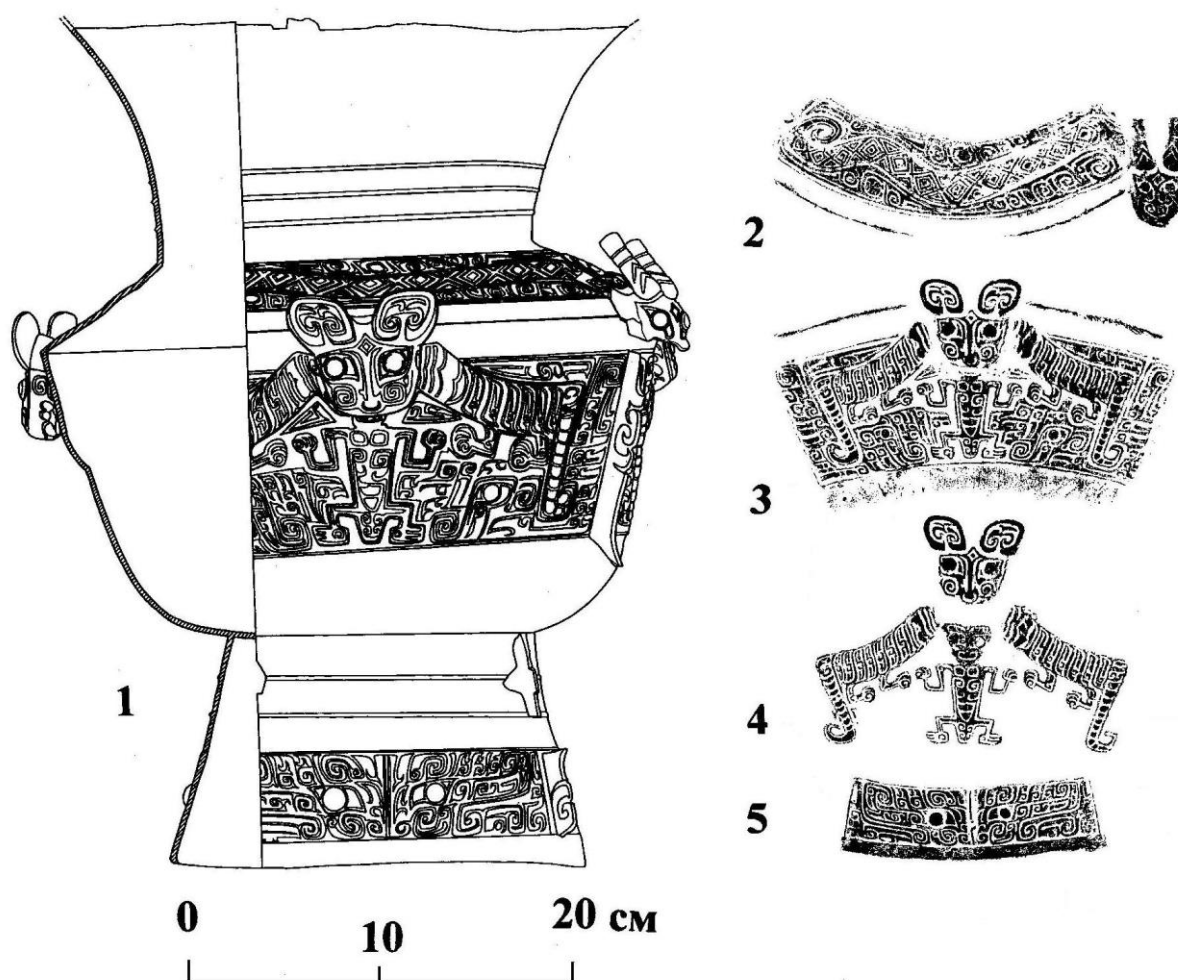

Рис. 2. Бронзовый сосуд из первой жертвенной ямы Саньсиндуй:
 1 – сосуд цзунь с тиграми и драконами, 2 – дракон на плечиках сосуда цзунь;
 3, 4 – тигры на тулове сосуда цзунь; 5 – маска тао-те на поддоне сосуда цзунь.
 2–5 – протирки рельефного орнамента. По: (Саньсиндуй цзисыкэн 1999: 35–36, рис. 23)

Литература

Варенов А.В. Образ «Владыки Преисподней» в ритуальных бронзах Саньсиндуй // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23. – № 10: Востоковедение. – С. 43–57. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-10-43-57

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культовые бронзы Саньсиндуй и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 246–251.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуй и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11; вып. 4: Востоковедение. – С. 10–19.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2013. – Т.12; вып. 4: Востоковедение. – С. 19–30.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2014. – Т.13; вып. 4: Востоковедение. – С. 26–39.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14; вып. 4: Востоковедение. С. 13–23.

Иньсюй Фу-хао му [殷墟婦好墓]. Могила Фу-хао на Иньском городище. – Пекин: Вэньу чубаньшэ. – 1980. – 242 с., XL, CLXXXVIII л. илл. (на кит. яз.).

Комиссаров С.А., Гирченко Е.А., Соловьев А.И. Новейшие данные по культуре Саньсиндуй // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 468–474. DOI 10.17746/2658-6193.2021.27.0468-0474

Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Гирченко Е.А. Жертвенники культуры Саньсиндуй (по материалам раскопок 2021–2022 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 28. – С. 563–569. DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0563-0569

Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуя. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. – 628 с. (на кит. яз.)

Сыма Цянь. Исторические записки. – М.: Наука, 1972. – Т. 1. – 440 с.

Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. – New Haven and London: Yale University Press, 1977. – 540 p.

А.Е. Ватолина¹
И.Ю. Понкратова¹
О.С. Тупахина²

¹Северо-Восточный государственный университет

²ООО «Палеопоиск», Благовещенск

Швейные принадлежности гижигинцев
(по данным археологической коллекции
ОАН «Город Гижигинск»)*

**Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество», проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И
в рамках научной темы «История города Гижигинска (XVII – начало XX вв.)»
(ФГАНУ ЦИТус № гос. регистрации 121070600101-1)*

При раскопках деревянной постройки XIX – начала XX вв. ОАН «Город Гижигинск» найдены артефакты, свидетельствующие о занятиях населения швейным делом. Частично в научный оборот уже введены данные о вспомогательных элементах швейной фурнитуры, представленных отделочной и декоративной категориями. Отделочную функцию выполняли пуговицы и пряжки, декоративную – бусины и бисер. При этом имело место совмещение нескольких функций у пуговиц, которые могли быть застежкой для одежды, украшением, оберегом, знаком принадлежности человека к определенной социальной группе или профессии (Ватолина, Понкратова, Батаршев, 2024).

Швейные принадлежности входят в понятие швейной фурнитуры, включающей различные вспомогательные элементы, используемые при пошиве, ремонте, декоре изделий (Швейная фурнитура...). Настоящим исследованием в научный оборот вводится основная категория швейной фурнитуры, представленная ножницами, катушками от ниток, наперстками, игольником (Археологическая коллекция, 2024; Технический отчет 2020; Тупахина, 2025).

Ножницы (рис.1, 1, 2) изготовлены из железа (коррозированы, клейма отсутствуют) (3 экз.), стандартные (длина от 14,5 до 18 см) с узкими лезвиями и небольшими кольцами для пальцев. Анализ одного из экземпляров (рис. 1, 1) позволяет предположить его принадлежность не только к бытовым, но и, возможно, специализированным инструментам. Об этом свидетельствуют его конструктивные особенности – монолитность, сужающиеся лезвия, нерасширен-

ные кольца. Визуально по пропорциям эти ножницы близки к хирургическим – типичным инструментам для медицинской практики конца XIX – начала XX вв. Не исключаем, что эти ножницы связаны с деятельностью фельдшерского пункта в Гижигинске (Понкратова, Лебедева, Батаршев, 2023).

Игольник светло-серого цвета из кости (?) (4 x 0,7 см) (рис. 1, 3) в виде трубки продолговатой цилиндрической формы со сквозным отверстием. Декорирован спиралевидными прорезными полосами. Предназначался для хранения игл. Подобные игольники были широко распространены, в том числе у народов севера в XIX – начале XX вв., женщины которых считались искусными мастерицами. Игольники могли быть в виде орнаментированной металлической или костяной трубки для хранения игловок, через которую протягивалась полоса кожи или меха. На конце этой полосы укреплялась «пробка» (большая бусина, ракушка и пр.), закрывающая нижний конец игольника (рис. 2, 1, 2) (Филигранные игольницы...).

Катушки (5 экз.) – деревянные, характерной цилиндрической формы с расширениями по краям и сквозным отверстием; использовались для хранения и защиты ниток (рис. 1, 4, 5). Размеры от 3 до 5 см в длину, диаметр – от 3 до 2 см. Изготовлены обтачиванием на станке. На одной из катушек сохранились хлопковые нитки черного цвета. История появления катушек для ниток в России относится к 1890-м гг. После 1918 г. катушки выпускали Катушечно-челночный трест и трест «Костромлес». В 1926 г. была запущена в Ленинграде новая фабрика по производству деревянных катушек для швейных ниток (Техническая энциклопедия, 1929).

Наперстки (3 экз.) – металлические (коррозированы), характерной конусообразной формы, размером от 1,8 до 2 см (рис. 1, 6, 7). Изготовлены методом штамповки, что позволяет отнести их к изделиям фабричного производства второй половины XIX – начала XX вв. (Субботин, 2006) и предположить их привозной характер в Гижигинске. Подобные изделия очень ценились – являлись предметом товарообмена между русскими и коренным населением (Кардаш, 2006). За неимением металла коряки и эвены изготавливали наперстки из кости, в том числе из клыка моржа, рога и костей оленя (Филигранные игольницы...).

Помимо швейных принадлежностей при раскопках в Гижигинске найдены обрезки вторичного кроя, заплаты из ткани и кожи (Антонова, 2023), бусины и бисер, что предполагает кустарное производство и регулярную починку населением одежды и обуви. Наличие катушек с нитями и наперстков свидетельствует о распространенности ручного шитья в повседневной жизни. Меди-

цинские ножницы могут указывать не только на бытовое использование, но и на наличие элементарных санитарно-гигиенических практик, а также базовой медицинской помощи на месте.

Представленные артефакты иллюстрируют многоаспектный характер материальной культуры гижигинцев: от профессионального шитья и импортных товаров до локального производства и обеспеченности медицинскими инструментами. Их находка в одном культурном слое может свидетельствовать о высокой степени интеграции население Гижигинска в хозяйственные и культурные процессы в XIX – начале XX вв.

*Рис. 1. Комплекс основной швейной фурнитуры из археологической коллекции ОКН «Город Гижигинск»:
1–2 – ножницы; 3 – игольник,
4–5 – катушки для ниток, 6, 7 – наперстки*

Рис. 2. Игольники: 1 – игольник В. Притчина из с. Оссора (Камчатская обл.) (по: Витер, Новик, 2004), 2 – игольник Т. Н. Голиковой из с. Оссора (из фондов КГБУ КОКМ, по: Филигранные игольницы...)

Литература

Антонова А. А. Обувь и одежда из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.) // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия». Новосибирск, 26–29 апреля 2023 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – С. 141–143.

Археологическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» (2024 г.) // Фонды МОО «РГО» (СВГУ, временное хранение).

Ватолина А.Е., Понкратова И.Ю., Батаршев С.В. Швейная фурнитура у народов Севера Дальнего Востока России (на примере изучения археологической коллекции ОКН «Город Гижигинск») // Одиннадцатые Гродековские чтения. Межрегиональная научно-практическая конференция (к 130-летию Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова). – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2024. – Т. II. – С.41-45.

Витер И. В., Новик Ю. О. Мода от природы: Традиционная корякская одежда, изготовленная в конце XX в. – Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. Новая книга, 2004 – 221 с.

Кардаш О. В. Адаптация и использование предметов русской культуры аборигенным населением Северо-Западной Сибири в XVII—XVIII вв. (по данным археологических исследований Надымского и Обдорского городков) // Известия Челябинского научного центра, 2006. – Вып. 4 (34). – С. 121–124.

Понкратова И. Ю., Лебедева Л. С., Батаршев С. В. Эпидемии и заболевания на Северо-Востоке России в исторической ретроспективе: Гижигинск в XIX – начале XX веков // Труды ИИАЭ ДВО РАН, 2023. – №2. – С. 106-129.

Субботин Б. Игра в наперстки Альманах Марс. Онлайн журнал, 2006. № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.simvolika.org/Mars/03_2006_28.htm (дата обращения: 10.04.2025).

Техническая энциклопедия / Отв. ред. Л. К. Мартенс. М.: Советская энциклопедия, 1929. – 970 стр.

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ). – Владивосток: НПЦ ИКЭ, 2020. – 303 с.

Тупахина О. С. Археологические раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «город Гижигинск» в Северо-Эвенском районе Магаданской области в 2024 г. – ООО «Палеопоиск», 2025. – 175 с.

Филигранные игольницы и костяные иглы: северное искусство шитья / KAMLIB Камчатская краевая библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YvVNmzJKrUIzeTHS> (дата обращения: 10.04.2025).

Швейная фурнитура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lotostkani.ru/stati/shveyayaya-furnitura/?ysclid=m9bspw4m7859918714> (дата обращения: 3.04.2025).

М.С. Верешкина

*Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Археологические свидетельства использования желудя в пищу на территории Восточной Азии

Дубовые деревья появились на земном шаре еще в эоцене и с тех пор широко распространились практически повсеместно. На данный момент, в мире насчитывают более 600 видов дубов (Jiang и др 2019: 2203).

Дубы являются листопадными или вечнозелеными, в зависимости от вида, и большинство из них растет в относительно влажной среде, на высоте обычно до 4000 м над уровнем моря. В настоящее время они составляют важный компонент растительного покрова на больших территориях Азии, Европы

и Северной Америки, вероятно, широко распространившись в этих областях в плейстоцене и раннем голоцене (Rosenberg 2008: 170).

Плоды дуба – желуди по питательной ценности сопоставимы со злаками, являясь в значительной степени источником углеводов, жиров и волокон. Они могут употребляться в пищу после надлежащей подготовки, в основном нацеленной на уменьшение количества содержащегося в них танина – слабого токсина, придающего им горький вкус. Для достижения этой цели используются разнообразные способы, такие, как замачивание в воде, кипячение, обжаривание или закапывание желудей в землю (Vencl 1996: 96). Исследования показали, что при вымачивании желудей в горячей воде уровень танина в них снижается с 9% до 0,18% (Bainbridge 1989: 5).

После сушки желуди пригодны для длительного хранения. Так, коренные американцы убирали высушенные желуди в хорошо проветриваемое, прохладное и сухое место, что давало возможность хранить их до 10 – 12 лет (Past and Present...). На территории Восточной Азии нередки находки хозяйственных ям, наполненных желудями. В особенно больших количествах они были обнаружены, например, на памятнике Тяньлушань (Tianluoshan) в Китае (7-6 тыс. лет назад), где в нескольких ямах было найдено более 30 тысяч фрагментов желудей (Sun и др. 2007 : 15, 20; Wang и др. 2016: приложение). В Южной Корее в ранних неолитических слоях на памятнике Бибонгри (Bibong-ri) было обнаружено 17 прекрасно сохранившихся хозяйственных ям, наполненных желудями и другими растительными остатками (Kwak 2020: 11). В Японии наибольшее количество ям с желудями обнаружено на памятниках периода Дзёмон, например, на стоянке Собата (62 заполненные желудями ямки), Кумамото (20 ямок), Ивата (33 заполненных разнообразными ореховидными плодами ямки) (Hosoya 2011: 8).

Расположение ям на разных памятниках отличается, они могут как находиться под домами или рядом с ними (памятник Тяньлушань), так и на отдалении от поселений (памятник Хоннгуоташита (Honngouotashita) (Ting и др. 2022: 7).

Желуди были основным продуктом питания для людей во многих регионах мира до недавнего времени и до сих пор употребляются в пищу в некоторых странах. Самые ранние свидетельства использования желудей были обнаружены на стоянке нижнего палеолита Гешер Бенот-Яаков, где на базальтовых орудиях, найденных недалеко от этой стоянки, были определены зерна крахмала возрастом около 780 000 лет, включающие в себя крахмал желудей (Ahituv и др. 2025: 2). При раскопках на позднем верхнем палеолитическом памятнике

Охало II были найдены тысячи фрагментов желудевых оболочек, лежащие рядом с каменными орудиями (Rosenberg 2008: 168).

На территории Восточной Азии самые ранние свидетельства использования желудя в пищу – примерно 80 тыс. лет назад – были обнаружены с помощью анализа крахмала в зубном камне гомининов из пещеры Фуянь в Даосяне (Южный Китай) (Wu и др. 2022: 9).

Археоботанические исследования в северном Китае демонстрируют, что находки желудей и дикорастущих растений являются наиболее частыми для верхнего палеолита, постепенно уменьшаясь в количестве по мере распространения злаков (Wang и др. 2016: 9). В Южном Китае повсеместность находок желудей указывает на то, что они использовались в качестве основных продуктов питания между 9 и 7 тыс. лет назад, также постепенно уступая место рису и просовидным культурам (Wang и др. 2016: 7).

Однако, для некоторых памятников, например стоянки раннего неолита Селаочжуан, с помощью анализа крахмала было установлено приготовление смешанной пищи, содержащей костный порошок, просо, пшеницу и желуди, что демонстрирует использование в пищу желудей даже при наличии развитого сельского хозяйства (Wei и др. 2024: 6).

По мнению исследователей, в Японии периода Дзёмон ореховидные плоды, в число которых входят и желуди, имели наибольшую значимость. С приходом культуры Яёй началось распространение заливного рисосения, однако, из данных археоботаники следует, что желуди и орехи по-прежнему долгое время оставались основными продуктами питания (Hosoya 2011: 8).

Желуди были самой важной растительной пищей для неолитического населения Кореи. Они являются наиболее распространенными и часто встречающимися растениями на различных неолитических стоянках, причем даже на тех, где было обнаружено и просо. Учеными было высказано предположение, что снижение урожайности желудей, а также отступление теплого океанического течения, которое обеспечивало обилие рыбы, могли быть основными факторами, которые способствовали развитию просового земледелия у охотников-собирателей периода Чулмун (Kim 2015: 136).

В Приморье наиболее древние свидетельства использования желудя обнаружены в пещере Чертовы Ворота (6700-6300 л.н.), население которой занималось охотой и собирательством (Вострецов 2017: 57). Кроме того, карбонизированные фрагменты желудей были обнаружены на следующих памятниках: Валентин-перешеек (4900-4300 л.н.), Кроуновка-1 (около 4700 л.н.), Зайсановка-7 (4500 л.н.), Зайсановка-1 (4000 л.н.), Мустанг-1 (4600, 4000 л.н.), Новосе-

лице-4 (около 3840 л.н.) (Сергушева 2008: 186), Ольга-10 (около 3500 л.н.) (Сергушева 2022: 103).

Анализ крахмала на поверхности орудий с поселения Кроуновка-1 также подтвердил использование желудей и иных дикорастущих растений в пищу земледельческим населением памятника. Одновременное существование собирательства и земледелия особенно ярко демонстрирует тот факт, что на одном терочнике был обнаружен как крахмал культурных растений (просо итальянское, пшеницеевые), так и дикорастущих (лилия даурская, желудь) (Пантюхина и др. 2022: 285).

Благодаря распространению метода анализа древнего крахмала при проведении археологических исследований в последние десятилетия появляется все больше данных, позволяющих реконструировать углеводную составляющую диеты древних людей. Если при флотации культурного слоя крупные и мягкие карбонизированные фрагменты желудей имеют мало шансов сохраниться, то анализ крахмала демонстрирует наличие крахмала желудей на поверхности древних орудий на большинстве исследованных памятников (Wang и др. 2016: приложение).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на территории Восточной Азии желудь начали употреблять в пищу около 80 тысяч л.н. и с тех пор он долгое время являлся одной из основных составляющих углеводной части диеты населения, оставаясь важным пищевым ресурсом даже при развитии земледелия.

Литература

Вострецов Ю. Е. О забытом желуде // Манускрипт – 2017 – №8 (82) – С. 57-59.

Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е. Растения в диете первых земледельцев в Приморье: опыт применения метода анализа древнего крахмала // КСИА.2022. Вып. 266. С. 280-296.

Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: Археоботанические исследования // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2008. Вып. 6. С. 180–195.

Сергушева, Е.А. Использование растений населением Приморья в раннем палеометалле (по археоботаническим и археологическим данным) / Е. А. Сергушева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 2(57). – С. 101-112.

Ahituv H., Henry A., Melamed Y., Goren-Inbar N., Bakels C., Shumilovskikh L., Cabanes D., Stone J., Rowe, W. Alpersen-Afil N. Starch-rich plant foods 780,000 y ago: Evidence from Acheulian percussive stone tools. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America – 2025 – № 122 – P. 1-29.

Bainbridge D.A. Acorns as food. International Development Digest. Scotts Valley: Sierra Nature Prints, 2001. 32 p.

Hosoya L. Staple or famine food? Ethnographic and archaeological approaches to nut processing in East Asian prehistory // Archaeol Anthropol Sci. – № 3 – P. 7-17.

Jiang X-L, Hipp AL, Deng M, Su T, Zhou Z-K, Yan M-X. East Asian origins of European holly oaks (*Quercus* section *Ilex* Loudon) via the Tibet-Himalaya // Journal of Biogeography – 2019 – № 46 – P. 2203–2214

Kim J. Sedentism, Settlements, and Radiocarbon Dates of Neolithic Korea // Asian Perspectives – 2015 – P. 113-143.

Kwak S., Obata H., Lee G. Broad-spectrum foodways in southern coastal Korea in the Holocene: Isotopic and archaeobotanical signatures in Neolithic shell middens // The Journal of Island and Coastal Archaeology – 2020 – P. 1-29.

Past and Present Acorn Use in Native California. Anthropology Museum, California State University, Sacramento, <https://www.csus.edu/anth/museum> (дата обращения: 12.12.2024)

Rosenberg D. The possible use of acorns in past economies of the Southern Levant: A staple food or a negligible food source? – 2008 – Levant – № 40 – P. 167–175.

Sun G. P., Huang W. J., Zheng Y. F., Liu Z. Y., Xu Z. Q., Qu K. Y., et al. Brief report of the excavation on a neolithic site at tianluoshan hill in yuyao city, zhejiang // Cultural Relics – 2007 – № 11 – P. 4–24.

Ting A., Mengxia T., Juhui A. Ethnological approach to acorn utilization in prehistory: A case study of acorn mook making in South Korea // Frontiers in Plant Science – 2022 – № 13 – P. 1-11.

Vencl S. Acorns as food: again. – 1996 – Památky Archaeologické – № 87 – P. 95–111.

Wang C, Lu H, Zhang J, He K, Huan X (2016) Macro-Process of Past Plant Subsistence from the Upper Paleolithic to Middle Neolithic in China: A Quantitative Analysis of Multi-Archaeobotanical Data. PLoS ONE 11(2) P. 1-19

Wei X., Sun Y., Li J., Zhang X., Sun Y., Cui T. Bone Powder and Wild Plants: Subsistence Strategies of Early Neolithic Settlers in North China // International Journal of Osteoarchaeology – 2024 – № 35 – P. 1-12.

Ю.Е. Вострецов

*Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Исследование остатков грядковых полей в Приморье

История земледелия населения Восточной Азии большей частью связана с грядковой системой. Это уникальная система земледелия, которая возникла в результате приспособления технологии культивации злаков к специфичным экологическим условиям Восточной Азии.

Для понимания земледельческого образа жизни важно выявить не только список злаков, наличие которых свидетельствует о наличии земледельческой практики. Один и тот же злак может культивироваться с помощью различных систем земледелия как адаптивных стратегий, что влечет за собой формирование различных социально-экономических институтов и демографических параметров общества и, соответственно, различий в образе жизни, которые, так или иначе, отражаются в археологических остатках.

Различия проявляются в ландшафтной приуроченности поселений, в размерах минимальной социальной единицы, необходимой для реализации системы земледелия, в технологических комплексах, размерах поселений, плотности населения, рисунке и системе расселения и в его динамике. Различия могут проявляться в адаптивной реакции на изменения окружающей среды.

В настоящее время появилось несколько остатков древних полей в Приморье, которые свидетельствуют о существовании грядковой системы земледелия начиная со среднего неолита, совпадающего с переходом от атлантического периода голоцена к суббореальному.

Наиболее ранние остатки грядкового поля были обнаружены на памятнике Зайсановка-7, существовавшего в интервале 4800 – 4500 назад. Это поселение образовано мигрантами из районов среднего течения р. Туманной (памятник Синчен) и мигрантами из районов р. Кроуновки которые образовали «посетскую группу памятников в рамках зайсановской культурной традиции» (Вострецов, 2005, Вострецов, 2018). Это были, вероятно, первые земледельцы на побережье зал. Посьета, которые активно эксплуатировали и морские ресурсы.

Остатки другого грядкового поля исследованы на памятнике Кроуновка-1 в отложениях горизонта обитания кроуновской культуры железного века, существовавшего около 2 века до н.э. Появление этого населения связано с одной из волн экспансии развитых земледельцев из районов Восточного Дунбэя на территорию Приморья. В результате этих миграций земледелие стало доминировать в большинстве экономик населения Приморья.

Следы этих полей в совокупности с сопутствующими остатками и результатами естественнонаучных анализов позволили реконструировать некоторые признаки грядковой системы земледелия и сопутствующие социодемографические параметры образа жизни на его основе.

Е.И. Гельман

Р.А. Артёмкин

*Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Рыболовство населения Краскинского городища

Краскинское городище находится на северном берегу бухты Экспедиции залива Посъета Японского моря в приустьевой правобережной части долины р. Цукановки (Яньчихэ) и в 100-400 м от бухты Экспедиции. Название реки восходит к субстратному топониму в китайском переводе и связано с названием центра округа Янь (означает Соляной). Краскинское городище выполняло несколько основных функций. В качестве административно-территориальной единицы в государстве Бохай (698-926 гг.) памятник являлся уездным центром Хэйан и одновременно центром округа Яньчжоу, входившем в область Восточной столицы; а также городом-портом, через который пролегал путь из Бохая в Японию (Ivliev: 2013: 140; Гельман 2018).

Море и река играли важную роль в жизни городища, население систематически добывало многочисленные и характерные для залива Посъета и бухты Экспедиции объекты промысла: моллюсков, водоросли, морских и речных видов рыб, реже морских млекопитающих и птиц (Лещенко и др. 2002; Шарова и др. 2011; Гельман и др. 2019). В данных тезисах представлены результаты изучения рыболовства у жителей Краскинского городища. Источниками исследования послужили орудия лова и костные остатки рыб, обнаруженные в процессе археологических исследований во всех пяти строительных горизонтах.

Кости рыб в кислой влажной почве также сохраняются плохо, тем не менее, к настоящему моменту найдены кости пиленгаса, горбуши, сельди, рыбы-собаки (фугу), тунца и других видов рыб, обитавших в заливе Посьета и бухте Экспедиции.

Орудия лова (55 экз.) представлены преимущественно рыболовными грузилами керамическими (4 типа) и каменными (5 типов). Найдена единственная железная двузубая острога (Лещенко и др. 2002). Рыболовные крючки на памятнике не найдены, хотя они встречаются на других бохайских памятниках Приморья (Болдин 1988; Беседнов, Гельман 2015). Вероятнее всего, они просто не дошли до нас, так как на Краскинском городище железные изделия сохраняются очень плохо.

Наиболее распространенные на Краскинском городище грузила, изготовленные из глины (преимущественно) и камня, небольшие по размеру (3,4-4,6 см) с продольной канавкой. Они не встречаются на других бохайских памятниках Приморья, но найдены, например, на поселении Силиньхэ (провинция Хэйлунцзян) (Ван Пэйсинь и др. 2018: 15). Такие грузила обнаружены во всех строительных горизонтах памятника. Среди каменных грузил встречены два экземпляра внешне сходные с янковскими грузилами с продольной канавкой (7-7,5×5,5-7 см). Они найдены только в 3-ем строительном горизонте, и возможно, использовались бохайцами вторично после янковцев.

Детальное изучение орудий лова наряду с добываемыми промысловыми видами рыб, установление их сезонности, способов и районов вылова, позволяют уже предварительно выяснить и охарактеризовать роль и значимость рыболовства в жизнедеятельности населения Краскинского городища.

Литература

Беседнов Л.Н., Гельман Е.И. Рыболовство у бохайского населения городища Горбатка. В кн.: Лев Николаевич Беседнов – исследователь древнего рыболовства. Владивосток, 2015. С. 229-235.

Болдин В.И. Отчет о раскопках на Константиновском I селище и Новогордеевском городище в Приморском крае в 1988 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12703. 131 л.

Ван Пэйсинь, Чжан Вэй, Ян Цзяньхуа, Лу Чэнгань. Отчет о раскопках памятника Силиньхэ городского уезда Хайлинь провинции Хэйлунцзян // Бэйфан вэнью», 2018, № 1. С. 3—25.

Гельман Е.И. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 60-72.

Гельман Е.И., Омелько В.Е., Лящевская М.С., Баштанник С.В., Бондаренко О.В., Раков В.А., Еловская О.А. Роль растений и животных в системе жизнеобеспечения населения Краскинского городища // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3, 2019. С. 31-38.

Лещенко Н.В., Раков В.А., Болдин В.И. Морское собирательство и рыболовство (по материалам археологических исследований Краскинского городища). Россия и АТР. 2002. № 1. С. 45-49.

Шарова О.А., Гельман Е.И., Раков В.А. Малакофауна бохайского Краскинского городища (по материалам археологических раскопок) // Дальний Восток России в древности и средневековье (проблемы, поиски, решения). Владивосток: ООО «Рея», 2011. С. 194-199.

Ivliev A.L. Nature and function of Kraskino walled town in Primorye region through the historical viewpoint // Kraskinskoe walled town of Primorye – character and functional purpose. Tokyo: Aoyama gakuin university, Institute of History and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, 2013. 135-143 pp. (In English and Japanese).

Ханива-рыбы. Редкий феномен среди ханива*

**Работа выполнена в рамках проекта НИР № FWZG-2025-0002*

*«Общее и особенное в траекториях развития древних культур
Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до средневековья»*

Ханива – общее наименование особого типа керамических изделий, устанавливаемых на курганах периода кофун (III-VII вв. н.э.). На ранних курганах устанавливались цилиндрические ханива, примерно с начала IV в. появляются скульптурные ханива, включающие антропоморфные, зооморфные, а также в виде предметов вооружения, домов, лодок и т.д. На северо-востоке архипелага традиция установки ханива на памятниках периода кофун закрепляется позднее, примерно с конца среднего этапа периода кофун. Здесь также фиксируется появление локальных типов ханива, имеющих свою специфику. Так на территории севера современной преф. Тиба получил распространение тип ханива «симоса», представляющий антропоморфные ханива с характерными чертами: ожерелье на шее, высокие головные уборы, непропорционально короткие руки и «отсутствие» ног (нижняя часть ханива представляла собой цилиндрическое основание) (Нэмото 2007: 1). Особенность этого района связана также с находками некоторых редких типов ханива, включая такие как ханива в форме рыбы.

На сегодняшний день известно о трех подтвержденных памятниках, где были найдены ханива-рыбы. Два из них – погребения (кофуны), расположенные на территории могильников и один памятник представлял собой, вероятно, стоянку либо ритуальное место (святилище).

Ханива-рыба была обнаружена в кургане Сё:фукудзи № 1 группы Минамихадори (г. Нарита, преф. Тиба). Группа кофунов Минамихадори расположена на террасе восточного берега о. Имба. В группе обнаружено 38 кофунов, из них пять – в форме замочной скважины. Курган № 1 Сё:фукудзи – круглый, диаметром 20 м, имел двойной ров с проходом шириной около 2 м через второй вал (Нумадзава 2022: 8). На втором валу в северной части от прохода обнаружены цилиндрические и антропоморфные ханива, ханива в форме птиц, лошадей, а также ханива-рыба и единственная на архипелаге ханива в форме белки-

летия. На основании характеристики типов цилиндрических ханива курган датируется первой половиной VI в. (Нэмото 2007: 1).

Еще одним местом находки ханива-рыбы на погребении является курган № 7 группы Хигасифукаи (г. Нагарэяма, преф. Тиба). Время сооружения курганов в группе Хигасифукаи датируется VI – началом VII вв. Изначально насчитывалось свыше 40 погребений, в настоящее время сохранилось 13. В 7-ом кургане была обнаружена ханива-рыба, в том же кургане обнаружена ханива-птица (Нагарэяма 1969: 9).

Хорошей сохранности ханива форме рыбы обнаружена в 1964 году на памятнике Сирамасу в районе Одзато г. Сибаяма преф. Тиба. На памятнике также найдены две частично сохранившиеся глиняные фигуры рыб без оснований и фрагменты ханива других типов – антропоморфные (фрагменты голов с частично сохранившимися головными уборами), зооморфные (фрагмент головы лошади) и цилиндрические ханива. Кроме этого, два фрагмента керамики хадзика и суэки.

Размеры ханива-рыбы в собранном виде составляют в высоту – 29,3 см, длина самой фигуры рыбы – около 15 см. Обнаружены также два фрагмента рыб и три фрагмента плавников (левый и правый грудные плавники, и хвостовой плавник). Исследователи уточняют, что к имеющимся фрагментам рыб они не подходят, также отличаются по цвету (Ханама, Итигэ 1964: 6). Это свидетельствует о том, что здесь, вероятно, было четыре ханива-рыбы, из которых в наиболее полном виде сохранилась одна. На памятнике также обнаружены фрагменты антропоморфных ханива, в форме лошадей, дома, фрагмент цилиндрической ханива, а также фрагменты керамики типов хадзи и суэ (Ханама, Итигэ 1964: 4).

Памятник Сирамасу был обнаружен случайно местным фермером при подготовке поля для посадки лопуха. Место расположено рядом с одним из притоков реки Курияма, впадающей в Тихий океан в районе песчаного побережья (пляжа) Кудзюкури. Река Курияма известна как самая южная граница миграции лосося на побережье Тихого океана.

Ханама Токуэй в статье о раскопках памятника Сирамасу сообщают также, что он обнаружил две ханива-рыбы в частной коллекции местного коллекционера на юге префектуры Ибараки (Ханама, Итигэ 1964: 9). Однако точное местонахождение ханива из Ибараки неизвестно, и в настоящее время не представляется возможным подтвердить эти находки. По всей вероятности, они до сих пор находятся в частной коллекции и ни в один музей не передавались.

Таким образом, на сегодняшний день подтверждаются находки ханива-рыб на трех памятниках в преф. Тиба. Несомненно, рыба и морепродукты являлись важной частью рациона питания древнего населения архипелага и играли значительную роль в культуре древней Японии. Рыбная ловля длительное время оставалась одним из основ хозяйственной деятельности населения, однако выражение значимости данной деятельности нашло отражение в ханива-рыбах только на северо-восточных окраинах распространения памятников периода кофун. Вполне вероятно, что их появление на данной территории связано с проживанием групп населения, для которых эта деятельность оставалась основной и с появлением и распространением рисоводства на архипелаге. С одной стороны, такие предметы могли быть символом прижизненной деятельности умершего, с другой, они также могли стать и местом временного пребывания души умершего. В целом, находки редких типов ханива дают возможность получить информацию о локальных особенностях развития общества и культурных традиций в период кофун на территории различных районов Японского архипелага.

Литература

Нагарэяма Хигасифукаи кофунгун. [Группа курганов Хигасифукаи в Нагарэяма]. Тиба: Тибакэн кё:икуиинкай, 1969. 189 с.

Нумадзава Томи. Планировка круглых курганов (Эл. ресурс. https://www.echiba.org/wp-content/uploads/2022/12/kenrenshi_056.pdf Дата обращения: 12.03.2025г.)

Нэмото Такэси. Имба-но ханива. Сюцугэн кара сё:мэцу мадэ. [Ханива Имба. От зарождения до исчезновения]. Доклад. Лекции, посвященные 35-летию основания центра (Эл. ресурс: <https://www.inba.or.jp/happyo/happyoindex35.html>. Дата обращения: 05.03.2025 г.)

Ханама Токуэй, Итигэ Исао. Сакэ-но ханива. [Ханива-лосось] // Кодай. 1964. № 44. С. 1-10.

От археологического рисунка к 3D модели: история визуальной фиксации майяской фигуративной пластики

С момента открытия памятников майя и зарождения глубокого интереса к майяской цивилизации начинается активная работа по их фиксации. Зачастую в состав группы этих первых «исследователей» входил художник, основной задачей которого было запечатление майяских монументов, т.к. именно рисунки впоследствии становились источником для формирования представлений научной общественности и простых обывателей об этой экзотической в то время культуре.

Такие рисунки пока были еще далеки от такого понятия как рисунок «археологический». Их качество во многом зависело от таланта художника, его внимательности и добросовестности. В основном они выполнялись карандашом или тушью в черно-белой гамме. Для изображения фигурок была скорее характерна контурная прорисовка. Ярким примером таких изображений служат рисунки фигурок, сделанные в карточках каталогов 1869, 1872 годов частного коллекционера дона Флорентино Химено. Будучи довольно успешным торговцем в порту Кампече, дон Флорентино сумел создать огромную коллекцию древностей, насчитывающих порядка 12 тысяч единиц. (Lynneth S. Lowe, Adam T. Sellen 2010:148) Немалое место среди которой занимали терракотовые статуэтки майя. Несмотря на то, что рисунки не являлись полной копией фигурки, они довольно точно отражали внешний облик экспоната, что позволяет провести его идентификацию случае утраты.

Наряду с черно-белыми прорисовками примерно в этот же период появляются цветные иллюстрации и первые фотографии. Например, такие варианты представлены в записках бывшего британского врача ирландского происхождения Томаса Ганна. Он проводил раскопки на памятнике Санта-Рита (Белиз) и результаты исследований публиковал в «Ежегодном отчете Бюро американской этнологии секретарю Смитсоновского института» за 1897-1898 г. (Gann 1900: 661-691). Характеристика выявленных изделий из керамики помимо указания размеров, иконографических особенностей, цветовой гаммы содержит и богатый иллюстративный материал. При этом одна и также фигурка пред-

ставлена и в виде цветного рисунка, и по всей видимости в виде черно-белой фотографии.

Официальной датой «открытия» фотографии считается 1839 год, когда 7 января на заседании Академии наук в Париже господин Араго (Доминик Франсуа Жан Араго) делает доклад в области прикладной физики по фиксации изображений, образующихся в фокусе темной комнаты. Господин Араго подробно рассказывает о результатах работы господина Дагера (Жак Луи Ман-де Дагер), который открыл особые экраны, на которых оптическое изображение оставляет идеальный отпечаток¹ (М. Arago 1839: 4). Интересными являются некоторые соображения, связанные с перспективой развития использования этого метода. Автор обращает внимание, что «время, необходимое для создания изображения зависит от интенсивности света... и летом в полдень достаточно восьми – десяти минут. В других климатических условиях, например, в *Egypte* (курсив И.Д.) мы могли бы, вероятно, ограничиться двумя или тремя минутами» (М. Arago 1839: 5). Опуская многочисленные споры по первенству создания фотографии можно сказать, что со второй половины XIX она активно используется обеспеченными путешественниками и исследователями. Именно поэтому мы имеем комплекс фотографий майяских памятников, сделанных на рубеже веков.

И если в начале XIX века в сфере фиксации материала присутствовала явная монополия рисунка, то к началу XX века активно применяется и фотография, и рисунок. При этом рисунок представлен в виде простой контурной прорисовки фигурки, черно-белом и цветном варианте изображения. Фотография пока остается черно-белой, ее качество не идеально. Как пример можно привести изображения фигурок, опубликованных известным немецким исследователем майя Эдуардом Селером в вестнике Смитсоновского университета. В издании за 1904 год в статье «Древности Гватемалы» он анализирует результаты раскопок на территории Кобана. В публикации представлены три варианта визуальной фиксации находок. Это контурные прорисовки, черно-белые рисунки и черно-белые фотографии (Seler 1904, 102). В данном случае качество прорисовок несколько выше представленных фотоматериалов.

На протяжении первой половины XX века идет процесс саморазвития этих двух форм визуальной фиксации. В силу того, практика их использования абсолютно равнозначна ни одна из них не вытесняет другую.

¹ Пер с фр. автора

Например, некоторые изменения можно проследить в отчетах по результатам раскопок, проводимых Британским музеем в период с 1926 по 1930 гг. на памятнике Лабаантун в Британском Гондурасе (Белиз). В отчете за 1927 г. представлены как рисунки, так и фотографии находок. При этом применительно к индивидуальным находкам – это рисунки трех видов. В первом случае это просто штрихованный рисунок. Во втором это штрихованный рисунок, имеющий выноску в разрезе. И в том и в другом варианте изображение содержит подпись, в которой помимо названия экспоната присутствует информация о его размере, прописанная в виде дроби $\frac{1}{2}$; $\frac{3}{4}$ и пр. (Joyce M., Cooper C.J. Thompson J.E. 1927: 311). По всей видимости это обозначение указывает на степень сохранности предмета, т.е. в случае наличия $\frac{1}{2}$ можно говорить, что изображена половина изделия, если $\frac{3}{4}$ – что рисунок отображает три четверти от изначального размера находки. Похожие обозначения представлены и на фотографиях, с той лишь разницей что цифровой показатель отличается большим разнообразием. Встречаются варианты $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{5}{6}$, $\frac{7}{8}$. (Joyce M., Cooper C.J. Thompson J.E.: 1927: Plate XVIII, XIX, XX). Для третьего вида рисунка помимо черно-белой штрихованной прорисовки характерно появление размерной шкалы в виде простейшей линейки. (Joyce M., Cooper C.J. Thompson J.E. 1927: 313). Поэтому допустимо говорить о начале формирования именно археологического рисунка и археологической фотографии.

Эта тенденция сохраняется и впоследствии. Абсолютно самостоятельно существуют все описанных выше виды рисунка. Фотография несколько меняется. Постепенно начинает выделяться фотография предметов *in situ*, и предметная фотография в лабораторных условиях. В первом случае археологи кладут информационную таблицу с указанием названия проекта и годов раскопок и нередко используют полевую линейку. Во втором случае фотографии могут содержать просто качественное изображение артефакта, в третьем – помимо изображения рядом с находкой кладется какой-либо предмет, имеющий хорошо известные размеры (монета), чтобы дать представление о величине фигурки. Такая практика совместного использования довольно неплохо представлена в публикациях. В своей монографии, посвященной результатам раскопок на о. Хайна, известным многочисленными терракотовыми фигурками, выявленными в погребениях, Роман Пинья Чан представляет и контурный рисунок фигурок с элементами точечной и линейной штриховки, и археологическую фотографию *in situ* (Piña 1968: Lámin 11-14, fig. 26-27). Довольно неплохо проде-

монстрирована предметная фотография терракотовых статуэток в Анналах за 1951 г. где опубликована статья Альберта Руса Луиллье о раскопках в Паленке 1948-1951 г. Фотографии не очень четкие, но при этом некоторые сделаны не только в фас, но и чуть сбоку. Иногда рядом с фигуркой помещена форма, из которой она изготовлена (Lhuillier 1952: Lám. XXV). И несмотря на то, что цветная фотография уже давно известна, в археологии приоритет отдается именно черно-белому варианту.

К концу XX века окончательно формируются и определенным образом регламентируются как археологический рисунок, так и фотография.

В целом когда речь идет об археологическом иллюстрировании, ряд исследователей определяет целый комплекс способов и результатов визуального отображения археологических объектов. В 1989 году Лэсли и Рой Адкинсы дали подробную характеристику инструментам и техникам археологического «рисования». Подробно остановились на фиксации находок в полевых и лабораторных условиях, поэтапно описали методику рисования различных типов объектов (Adkins L; Adkins R.A. 1989). При работе с предметами из глины, авторы обращают внимание на необходимость «проиллюстрировано столько видов и сечений, сколько необходимо для четкого понимания формы предмета. Точечный рисунок может быть эффективным средством заштриховывания этих объектов, но в некоторых случаях, когда объект имеет простую правильную форму, достаточно заштрихованного контурного рисунка (Adkins L; Adkins R.A. 1989:175).

Фотографии отличает высокое качество, цветное изображение. Для предметной археологической фотографии обязательным становится наличие метрической шкалы (масштабированной линейки). Вместе с тем обычная фотография фигурок также используется в полной мере, при том что в научной среде в пояснении к фотографии содержится обязательное указание на размер представленного объекта. И если первый тип фотоматериалов характерен скорее для археологических отчетов, то второй чаще встречается на сайтах музеев в открытых оцифрованных фондах коллекций. Обычным становится и фотографирование экспонатов с различных ракурсов и по кругу.

Такой вариант фотографии сделал возможным использования их для создания 3D моделей фигурок. Несмотря на то, что практика 3D графики известна с 70-х годов XX века широко она стала применяться относительно недавно. Причем с одной стороны создаются модели фигурок, с другой стороны ведется работа по адаптации функций 3D моделирования для прорисовки экспонатов (Wilczek, Monna, Jebrane, Chazal, Navarro, Couette, Smith. 2018 :1-15)

На сегодняшний день все описанные выше способы визуальной фиксации терракотового материала применяются на практике. В равной степени пред-

ставлены различные типы археологического рисунка и фотографии. При наличии технических и финансовых возможностей создаются 3D модели терракот. Ведется работа по возможной автоматизации в создании прорисовок.

Таким образом можно проследить основные этапы в становлении и развитии визуальной фиксации терракотовых статуэток майя I тыс.н.э. которые в целом соотносятся с общими тенденциями в развитии этого направления в археологической науке.

Литература

Adkins L., Adkins R.A. Archaeological illustration. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 1989. 259 p.

Gann T.W.F. Mounds in Northern Honduras // Nineteenth Annual report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution by Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. v.19, pt.2 (1897-1898). – Washington: – Government Printing office, 1900. – P. 661–691.

Joyce M., Cooper C.J. Thompson J.E. Report on the British Museum Expedition to British Honduras 1927 // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland Royal. – London: Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol.57, 1927. – P. 295–324.

Lhuillier, A.R. 1952: Exploraciones arqueológicas en Palenque: 1951 // Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia 1951: Sexta época (1939-1966). – Mexico: Instituto Nacional de Antropología e Historia, secretaria de educacion publica. Tomo V, 1952. P. 47–66.

Lynneth S. Lowe, Adam T. Sellen. Una pasión por la antigüedad: la colección arqueológica de don Florentino Gimeno en Campeche durante el siglo XIX. // Estudios de Cultura Maya. – 2010. – Vol. 36. – P. 147–172.

Arago M. Fixation des images que se forment au foyer d'une chambre obscure. // Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences, publiés conformément a une décision de l'Académie. Par MM. Les secrétaires perpétuels. Tome huitième. Janvier – juin 1839. Paris: Bachelier, Imprimeur – Libraire Quai des augustins, 55. – 1839. – P. 4–7.

Piña R.Ch. Jaina. La casa en el agua. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia. 1968. 137 p.

Seler E. Antiquities of Guatemala. Mexican and Central American antiquities, calendar systems, and history // Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology: Bulletin 28. Translated from the German under the supervision by, Charles P. Bowditch. – Washington: Government Printing office, 1904. – P. 75–123.

Wilczek, J., Monna F., Jebrane A., Chazal C., Navarro N., Couette S. Smith C. Computer-Assisted Orientation and Drawing of Archaeological Pottery // ACM Journal on Computing and Cultural Heritage. New York: Assoc Computing Machinery, 2018. – vol. 11 – № 4. – P. 1-15.

В.М. Дьяконов^{1, 2}

¹ Якутск, Арктический научно-исследовательский центр РС(Я)

² Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Новые свидетельства существования трансберингийских культурных связей в финале плейстоцена (на примере острий чиндадн)*

**Исследование выполнено в рамках выполнения проектов НИР АНИЦ РС(Я) «Историко-культурные процессы и материальная культура населения Якутии и сопредельных территорий от каменного века до Нового времени» и ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0010 «Каменный век Северной Азии: культурный и экологический контекст».*

Проблема заселения Америки является одной из фундаментальных тем антропологии, генетики, археологии и других наук, которой было посвящено множество работ (см. об этих дискуссиях: Гнесь, 2014; Васильев и др., 2015). Основными вопросами, оставшимися дискуссионными по сей день, являются подтверждение или опровержение доколумбового проникновения европейцев или жителей Полинезии в Америку, определение количества миграционных волн из Азии на Американский континент, выявление нижней хронологической границы первой волны миграций, поиск древних генетических образцов для подтверждения связей палеоиндейских культур с населением других континентов и островов, нахождение прямых параллелей в археологических комплексах Нового и Старого Света, а также другие не менее важные предметы обсуждения. В этой связи изучение археологических культур Западной Берингии, к которой относятся регионы Крайнего Северо-Востока Азии, включая морские архипелаги, открывает новые перспективы в решении этих проблем.

Открытие в Якутии в 1960-е гг. дюктайской верхнепалеолитической культуры (Мочанов, 1969; 1977) выявило как ее некоторые параллели с палеолитическими памятниками Северной Америки, в частности с комплексом дена-ли, так и различия с другими палеолитическими комплексами (Васильев, 2004: 112; Васильев и др., 2019: 102–103). Еще одним мостом между культурами западной и восточной частей Берингии могут служить каплевидные острия

(бифасы) типа чиндадн, которые характерны верхнепалеолитическому комплексу ненана на Аляске, но были найдены также и в Якутии на местонахождениях Берелёх и Озеро Никита в северной части Яно-Индигирской низменности (Питулько, 2011: 98; 2019: 125). Среди находок из Берелёха Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева приводят бифасиальное острие, функциональное назначение которого они определяют как наконечник стрелы или дротика (Мочанов, Федосеева, 2013: 72–73, 98, табл. 10, 2). Данный наконечник отнесен В.В. Питулько к остриям типа чиндадн, как и еще три подобных бифасиальных изделия с этого местонахождения, у которых острия сформированы двумя сходящимися двусторонне ретушированными краями (Pitulko et al., 2017: 144, fig. 15, e, h, k, m). Базальная часть у одного наконечника из сборов В.В. Питулько округленная (Питулько, 2011: 96, табл. 5, 7), что соответствует каплевидной форме неполных бифасов на отщепах чиндадн, два других обломаны снизу и имели, возможно, как и наконечник из сборов Ю.А. Мочанова, приостренную базальную часть, образованную сходящимися двусторонне ретушированными краями, но более короткую, чем острие. В.В. Питулько предполагал, что орудия данного типа остриев на отщепах функционально могли использоваться как ножи или резчики (Питулько, 2011: 96, 98, табл. 5, 3, 9). Подобные орудия асимметрично-ромбовидной формы были найдены на местонахождении Озеро Никита в Усть-Янском районе Якутии, в верховьях реки Максунуоха (Питулько, Павлова, 2014: 29, рис. 8, 2, 5; Питулько, 2019: 126, рис. 12, А, 2). Вместе с ними были найдены и типичные каплевидные формы остриев чиндадн (Питулько, Павлова, 2014: 29, рис. 8, 3, 6, 7). Согласно результатам радиоуглеродного датирования фаунистических остатков, связанных с человеческой деятельностью, эпизод пребывания древнего человека в районе местонахождения Озеро Никита относится к интервалу 12050–11840 л.н. (Питулько, Павлова, 2014: 28–31).

Каменные острия чиндадн имеют аналоги в комплексах ненана Северо-Западной Америки (стоянки Уолкер Роуд, Чагуотер, Хили Лэйк, Муз Крик и др.), что позволяет напрямую коррелировать культуры верхнего палеолита Азии и Америки (Goebel, 1992; Васильев, 2004). Как было точно отмечено В.В. Питулько (2019: 129), – «На настоящий момент это единственное археологически зримое доказательство существования трансберингийских культурных связей в конце плейстоцена». Острия чиндадн действительно являются ярким показателем существования прямых культурных связей между Восточной и Западной Берингией в конце неоплейстоцена. Вместе с тем, в Западной Берингии это пока что довольно немногочисленный материал, ограниченный всего лишь несколькими локациями.

Пять остриев с Озера Никита и четыре из Берелёха можно дополнить еще некоторыми артефактами из того же ряда. Одна из интересующих нас находок хранится в фондах Музея арктической археологии им. С.А. Федосеевой Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия) в г. Якутске в составе археологической коллекции, полученной в 1995 г. Приленской археологической экспедицией Института гуманитарных исследований АН РС(Я) под руководством Ю.А. Мочанова на острове Четырехстолбовом архипелага Медвежьи острова в Восточно-Сибирской Арктике, административно относящемся к Нижнеколымскому району (рис. 1, 1). Она представляет собой двусторонне ретушированное острие из зеленого окремненного алевролита (?), вся поверхность которого покрыта уплощающей ретушью, края местами – подправляющей мелкочешуйчатой ретушью. Форма изделия четырехугольная, у которой две сходящиеся стороны длиннее двух других в соотношении 2,5:1,4. Жало наконечника и один боковой угол слегка отломлены. Поперечное сечение уплощенно-линзовидное. Длина обломка 3,6 см, ширина 2,7 см, толщина 0,5 см. Длина реконструированного острия составляла 3,9 см, ширина 2,9 см. находка имеет шифр «о.Чет.-95. 1624». Судя по оставшимся записям экспедиции, это была первая их находка на острове, а артефакт был найден под одним из кекуров – гранитных столбообразных останцов, хорошо видных со стороны моря, по количеству которых Ф.П. Врангель дал название острову (Врангель, 1948: 192). В 2021 г. автором было осмотрены все четыре кекура на острове (один из них обрушен), расположенных на обширном курумнике в восточной части острова Четырехстолбового, но археологического материала рядом с ними найдено не было. Предполагается, что наконечник был оставлен в качестве подношения духам местности, возможно, когда острова архипелага еще были соединены с материком, на что наталкивает архаичная морфология каменного орудия, имеющая явные аналогии среди подобных описанных выше наконечников из местонахождений Берелёх и Озеро Никита.

Кроме того, из сборов 2022 г. добытчиков мамонтового бивня с. Юкагир Усть-Янского улуса (района) Республики Саха (Якутия) на р. Максунуоха известно несколько характерных каменных изделий, фотографиями которых они поделились с руководителем Отдела изучения мамонтовой фауны АН РС(Я), д.б.н. А.В. Протопоповым². Судя по двум фотографиям, с которых имелась возможность сделать прорисовку, орудие было выполнено из зеленовато-серого

² Приношу свою благодарность д.б.н. А.В. Протопопову за предоставленные фотографии и информацию о находках.

окремненного алевролита (?) (рис. 1, 2). Форма его каплевидная, типа чиндадн, боковые стороны симметрично сужаются к острию, а основание округленное. Вся поверхность одной стороны покрыта уплощающей ретушью. Поперечное сечение уплощенно-линзовидное. Длина изделия 5,7 см, ширина 3,8 см, толщина 0,6 см. На другой фотографии снято два бифасиальных наконечника, сделанных на отщепах из черного кремнистого материала, один из которых черешковый, второй – каплевидный, типа чиндадн, полностью обработанный уплощающей ретушью (рис. 2). Длина его примерно 5 см, ширина около 2,5 см. По своей морфологии это изделие явно коррелирует с остриями каплевидной формы из Берелёха и Озера Никита, а также с другими подобными изделиями Американской (Восточной) Берингии. При этом, нахождение в одном комплексе с острием чиндадн и черешкового наконечника, аналогичного раннеушковским наконечникам из слоя VII, свидетельствует в пользу существования в арктической зоне Якутии безмикропластинчатой традиции, наряду с берингийской микропластинчатой (Васильев и др., 2013).

Острия чиндадн обладают характерной выразительной морфологией и являются узнаваемым признаком единой трансберингийской культурной традиции финального неоплейстоцена, объединявшей население Азии и Северной Америки во время существования сухопутного моста между материками. Локализация немногочисленных пока для Восточной Берингии находок этих артефактов в арктической зоне Крайнего Северо-Востока Азии показывает путь, по которому могли проходить миграции населения между континентами и происходить обмен технологиями обработки камня в позднем палеолите.

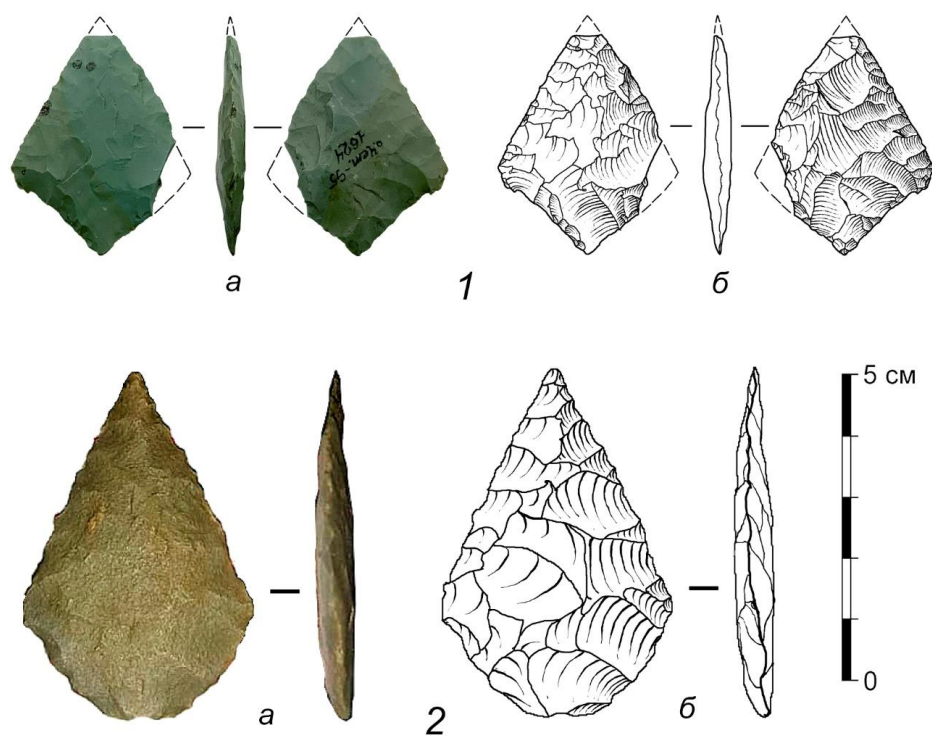

Рис. 1. Каменные острия чиндадн из арктической зоны Якутии:
 1 – асимметрично-ромбовидное острие с острова Четырёхстолбового.
 а – фотография, б – прорисовка;
 2 – острие каплевидной формы с р. Максунуоха.
 а – фотография, б – прорисовка

Рис. 2. Фотография наконечников с Максунуохи,
 предоставленная А.В. Протопоповым

Литература

Васильев С.А. Древнейшие культуры Северной Америки. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 144 с. – (Archaeologica Petropolitana, XVI).

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Дыбо А.В., Козинцев А.Г., Табарев А.В., Слободин С.Б. Заселение человеком Нового Света: предварительные итоги комплексного исследования // Этнографическое обозрение. – 2013. – №3. – С. 3–20.

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табарев А.В. Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 680 с. – (Archaeologica Varia).

Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю: 1820–1824 / Под общ. ред. контр-адмирала Е. Шведе; [вступ. ст.: Б.Г. Островский, Ю.В. Давыдов]. – М.: Изд-во Главсевморпути, 1948. – 456 с.

Гнесь А.А. Первые американцы: диалоги Старого и Нового Света. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 124 с.

Мочанов Ю.А. Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса // Советская археология. – 1969. – №4. – С. 235–239.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 263 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2-х томах. – Якутск: ЦААПЧ АН РС(Я), 2013. – Т. 2. – 489 с.

Питулько В.В. Археологическая составляющая Берелёхского комплекса // Записки Института истории материальной культуры. – 2011. – № 6. – С. 85–103.

Питулько В.В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. – С. 103–136.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Местонахождения Урез-22 и Озеро Никита: новые свидетельства расселения человека в Сибирской Арктике в финальном плейстоцене // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2014. – № 10. – С. 7–34.

Goebel T. The Chindadn point: A new type fossil for the Paleolithic of Beringia // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Аме-

рике: Крат. содерж. докл. междунар. симпозиума. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1992. – С. 277–279.

Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS 3 and 2 // *Quaternary Science Reviews*. – 2017. – Vol. 165. – P. 127–148.

Г.А. Елошкин^{1,2}

¹ Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

² Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Археологическое и этнографическое наследие в научном и политическом диалоге в Чили (XIX – начало XX вв.)*

** Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии».*

В настоящей работе эскизно дается история археологических и этнографических исследований в Чили с момента обретения страной независимости и до начала XX в. Данный период связан со специфическим этапом: происходило формирование нового государства, поиск его населением общей идентичности (исторической, культурной, политической), сложение гуманитарных дисциплин. В совокупности это создавало ситуацию активного диалога в рамках научного и политического дискурсов.

Чили стало независимо от Испании в 1818 г., после чего последовал этап политической, экономической и социальной нестабильности. В этом контексте начиналось научное описание региона, природные богатства которого должны были стать достоянием молодого государства.

Прибывший в Чили в 1828 г. французский ученый Клод Ге (*Claude Gay*, 1800–1873), вскоре был нанят правительством для геологических, ботанических и географических исследований (Appletons... 1888: 618). В 1830 г. им был основан Национальный музей естественной истории (НМЕИ), где собирались археологические и этнографические коллекции как часть корпуса естественнонаучных материалов. К. Ге стал первым, кто в своих работах затронул вопросы доиспанской истории и этнографии региона; крупнейшая публикация была издана в Париже в 1854 г. под названием «Атлас физической и политической истории Чили» («*Atlas de la historia física y política de Chile*»). В ней помещены две гравюры с иллюстрациями археологических артефактов, большее внимание уделено изучению коренного населения (Bolleart 1860: 176). Примечательно,

что трансляция этих данных осуществлялась во Франции, где имела заинтересованная аудитория.

С установлением внутренней стабильности в 1830-х гг., в Чили начинается промышленное развитие, обеспечиваемое европейскими капиталом и специалистами. Следствием ресурсного освоения и научного описания региона становится обнаружение предметов доколумбового прошлого и столкновение с индигенным населением при «внутренней колонизации».

Помимо К. Ге значительное влияние на естественнонаучное изучение территории Чили оказал британский путешественник, химик и этнограф Уильям Болларт (*William Bollaert*, 1807–1876). Прибыв в Перу в 1825 г., он вскоре начал исследование провинции Тарапака, которая в ходе Второй тихоокеанской войны (1879–1883) была аннексирована Чили (Bollaert 1860: 154–155). В первую очередь необходимы были данные о месторождениях нитратов, селитры, угля, меди, но параллельно делались этнографические наблюдения за народами чанго (*chango*) и атакаменьо (*atacameño*), производились раскопки погребений в Арике, фиксировались геоглифы и петроглифы (*Pintados de los Indios*), изначально интерпретированные как развлечения индейцев (Bollaert 1854: 155–163; Bollaert 1860: 158–160, 172–174). Коллекции (геологические, археологические, этнографические) У. Болларт отправил в Британский Музей (Bollaert 1860: 157).

В 1825 г., во время пересечения Магелланова пролива, из-за шторма корабль У. Болларта совершил остановку, которая позволила собрать наблюдения и коллекции этнографических предметов индейцев Огненной Земли. Повторно на южной оконечности континента исследователь работал весной 1830 г. при возвращении в Британию (Ibid.: 188–189).

Характерно, что результаты изысканий XIX в. были ориентированы на Европу, сами исследователи в первую очередь представляли интересы стран Старого Света, что соответствовало империалистской политике держав. Другой чертой является опора на письменные источники и данные лингвистики (Bollaert 1860: 166–167; Medina 1882). Это отражает влияние европейской исторической традиции. У. Болларт, оценивая свои материалы, писал: «*Что касается древностей Чили, то я не могу сказать много; но по этнологии есть, что сообщить, особенно в отношении арауканов*» (1860: 174).

Первым собственно чилийским историком, осветившим доиспанское прошлое и культуры коренного населения, был Хосе Торибио Медина (*José Toribio Medina*, 1852–1830) – в 1882 г. он опубликовал работу «Аборигены Чили» (*Los aborígenes de Chile*). На первых страницах он определил проблемы

и ограничения, что для изучения происхождения народа существует два источника – письменные работы и устные традиции коренных обществ (Medina 1882: 11). Следствие очевидно – для Чили почти невозможно восстановить историю до середины XV в., в связи с чем во второй главе он подробно рассматривает работы хронистов, а также историков и естествоиспытателей. Вся его книга состоит из цитат, представляя собой обстоятельную компиляцию.

Для Южной Америки Х.Т. Медина применил европейскую систему периодизации, сгруппировав материал по главам «Каменный» и «Бронзовый» века. Также касался этнографии. В конце книги приводится атлас из 232 иллюстраций археологических находок (Medina 1882). Вклад специалиста современные чилийские исследователи считают отправной точкой отечественной археологии (Urbina 2020: 6–7).

До последней четверти XIX в. чилийское правительство оказывало косвенное влияние на археологию, для государства приоритетны были экономические и промышленные задачи. Так в 1850 г. к северу от г. Вальпараисо был уничтожен погребальный памятник, а найденные раковины моллюсков использованы для получения извести (Bollaert 1860: 179). Что до коренных народов, то предлагалась политика экспансии на их территории (Ibid.: 226). Этот этап можно охарактеризовать как время, когда государство не замечало доколумбового прошлого. Поток артефактов за границу и интенсивные раскопки, производимые частными лицами, не ограничивались законодательством – для работ требовалось только согласие владельца земли (González Pizarro 2017: 80).

В последней четверти столетия под влиянием изменившихся условий в Сантьяго в 1878 г. было создано малоизвестное Археологическое общество (*Sociedad Arqueológica de Santiago*). Через два года его члены опубликовали единственный номер журнала, но деятельность учреждения быстро прервалась (Urbina 2020: 7). Не менее примечательно, что первая работа по археологии Чили была написана Х.Т. Мединой, который являлся также дипломатом и заметным участником внешней политики страны. Доиспанское прошлое становилось объектом внимания властей, частью политического дискурса.

Активные преобразования в научной среде Чили происходили в начале XX в., когда в 1911 г. в страну прибыл немецкий археолог Макс Уле (*Max Uhle*, 1856–1944), работавший до этого в Перу. В настоящее время его вклад в развитие чилийской науки еще слабо изучен и требует дальнейшего анализа.

В Чили М. Уле был привлечен к раскопкам, чтению лекций и к организации археологического музея в Сантьяго (Rowe 1954: 14). К этому времени он имел опыт в создании научных учреждений и руководства ими (Ibid.: 11–12).

Чилийские интеллектуалы уже активно работали в направлении развития науки – историк и политик, сын бывшего президента Республики, Луис Монтт Монтт (*Luis Montt Montt*, 1848–1909), сам являвший директором Национальной библиотеки, в начале века предложил создать Национальный исторический музей. Его инициатива была реализована в 1911 г. Заслуга М. Уле состоит в создании сначала Отдела доисторической эпохи при НМЕИ, а затем на его основе – Музея этнологии и антропологии (González Pizarro 2017: 80; Rowe 1954: 11).

Незадолго до переезда М. Уле в Чили усилиями нескольких историков, юристов и религиозных деятелей было создано Общество истории и географии (*Sociedad Chilena de Historia y Geografía*). Президентом его антропологической секции в 1912 г. стал М. Уле (Rowe 1954: 14).

Археологические исследования М. Уле в Чили были не такими активными, как в Перу и они слабо освещены в публикациях. Он сосредоточился на севере страны, работая в пустыне Атакама с 1912 г. Также в 1914 г. произвел изыскания в Конститусьон в центральном Чили, где выявил орудия из камня, которые типологически можно было назвать «палеолитическими», этим заявлением вызвал интерес к ранним этапам заселения региона (Ibid.: 14–15).

В целом, наиболее детально изучался именно север страны, а активными участниками исследований оставались любители. Недалеко от г. Тальталь в 1914 г. археолог-самоучка Аугусто Капдевилль (*Augusto Capdeville*, 1864–1932) обнаружил раковинную кучу, материалы раскопок которой позволили удревнить время заселение континента на тысячи лет. До начала XX в. археологи (М. Уле и У.Г. Холмс в их числе) не признавали наличие в Новом Свете «палеолита» в европейском понимании этой эпохи. По мнению М. Уле, можно было говорить о неолитическом состоянии развития наиболее ранних культур континента (Latcham 1939: 4; Riesco, San Francisco 2018: 1–2; Uhle 1922: 302–306). Новые работы поставили этот тезис под сомнение, а небольшой городок на севере Республики привлек внимание исследователей – по поручению правительства в 1916 г. М. Уле начал работу в Тальтале (Rowe 1954: 15). К этому времени он уже был не уверен в поддержке со стороны властей, поэтому в 1919 г. покинул страну, перебравшись в Эквадор.

Импульс к институционализации археологии, который был дан Максом Уле, реализовался в 1925 г., когда был создан Национальный совет по памятникам, хотя контроля за раскопками установлено не было (González Pizarro 2017: 81). В 1936 г. англо-чилийским исследователем Рикардо Эдуардо Латчемом (*Ricardo Eduardo Latcham*, 1869–1943) было организовано преподавание археологии, однако отдельный курс возник в Чилийском университете только в 1963 году (Urbina 2020: 1).

В отличие от Перу, Аргентины, Бразилии и других экономически развитых стран континента в Чили развитие археологии происходило медленно. Появление специалистов, преподавания, учреждений и законодательства отставало на десятилетия. В то же время археология в Чили формировалась в состоянии постоянного диалога между властью и наукой. Начиная с государственных заказов на естественнонаучные изыскания и случайных находок, археология и этнография вошли в сферу интересов ученых. Только в конце XIX в. власти стали заинтересованы в этнографической и доколумбовой культуре как части государственного прошлого. Наряду с историей и географией археология и этнография были вовлечены в формирование национальной идентичности (Urbina 2020: 10).

Литература

Appletons' Cyclopædia of American Biography // J.G. Wilson, J. Fiske (eds.). New York: D. Appleton and Company, 1888. P. 618.

Bolleart W. Antiquarian, Ethnological, and other Researches, in New Granada, Equador, Peru, and Chile. London: Trübner and Co., 1860. 279

González Pizarro J.A. Rricardo E. Latcham, un científico social. Desde las observaciones etnográficas de la sociedad hasta la arqueología de las culturas originarias chilenas // Alpha. 2014. N. 38. P. 67–88.

González Pizarro J.A. Atacama Culture Accumulation Cycle: The Tradition of Excavating and Exhibiting in the 19th and 20th Centuries // Journal of Historical, Archaeology & Anthropological Sciences. 2017. V. 2. Is. 3. P. 79–85.

Latcham R.E. La edad de piedra en Taltal // Boletín del Museo Nacional de historia natural Chile. 1939. N. 17. P. 3–32.

Medina J.T. Los aborígenes de Chile. Santiago: Imprenta Gutenberg, 1882. 427; lam.

Riesco B.B., San Francisco A.A. Capdeville, Augusto // Encyclopedia of Global Archaeology. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 1–3.

Rowe J.H. Max Uhle, 1856–1944. A Memoir of the Father of Peruvian Archaeology. University of California Press. Berkeley and Los Angeles: University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. 1954. V. 46. N. 1. P. 1–134.

Uhle M. El El problema paleolitico americano // Boletín de la Academia Nacional de Historia. 1922. V. 5. N. 12–14. P. 302–316.

Urbina S.A. Apuntes sobre historia de la arqueología en Chile, 1880-2020 // Boletín de la Sociedad Chilena de Arqueología. 2020. N.50. P. 1–15.

Ранний неолит на Адриатическом побережье Хорватии

Две трети всего восточного побережья Адриатики расположены в пределах границ Хорватии. Его существенной особенностью является множественность форм, т. е. разделение побережье, общая длина побережья достигает 3982 км. Адриатическое море — ответвление Средиземного моря, отделяющее Апеннинский полуостров от Юго-Восточной Европы и Апеннинский полуостров от Динарских гор. Адриатика — самый северный рукав Средиземноморья, который соединяется с ним через пролив Отранто (между Адриатическим и Ионическим морями). Страна на берегу Адриатического моря являются: Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Албания и Италия.

Ранний неолит на данной территории формируется на основе местных мезолитических традиций (9600–9500 гг. до н. э.) и внешних импульсов (Marijanović 2003a).

Представляется вполне вероятным, что неолит на самом деле распространился в Адриатику не через Ионическое море, а из внутренних районов, из Греческой Македонии через Албанию. Предполагается, что первые сосуды были проштампованы ногтевым орнаментом и инструментами, изготовленными в районе, который находится в сегодняшнем пограничном треугольнике между Грецией, Албанией и Северной Македонией. Оттуда идея украшения сосудов таким способом постепенно была перенята гончарами на многих других памятниках на гораздо более широкой территории и даже в 6050 г. до н. э. (и даже позже) на поселениях в Ионическом и Адриатическом регионах (Reingruber 2023: 35).

В археологическом отношении ранний неолит восточного побережья Адриатики представлен культурой «импрессо», которая имеет три этапа развития: I Црвена стена, II Смилчич и III Гудня. Этапы культуры выделены, прежде всего, по особенностям керамики, технологических и декоративных особенностей керамических сосудов, а также по способам нанесения орнамента с помощью раковин, преимущественно ракушечное тиснение Шанчице или *Cardium*. В период с 1954 по 1956 гг. А. Бенац проводил систематические исследования слоев неолита и мезолита в пещере *Црвена стиена* в Черногории, в которой были об-

наружены керамические остатки с орнаментом импрессо, т.е. археологической культурой импрессо (Benac 1957; Batović 1979: 480). Сосуды декорированы методом тиснения в технике импрессо перед запеканием по мягкой поверхности наружной части сосудов. Декоративные мотивы на сосудах делали краями ракушек, улиток, заостренных предметов из дерева или кости. (Batović 1979: 499).

Барице в *Смилчиче*, если посмотреть на размер вскрытой площади, является одним из самых масштабных исследовательских проектов, проведенных на неолитическом памятнике в этом районе восточной Адриатики (Batović, 1979), далее по количеству находок следует археологический памятник *Црно Врило*, который находится недалеко от Смилчича (Marijanović 2009) и пещера *Гудня* недалеко от Стона на полуострове Пелешац.

Ранний неолит в восточной Адриатике представлен пещерными памятниками, а также поселениями открытого типа. Остатки поселенческих построек в основном скудны, то, что обнаружено на открытых поселениях, в основном в Смилчиче и в Црниом Вриле, очевидно, представляет собой остатки полов домов из выложенных камнем полами и очагами в центре, и по их размерам предполагается, что они носят семейный характер (Marijanović 2009: 36).

Каменный инвентарь периода раннего неолита прослеживается на всех трех этапах: преобладают кремневые ножи, скребки, острия и сверла, реже встречаются небольшие каменные топоры (Batović 1979). Находки миниатюрных топоров не характерны, за исключением стоянки в Смилчиче и из Црного Врила.

В поселениях Смилчич и Црно Врило существует обряд ингумации, при котором скелеты располагали в лежащем положении на левом боку (Batović 1979; Marijanović 2009).

Культура импрессо, кроме восточной прибрежной части Адриатики распространилась через Неретву в центральную часть Боснии по течению реки Босны, здесь происходил контакт с носителями комплекса старчевской культуры³ (6200–5400 гг. до н. э.), в ходе которого происходит формирование культуры старчево-импрессо⁴ (5230–4990 гг. до н. э.) как представителя раннего неолита Боснии и Герцеговины.

³ Старчевская культура является частью большого старчевского комплекса кёрёш-криш культурные группы раннего неолита и в более широком контексте включает в себя культуру протосескло в северной Греции, культуру анзабегово-вршник в северной Македонии и чавдар-кремиковци-карановскую культуру в Болгарии (Minichreiter, 2007:14).

⁴ На формирование старчевской-импрессо культуры повлияли два компонента: 1) балкано-анатолийский с востока с территории Сербии и 2) восточно-адриатический компонент с запада и их «этнические» компоненты. Факт сосуществования носителей двух культур был

В свою очередь, важную информацию о культурных контактах, совершавшихся по водным маршрутам, представляют свидетельства транспортировки обсидиана (вулканического стекла) с Липарских островов из Тирренского моря через Сицилию на юг Италии и, далее, до полуострова Гаргано, островов Тремита-Палагрузе-Сушак и вплоть до острова Хвара у восточного побережья Адриатики.

Сам процесс распространения неолитизации как социального явления происходил постепенно, зависел от комплекса природных и климатических условий. На отдельных территориях ранний неолит Восточной Адриатики демонстрирует все стадийные признаки: (1) фиксируется рост данных по одомашненным животным – овикаприды (*Ovis/Capra*); (2) три основных злака – ячмень (*Hordeum vulgare*), однозерновое пшеница (*Triticum monococcum*) и двузерновое пшеница (*Triticum dicoccum*); (3) представлен широкий спектр фаунистических материалов; (4) развитое гончарство; (5) известны оба типа поселений: пещерные и открытого типа; (6) прослеживаются характерный погребальный обряд и инвентарь.

Таким образом, имеющийся на сегодняшний день археологический материал свидетельствует как о своеобразии местного раннего неолита в Восточной Адриатике, так и об активных контактах населения этого района с соседними территориями. Определение степени интенсивности этих контактов, а также специфика использования в этих процессах водного транспорта представляются одними из перспективных задач дальнейшего поиска.

Сравнение ранненеолитических археологических памятников Восточной Адриатики и неолитических археологических памятников на Дальнем Востоке России имело бы большое значение в связи с длительностью периода неолита, керамическим материалом, каменным инвентарем, климатическими условиями, способами захоронения и сходством способов выживания неолитических сообществ на столь большом географическом расстоянии между этими двумя регионами на евразийском пространстве.

Литература

Batović Š. Jadranska zona, Praistorija jugoslavenskih zemalja II, Sarajevo, 1979.

установлен на археологическом памятнике Обре I в Боснии и Герцеговине, согласно способу изготовления керамических сосудов и способу их украшения культура получила название старчевская-импрессо (Benac, 1979: 388).

Benac A. Crvena stijena – 1955 (I-IV stratum), Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu, arheologija // Svezak XII, Sarajevo, 1957.

Marijanović B. Geomorfološke osnove naseljavanja jadranskog područja u neolitiku // Histria Antiqua. 2003.11, Pula.

Marijanović B. Crno Vrilo, Sveučilište u Zadru – Odsjek za arheologiju, Zadar, 2009.

Minichreiter K. Slavonski Brod – Galovo, arheološka istraživanja 2006 // Annales Instituti archaeologici. III/2007, Zagreb, 2007.

Reingruber A., Thissen L., Bonga L. The impressed pottery of the Aegean Neolithic, Relative and Absolute Chronologies in the Neolithic of Southeast Europe, Institute for Balkan studies. Serbian academy of sciences and arts, Beograd, 2023.

И.С. Жущиховская

*Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Новые материалы к дискуссии о растительной примеси в древней керамике Приморья

История проблемы.

Проблема диагностики следов растительной примеси в археологической керамике Приморья была впервые поставлена во второй половине 1990-х гг. на материалах, полученных из разрушенных культурных отложений памятников в районе с. Черниговка. На местонахождениях Черниговка-Алтыновка (Черниговка-1) и Горный Хутор-2 были обнаружены немногочисленные мелкие разрозненные фрагменты керамических изделий, предположительно, сосудов, с отпечатками на поверхности, имеющими внешнее сходство с волокнистыми текстурами или материалами. Образцы керамики из Черниговки-1 были исследованы на бинокулярном микроскопе и сканирующем электронном микроскопе. Отпечатки на поверхностях идентифицированы как следы травянистой растительности. Согласно предварительному определению, проведенному специалистом-ботаником, растительность принадлежит семейству Сурегасеae (Осоковые). В целом, по имеющимся на тот момент данным, было сделано заключение о том, что растительная примесь являлась компонентом формовочной массы – так была выделена особая технологическая традиция раннего гончарства Приморья. Возраст керамики в интервале от 7.975 ± 65 до 10.770 ± 75 л.н. определен AMS датированием нескольких образцов (Жущиховская, 2004:34 – 37).

Позднее исследователи вновь обратились к анализу ранней керамики из названных памятников. По результатам визуального обследования коллекций, вероятно, с применением обычной лупы, и петрографической микроскопии нескольких образцов отмечено, что следы растительной примеси имеются только в поверхностных слоях керамических фрагментов и практически отсутствуют внутри. Высказано сомнение в том, что растительность являлась компонентом формовочной массы. Также отмечено, что в зонах отпечатков не фиксируются следы карбонизированного вещества органики (Yanshina, Garkovik, 2009).

Следующий этап в разработке проблемы растительной примеси в древней керамике Приморья связан с исследованием многослойного памятника Рисовое-4 в Анучинском районе. Коллекция разрозненных и, в основном, мелких фрагментов с характерными отпечатками на поверхности, аналогичными отпечаткам на керамике Черниговских памятников, происходит из разрушенного, предположительно, наиболее раннего горизонта. В публикации, посвященной этому материалу, предложена новая версия происхождения «волоknистых» органических отпечатков на керамике. Высказаны сомнения в их растительном характере. Отпечатки в виде узких бороздок или канавок разной длины интерпретированы как волокна шерсти. Примесь шерсти связана только с поверхностным слоем обмазки и не является компонентом формовочной массы. Эти заключения сделаны на основе обследования с помощью бинокулярной микроскопии и интуитивно-ассоциативных сопоставлений без ссылки на индикаторные признаки собственно шерстяных волокон (Морева, Ключев, 2015).

Сегодня появились возможности исследовать материалы из трех названных памятников на новом методическом уровне, позволяющем сконцентрироваться на задаче детального анализа и идентификации следов органических включений, проверить ранее сделанные наблюдения и выводы, внести коррективы в существующие представления и наметить перспективы дальнейших работ в этом направлении.

Материалы и методы исследования.

Памятники Рисовое-4, Черниговка-1 и Горный Хутор локализованы в относительной близости друг от друга, в одной ландшафтно-географической зоне к востоку от оз. Ханка.

Коллекция керамики из памятника Рисовое-4 включает несколько десятков фрагментов⁵. Это в основном обломки стенок, в единичных случаях – усть-

⁵ Автор благодарит к.и.н. Н.А. Ключеву (ИИАЭ НДВ ДВО РАН) за предоставленную возможность работать с материалами Рисового-4.

евые части, донных частей нет. Средний размер фрагментов небольшой, около 2.5 x 3.0 см. Два относительно крупных экземпляра представлены обломком верхней (устьевой) части и обломком стенки. Коллекция из Черниговки-1 включает 10 фрагментов стенок и 3 фрагмента устьевых частей. Все образцы небольшого размера. Отметим, что из этого числа несколько фрагментов были использованы ранее с целью изготовления прозрачных шлифов для петрографического анализа. В результате фрагменты оказались покрыты специальным составом («канадским бальзамом»), и стали непригодны для каких-либо визуальных исследований. Материалы из Горного Хутора-2 представлены несколькими небольшими фрагментами стенок.

Поверхность керамических фрагментов шероховатая, с хорошо видимыми непластичными включениями (кварц, полевой шпат, и др.) разного размера, от очень мелких до 2.0 – 3.0 мм, которые, возможно, являются естественными примесями в глинистом материале. Керамический черепок довольно легкий, с высоким показателем водопоглощения (14.0 – 19.2%), что свидетельствует о пористой рыхлой текстуре и, вероятно, низкотемпературном обжиге. Цвет поверхностей в основном буровато-желтый, блекло-оранжевый, в изломах присутствуют темные зоны.

На керамических фрагментах достаточно отчетливо видны отпечатки, имеющие специфический «волокнистый» рисунок – именно они и были интерпретированы ранее как следы растительности (Жущиховская, 2004: 35) или следы шерсти (Морева, Ключев, 2015). Для их изучения мы использовали методы бинокулярной, цифровой, оптической микроскопии и микротомографии, применяемые в современных исследованиях волокон растительного и животного происхождения, и, в том числе, признаков их присутствия в археологической керамике (Кухаренко, 2015; Sanger, 2017; Dzhanfezova, 2020; Petřík et al., 2024).

Результаты исследования.

1. Исследованные материалы не показали признаков, соответствующих следам волокон животного происхождения. К таким признакам, прежде всего, относится характерная чешуйчатая текстура волокон шерсти, волоса, меха, и т.п. Также отличительными признаками являются достаточно стандартные параметры длины и ширины для волокон одного вида (Кухаренко, 2015). В археологической керамике следы шерсти распознаются с помощью микроскопии (Чикунова, Илюшина, 2021).

2. Исследование показало, что отпечатки-следы волокнистой органики присутствуют не только на поверхностях, но и внутри керамических фрагментов. Следы хорошо видны, когда на фрагментах имеются горизонтальные или

наклонные сколы поверхностных слоев, открывающие «внутренность» черепка. Также наличие следов-пустот отмечается в зонах изломов. В целом, включения органики можно интерпретировать как компонент формовочной массы. Распределение этой примеси в объеме пластичного материала, очевидно, не было равномерным

3. По результатам бинокулярной, цифровой и оптической микроскопии выяснилось, что следы органики присутствуют не только в виде отпечатков полностью выгоревших включений, но и в виде микро-остатков карбонизированного вещества. В обоих случаях можно выявить ряд морфологических признаков, пригодных для проведения идентификации включений.

4. По результатам ботанических определений установлено, что следы предполагаемой органики в керамике всех упомянутых памятников соотносятся с травянистой растительностью и, с большой долей вероятности, представляют дикорастущие узколистные виды семейства Злаковых (Gramineae Juss.).⁶ Интересно отметить, что в ряде случаев сохранившиеся карбонизированные остатки фрагментов листовых пластин растений имеют характерные рваные края. Это, очевидно, свидетельство того, что траву преднамеренно рвали, измельчали перед добавлением в глинистую массу.

5. Микротомография (КТ исследование) показала присутствие внутри керамических фрагментов длинных узких, иногда изогнутых пустот, внешне соответствующих листовым пластинам растений из семейств Злаковые и Осоковые. В некоторых фрагментах такие пустоты ориентировочно занимают до 15–20% объема формовочной массы⁷. Отметим, что полученные КТ-снимки по характеру распределения и морфологическим особенностям следов растительности очень близки результатам КТ-исследований ранней керамики с растительной примесью из других районов мира (Sanger, 2017; Petřík et al., 2024).

Заключение.

Исследование, проведенное с применением комплекса современных методов, позволило получить новый информационный блок по проблеме растительной примеси в древнейшей керамике Приморья. Материалы памятников Рисовое-4, Черниговка-1, Горный Хутор-2, расположенных в одной ландшафт-

⁶ Автор выражает благодарность к.б.н. Е.А. Чубарь (ННЦМБ им. А.В. Жирмунского ДВО РАН) за выполнение ботанических определений следов растительности в керамике памятников Рисовое-4, Черниговка-1, Горный Хутор-2.

⁷ Автор выражает благодарность М.А. Ушковой (ДВГИ ДВО РАН) за выполнение исследований по компьютерной томографии керамики памятников Рисовое-4, Черниговка-1, Горный Хутор-2.

но-географической зоне и в относительной близости друг от друга, показали очевидное сходство по характеру следов органики. Полученные результаты указывают на использование в качестве компонента формовочной массы травянистой растительности, вероятно, определенных видов семейства Злаковых.

Исходя из радиоуглеродных дат керамики Черниговки-1 в примерном интервале 8.000–11.000 л.н., можно предполагать близкий возраст для материалов Рисового-4 и Горного Хутора-2 и выделять в истории гончарства юга Дальнего Востока ранний технологический пласт, отличительной чертой которого был глинисто-травяной состав формовочной массы. В этой связи значительный интерес представляют материалы археологического памятника Хоутаомуга (Houtaomuga) на территории пров. Цзилинь в КНР, к западу от оз. Ханка. Здесь была обнаружена древнейшая на Северо-востоке Китая керамика с примесью травы, датированная возрастом 12.900 – 11.000 л.н. (Sebillaud, Lixin, 2019). Отдельной задачей для будущих исследований может быть сравнительный анализ керамики с примесью травянистой растительности из памятников Приморья и соседних районов Китая.

Литература

Жушиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2004. 310 с.

Кухаренко Н.С. Определение вида животных по волосу. Учебно-методическое пособие. Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2015. 26 с.

Морева О.Л., Клюев Н. А. Ранняя керамика с органической примесью на памятнике Рисовое-4 в Приморье // Восьмые Гродековские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Т. III. Хабаровск, 2015. С. 99 – 104.

Чикунова И.Ю., Илюшина В.В. Керамический комплекс городища Усть-Васьеган 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 3(54). – С. 59 – 76.

Dzhanfezova T. “Organic Temper” and the Early Neolithic Pottery Production: Interpretational Challenges // Acta Archaeologica – 2020. – Vol.91 (2) – Pp. 61 – 87.

Petřík J., Slavíček K., Adameková K., Jakues V., et al. Technology and provenience of the oldest pottery in the northern Pannonian Basin indicates its affiliation to hunter-gatherers // Scientific Reports. – 2024. – Vol. 14 (1): 19226. DOI: [10.1038/s41598-024-69208-7](https://doi.org/10.1038/s41598-024-69208-7)

Sanger M.C. Coils, slabs, and molds: examining community affiliation between Late Archaic shell ring communities using radiographic imagery of pottery // *Southeastern Archaeology*. – 2017. – Vol. 36 (2). – Pp. 95-109. DOI: 10.1080/0734578X.2016.1267466

Sebillaud P., Lixin W. The Emergence of Early Pottery in East Asia: New Discoveries and Perspectives // *Journal of World Prehistory*. – 2019. – Vol. 32 (1). – Pp.73-110. DOI: 10.1007/s10963-018-9126-y. hal-02440392

Yanshina O.V., Garkovik A.V. The Most Ancient Ceramics of Primorski Territory (Primorye) (Basing on Results of Petrographic Survey) // *The Proceedings of ISAC'09*. Shanghai: SICCAS press, 2009. P.12 – 21. ISBN 978–7–5439–3774– 1.

I.S. Zhushchikhovskaya

*Institute of History, Archaeology & Ethnology of People s of the Far East,
Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia*

New Research Data on the Discussion About Plant Temper in Old Ceramics of Primor'ye Region

The recent research is contributing to the study of oldest pottery with organic plant temper discovered in the Primor'ye region. The materials of three sites (Risovoe-4, Chernigovka-1, Gorny Khutor-2) are considering. Chernigovka-1 has AMS dating in the interval 7.975 ± 65 до 10.770 ± 75 . First time the set of analytical methods (binocular microscopy, digital microscopy, optical light microscopy, microtomography) was applied to archaeological ceramics focusing on the identification of the organic temper evidences. As a result, the traces of grass inclusions were identified in the ceramics of all mentioned sites. According to botanical determination, the grass species of wild *Gramineae* Juss. family are supposed basing on morphological features. Old potters used the torn pieces of grass leaves' blades as the component of clayish paste. Considered ceramics assemblages of Primor'ye region are presumed as the evidence of separate technological tradition of earliest pottery-making in the southern Far East.

А.Н. Захарова¹
О.С. Тупахина²
И.Ю. Понкратова¹

¹Магадан, Северо-Восточный государственный университет

²Новосибирск, ООО «Палеопоиск»

Интермедиальность у гижигинцев («Волшебный фонарь»)

**Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество», проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И*

Интермедиальность – многогранный феномен, описывающий синтез различных медиа, результатом которого становятся новые культурные формы и явления. В нашем понимании «медиа» – это не только средства массовой информации, но и способ передачи информации (аудиовизуальный, вербальный и т. д.) (Хамина, Зильберман, 2014; Питкевич, 2017 и др.).

Интерес к интермедиальности в России проявился в 1850-х гг. с развитием технологий статической проекции. Появление таких устройств, как «Волшебный фонарь», позволило создавать новые формы публичных представлений, сочетающих в себе визуальные и словесные элементы (Котомина, 2016).

Волшебный фонарь – относительно простое, но эффективное проекционное устройство, которое позволяло существенно увеличивать изображения на экране, открывая новые возможности для публичных выступлений и развлечений (Котомина, 2016). Это прообраз фильмоскопа, проекционный аппарат для демонстрации изображений, использовавшийся в XVII – XX вв. Фонарем устройство названо в связи с тем, что проекция получалась благодаря световому лучу, источнику света, имевшемуся внутри прибора. А эпитет «волшебный» аппарат приобрел, очевидно, благодаря тому впечатлению, которое он производил на зрителей, которые еще не были знакомы ни с кино, ни с телевидением (Волшебный просветитель...).

Корпус аппарата изготавливался из дерева или металла, в котором находилось отверстие для объектива. Внутри располагался источник света: изначально свеча или лампа, позже – электрическая лампа. Изображения, нанесенные на стеклянные пластины в рамках, проецировались через оптическую систему и отверстие на лицевой стороне. Для усиления света использовался рефлектор, а затем и линза. Многие фонари имели кожух для вентиляции, а мас-

ляные фонари – дымоход. Работа ранних аппаратов основывалась на принципе камеры-обскура, но со временем в них стали применять линзы и объективы, что делало волшебный фонарь прототипом современных проекционных устройств, таких как диапроектор, эпидиаскоп, фотоувеличитель и кинопроектор (Будаевский и др., 1905) (рис. 1, 1, 2).

Рис. 1. Волшебные фонари XIX в: 1 – Волшебный фонарь из фондов МБУК г. Иркутска Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова» (период создания: 1850-1910-е гг.)
URL: <https://goskatalog.ru/portal/№/collections?id=29772507>;
2 – ГАУК «Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»
(период создания: середина XIX в.)
URL: <https://goskatalog.ru/portal/№/collections?id=79357>

При раскопках ОКН «Город Гижигинск» в 2024 г. были обнаружены артефакты, свидетельствующие об использовании гижигинцами «волшебного фонаря». Это фрагмент слайда – стеклянной пластины размером 0,75 × 0,65 см (Рис. 2. 1). На покрытом черной краской стекле изображен скачущий на белом коне по дороге всадник в красной рубаше и синих штанах. Иконография пред-

мета позволяет предположить, что сцена относится к допетровской Руси. Поза и детали экипировки всадника схожи с обмундированием стрельцов, особенно 1-го стрелецкого полка. Красный кафтан на желтой подкладке, желтые сапоги и шапка с меховым околышем (овчина у рядовых, соболь у офицеров) – эти детали указывают, что изображен именно стрелец. Изображение стрельца на слайде для волшебного фонаря подтверждает популярность использования исторических сюжетов при популяризации истории в развлекательных представлениях в XVIII – XIX вв. (Летин, 2002). Датируется изделие предварительно XVIII в.

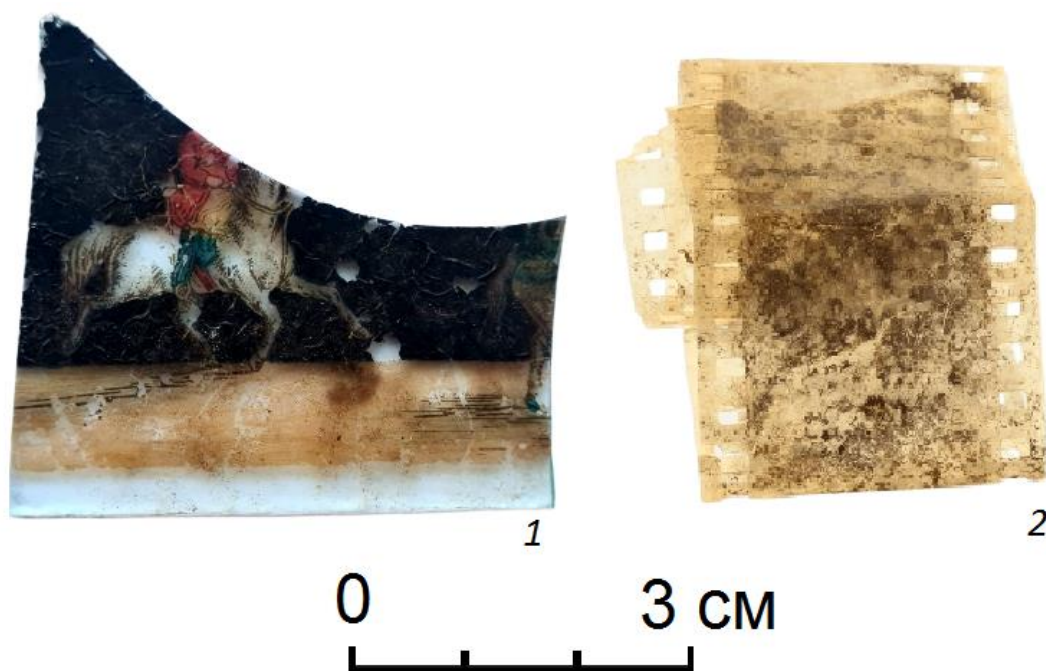

Рис. 2. ОКН «Город Гижигинск»: 1 – фрагмент стеклянной теневой картинки из археологической коллекции (Археологическая коллекция, 2024); 2 – фрагмент перфорированной киноплёнки (Археологическая коллекция, 2020)

Еще один предмет также возможно связан с использованием его при демонстрации через волшебный фонарь. Это фрагмент перфорированной пленки (Рис. 2. 2). Ширина пленки – 35 мм, размер кадров – 24×36 мм. Производство такой пленки начато Т. Эдисоном и У. Диксоном в 1889 г. В качестве международного стандарта 35-мм киноплёнка утверждена Конгрессом кинопредпринимателей в 1909 г. И только с 1916 г. началось массовое производство перфорированной пленки. Можно предположить, что обнаруженный фрагмент киноплёнки произведен после 1916 г.

Кроме того, при раскопках ОКН «Город Гижигинск» в разные годы были обнаружены фрагменты волшебного фонаря (шестеренки), а также многочис-

ленные фрагменты керосиновых ламп, которые могли использоваться при работе волшебного фонаря (Технический отчет, 2020; Тупахина, 2025).

В целом, полученные в результате раскопок ОКН «Город Гижигинск» в 2024 г. материалы дополняют данные о досуге гижигинцев (Понкратова, Иванов, Батаршев, 2024).

Использование волшебного фонаря можно рассматривать как интермедальность – взаимодействие различных медиа-форм в рамках единой культурной практики. Чтение и просмотр слайдов не являлись изолированными видами деятельности, а дополняли друг друга, создавая богатый и разнообразный культурный опыт. Все это в совокупности характеризует население Гижигинска как самодостаточное и динамично развивающееся, способное адаптироваться к меняющимся условиям и при этом сохранять и развивать свои культурные традиции. Такой уровень культурного развития свидетельствует о высокой социальной организации и стремлении к самосовершенствованию.

Наличие таких предметов, как волшебные фонари, свидетельствует не просто о знакомстве с техническими новинками, но и об их органичной интеграции в культурную среду. Это указывает на достаточно тесные и устойчивые связи с центральными районами России, обеспечивавшие не только экономический, но и культурный обмен. Возможность приобретения и использования таких относительно сложных устройств предполагает существование развитой инфраструктуры торговли и, что важно, достаточный уровень доходов населения, позволяющий себе подобные приобретения, выходящие за рамки предметов первой необходимости. Это также подразумевает наличие каналов коммуникации, обеспечивающих постоянный приток товаров и нововведений из других регионов России.

Литература

Археологическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» (2024 г.) // Фонды МОО «РГО» (СВГУ, временное хранение).

Будаевский Н. Н., Дубницкий Н. Р., Николаев И. Н. Волшебный фонарь: Его устройство; уход за ним; различ. виды источников света, применимых к нему; производство при его помощи физ. опытов. М. : типо-лит. «Рус. т-ва печ. и изд. дела», 1905. 78 с. URL: http://www.old.gnpbu.ru/riddles/magic_lantern/mobile/index.html (дата обращения: 24.02.2025).

Волшебный просветитель. Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tomskmuseum.ru/about_mus/100/100tokm/13-marta-volshebnyj-prosvetitel/ (Дата обращения: 12. 03.2025).

Котомина А. А. Археология интермедиальности: публичные народные чтения с «волшебным фонарем» в России в 1872–1915 гг. // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1, № 4. С. 16–36.

Летин С. А. Стрелец. XVII столетие. История военного костюма // Империя истории, 2002. №2. С. 12–18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Letin_05.pdf (Дата обращения: 12. 03.2025).

Питкевич П. А. Динамика интермедиальных исследований // Сборник работ 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 15–24 мая 2017, Минск. В 3 ч. Ч.2 Минск: БГУ, 2017. С. 185–188.

Понкратова И. Ю., Иванов А. А., Батаршев С. В. Досуговая культура населения Севера Дальнего Востока России (на примере изучения объекта культурного наследия «Город Гижигинск») // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей: в 2 томах / под ред. Л. В. Татауровой. Братск; Омск: Издательский дом «Наука», 2024. С. 71–78.

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток, 2020. – 303 с.

Тупахина О. С. Археологические раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «город Гижигинск» в Северо-Эвенском районе Магаданской области в 2024 г. ООО «Палеопоиск», 2025.

Хаминова А. А. Зильберман Н. Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38-45 DOI: 10.17223/15617793/389/5.

Д.С. Зуб^{1,2}

¹*Новосибирск, Институт археологии и этнографии РАН*

²*Новосибирск, Новосибирский государственный университет*

У истоков костариканской археологии: экспедиции К.В. Хартмана*

**Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ,
проект № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии»*

Изучение истории американского континента включает в себя археологические исследования доколумбовых культур Северной и Южной Америки,

их взаимодействие, влияние друг на друга, миграционные процессы, проходящие через Центральную Америку – регион с уникальным культурным наследием. Территория, площадью примерно 524 000 км², вмещает в себя семь самостоятельных государств: Гватемалу, Белиз, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рику и Панаму.

Малоизученной в отечественной археологии является Коста-Рика – тропическая страна южной Центральной Америки с площадью 51 100 км², граничащая на севере с Никарагуа, на юго-востоке с Панамой, берега которой омывают Карибское море и Тихий океан.

Фактическим первооткрывателем Центральной Америки является испанский мореплаватель Христофор Колумб, который в октябре 1502 г., во время своей четвертой экспедиции (1502-1504 гг.), проплыл вдоль Атлантического побережья и высадился в месте, позже названном Пуэрто-Лимон. Изучая местность, Колумб столкнулся с аборигенами, которые были обвешаны золотыми украшениями, и под впечатлением дал территории название «Коста-Рика», что с испанского переводится «Богатый берег». Позже испанцы поймут, что открытая ими земля не так уж и полна золотом (Пер. Света 1952: 45). Колонизация центральноамериканских стран продолжалась до 1821 г. 15 сентября Коста-Рика провозгласила свою независимость.

Для управления завоеванными территориями и их изучения испанская корона отправляла губернаторов и военных. В 1519 г. губернатор Педрариас Давила начал географическое исследование Тихоокеанского побережья, в результате которого достиг п-ва Никойя. В 1522 г. Хиль Гонсалес де Авила пересек территорию Коста-Рики от океана к океану. В 1529 г. историк Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес посетил Никойю и описал индейцев чоротега (Hartman 1907: 4). В XVIII в. «таинственный» регион привлекает внимание путешественников и миссионеров, которые ведут дневники, путевые заметки и отчеты.

В начале XIX в. интерес к древностям Центральной Америки возникает среди групп уакерос и коллекционеров. Первые значимые коллекции были собраны двумя антикварами: Иоганном Фридрихом Ламанном в 1862 г., который продал предметы Музею естественной истории в Бремене, и американским инженером К. Кейтом Младшим в 1872 г. – собранный материал он подарил Национальному музею США в Вашингтоне (Mason 1945: 199). Позже интерес приобретает более научный характер: немецкий геолог Карл фон Сибах посетил провинцию Гуанакасте и описал индейские захоронения. В 1877 г. американский хирург Джон Френсис Брэнсфорд, его коллега Эрл Флинт и местный

коллекционер провели первое качественное археологическое исследование со стационарными раскопками на п-ове Никойя: по найденным сосудам Дж. Брэнсфорд выделил тип керамики и датировал её. Артефакты были переданы Национальному музею США в Вашингтон (Hartman 1907: 11). Также большое значение имеют исследования Анастасио Альфаро, прозванного «отцом костариканской археологии», который провел раскопки памятника Эль-Гуаябо – древнего поселения, не уступающего прославленным городам майя (Herrera 2018: 5).

Основы археологии Коста-Рики были заложены шведским ботаником-антропологом Карлом Вильгельмом Хартманом (1862-1941 гг.). Он же провел первые систематические раскопки и собрал большой объем информации о трех археологических регионах страны.

Наставником К.В. Хартмана был его соотечественник этнограф Яльмар Столле (1841-1905) (Соболева 2012: 99). Он разработал методику археологических раскопок, которая заключалась в прощупывании почвы металлическим стержнем для обнаружения погребальной конструкции, разметке раскопа по квадратам и его переноса на разлинованную в клетку бумагу (Skirboll 1991: 3). Я. Столле обучил этой методике К. Хартмана, который в свою очередь усовершенствовал её.

Интерес к археологии у Хартмана возник в ходе его первой экспедиции 1890-1893 гг. в Мексике, которая была организована норвежским натуралистом Карлом Софусом Лумхольцем для исследования Сьерра-Мадре и сбора ботанических, зоологических и археологических коллекций. Карл отправился в качестве специалиста-ботаника с целью изучения особенностей использования растений индейцами. Во время отъезда К. Лумхольца в США в 1891 г., К. Хартману пришлось руководить лагерем и раскопками курганов на р. Пьедрас-Вердес, а в 1892 г. произвести раскопки погребений у Сан-Мигеля. Между этим Карл уезжал в Швецию. Вернувшись, вместе с К. Лумхольцем они изучали этнографию индейцев тараумара. По окончании экспедиции К. Хартман вернулся в Швецию и в 1894 г. получил работу в ботаническом саду Бергиуса Королевской Академии наук, а также выступил на X Международном конгрессе американистов в Стокгольме с докладом о результатах экспедиции К. С. Лумхольца (Rowe 1958: 268-269).

Следующая экспедиция 1896-1899 гг. была проведена под руководством самого К. Хартмана. Инициатором и спонсором являлся шведский инженер Аке Шегрен, который работал на костариканских побережьях и был свидетелем древних захоронений и предметов. Первые два года Хартман работал в Коста-Рике: в мае-июне 1896 г. на Атлантическом побережье в Мерседесе исследовал

большой курган, 17 захоронений и мастерскую по обработке камня. С июля 1896 по март 1897 гг. проделал масштабную работу в долине Картаго: провел раскопки 2-х захоронений в Сантьяго, 205 в Чирко, 65 в Лимоне, 92 в Орози. В марте К. Хартман переехал на Тихоокеанское побережье и проводил исследования на пове Никойя до октября 1897 г., после чего отправился в Сальвадор и Гватемалу (Rowe 1958: 269-270). В 1899 г. археолог отправился в США для изучения собранных артефактов. Отчет проведенной экспедиции был написан в 1901 г. и опубликован Королевским музеем естественной истории (Hartman 1901).

В 1903 г. К. В. Хартман был приглашен на должность куратора секции этнологии и археологии в Музей Карнеги в Питтсбурге. Он предложил директору план возобновления научно-исследовательских работ в Центральной Америке с акцентом на изучение Коста-Рики. Вскоре проект был одобрен и профинансирован (Hartman 1907: 1).

Экспедиция под руководством К. Хартмана состоялась с марта по октябрь 1903 г., целью были покупка коллекций, раскопки и работа с артефактами в музее. Археолог исследовал три памятника в кантоне Эль Гуарко (Чинчилла, Курридабат, Консепсьон) и один в Никойе (Лас Уакас), в результате чего выделил новый тип керамики “Curridabat Ware” и попытался построить хронологическую шкалу для костариканских доколумбовых культур. Он вновь посетил памятник Мерседес, а также приобрел три крупные частные коллекции: две – Падре Хосе Марии Веласко из Тихоокеанского побережья, одна – Дон Хуана Тройо из Картаго. Подробный отчет об экспедиции с иллюстративным материалом был опубликован в 1907 г. (Hartman 1907: 2).

Специфика работы К. В. Хартмана на тот момент времени заключалась в его методе полевых исследований, который он перенял у Я. Столпе и усовершенствовал его: раскопки приобрели научный характер, включали в себя подробное документирование, фотографирование, зарисовку находок, картографирование местности и тщательное сохранение найденного материала.

После занятия должности постоянного куратора в этнографическом отделе Стокгольмского Королевского музея естественной истории в 1905 г., К. В. Хартман получил ученое звание профессора и занялся развитием музея, отказавшись от полевых исследований (Rowe 1958: 270). Он принял участие в XIII и XVI Международных конгрессах американистов, где познакомился с российскими исследователями и до конца 1920-х гг. поддерживал деловые отношения с сотрудниками МАЭ: в 1909 г. В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг заключили соглашение с К. В. Хартманом об обмене коллекциями с КМЕИ

Стокгольма. Таким образом, в Кунсткамеру поступили «экзотические» коллекции из Сальвадора и Коста-Рики в количестве более 270 предметов.

В музее К. В. Хартман работал до 1923 г., после чего ушел в бессрочный отпуск по болезни. Шведский исследователь умер 19 июня 1941 г., завещав Королевскому этнографическому музею свои книги, собранные коллекции и письменные материалы с экспедиций (Rowe 1958: 271). Основная часть результатов его исследований осталась неопубликованной. Однако разработка полевых методов, скрупулёзный подход к исследованиям и стремление к сохранению объектов культурного наследия в настоящее время имеют большую актуальность среди американских исследователей для восстановления утраченной информации. Кроме того, в отечественных монографиях XX–XXI вв. — В. И. Гуляева, Е. Г. Дэвлет и др. — К. В. Хартман упоминается как значительная фигура в археологии доколумбовой Америки и выдающийся исследователь XX в.

Литература

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы / Пер. с испан. и коммент. Я. М. Света; вступ. ст. И. П. Магидовича. Изд. 2-е. М., 1952. 528 с.

Соболева Е. С. Переписка Л.Я. Штернберга и К.В. Хартмана как источник по истории коллекций Петербургского и Стокгольмского этнографических музеев / Под ред. Е.В. Резвана. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), 2012. С. 96-119.

Hartman C. V. Archeological researches in Costa Rica. Stockholm: I. Hæggströms boktryckeri, 1901. 195 p.

Hartman C. V. Archeological researches on the Pacific coast of Costa Rica. Pittsburgh: Carnegie Institute, 1907. 188 p.

Herrera M. M. La investigación arqueológica en el monumento nacional Guayabo entre los años 1891 y 2000 // Antropología del Museo Nacional de Costa Rica. 2018. V. 41. № 1-2. 42 p.

Mason J. A. Costa Rican Stonework: The Minor C. Keith Collection // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1945. V. 39. P. 3. P. 189-318.

Rowe J. H. Carl Hartman and His Place in the History of Archaeology // Actas del XXII Congreso Internacional de Americanistas. San Jose, Costa Rica, 1958. P. 268-279.

Skirboll E. Carl Hartman and the beginning of scientific archaeology in Costa Rica. Pittsburgh: Carnegie Museum of Natural History, 1991. 13 p.

А.А. Иванов¹
И. Ю. Понкратова¹
О.С. Тупахина²

¹Магадан, Северо-Восточный государственный университет
²Новосибирск, ООО «Палеопоиск»

Японская посуда из археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск»*

**Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество», проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И
в рамках научной темы «История города Гижигинска (XVII – начало XX вв.)»
(ФГАНУ ЦИТиС № гос. регистрации 121070600101-1)*

В результате исследований в рамках проекта «Гижигинская археологическая экспедиция» ОАН «Город Гижигинск» обнаружены артефакты, характеризующие различные сферы деятельности населения (Понкратова, 2024), в том числе фрагменты посуды российского, европейского (Понкратова, Иванов 2022) и японского производства.

Было проанализировано 203 фрагмента от 21 изделия, на которых имелись клейма производителя, а также рисунки с типичными для Японии сюжетами. Выделены чайные блюдца, тарелки, кружки, сахарница, стакан, горшки для растений. Все находки приурочены к верхнему культурному горизонту, археологический материал которого относится к позднему этапу функционирования города (XIX – первая половина XX вв.) (Тупахина, 2025).

Частично восстановлены фрагменты блюдца и тарелок с двойной каймой синего цвета по краю, произведенных компанией Мацумура около 1920-х гг. (Japanese Porcelain Marks...). На донышке блюдца зеленой краской нанесено клеймо, на котором изображены корона с крестом и подпирающие ее с двух сторон мифологические животные – Тэнгу (Небесные собаки)⁸. Венчает клеймо надпись «THE IRONSTONE CHINA», что предполагает изготовление изделия из глины по специальной технологии запатентованной братьями Мейсон в Англии в 1813 г. Посуда подвергалась обжигу при очень высоких температу-

⁸В японских верованиях тэнгу – «небесные собаки» или «небесные лисицы», которые живут в горах, владеют магией; изображаются как существа с телом человека, но с крыльями и клювом (Лестев, 2014, с. 17).

рах и становилась «прочной, как камень и тонкой, как фарфор». Слово «CHINA» – маркетинговый прием для аналогии визуального сходства простой керамики с благородным китайским фарфором (Mason ware pottery...). В нижней части клейма расположена надпись указывающая название компании и место производства изделия: «MATSUMURA & CO. MADE IN JAPAN» (Japanese Porcelain Marks...).

На фрагменте другого блюда (Рис. 1, 1) изображена девушка с высокой прической в национальной японской одежде – кимоно красного цвета, которое завязано на талии сзади зеленым бантом, ноги обуты в тапочки черного цвета. На заднем плане голубым цветом изображены горы, красным – листья деревьев, черным – дорога, и возможно, кусты. Схожий сюжет с девушками в кимоно и на фрагментах кружек, где девушки расположены на фоне озера, моста и пагоды. Здесь же цветы ириса и трава (Рис. 1, 2, 3). На фрагменте кружки видна часть руки женщины в кимоно с раскрытым веером (Рис. 1, 2). Изготовлены блюда и кружки из тонкого фарфора в технике «яичная скорлупа», которая была освоена в 1830–1840 гг. мастерами Хирадо (Каневская, 2004: 25–26).

Крышка заварочного чайника также изготовлена из фарфора. На внешней поверхности изделия изображена ветка с вытянутыми листьями темно-синего цвета. На внутренней – иероглиф 閑山 («Кан зан»), что переводится как «Спокойная (малолюдная) гора»⁹. Вероятно, крышка (вместе с чайником) была произведена в мастерской фарфоровых изделий – Ниномия-Канзан, которая была создана в 1932 г. в Японии на о. Кюсю, г. Сага (префектура Арита)¹⁰.

Найденные фрагменты заварочного чайника позволили реконструировать его облик¹¹. Высота чайника – 10, 5 см, диаметр по тулову – 12 см, толщина стенки – 1 см, примерный объем – 0, 3 л. Чайник изготовлен из фарфора, покрыт темно-коричневой глазурью с внешней стороны и белой – с внутренней.

На фрагменте доньшка другой емкости из фарфора сохранилась часть клейма с надписью «Chikaramachi» и фрагментом короны зеленого цвета. Известно, что маркировка «Chikaramachi, Made In Japan» с короной внутри венка использовалась на фарфоре, сделанном на филиале фабрики Норитаки (Noritake) в Чикарамачи в период 1928–1946 гг. (Клейма...).

⁹Перевод Рёта Сайто (Генеральное консульство Японии в г. Владивостоке).

¹⁰Информация предоставлена археологом Тцунао Нишиваки (Tsunao Nishiwaki), Япония.

¹¹3D модель чайника выполнена Л. А. Поповым (ФГБОУ ВО «СВГУ») и доступна по ссылке: <https://exp.svgu.ru/zavarnoj-chajnik-vosstanovlenniy/>.

Фрагменты горшков для растений были найдены при раскопках 2024 г. в мусорном ящике. Один из них изготовлен на гончарном круге, покрыт сверху светло-зеленой глазурью («сэйдзи», селадон) на трех округлых ножках. Размер изделия: 24 x 22 x 1,1 см; толщина венчика – 2,4 см. На стенках и венчике горшка растительный орнамент в виде цветов бордового цвета и зеленых листьев. На донышке в центре сквозное отверстие. Возможно, что горшок был изготовлен в эпоху Мэйдзи около 1880–1910 гг. в г. Сэто – в единственном районе в Японии, где глазурили керамику в конце XIX – начале XX вв. (9 Most Notable Styles...).

Реконструкция из фрагментов другого горшка позволили восстановить его параметры: форма – восьмиугольная, стенки выпуклые, имеется плоский венчик прямоугольной формы. Высота изделия – около 16 см, ширина – около 26 см, толщина – 0,7 см, ширина венчика – 2,9 см. Цвет горшка – белый, на стенках синим цветом в технике «точкования» нанесен растительный орнамент в виде веток и цветов. На плоском венчике стилизованный растительный мотив в виде веток и цветов, который известен как «хризантема» (Ксенофонтова, 1980: 158).

На фрагменте другого – покрытого светло-зеленой глазурью (селадон) горшка изображена летящая птица, выполненная методом налепа.

Миниатюрным по сравнению с предыдущими образцами горшков выглядит изделие высотой около 7 см и, толщиной стенок – 1,5 см. С внешней стороны горшок покрыт глазурью цвета ультрамарин, с внутренней – белого цвета. Изготовлен горшок при помощи гончарного круга. На стенке изделия наклепной орнамент в виде цветка, сердцевина которого обозначена пятью точками по кругу. На фрагменте дна – сквозное отверстие; ножки горшка – округлой формы.

Еще один горшок изготовлен из фаянса в форме шестиугольной емкости на трех ножках, внешняя стенка и часть внутренней стенки сверху покрыта однотонной темно-коричневой глазурью. Его высота – 16,9 см, внешний диаметр по внешнему краю – 26,6 см, по внутреннему – 22 см, толщина стенок – 1,7 см. Сосуд изготовлен ручной лепкой при не высокой температуре обжига – изделие достаточно не прочное, но в то же время следов недожога в изломе нет.

Функцию горшка выполнял и изготовленный на гончарном круге сосуд, стенки которого покрыты серо-голубой глазурью. В донышке емкости (толщина – 0,8 см, диаметр – 7 см), вероятно, была предпринята попытка сделать самостоятельно сквозное отверстие (0,1 см), о чем свидетельствуют неаккуратные края с внутренней стороны и признаки «выскабливания».

Держатель для кистей изготовлен в виде специального стакана фарфора. В раскопе найден его фрагмент. Толщина стенки стакана – 0,7 см, дна – 1,1 см. Внешняя сторона украшена растительным (цветы, листья) и геометрическим орнаментом выполненным синим цветом. Подобные стаканы изготавливали в Японии (Арита) в конце XVIII – начале XIX вв. (Brush holder...).

В целом, анализ коллекции фрагментов японской посуды из коллекции ОАН «Город Гижигинск», архивных документов и исторических описаний позволил выделить столовую (для сервировки стола), декоративную (для украшения помещений) посуду и емкость для хранения канцелярских принадлежностей. Посуда производилась в Японии в периоды Имари (XVIII – XIX вв.) и Арита (с 1868 г. – по настоящее время), в том числе, в период Мэйдзи (1868–1912). Наличие посуды японского производства в коллекции связано с деятельностью рыбопромышленников из Японии, у которых в Гижигинске в 1920-1930-е гг. находился офис фактории (Материалы инспектора...; Слабука, 2010). Вероятно, изделия привезли на далекий север в начале XX в. с целью создания комфортных условий для проживания, что предположительно было связано с особенностями традиционной культуры японцев находившихся в Гижигинске.

Рис. 1 ОАН «Город Гижигинск»:
фрагменты посуды с сюжетным орнаментом:
1 – фрагмент блюда; 2, 3 – фрагменты кружек

Литература

Клейма японского фарфора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://anasisantik.blogspot.com/2023/05/1840.html> (дата обращения: 20.02.2025).

Каневская Н. А. Традиционный японский фарфор. По материалам коллекции Государственного музея Востока. – М. : ГМИНВ, 2004. – 74 с.

Ксенофонтова Р. А. Японское традиционное гончарство XIX – первой половины XX в. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. – 195 с.

Лестев А. Е. Образец тэнгу: архетип воина в шаманской традиции воинской культуры Японии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, 2015. – № 2. – Ч. 2. – С. 17–19.

Материалы инспектора рыболовства о детальности японских фирм на арендованных рыболовецких участках за 1933 г. Государственный архив Магаданской области. – Ф. Р-59. – Оп. 1. – Д. 60.

Понкратова И. Ю. Объект культурного наследия «Город Гижигинск»: научные открытия последних лет // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей : в 2 томах. – Братск ; Омск : Издательский дом «Наука», 2024. – Т. –1.– С. 378–383.

Понкратова И. Ю., Иванов А. А. Фарфоровая и фаянсовая посуда из коллекции объекта культурного наследия «Город Гижигинск» // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2022. – Вып. 37. – С. 8–16.

Понкратова И. Ю., Лебедева Л. С., Батаршев С. В. Иностранные предприниматели в истории «Территории»: Гижигинск в 1920-1930-е гг. // Труды ИИАЭ ДВО РАН, 2022. – Т. 35. – С. 197–212.

Слабука В. Публикуется впервые...: сборник очерков истории органов государственной безопасности Камчатки. – Владивосток : Русский Остров, 2010. – 357 с.

Тупахина О. С. Археологические раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «город Гижигинск» в Северо-Эвенском районе Магаданской области в 2024 г. ООО «Палеопоиск». – Новосибирск, 2025. – 175 с.

Brush holder with Dutchmen, Japan, Arita ware, late 18-th to early 19-th century, underglaze blue on porcelain (Östasiatiska museet, Stockholm – DSC09171.JPG [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Brush_holder_with_Dutchmen,_Japan,_Arita_ware,_late_18th_to_early_19th_century,_underglaze

ze_blue_on_porcelain_-_%C3%96stasiatiska_museet,_Stockholm_-_DSC09171.JPG
(дата обращения: 30. 03.2025).

Mason ware pottery // Decorative Art / Visual Arts. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.1870d27c-67e48375-649c927a-74722d776562/https/www.britannica.com/art/Mason-ware (дата обращения: 30. 03.2025).

Pot Jepang Biru Putih. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://antikpraveda.blogspot.com/2017/01/pot-jepang-biru-putih.html?showComment=1576301926644> (дата обращения: 30. 03.2025).

Japanese Porcelain Marks. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gotheborg.com/marks/20thcenturyjapan.shtml> (дата обращения: 30. 03.2025).

9 Most Notable Styles of Japanese Ceramics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://guide.michelin.com/tw/en/article/travel/know-the-japan-pottery> (дата обращения: 30. 03.2025).

Kanomata Y.

Japan, Sendai, Tohoku University

Key elements of Neolithic subsistence: the beginning of plant use in the Far East

Indicators that define the Neolithic culture include the beginning of new livelihoods such as agriculture and domestication, and the establishment of a sedentary lifestyle, but these are not necessarily evident in archaeological material from the Eurasian Far East. For example, it is believed that agriculture began at least 5,000 years ago, and domestication, excluding dogs, began 2,500 years ago or later in the Japanese archipelago. In the use-wear analyses of stone tools from the Paleolithic to Jomon periods conducted by the author, use traces of stone tools for cutting plants, which were not found on Paleolithic stone tools, were first recognized in the Incipient Jomon period, approximately 13,000 years ago. At the same time, millstones and hammers came into widespread use to crush forest nuts. In other words, if the Jomon culture is considered a Neolithic culture, one of the indicators should be the active use of plants, rather than the beginning of agriculture.

In this paper, the author conducted use-wear analyses of chipped stone tools from the Paleolithic and Neolithic periods in the Russian Far East and comprehensively examined the differences in stone tool usage between the two periods. In par-

ticular, the author will add new analysis results of Neolithic chipped stone tools to compare lithic tool usage between the two periods. In conclusion, just as in the Japanese archipelago, traces of the plant cutting, which were not present at the end of the Paleolithic period, were recognized in the Russian Far East during the Neolithic period. However, examples such as carbonized grains found in Far Eastern sites suggest that the use of stone tools to cut plants is not likely to be directly related to the start of agriculture. Therefore, it is appropriate to regard the active usage of plants, rather than agriculture, as an indicator of the beginning of the Neolithic culture in the Russian Far East as well.

新石器時代の生業の主要素：極東の植物利用の開始

新石器文化を定義するの指標として、農耕や家畜化といった新たな生業の開始と、定住的な居住様式の定着があげられるが、ユーラシア極東地域の考古学資料ではそれらが必ずしも認められない。例えば、日本列島では、農耕の開始は早くても5000年前、家畜化の開始は犬を除けば、2500年前以降と考えられている。筆者自身が行った旧石器時代から縄文時代にかけての石器使用痕分析では、旧石器時代の石器には認められなかった植物を切断する使用痕は、約13000年前の縄文時代草創期になって初めて認められるようになる。同時に森林の木の実を磨り潰すための石臼やハンマーが多く利用されるようになる。つまり、縄文文化を新石器文化のひとつとみなすならば、農耕の開始ではなく、植物利用の積極化をその指標のひとつと理解すべきであろう。

本論では、ロシア極東地域の旧石器時代と新石器時代の打製石器を対象に、使用痕分析を実施し、両時代の石器使用の違いを総合的に検討した。特に新石器時代の打製石器の分析結果を新たに加えて2つの時代の石器使用の違いを比較する。結論的に言えば、日本列島と同様に、ロシア極東では旧石器時代終末には無かった植物の切断の使用痕が、新石器時代になると確認されるようになる。ただし、極東の遺跡からの炭化穀物などの事例から、石器を植物に対して利用することが直接的に農耕の開始と関わりない可能性が高い。したがって、ロシア極東においても、新石器文化の始まりの指標を農耕ではなく、植物利用の積極化とするのが妥当である。

D. Kilby¹
J. Lohse²
H. Smith¹
K. Rademaker³

¹USA, Texas State University,

²USA, Terracon, Inc.,

³USA, Texas A&M University

The Earliest Lithic Traditions of the Pacific Coast of the Americas: A High-Altitude Overview as of 2025

Introduction

As one likely route by which people initially spread from NE Asia into the Americas, the West coast of North and South America warrants archaeological focus. Here, we review the earliest known lithic technological complexes of the Pacific Coast and adjacent margins from Alaska to Chile and consider their relevance for understanding the initial occupation and Peopling of the Americas.

As coastal and littoral environments are often ecologically rich and diverse, the entire coast can be expected to have been attractive for early occupation and exploitation. Although archaeological site density is expected to be high, site visibility is hampered by Holocene sea-level rise. Except in cases of coastal uplift, the visible record relates primarily to near-shore environments and estuaries, and only partially reflects inundated sites believed to lie along Late Pleistocene and Early Holocene coastlines. The following sections of this paper present brief overviews of the earliest lithic traditions of coastal and adjacent areas of northern North America, southern North America, Central America, and South America. The locations of key sites and examples of selected artifacts are presented in Figure 1. Where ages are presented, these are generalized calendar years before present. We refer the reader to the original sources for specific dates. Our focus is on the best-defined typological and technological examples to facilitate interregional comparisons.

Northern North America

This region consists of Alaska, US, and Yukon, CA, forming eastern Beringia, extending south to British Columbia and Alberta, CA. The oldest lithic technology here is from the interior Alaskan Swan Point site in the Tanana River Valley (14,150–13,870) (Potter et al. 2013). It consists of burins, microblades, and wedge-shaped microblade cores produced using Yubetsu core reduction, providing the earli-

est technological link to northeast Asia (Holmes 2001). While microblade manufacture may have remained prevalent at interior sites like Swan Point, Broken Mammoth, and Mead into the Younger Dryas (YD) (Potter et al. 2013), the Allerød-dated Nenana (Chindadn) Complex was identified as an industry lacking microblades, but rich in small, thin, teardrop-to-triangular shaped bifacial “Chindadn points,” blade tools, flake tools, gravers, cobble planes, scrapers, retouched blades, cortical backed knives, denticulates, and notches (Cook 1975; Goebel 2011; Holmes 2001). Nenana Complex components were found at interior sites including Dry Creek, Owl Ridge, Healy Lake Village, Moose Creek, Walker Road, Broken Mammoth, and Shég’ Xdaltth’í’ (Goebel 2011; Goebel et al. 1991; Graf et al. 2022; Holmes 2001). Bifacial points similar to Chindadn have been recognized in Siberia (14,000-13,600), providing another link to western Beringia (Pitulko et al. 2017). The YD-aged Denali Complex proceeds Nenana at interior sites like Dry Creek, Moose Creek, Teklanika West, and Gerstle River (12,790-8890), and consists of wedge-shaped microblade cores, inset microblades, flat-faced and prismatic blade cores, foliates, lanceolate bifacial knives, burins, scrapers, bladelets, notches, and choppers (Graf et al. 2015).

By the late-Allerød and YD, bifacial industries appear throughout northern Alaska and western Canada (Smith et al. 2013). The earliest are the thick biconvex, cross-sectioned, oblanceolate, stemmed bifacial points diagnostic of the Sluiceway Complex (~13,200-11,000), dating earliest at Tuluq Hill in Northwest Alaska (Smith et al. 2013). Robust, stemmed, bifacial points with thick, diamond-to-lenticular shaped cross-sections with collateral flaking forming a distinct medial ridge are diagnostic of the Mesa Complex (12,500-10,700) at the Mesa site, AK, and associated with gravers, scrapers, burins, and biface failures (Kunz et al. 2003). Mesa points are likened to Agate Basin points from the North American Plains linking the North to mid-continental Paleoindian industries. Multiple-fluted, lanceolate, bifacial points with V-shaped basal concavities of the Northern Fluted Complex (NFC) (12,500-11,700) were found in situ at Serpentine Hot Springs and Raven Bluff, AK, located approximately 65 and 80 km from the current Chukchi coast. While scrapers, gravers, robust bifaces, and planers are associated with the NFC, all three bifacial industries in Northern Alaska have equivocal associations with microblade technology (Smith et al. 2013).

On Haida Gwaii in northern BC, the Kinggi Complex is the earliest lithic industry to appear along the Pacific coast (12,795-12,400) (Fedje et al. 2005, 2011). Kinggi sites produced stemmed bifacial points, unifacial scrapers, planes, and adzes, as well as expedient core and flake tools. Sites to the north in southern Alaska and along the central and southern BC coast post-date the YD and contain lithic in-

dustries featuring stemmed foliate bifaces and microblade technology (Dixon et al. 2024; Fedge et al. 2011). However, the earliest sites on the east side of the coastal mountains, within the Canadian Ice-free Corridor date to the Bølling-Allerød and contain mid-continent Paleoindian industries typified by fluted Clovis-like points from sites such as Tse’Kwa (Charlie Lake Cave) (12,510-12,200) and Lake Minnewanka (13,150-11,300) (Ives et al. 2013).

Southern North America

The earliest identified lithic technologies along the west coast of the United States reaching into Mexico are associated with two biface traditions: fluted points and stemmed points. Clovis (13,400-12,700) was long considered the technological hallmark for the earliest occupation in North America. Classic Clovis is characterized by distinct fluted lanceolate points, large bifaces often with systematic overshot flaking, prismatic blades from conical and wedge-shaped cores, and (preservation permitting) bone and ivory tools. In many ways Clovis appears to be a clear descendant of lithic technological antecedents in northeast Asia and meets expectations for what might be carried by the earliest explorers of the continent; however, Clovis artifacts are relatively rare and Clovis sites even rarer in far western North America. Exceptions include the Borax Lake site in the Coastal Range of California, the East Wenatchee and Simon Clovis caches of the Columbia plateau (Kilby and Huckell 2014), and the Dietz site of the western Great Basin (Jones and Beck 2024) in the USA; and El Fin del Mundo and surrounding localities in Sonora, MX (Sanchez 2016). Fluted points identified as Clovis occur only sporadically along the coast from Oregon to the tip of the Baja peninsula in Mexico (Rondeau 2023).

Two developments over the 21st Century warrant a change in the use of fluted points as indicators of the earliest sites in far western North America. First is the growing realization that many Clovis-like fluted points in the Far West may post-date Clovis. Though dates are few and stratified multi-component sites fewer, many Western Fluted points (characterized by narrower bases, deeper basal concavity, and multiple flutes [Jones and Beck 2024]) may be more contemporaneous with mid-continental Folsom technology. Although many of these are surface finds, indications are that they lack associated overshot flaking and prismatic blades characteristic of classic Clovis. Thus, like the fluted points of the ice-free corridor and Alaska, Western Fluted points may represent a late and even post-Clovis expansion of technology from the continental interior.

A second development is increasing evidence that the earliest complexes on the West Coast may not be associated with fluted points at all, but are instead associated with various stemmed styles collectively referred to as the Western Stemmed

Tradition (WST). WST includes different stemmed and shouldered types (e.g., Cooper's Ferry, Haskett, Lind Coulee), as well as distinctive crescent bifaces. As early as the 1980s it was argued that WST points were contemporary with Clovis in the Great Basin and Columbia Plateau, and thus presumably throughout the Far West. In the last 25 years, at least two sites are reported to contain lithic artifacts in deposits pre-dating Clovis. Paisley Caves in Oregon yielded a stemmed point and associated debitage (around 13,000) as well as coprolites containing human DNA (over 14,000; Jenkins et al. 2012). Cooper's Ferry along the Columbia River in Idaho contains stemmed points and tools, including a cache feature, dating to around 13,200, and an earlier hearth feature and lithic scatter at 14,000-15,000 (Davis et al. 2019).

Recent models of the relationship between fluted point and WST view Western Fluted tradition as an expansion of Clovis-related technology coming from the east, and unassociated with the initial Peopling of the Pacific Coast (McDonough et al. 2024). WST is likely the result of coastal migration from the north and perhaps associated with initial Peopling along a coastal route. Though sites with maritime adaptations can be expected to be submerged, evidence from California's Channel Islands indicates use of marine resources by a branch of WST named the Island Paleocoastal Tradition (Erlandson et al. 2024) and the location implies use of watercraft during the YD.

Central America

Evidence for peopling from southern Mexico through Central America begins around 13,000 years ago. Secure dates with artifacts are rare and have only come from Los Grifos in Chiapas and Los Tapiales in Guatemala; most data are from surface finds. However, a handful of sites including August Pine Ridge (Belize), Finca Guardirria (Costa Rica), Chivacabe (Guatemala), and La Mula West (Panama), have produced assemblages reflecting diverse culture histories. Diagnostic assemblages for this period include fluted bifaces of different types; burinated flakes; spurred scrapers, often on blades; some evidence for prismatic blade use; and steeply resharpened unifaces sometimes referred to as a *limace*. An important change appears at the Isthmus of Tehuantepec; to the west, earliest occupations are understood primarily through the Clovis paradigm. To the east, however, the pattern is different.

East of the Isthmus, the period from 13,000 to 12,200 is called the Fluted Biface Horizon (FBH). Technologically, assemblages are characterized by influences from North American Clovis, South American stemmed Fishtail (also Fell), or a blending of the two referred to as Waisted Fluted. It appears that the range of waisted and stemmed forms did not extend to Central Mexico. Work in northern Belize has recorded technological traits that distinguish Clovis from waisted variants:

controlled overshot flaking is rare, lateral margins along the base are constricted rather than parallel, blades are often thinned collaterally from the margins, and fluting occurs toward the end of reduction sequences rather than early or in the middle.

Dating the FBH comes from extending well established temporal controls from North and South America, under the assumption that technological behaviors spread across the Central American land bridge during the Peopling process. Some combination of three interrelated scenarios may account for this sequence: (1) Clovis culture-bearers traveled south into lightly occupied terrain before rebound populations moved north bringing some modified (stemmed and waisted) versions of these tools; (2) these early migrants may have left behind daughter populations whose own technological behaviors “drifted” away from “pure” Clovis; and/or (3) nearly contemporary populations from South and North America interacted across Central America in ways that led to the blending of these distinct technologies. Regardless, while earlier sites and occupation components are to be expected, no consistent lithic traditions have so far been recognized that predate the FBH.

The post-FBH chronology in Central America is equally problematic, but sequences can be inferred based on proposed technological seriations. Research in Belize has documented a variation of South American Paijan (see below) referred to as Pine Ridge, perhaps in place by around 12,000. This narrow stemmed, unfluted form typically has incurved distal margins reflecting characteristic resharpening. Variation occurs from weakly rounded to sharp and even barbed shoulders. Based on overlapping traits, Pine Ridge varieties may be placed at the beginning of a sequence of evolving forms characterized by increasingly squared stems, parallel oblique blade flaking, serrated lateral margins, notching strategies to define stem necks, and alternately beveled blades (Prufer et al. 2019; Ranere and Cooke 2021). Defined types that occur along this sequence include Sawmill (undated) and Lowe (ca. 10,200-8000). However, Esperanza Phase points from El Gigante in Honduras (11,100-9500) differ markedly from these forms (Iceland and Hirth 2021), demonstrating that multiple typological series and localized styles define the transition from the end of the YD into the Early Holocene.

South America

In South America, early occupations on the Pacific coast are known from Ecuador, Peru, and Chile. It must be stated that due to reservoir effects, aggregate samples, and old wood effects, most or all of the sites in the following discussion have potentially problematic radiocarbon chronologies. (Rademaker 2022). Beginning in Ecuador, the earliest known lowland sites are on the Santa Elena peninsula. Sites with flake tools made of local silica rocks fashioned into steep-edged scrapers, shal-

low-edged cutting tools, and pebble choppers date between 13,000 and 9000 years old. A single bifacial fragment also was reported (Tabarev and Kanomata 2020). These sites have a mix of marine and terrestrial faunal resources.

The largest concentration of early sites on the Pacific coast are the Paijan sites of northern Peru (Chauchat 1988; Maggard 2015), which are defined by the presence of pressure-retouched projectile points with convex or straight bases, short contracting stems, barbed shoulders, incurvate blades, and fine, needle-like tips. Other tool forms include unifacial denticulates, *limaces*, and retouched flakes. These artifacts are always made of local raw materials. Due to their location and mix of marine and terrestrial subsistence resources, Paijan sites are thought to be the interior components of coastal-foothills settlement systems that date between 13,000 and 8000 (though the true age is likely a subset of this range).

Fishtail projectile points have been identified in the same area of Peru's north coast, including on some Paijan sites (Maggard 2015). Fishtail points exhibit thin cross-sections, excurvate blades, shoulders, an hourglass shaped stem, and a slightly to deeply concave base. Hafting elements are ground and are sometimes fluted or basally thinned. Some of these are made potentially from non-local higher-elevation outcrops. Few to no other lithics, faunal, or botanical remains have been found in association. Two sites with surface Fishtail points have radiocarbon ages ranging between 13,100 and 9600. This range is broadly consistent with more precisely dated Fishtail point contexts at sites in the Southern Cone and Central Andean highlands (12,800-12,100) (Waters et al. 2015).

Just south of the Paijan sites is Huaca Prieta, one of the oldest purported sites in South America, with radiocarbon ages ranging from 15,600 to the Middle Holocene. Few simple expedient, unretouched flakes and fractured pebbles of local quartzite, andesite, basalt, and rhyolite comprise the lithic assemblage (Dillehay et al. 2017). There are no formal tools. Although the site contains marine fauna, the paleoshoreline would have been at least 30 km away from the site 15,000 years ago.

The sites of Quebrada Jaguay and Quebrada Tacahuay occur in southern Peru, with respective radiocarbon dates from 14,000 to 8000 and 13,100 to 8400. The early component at Quebrada Jaguay includes bifacial and unifacial tools and expedient flake tools. Though most raw materials are local, a few are derived from the Andean highlands (Sandweiss and Rademaker 2011). Quebrada Tacahuay contained three expedient flake tools and some debitage of local chalcedony. Both sites contain only marine faunal remains and based on the steep continental shelf, were situated near the paleoshoreline.

The Huentelauquén sites of northern Chile occupy relict marine terraces and contain the remains of fish, molluscs, and crustaceans. Lithics include projectile points with contracting stems and short triangular blades, bifacial knives, steep-edged unifacial scrapers, choppers, and denticulates made of local silica rocks. Radiocarbon dates for the earlier phase range from 12,700 to 10,200. A later phase of Huentelauquén sites (ca. 9700) suggests amplified coast-interior connections, with a mix of marine and terrestrial subsistence resources, a mix of local and upland raw material sources, and geometric sandstone artifacts with possible ritual function (Jackson et al. 2011).

Numerous paleontological sites occur in southern Chile, but only Quebrada Santa Julia (13,100-12,800) exhibits unequivocal evidence for human association. This small site contains a hearth, bones from extinct horse (*Equus* sp.), a fluted projectile point preform fragment and biface made of quartz crystal, a fluting flake refitting to the preform, four marginally retouched flakes, and debitage of local and non-local raw materials (Jackson et al. 2007). The quartz crystal likely comes from a source 30 km inland. A similar association between bones of extinct Pleistocene fauna (mastodons, horse, and cervid), Fishtail points made of quartz crystal, unifacial scrapers, and flake tools is demonstrated at the interior Tagua Tagua sites.

The well-known Monte Verde site was located along a small creek ~90 km east of the Pacific paleoshoreline in Chile. Dillehay and colleagues (1997) reported a quartzite biface, three basalt willow-leaf-shaped projectile point fragments, and basalt core dating between 16,400 to 13,200. The points resemble El Jobo projectile points from distant northern Venezuela. A clearly anthropogenic rhyolite core was recovered from the 39,000 to 27,000 MV-1 occupation. Fiedel (1999) documented provenience problems for all of the aforementioned lithic artifacts.

Conclusions

A review of the earliest lithic technological complexes identified along the Pacific coasts of the Americas reveals a variety of assemblages characterized by diverse forms and reduction strategies, presumably reflecting multiple technological traditions. No distinct technological signature representing a single pioneering population is detectable at this time. Also remarkable is that these earliest adaptations span diverse environments reaching from the top of the Continental Divide to the dynamic Pacific Coastal margin, suggesting considerable adaptive flexibility of early populations.

In conclusion, we recommend three areas for concentrated future research. First, in addition to questions concerning the initial peopling of the Americas, other important questions concern the evolution of lithic technology, subsistence patterns, and “settling in” processes along the Pacific coast of the Americas. These will require improved chronology using reliable dates reflecting better radiocarbon hygiene

and clear, well-documented site contexts. Second, there is increasing evidence that stemmed point technologies preceded fluted point technologies, particularly when seen from the perspective of the Pacific coast and the northern end of our study area. The emergence of these traditions may follow a time-transgressive pattern, with older traditions established north of younger ones. Future research might be aimed at detecting such a pattern that would reflect both initial Peopling and the gradual settling-in phase that followed. A final research priority regards the relationship of Clovis to other fluted forms. While no longer recognized as the earliest technocomplex, Clovis nonetheless appears to have been associated with a dramatic expansion of cultural influences that, if related to the NFC, Western Fluted, FBH, and fluted Fishtail forms, reached from northern North America into South America. Whatever the position of Clovis in relation to the Peopling of the continents, it appears to represent a successful and extremely influential technological tradition that quickly spread throughout much of the Americas.

Acknowledgments

The authors wish to thank Andrei Tabarev for suggesting this paper and for the invitation to contribute to the *VIII International Symposium "Pacific Archaeology: Problems of Theory and Practice."*

References Cited

Chauchat C. (1988) Early Hunters and Gatherers on the Peruvian Coast. In *Peruvian Prehistory*, pp. 41-66. Cambridge University Press, New York.

Cook J.P. (1975) Archeology of Interior Alaska. *Western Canadian Journal of Anthropology* V3-4: 125–133.

Davis L.G., D.B. Madsen, L. Becerra-Valdivia et al. (2019) Late Upper Paleolithic occupation at Cooper's Ferry, Idaho, USA, ~16,000 years ago. *Science* 365, 891–897.

Dillehay T.D. (1997) *Monte Verde: A Late Pleistocene Settlement in Chile*. Smithsonian Institution Press, Washington.

Dillehay T.D., S. Goodbred, M. Pino et al. (2017) Simple Technologies and Diverse Food Strategies of the Late Pleistocene and Early Holocene at Huaca Prieta, Coastal Peru. *Science Advances* 3: e1602778.

Dixon J., ed. (2024) Shuká Káa Cave, Southeast Alaska: Archeology, Ecology, and Community (Aurora Volume IX). Alaska Anthropological Association Monograph Series, Anchorage, AK.

Erlandson J.M., T.J. Braje, K.M. Gill et al. (2024) A Paleocoastal Western Stemmed Tradition Variant from the California Channel Islands. In *Current Perspectives on Stemmed and Fluted Technologies in the American Far West*, pp. 262-274. University of Utah.

Fiedel S. (1999) Artifact Provenience at Monte Verde: Confusion and Contradictions. Scientific American Discovering Archaeology Special Report: Monte Verde Revisited, pp. 1-12.

Fedje D.W., Q. Mackie, R.W. Mathewes (2005) Overview of cultural history. In *Haida Gwaii: Human history and environment from the time of loon to the time of the iron people*, pp.154-162. University of British Columbia.

Fedje D.W., Q. Mackie, N. Smith, D. McLaren (2011) Function, Visibility, and Interpretation of Archaeological Assemblages at the Pleistocene/Holocene Transition in Haida Gwaii. In *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*, pp. 323-342. Texas A&M University Press.

Fiedel S. (1999) Artifact Provenience at Monte Verde: Confusion and Contradictions. Scientific American Discovering Archaeology Special Report: Monte Verde Revisited, pp. 1-12.

Goebel T. (2011) What is the Nenana Complex? Raw Material Procurement and Technological Organization at Walker Road, Central Alaska. In *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*, pp. 199–214. Texas A&M University Press.

Goebel T. E., W.R. Powers, N.H. Bigelow (1991) The Nenana Complex of Alaska and Clovis Origins. In *Clovis Origins and Adaptations*, pp. 49–79. Oregon State University.

Graf K.E., L.M. Di Pietro, K.E. Krasinski et al. (2015) Dry Creek Revisited: New Excavations, Radiocarbon Dates, and Site Formation Inform on the Peopling of Eastern Beringia. *American Antiquity* 80(4):671-694.

Graf K.E., T. Goebel, J. Esdale (2022) The Shég' Xdaltth'í' (McDonald Creek) Archaeological Site, Tanana Flats, Interior Alaska: An Update." Paper presented at the 87th Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Chicago, March 31, 2022.

Holmes C.E. (2001) Tanana River Valley archaeology, circa 14,000-9000 BP. *Arctic Anthropology* 38:154–170.

Iceland H.B., K.G. Hirth (2021) The Paleoindian to Archaic Transition in Central America: Esperanza Phase Projectile Points Recovered at the El Gigante

Rockshelter Site, Honduras. In *Preceramic Mesoamerica*, pp. 259-277. Routledge Press.

Ives J.W., D. Froese, K. Supernant, G. Yanicki (2013) Vectors, Vestiges and Valhallas—Rethinking the corridor. In *PaleoAmerican Odyssey*, pp. 149-169. Texas A&M University.

Jackson D., A. Maldonado, M. Carré, R. Seguel (2011) Huentelauquén Cultural Complex: The Earliest Peopling of the Pacific Coast in the South American Southern Cone, In *Peuplements et Préhistoire en Amériques*, pp. 221-232. Comité des Travaux Historiques et Scientifiques, Paris.

Jackson D., C. Méndez, R. Seguel et al. (2007) Initial Occupation of the Pacific Coast of Chile during Late Pleistocene Times. *Current Anthropology* 48 (5): 725–731.

Jenkins D.L., L.G. Davis, T.W. Stanford, P.F. et al. (2012) Clovis Age Western Stemmed Points and Human Coprolites at the Paisley Caves. *Science* 337(6091):223-228.

Jones G.T., C. Beck (2024) The Clovis Record in the Far West. In *Current Perspectives on Stemmed and Fluted Technologies in the American Far West*, pp. 163-183. University of Utah.

Kilby J.D., B.B. Huckell (2013) Clovis Caches: Current Perspectives and Future Directions. In *PaleoAmerican Odyssey*, pp. 257–272. Texas A&M University.

Kunz M., M. Bever, C. Adkins (2003) The Mesa Site: Paleoindians above the Arctic Circle. BLM-Alaska Open File Report 86, U.S. Department of the Interior, Bureau of Land Management, Anchorage.

Maggard G. (2015) The El Palto Phase of Northern Peru: Cultural Diversity in the Late Pleistocene-Early Holocene. *Chungará Revista de Antropología Chilena* 47(1): 25-40.

McDonough, R.L. Rosencrance, J.E. Pratt (2024) A History of Stemmed and Fluted Technology Research in the American Far West. In *Current Perspectives on Stemmed and Fluted Technologies in the American Far West*, pp. 1-17. University of Utah.

Pitulko V., E. Pavlova, P. Nikolskiy (2017) Revising the Archaeological Record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human Dispersal and Adaptations in MIS 3 and 2. *Quaternary Science Reviews* 165:127-148.

Potter B.A., Holmes C.E., Yesner D.R. (2013) Technology and Economy among the Earliest Prehistoric Foragers in Interior Eastern Beringia. In *Paleoamerican Odyssey*, pp. 81-103. Texas A&M Press.

Prufer K.M., A.V. Alsgaard, M. Robinson et al. (2019) Linking Late Paleoindian Stone Tool Technologies and Populations in North, Central, and South America. *PLoS One* 14(7):e0219812.

Rademaker K. (2024) Updated Peru Archaeological Radiocarbon Database, 20,000-7000 ¹⁴C BP *Quaternary International* 703: 32-48.

Ranere A.J., R.G. Cooke (2021) Late Glacial and Early Holocene Migrations and Middle Holocene Settlement on the Lower Isthmian Land-Bridge. *Quaternary International* 578:20-34.

Rondeau M.F. (2023) *Fluted Points of the Far West*. University of Utah.

Sánchez G. (2016) *Los Primeros Mexicanos: Late Pleistocene and Early Holocene People of Sonora*. Anthropological Papers of the University of Arizona Number 76. University of Arizona.

Sandweiss D.H., K. Rademaker (2011) El Poblamiento del Sur Peruano: Costa y Sierra. *Boletín de Arqueología PUCP* 15: 274-294.

Smith H.L., J.T. Rasic, T. Goebel (2013) Biface Traditions of Northern Alaska and Their Role in the Peopling of the Americas. In *PaleoAmerican Odyssey*, pp. 105-123. Texas A&M University.

Tabarev A.V., Y. Kanomata (2020) Las Vegas Lithics: The View from the Other Side of the Pacific. In *Las Vegas: The Early Holocene Archaeology of Human Occupation in Coastal Ecuador*, University of Pittsburgh Memoirs in Latin American Archaeology No. 25, pp. 155-165.

Waters M.R., Amorosi T., Stafford T.W. (2015) Redating Fell's Cave, Chile and the Chronological Placement of the Fishtail Projectile Point. *American Antiquity* 80(2): 376-386.

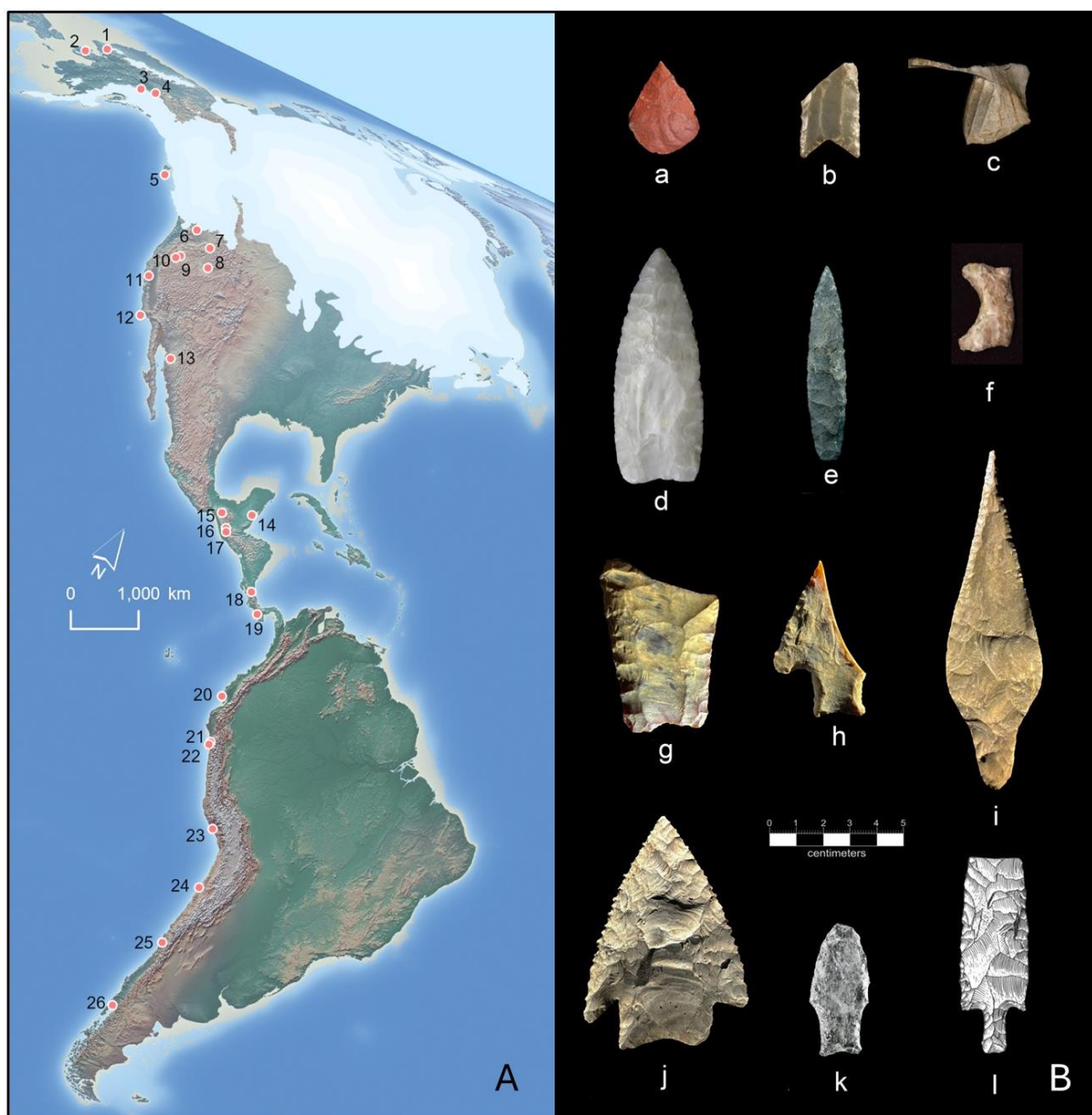

Figure 1A. Key sites mentioned in text, with ice sheets depicted at 14K extent: (1) Tuluq Hill, (2) Serpentine Hot Springs, (3) Dry Creek, (4) Swan Point, (5) Haida Gwaii/K1, (6) East Wenatchee, (7) Coopers Ferry, (8) Simon, (9) Deitz, (10) Paisley Caves, (11) Borax Lake, (12) Channel Islands, (13) Fin del Mundo, (14) August Pine Ridge, (15) Los Grifos, (16) Chivacabe, (17) Los Tapiales, (18) Finca Guardiría, (19) La Mula West, (20) Las Vegas, (21) Pampa de los Fósiles, (22) Huaca Prieta, (23) Quebrada Jaguay, (24) Huentelauquén, (25) Quebrada Santa Julia, and (26) Monte Verde

Figure 1B. Examples of selected artifact types mentioned in text: (a) Chindadn point, Moose Creek, AK/USA (Younie and Goebel 2023), (b) Northern Fluted Complex point, Serpentine Hot Springs, AK/USA (photo by H. Smith), (c) microblade core and refitting core tab, Dry Creek, AK/USA (photo by H. Smith), (d) Clovis point, Simon cache, USA (photo by D. Kilby), (e) Cooper's Ferry stemmed point, USA (Davis et al. 2019), (f) crescentic biface, Channel Islands, USA (Erlandson et al. 2024), (g) Clovis-like base, August Pine Ridge, Belize (photo by J. Lohse), (h) Stemmed Fishtail point, August Pine Ridge, Belize (photo by J. Lohse), (i) Pine Ridge biface, August Pine Ridge, Belize (photo by J. Lohse), (j) Lowe point, August Pine Ridge, Belize (photo by J. Lohse), (k) Fishtail point Quebrada Santa, Peru (photo by C. Doherty), and (l) Paijan point, Peru (Chauchat 1975)

Южное Охотоморье в охотский период и металлообработка

В южной части Охотоморья, в отличие от различных районов Сибири, например, Якутии, отсутствуют какие-либо сведения исторического характера о наличии у коренных народов XVII–XIX вв. производства металла. Однако на данной территории достаточно широко была распространена вторичная металлообработка наряду с кузнечным делом. Она отмечена как у айнов Сахалина и Хоккайдо, так и амуро-сахалинских народов – ульчей, нивхов, нанайцев. Скорее всего, в несколько более раннее время, соотносимое с охотским периодом, наблюдается схожая ситуация, когда при отсутствии местной металлургии имело место кузнечное ремесло.

В настоящем исследовании не стояла задача дискутировать относительно определения «охотской культуры», которое было описано одним из содокладчиков раннее (Дерюгин 2008). Несколько затронем только временных рамок «охотского периода», название которого более нейтрально отображает рассматриваемые хронологические рамки, тогда как термин «эпоха средневековья» для Охотоморья с наличием таких высказываний как *«каменная индустрия поселения соответствует раннесредневековым комплексам»* (Грищенко 2024: 57), вызывает некоторое недоумение.

Охотский период определяется как временной промежуток между периодом эпидзёмонских гончарных традиций и периодом бытования керамических реплик чугуновых котлов (найдзи). События на островной части и в устье Амура являются отражением процессов образования государств и их развития в более южных районах материка и Японского архипелага. Охотский период условно можно разделить на этапы эноура и минами-кайдзука, сопоставимые с мохэским и чжурчжэньскими периодами Восточного Приамурья.

Хотя первые находки железных изделий на Сахалине и Хоккайдо известны по памятникам, относимых к эпохе палеометалла и финальному дзёмону середины I тыс. до н.э., использование каменных орудий сохраняется вплоть до конца охотского периода. При этом наибольший приток металлических орудий с материковой стороны через Амур наблюдается на этапе эноура, что многие исследователи связывают с влиянием найфельдской культуры. Это как же-

лезные изделия (мечи, ножи, наконечники копий, топоры-кельты и т. д.), так и предметы или их детали из других металлов (бронзовые поясные бляхи, бронзовые колокольчики и бубенчики, серебрянные части комбинированных серёг, золотые элементы ножен и рукояти меча).

Следует учитывать, что охотский период длился достаточно долго, по мнению ряда исследователей, с V по XIII вв. Это обстоятельство и слабая изученность региона не позволяют в достаточной степени проследить торгово-обменные связи, влияние того или иного ремесленного центра. Но отдельные моменты смены вектора потребления привозных металлических предметов местным населением все-таки прослеживаются. Например, использование пришлым на Хоккайдо «охотским» населением японских мечей с папоротниковидной рукоятью, что исследователи объясняют статусом престижности товара (宇田川 2003).

Несмотря на наличие торгово-обменных связей с развитыми ремесленными территориями, в южной части Охотоморья и устья Амура в охотский период фиксируется ряд памятников, на которых имеются предметы и объекты, которые можно интерпретировать как элементы, связанные с местным кузнечным ремеслом. Это могли быть очаги для температурной обработки, черные и цветные шлаки, формы для литья, льячки, фурмы (сопло воздуходувного меха), защитные экраны-подставки. Имеются и рисунок того периода с устья Амура, сюжет которого может трактоваться как процесс кузнечного дела (Дерюгин 2003). Металлического кузнечного инструментария до настоящего времени не найдено.

Отметим, что в силу широты ареала присутствуют различия по форме и содержанию отдельных предметов кузнечного дела. Например, защитные экраны-подставки. На территории тэбахских памятников устья Амура и Северного Сахалина использовались специально изготовленные керамические плитки в виде полукруга с отверстием для фурмы. Внешняя часть этих изделий обычно орнаментировалась. В то же время, на Хоккайдо для защиты и упора мехов использовались обычные бытовые сосуды, либо их части с просверленным отверстием для фурмы, что можно видеть на памятниках Кафукаи-1, Тосампоро-1, Моёро, Мототи, Сасируй (Amano et al 2013). Данные находки на охотских памятниках трактуются как кузнечные печи. Следует учитывать, что Хоккайдо более был подвержен влиянию со стороны японского ремесленного центра и на нем имелись памятники протоайнской культуры сацумон, на которых так же были найдены следы обработки металла, в частности фурмы.

Ближайшие аналогии хоккайдским защитным экранам-подставкам из бытовой посуды по форме можно видеть на поселении IX века Осиновое Озеро в Западном Приамурье (Нестеров 2016), связанным с троицкой культурой. Западно-амурские находки описываются как комплекс предметов ювелир-литейщика. Однако, на основании данных находок, предположение о наличии пути распространения кузнечных технологий из Прибайкалья на охотскую культуру Хоккайдо (Атапо et al 2013: 16) выглядит несколько преждевременным, так как имеются более ранние и территориально близкие известные примеры кузнечных мастерских (Клюев и др. 2009).

В дальнейшем, кроме выявления самих предметов и объектов кузнечного дела охотского периода, следует обратиться к исследованию самих металлических орудий относительно местного изготовления или их привозного характера, при этом с определением источника поступления. Но и интерпретация части предметов как элементов комплекса для металлообработки требует дальнейшего обсуждения.

Литература

Грищенко В.А. Результаты раскопок памятника «Стоянка Янкито-4» на острове Итуруп – новые данные по раннему средневековью Курильских островов // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития: (Посвящается 300-летию Российской академии наук). 7-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2024 г.: сборник материалов / отв. ред. А.Н. Попов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2024. С. 55–59.

Дерюгин В.А. Изображения на керамических плитках в тэбахской культуре // Археология и социально-культурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Третья межд. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, БГПУ, 2003. С. 305–309.

Дерюгин В.А. К вопросу определения понятия «охотская культура». Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1(33). С.58–66.

Клюев Н.А., Кан Ин Ук, Слепцов И.Ю., Гладченков А.А. Кузнечная мастерская раннего железного века в Приморье // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: ХКМ, 2009. С. 175–178.

Нестеров С.П. Раннесредневековый предметный комплекс ювелира-литейщика из Западного Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №44. С. 81–90.

Amano Tetsuya, Akanuma Hideo, Kharinskiy A.V. Study on the production region of iron goods and the roots of forging technology of the Okhotsk Culture. Bulletin of the Hokkaido University Museum. 2013, Vol.6, pp.1-17

宇田川 洋「アイヌ文化の形成過程をめぐる一試論 — 威信財もしくはikor的存在を考える—」『国立歴史民俗博物館研究報告』2003、Vol.107、pp. 217–249.

С.А. Комиссаров
М.А. Кудинова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Значение культуры Ханьшу-2 в этнокультурном развитии Дунбэя*

**Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-78-10121*

Культура второго периода Ханьшу (Ханьшу-2) была выделена при раскопках эпонимного памятника, расположенного на северо-западе пров. Цзинь, возле деревни Ханьшу префектуры Даань городского округа Байчэн. За два археологических сезона (в мае 1974 г. и июне 2001 г.) там была вскрыта площадь размерами 1000×230 м и выявлено два стратиграфических уровня. Из них нижний содержит несколько погребений и остатков жилищ бронзового века, объединенных в культуру первого периода Ханьшу (Ханьшу-1) и датированных по радиоуглероду периодом 3000–2500 лет назад, когда в регионе действовала одна из ветвей древнего народа вэймо (ёмэк)¹². К культуре Ханьшу-1 отнесли также керамику с геометрическим узором, шлифованный каменный топор и бронзовые пуговицы, найденные в среднем слое памятника Шуанта,

¹² Ханьшу ици вэньхуа [Культура первого периода Ханьшу] // Байду байкэ (эл. энцикл.). 22.10.2023. URL: <https://baike.baidu.com/item/汉书一期文化/53296927> (дата доступа: 01.01.2025).

расположенного в Дэшунь-Монгольской автономной волости того же округа Байчэн¹³.

Основное внимание китайские археологи уделили материалам верхнего слоя базового памятника, которые и были объединены в культуру второго периода Ханьшу. Всего раскопано 20 полуземлянок, вероятно, сгоревших в пожаре, несколько десятков зольных ям и захоронений. Среди находок – каменные шлифованные топоры, мотыги, молотки, заступы и каменная форма для отливки рыболовных крючков из бронзы; костяные шилья и пластины с отверстиями, возможно, детали панциря; керамика представлена треножниками, горшками, чашками, кувшинами, подставками с оттисками корда, наколками и налепами, редко росписью, на поверхности красноватого цвета; свыше 50 обломков керамических форм для отливки бронзовых изделий (наконечники стрел и копий, застёжек, пластин в форме лошади); миниатюрные фигурки людей, лошадей и сосудов (возможно, игрушки) (Сун Дэхуэй, 2018а). Среди находок присутствует каменный утяжелитель, который использовался в конструкции т. н. дунбэйских («скрипковидных») кинжалов с профилированным лезвием; это самая северная находка подобных изделий (Сун Дэхуэй, 2018). Выделяется группа горшков и банок с росписью в виде ромбов, зигзагов, меандров по красному ангобу; их узор больше напоминает керамику предшествующей эпохи бронзы (прежде всего, культуры Байцзиньбао классического периода (Гирченко, 2018; Жущиховская, 2024), с которой она, вероятно связана происхождением), а не последующую раннесредневековую. На поселении найдены скопления рыбьих костей и чешуи, а также многочисленные керамические грузики для сетей, что свидетельствует о большом значении рыболовства, что вполне естественно для населения бассейна р. Нэньцзян (Нонни). Найденные железные инструменты (топор и нож), по мнению китайских ученых, появились под влиянием культур Центральной равнины. Культура второго периода Ханьшу датирована в основном по аналогиям с другими памятниками периодом от Чжаньго до Западной Хань включительно (то есть в основном IV–I вв. до н. э.) (Тан Мяо 2018).

В настоящее время, помимо эпонимного, еще несколько памятников в провинциях Цзилинь, Хэйлунцзян и Ляонин на основании сходства керамических комплексов отнесены к культуре второго периода Ханьшу (Чжао Биньфу, 2009; Пань Лин и др., 2022: 505–506), между их создателями выявлена близость

¹³ Вэньхуа цзинчжи (сань) [Культурный пейзаж (3-я часть)] // Байчэн жибао [Ежедневная газета округа Байчэн; оцифрованный номер]. – 27.04.2021. – С. 3. – URL: http://bcrbszb.bcxww.com/html/2021-04/27/node_4.htm (дата доступа: 01.01.2025).

по основным антропологическим показателям (Сяо Сяомин, Чжу Хун, 2015). Так, для могильника Дуншаньтоу, также расположенного в префектуре Даань и отнесенного по характеру инвентаря к культуре Ханьшу-2, было проведено морфологическое исследование человеческих останков с вполне ожидаемым результатом. Люди, погребенные на этом могильнике, были отнесены к «древнему дунбэйскому типу»¹⁴ (к которому относят, например, создателей культуры нижнего слоя Сяцзядянь, культуры Ситуаньшань и т. п.), также подвергнувшись влиянию со стороны «типа древнего населения Монгольского плато» (характерного для населения культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья и др.) (Цзоу Жуйцзи, 2024)¹⁵. Это согласуется и данными, полученными при анализе вещевого комплекса культуры Ханьшу-2. Пань Лин (2011) на материалах погребений района Пинъяна (могильники Чжуаньчан и Чжаньдоу)¹⁶ выделила заимствования из культуры Юйхуанмяо и культуры верхнего слоя Сяцзядянь, а также элементы, характерные для районов Забайкалья и Центральной равнины.

Проблема этнической принадлежности культуры Ханьшу-2 остается дискуссионной. Попытки ее решения предпринимались преимущественно на основе материалов могильников Пинъяна. Авторы раскопок связали эти комплексы с сяньбэй или их предками дунху (Ян Чжицзюнь, Хао Сыдэ, Ли Чэньцзи, 2011: 182), Ми Вэньпин (1999) – с ухуанями. Пань Лин соотносит с ухуань всю культуру второго периода Ханьшу (Пань Лин и др., 2022: 514–515). В то же время материалы культуры Ханьшу-2 выявлены на большинстве памятников государства/культуры Фуюй (Пуё), что указывает на композитную этнокультурную основу данной общности (Комиссаров, Кудинова 2024). Присутствие артефактов культуры второго периода Ханьшу на памятниках Дунбэя, принадлежащих разным этническим группам, можно объяснить постоянным их взаимодействием и определенной культурной общностью в рамках алтайской языковой семьи.

¹⁴ Проф. Чжу Хун выделил этот тип в составе малой расы восточноазиатских (дальневосточных) монголоидов. См.: (Линь Юнь 2019: 578).

¹⁵ Автор диссертации использует терминологию, разработанную китайскими антропологами для описания расовой принадлежности населения Китая в доциньскую эпоху. Основные показатели выделенных антропологических типов см.: (Ван Минхуэй 2022; 2023).

¹⁶ Культурная атрибуция этих памятников долгое время оставалась дискуссионной. Авторы отчета о раскопках предлагали выделить особую культуру пинъян (Ян Чжицзюнь, Хао Сыдэ, Ли Чэньцзи, 2011: 169). Однако в работах Линь Юня и Пань Лин (2002) и Чжао Биньфу (2009) была обоснована их принадлежность к культуре Ханьшу-2, и данная точка зрения была стала общепризнанной в археологическом сообществе КНР (Чжэн Цзюньлэй, 2016).

Рис. 1. Керамика культуры второго периода Ханьшу в экспозиции Музея Института археологии и памятников материальной культуры пров. Хэйлунцзян (г. Харбин). Фото М. А. Кудиновой, март 2025 г.

Рис. 2.. Бронзовая бляха. Погр. M128 могильника Чжуаньчан (пос. Пинъян, уезд. Тайлай, пров. Хэйлунцзян). Экспозиция Музея Института археологии и памятников материальной культуры пров. Хэйлунцзян (г. Харбин). Фото М. А. Кудиновой, март 2025 г.

Литература

Гирченко Е. А. Керамика стоянки Байцзиньбао – опорного памятника эпохи бронзы в провинции Хэйлунцзян // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17, вып. 4: Востоковедение. С. 9–15.

Жущиховская И. С. К вопросу о культурных связях Юга Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в период палеометалла (по материалам керамических комплексов) // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2024. – Т. 43: Археология. – С. 83–96.

Комиссаров С. А., Кудинова М. А. К археологии Фуую (Пуё): краткий историографический обзор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. – Т. XXX. – С. 545–550.

Ван Минхуэй. Чжунго сяньцинъ жэньчжун гу дунбэй лэйсин [Расовый тип древнего [населения] Дунбэя в доциньском Китае] // Чжунго дабайкэ цюаньшу: ди сань бань ванло бань [Большая кит. энцикл.: 3-е интернет-изд.]. – 20.01.2022. – URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=235956&SubID=169290> (дата допуска: 01.01.2025).

Ван Минхуэй. Чжунго сяньцинъ жэньчжун гу мэньгу гаюань лэйсин [Расовый тип древнего [населения] Монгольского плато в доциньском Китае] // Чжунго дабайкэ цюаньшу: ди сань бань ванло бань [Большая кит. энцикл.: 3-е интернет-изд.]. – 16.08.2023. – URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=94570&Type=bkzyb> (дата допуска: 01.01.2025).

Линь Юнь. Фуую шицзи яньцзю: сюй [Изучение исторических памятников Фуую: предисловие] // Линь юнь вэньцзи: Каогусюэ цзюань [Сб. статей Линь Юня: Археологические тома]. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2019. – Т. 1; 2. – 708 с., ил. (общ. паг.).

Линь Юнь, Пань Лин. Пинъян муцзандэ няньдай юй вэньхуа шусин [Датировка и культурная принадлежность погребений в Пинъяне] // Бяньцзян каогу яньцзю [Исследования приграничной археологии]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2002. – Вып. 1. – С. 194–203.

Ми Вэньпин. Пинъян муцзан вэй увань ицзи лунь [Рассуждение о погребениях в Пинъяне как памятниках ухуаней] // Бэйфан вэньбу [Памятники материальной культуры севера]. – 1999. – № 3. – С. 55–62.

Пань Лин. Пинъян муцзан цзай яньцзю [Новое исследование погребений в Пинъяне] // Бяньцзян каогу яньцзю [Исследования приграничной археологии]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2011. – Вып. 10. – С. 215–243.

Пань Лин, Тянь Ликунь, Лю Нин, Ли Синьцюань. Сифэн Сичагоу — си хань шици дунбэй миньцзу муди [Сичагоу в [уезде] Сифэн – могильник северо-восточных народов периода Западной Хань]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2022. – В 3 т. – 920 с., ил. (общ. паг.).

Сун Дэхуэй. Байчэндэ цинтунци шици [Период [культуры] бронзовых изделий в Байчэн] // Байчэн жибао [Ежедневная газета округа Байчэн; оцифрованный номер]. – 24.05.2018. – С. 3. – URL: http://bcrbszb.bcxww.com/html/2018-06/24/content_69330.htm (дата доступа: 01.01.2025).

Сун Дэхуэй. Байчэн цинтунци шицидэ вэньхуа няньдай цзи сяньминьдэ цзушу [Хронология культуры периода бронзовых изделий в Байчэн, а также этническая принадлежность народа-предков] // Байчэн жибао [Ежедневная газета округа Байчэн; оцифрованный номер]. – 23.07.2018а. – С. 3. – URL: http://bcrbszb.bcxww.com/html/2018-07/23/node_4.htm (дата доступа: 01.01.2025).

Тан Мяо. Даань ханьшу – цинтун шидай ичжи каогу фацзюэ баогао [Ханьшу в префектуре Даань – отчет об археологических раскопках памятника бронзового века]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2018. – 220 с.

Цзоу Жуйцзи. Цзилинь даань дуншаньтоу ханьшу эрци вэньхуа жэньгу яньцзю: Шоши сюэвэй луньвэнь [Изучение антропологических материалов культуры Ханьшу второго периода на памятнике Дуншаньтоу, префектура Даань, пров. Цзилинь: Дис. уч. степени магистра] / Цзилиньский ун-т. – Чанчунь, 2024. – 248 с.

Чжэн Цзюньлэй. Нэньцзян пинъюань юй «Чжунго бэйфан чанчэн дидай» дэ дунцзе — цзянь си «чанчэн дидай» «бэйфан вэньхуа дай» дэн сюэшу гайнянь [Долина Нонни и восточная граница «Северокитайского района Великой китайской стены»: к вопросу о таких научных понятиях, как «район Великой китайской стены» и «район северных культур»] // Бэйфан миньцзу каогу [Археология северных народов]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. – Вып. 3. – С. 163–176.

Ян Чжицзюнь, Хао Сыдэ, Ли Чэньцзи. Пинъян муцзан [Погребения в Пиньяне]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2011. – 257 с., ил.

Б.В. Лазин
А.Н. Попов
Е.И. Дюков
М.К. Руденко
А.А. Лазина

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Поселение Сопка Орлова по материалам раскопок 2024 г

Памятник «Сопка Орлова. Поселение» был открыт в 2001 году Н.Г. Артемьевой. В 2002 году А.В. Гарковик были проведены разведочные работы с шурфовкой и закладкой траншеи. Обнаруженные материалы отнесены к двум неолитическим культурам – бойсманской и зайсановской (Гарковик, 2012). В 2023 г. Е.И. Дюковым проведены работы по определению границ памятника, снят инструментальный план (Дюков, 2024).

В 2024 году на вершине горы Орловка были проведены спасательные раскопки на площади 783 м² (рук. А.Н. Попов).

В статье представлены в обобщённом виде результаты раскопок памятника «Сопка Орлова. Поселение» в 2024 г.

Памятник «Сопка Орлова. Поселение» расположен в Приморском крае, в городе Артем, на горе Орловка — одиноком останце, возвышающемся посреди долины реки Кневичанка (выс. 53,7 м над ур. моря). Раскоп 2024 года был заложен на вершине и, частично на восточном склоне сопки.

Культурные отложения на памятнике представлены следующими слоями:

1. Дерново-пахотный слой – темно-коричневый суглинок, пронизанный корнями трав и кустарников (20-40 см). Слой залегает по всей поверхности раскопа, наименьшую мощность имеет на вершине сопки. Слой переотложен, образовался в процессе распашки полей с использованием техники. Содержит в большом количестве современный мусор. Насыщен также и древними артефактами;

2. Техногенные отложения – мешаный слой из коричневого суглинка, темно-коричневого суглинка, светло-коричневого суглинка с дресвой, щебнем и глыбами с большим количеством современного мусора (50-170 см). Слой связан с заполнением котлованов военных полевых укреплений – окопов, блиндажа. В слое обнаружено незначительное количество древних артефактов;

3. Коричневый суглинок (10-60 см). Слой естественного происхождения. Содержит небольшое количество древних артефактов, попавших в слой в процессе археологизации;

4. Археологический материк – светло-коричневый суглинок с дресвой, щебнем и глыбами, и выходами скалы. Слой естественного происхождения – продукт разрушения скального основания сопки.

Большая часть артефактов, обнаруженных в раскопе тяготела к нижней части дерново-пахотного слоя и к верхней части коричневого суглинка. То есть поверхность на которой в непо потревоженном виде залегали древние артефакты – это контакт между дерново-пахотным слоем и коричневым суглинком. Эта контактная зона практически на всей площади раскопа разрушена пахотой, непо потревоженные участки древнего культурного слоя на памятнике связаны с углублениями, выполненными в древности. В раскопе обнаружен лишь один комплекс такого рода. Это яма №1.

Полученные в результате раскопок материалы позволили выделить два этапа заселения этого места в древности.

1) Верхний палеолит (мезолит).

Материалы этой эпохи залегали в соях 1-3 в переотложенном виде. Непо потревоженных участков культурного слоя этого периода в раскопе не обнаружено. Связано это с процессом выветривания и денудации склоновых отложений.

Этап характеризуют только изделия из камня — готовые изделия и отходы от их производства, из каменных пород серых оттенков, кремнистого сырья коричневых и светло-серых тонов, розового, фиолетового, черного риолита (липарита), черного и темно-синего обсидиана, светло-бежевого туфа. Они представлены: отщепами и сколами неправильной геометрической и подпрямоугольной формы; пластинчатыми отщепами подпрямоугольных очертаний неправильной огранкой, а также с подтрапециевидным и треугольным сечением; удлинённо-вытянутыми и прямоугольными пластинами с треугольным поперечным сечением.

Также к этому периоду отнесен нуклевидный обломок прямоугольной формы с негативами пластинчатых снятий на широкой боковой грани и выраженными заломами на ней, с уплощенной ударной площадкой из светло-серой кремнистой породы.

Помимо этого, к данному комплексу отнесены торцовые микронуклеусы с оформленными одними или серией сколов ударными площадками, выполненные на ладьевидной заготовке, обработанной по боковым граням крупными сколами, бифасиальной заготовке, а также на уплощенном и широких клино-

видных в сечении сколах из каменных пород серых оттенков, коричневого и светло-коричневого кремнистого сырья.

Продукты микропластинчатого расщепления представлены микропластинками из светло-серой кремнистой породы и черного обсидиана.

Набор типологически выраженных орудий представлен: концевыми и боковыми скребками с округлыми лезвиями, оформленными краевой односторонней ретушью; массивным скреблом с обработанным краевой ретушью округлым лезвием; ножом на удлиненно-вытянутой пластине с обработанным односторонней краевой ретушью лезвием, резцом из черного обсидиана, оформленным продольным сколом; листовидным бифасом, обработанным крупными сколами. В качестве сырья для данных изделий выступали кремнистое сырье светло-коричневого и -серого оттенка, черного и серого обсидиана, а также каменные породы серых оттенков.

2) Поздний неолит.

Материалы этой эпохи залегали в соях 1-3, в основном в переотложенном виде. Основная часть находок обнаружена в нижней части дерново-пахотного слоя и на контакте его с коричневым суглинком.

Каменный инвентарь

Продукты и отходы в материалах данного комплекса преимущественно представлены сланцевыми плитками серых и коричневых оттенков, а также отщепами и сколами различных геометрических и аморфных очертаний из каменных пород серых и коричневых оттенков, черного, реже синего обсидиана, темно-серой кремнистой породы, единично коричневого халцедона.

Нуклеусы единичны – аморфные с негативами бессистемных отщеповых снятий, без следов преднамеренно подготовленных ударных площадок, из коричневого халцедона и темно-серой каменной породы, серого обсидиана.

Типологически выраженные ретушированные орудия выполнены из черного, реже серого обсидиана, светло- и темно-коричневого кремнистого сырья, полупрозрачного белого халцедона, а также каменных пород серых оттенков. В их числе: проколка, оформленная односторонней краевой ретушью; листовидный бифасиально обработанный наконечник стрелы с линзовидным сечением; бифасиально обработанный нож с округлым лезвием, концевыми и комбинированными скребками с округлыми лезвиями, обработанными краевой ретушью; прямоугольный вкладыш, обработанный бифасиальной ретушью; листовидные бифасы, обработанные крупными сколами. Так же обнаружены два сланцевых ножа, лезвия которых обработаны односторонней краевой ретушью

Шлифованные орудия и их обломки представлены: листовидными и треугольно-удлиненными наконечниками стрел с уплощенно-шестигранным или линзовидным сечением, прямым или округлым насадом, выполненные из сланцевых пород серых и коричневых оттенков; рубящими орудиями трапецевидной формы с округлым сечением и округлым или желобчатым лезвием из светло- и темно-серых каменных пород.

Помимо этого, к данному комплексу отнесены орудия из разнотернистых песчаников коричневых и серых тонов. В их числе: угловатые абразивы с и без выраженных заглаженных рабочих частей; прямоугольные выпрямители древков стрел с сегментовидным сечением и продольным желобком на уплощенной стороне; обломками курантов.

Керамический комплекс

Керамические изделия представлены фрагментами керамических сосудов, а также фрагментом пряслица. Пряслице – прямоугольное в сечении. На одной стороне орнамент из прочерченных линий, на другой – оттиски округлого штампа.

Фрагменты сосудов представлены венчиками, стенками, придонными и донными частями. По морфологическим показателям отдельных фрагментов можно судить о форме сосудов: это были плоскодонные горшки со слабо выраженной горловиной или ситилообразные сосуды без горловины.

У сосудов со слабо выраженной горловиной венчик слегка отогнут наружу. Кромка округлая, в редких случаях уплощенная. Сосуды без горловины имели прямой венчик, кромка которого была округлой, уплощенной или асимметрично скошенной.

Орнамент присутствует в венечной части сосудов в небольшом отступе от кромки, а также на тулове. Часто встречающийся мотив – ряды оттисков тонкого шнура, веревки, а также веревки, намотанной на палочку. Ряды расположены горизонтально или под небольшим углом к горизонтально расположенному ряду. В одном случае отпечаток шнура разнонаправленный, образующий геометрическую фигуру – треугольник. Некоторые венчики и стенки сосудов орнаментированы поясами оттисков веревки в сочетании с прочерченными прямыми линиями или оттисками лопаточки.

Другой нередко встречающийся мотив – пересекающиеся прочерченные линии, образующие сетку. Обнаружено несколько фрагментов с орнаментом, имитирующим плетение из оттисков лопаточки, а также с вертикальным зигзагом. Часть стенок украшена параллельными прочерченными линиями. Помимо этого, несколько фрагментов имеют небольшое утолщение – наклепной валик,

иногда украшенный вертикальными оттисками лопаточки. Сочетание мотивов создавало различные композиции. Разнонаправленные оттиски лопаточки, имитирующие плетение, сочетаются с оттисками гребенки, рядами оттисков округлого штампа, ногтевыми оттисками. Также встречены ряды оттисков фигурного штампа в сочетании с параллельными горизонтальными прочерченными линиями.

Часть венчиков и стенок орнаментирована рядами оттисков гребенки с разным количеством зубцов, оттисками косо поставленной лопаточки, оттисками округлого штампа. Были обнаружены неорнаментированные фрагменты венчиков и стенок сосудов.

Придонные части сосудов и донья не орнаментированы. Несколько донышек имеют небольшую «пяточку» - закраину.

Также обнаружены фрагменты венчиков и стенок керамических сосудов со следами изготовления на гончарном круге. Данные находки отнесены к этнографической современности.

Яма №1

Это единственный комплекс эпохи неолита, обнаруженный в раскопе, находки в котором залегали *in situ*. Яма имела размеры пятна на поверхности коричневого суглинка 1,3х0,7 м, глубину 20 см. Дно с плоское, стенки, плавно скругленные к низу. Заполнение ямы – темно-коричневый суглинок, по структуре сходный с коричневым суглинком. Морфология ямы, характер заполнения и набор артефактов не позволяют однозначно интерпретировать её назначение, особенно учитывая то, что верхняя часть ямы разрушена пахотой и полная конфигурация этого комплекса неизвестна. В заполнении ямы обнаружены как каменные, так и керамические артефакты.

В числе каменных артефактов, обнаруженных в заполнении ямы №1, продукты и отходы производства представлены 20 экз., в числе которых: отщепы и сколы различных геометрических очертаний – 3 экз. из черного обсидиана и серой каменной породы; сланцевые плитки серых и коричневых оттенков – 17 экз.

Орудийный набор представлен наконечниками стрел (6 экз. – 1 целый и 5 обломков) из сланцевых плиток серых и коричневых оттенков. Целый наконечник имеет листовидную форму с линзовидным сечением и прямым насадом. Обломки представлены фрагментами листовидных и треугольно-удлиненных наконечников.

Обнаружен сланцевый нож прямоугольной формы с прямым лезвием, обработанным двусторонней краевой ретушью

Особый интерес представляют изделия из керамики, обнаруженные в яме №1. В ней были найдены 5 развалов сосудов и их частей, которые позволяют более точно восстановить форму и размеры керамической посуды.

Сосуд №1 – ситuoloобразный сосуд без горловины. Венчик прямой, с асимметричной, слегка приостренной кромкой. Дно плоское, с небольшой «пяточкой»-закраиной. Орнамент покрывает большую часть внешней поверхности сосуда и представляет собой горизонтальные ряды оттисков гребенки. В районе венчика оттиски гребенки расположены вертикально, ниже – наклонены в левую сторону.

Сосуд №2 – горшковидный сосуд со слегка выделенной горловиной. Венчик слегка отогнут наружу, кромка округлая. Дно сосуда плоское. Верхняя часть сосуда покрыта орнаментом в виде горизонтальных рядов оттисков гребенки, наклоненных влево.

Сосуд №3 – ситuoloобразный сосуд без горловины. Венчик слегка отогнут наружу, кромка округлая. Дно отсутствует. Орнамент занимает $\frac{3}{4}$ внешней поверхности сосуда и состоит из наклоненных влево оттисков гребенки.

Сосуд №4 – горшковидный сосуд со слабо выраженной горловиной. Венчик слегка отогнут наружу, кромка округлая. Дно отсутствует. Орнамент занимает $\frac{1}{2}$ внешней поверхности сосуда. На венчике он составлен из разнонаправленных оттисков лопаточки, образующих сетку. Чуть ниже, по обе стороны от излома, расположены 2 реставрационных отверстия. Еще ниже расположены горизонтальные ряды направленных вправо оттисков гребенки.

Сосуд №5 представлен двум фрагментами сосуда без горловины. Венчик прямой, кромка уплощенная, край кромки слегка отогнут наружу. Внешняя часть сосуда украшена горизонтальными рядами оттисков гребенки, поставленной под наклоном вправо.

Помимо развалов сосудов в яме были обнаружены фрагменты венчиков, стенок и доньшек сосудов. Венчики орнаментированы наклонными оттисками лопаточки, образующими сетку, оттисками косо поставленной гребенки, оттисками лопаточки, имитирующими плетеное изделие, а также прочерченными линиями. На нескольких фрагментах присутствует реставрационные отверстия.

Отдельно следует выделить целое пряслице дисковидной формы, обнаруженное в одном из сосудов. С одной стороны, пряслице орнаментировано тройными прочерченными линиями, представляющими узор, имитирующий плетение, присутствующий на некоторых сосудах. С обратной стороны нанесен такой же орнамент, однако на одной из частей орнамент дополнен прочерченными треугольными фигурами

Находки из ямы №1 отнесены к раннезайсановскому варианту зайсановской культурной традиции.

Обнаруженные при раскопках в 2024 году материалы показывают, что впервые люди посетили гору Орловка в эпоху верхнего палеолита (12-9 тыс. л.н.). Это неудивительно, поскольку сопка имеет доминирующее положение в долине, с её вершины открывается круговой обзор на прилегающую местность. Сходные материалы, связанные с пластинчатым и микропластинчатым расщеплением камня, ранее уже обнаружены на памятниках в долине реки Кневичанка, таких, как Майхэ 1 и Артемовский-Птицефабрика-1.

Морфологические характеристики, а также орнамент керамики указывает на то, что большую часть керамического комплекса можно отнести к раннезайсановскому варианту зайсановской культурной традиции.

Литература

Гарковик А.В. Древний памятник на сопке Орлова // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2012. Вып. 2. С. 243-252.

Дюков Е.И. Отчет об археологической разведке на территории выявленного объекта археологического наследия «Сопка Орлова. Поселение» в границах земельного отвода объекта «Транспортно-логистический центр «Артем» в г. Артем Приморского края, расположенного в Артемовском городском округе Приморского края в 2023 г, выполненные по Открытому листу № 0593-2023 /Владивосток, 2024 г.

А.А. Лазина¹
И.Ю. Буравлев¹
А.Н. Федорец¹
А.В. Шевлягин²

¹ Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

² Владивосток, Институт автоматики
и процессов управления ДВО РАН

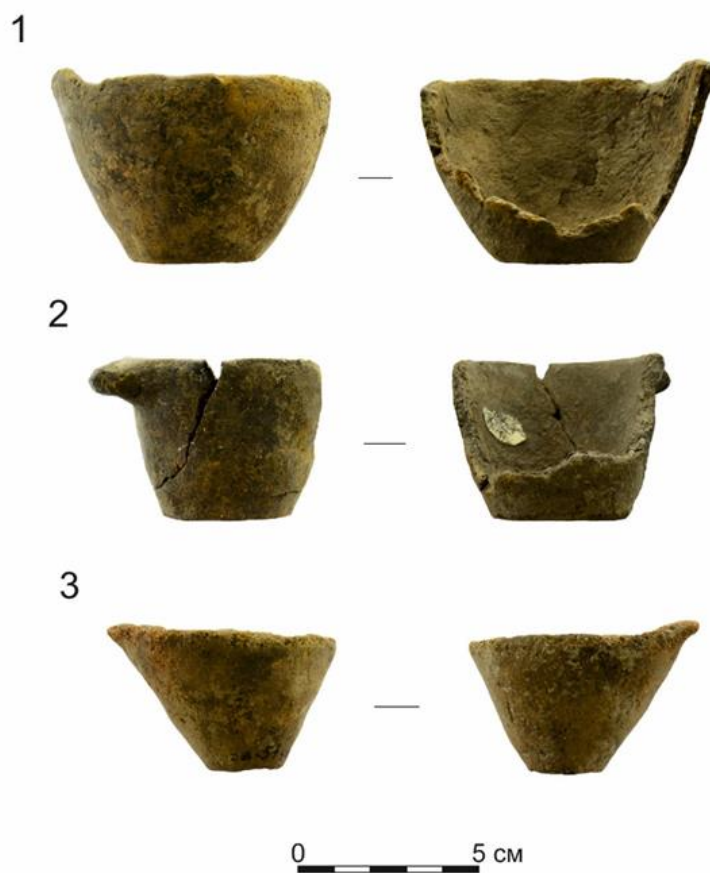
К вопросу о назначении миниатюрных сосудов из археологического памятника Падь Харинская (Приморский край): опыт исследования

Археологический памятник Падь Харинская расположен в Ханкайском районе Приморского края. Памятник был открыт геологами в 1957 г., а затем исследован в 1957-1958 гг. Дальневосточной археологической экспедицией под руководством А. П. Окладникова. В ходе раскопок было вскрыто 5 жилищ (Окладников, Дьяков 1979). Анализ полученных материалов позволил датировать памятник эпохой бронзы (Далекое прошлое Приморья и Приамурья... 1973: 192-193). Позднее, он был отнесен к синегайской культуре бронзового века (Палеометалл северо-западной части Тихого океана... 1982).

Среди многочисленных керамических находок, обнаруженных на памятнике, наше внимание привлекли миниатюрные сосуды – невысокие чашечки с ручкой – которые исследователями были выделены в отдельную категорию. Было высказано предположение об использовании данных сосудов в качестве льячек (Далекое прошлое Приморья... 1973: 192). Учитывая сложности в идентификации следов ранней металлургии на территории Приморья, подтверждение или опровержение данной гипотезы приобретает особую значимость. *Целью данного исследования* является определение функции миниатюрных сосудов из археологического памятника Падь Харинская.

Материалы исследования. В исследование привлечены 3 миниатюрных керамических сосуда. Сосуд №1 – сосуд в виде чашечки с небольшим выступом-ручкой и плоским дном (рис.1, 1). Часть стенки сосуда отсутствует. Высота сосуда – 5,8 см, диаметр дна – 3,3 см, диаметр венчика – 7,5 см. Сосуд №2 – сосуд в виде чашечки с ручкой, которая была восстановлена в ходе реставрации (рис.1, 2). Дно плоское. Часть стенки отсутствует. Высота сосуда – 4,4 (4,1) см, диаметр дна – 3,5 см, диаметр венчика – 5,3 см. Сосуд №3 – целый сосуд в виде

чашечки с ручкой (рис.1, 3). Дно вогнутое. Высота – 4,2 (3,8 см) см, диаметр дна – 2 см, диаметр венчика – 5,7 см.

*Рис. 1. Исследованные миниатюрные керамические сосуды из поселения Падь Харинская:
1 – сосуд №1 (фрагмент чашечки с выступом-ручкой);
2 – сосуд №2 (чашечка с восстановленной ручкой);
3 – сосуд №3 (целая чашечка с ручкой)*

Методы исследования. Для достижения поставленной цели были применены методы исследования макро- и микроструктуры внутренней и внешней поверхностей сосудов. Для первичного анализа следов плавки металлов использовались методы визуального анализа, в том числе с применением увеличительного прибора (лупы), цифровой микроскопии, оптической микроскопии. Для изучения микроструктуры внутренней поверхности использовался метод сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) с диапазоном увеличений от 500 до 1000×. Химический элементный состав керамики и остатков вещества на внутренней поверхности сосудов изучался с помощью метода энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии (ЭДС) при ускоряющем напряжении 20 кВ, рабочее расстояние составляло 11,7 мм, увеличение 1000×. Исследования проводились на автоэмиссионном сканирующем электронном микроскопе

ULTRA 55+ (ZEISS, Германия), оснащенном детектором X-Max 80 (Oxford Instruments, Великобритания).

Элементный состав поверхности на предмет установления остатков следов металлических сплавов определялся с использованием рентгенофлуоресцентного экспресс-анализатора (pXRF) Olympus Delta Professional DP 4000 (Япония). Измерения проводились через проленовое окошко PRO 6 Prolen U8990460 (6 мкм), при двухлучевом режиме съемки в течение 40 секунд (10 сек., 30 сек.) при калибровке прибора на стандартном образце. В отношении анализируемых предметов предварительной очистки не производилось, поскольку с удалением поверхностных загрязнений мог появиться риск утраты следов некогда отливаемых в них сплавов.

Для анализа фазового состава керамики и вещества на внутренней поверхности сосудов использовалась микро-спектроскопия комбинационного рассеяния света (КРС) на установке NTEGRA Spectra II (NT MDT, Россия). Спектроскопия КРС осуществлялась с использованием циркулярно поляризованного излучения лазера накачки с длиной волны 473 нм, фокусирующегося объективом с числовой апертурой $NA = 0.9$. Мощность падающего излучения накачки контролировалась при помощи калиброванного фотоприемника, анализ спектров осуществлялся с использованием решеточного спектрометра (Shamrock 303i, Andor Technologies) с охлаждаемой ПЗС-камерой (i-Dus, Andor Technologies).

Результаты исследования. Путем визуального анализа сосудов на внутренней поверхности были выявлены следы эксплуатации в виде минерализованных наслоений – «корочек» – различной толщины и площади распространения. В частности, на одном из образцов был обнаружен плотный спеченный слой, прочно связанный с поверхностью сосуда, но при этом отличающийся от нее по цвету и структуре. Данные наслоения были интерпретированы как остатки вещества, которое сохранилось в сосуде в процессе использования, а затем археологизации.

Микроструктурный анализ выявил существенные различия между этим веществом и керамической массой сосуда. На микроснимках вещество имеет трещиноватую структуру. В зоне его нахождения отсутствуют признаки «витрификации» – спекания глинистых частиц, характерные для основной массы черепка. При этом с помощью метода ЭДС не выявлено значимых различий в элементном составе спеченного вещества и общей керамической массы, за исключением повышенного содержания углерода (C) в составе вещества из сосуда №1.

Проведенный pXRF-анализ не выявил значимых концентраций меди (Cu), свинца (Pb) и цинка (Zn). Также не были обнаружены следы золота (Au), серебра (Ag) и олова (Sn). Эти данные исключают возможность использования сосудов в качестве льячек для металлообработки. Однако метод позволил выявить другую важную закономерность: содержание железа (Fe) на внутренних стенках сосудов в среднем в 1,5 раза выше, чем на внешней поверхности. Поскольку железо является типичным компонентом глин, использовавшихся для изготовления керамики в древних культурах Приморья, его повышенная концентрация именно на внутренней поверхности требует объяснения. Наиболее вероятная интерпретация – использование сосудов для хранения или переработки железосодержащих веществ. Для уточнения природы этих веществ был применен метод КРС.

На внутренней поверхности сосудов №1 и №3 обнаружены аморфный углерод (сажа), а также оксиды железа – гематит, магнетит, следы гётита – и марганца. Присутствует кальцит. Зафиксированы следы гидроксиапатитов. На внутренней поверхности сосуда №2 были обнаружены следы гематита, гётита, оксида марганца и сажи.

Гётит, гематит, магнетит – минералы, которые в древности служили основой для создания красок различных цветов – от желтых и красных до коричневых и черных. Оксид марганца и сажа в некоторых древних культурах использовались для создания черных красок на минеральной и органической основе соответственно. Кальцит – основа для создания красок белого цвета (Tamburini 2021). Подобное разнообразие может свидетельствовать о том, что древние жители поселения Падь Харинская использовали исследуемые керамические сосуды для хранения пигментов и изготовления красок различных цветов и рецептов.

В археологической коллекции памятника не обнаружено сосудов с орнаментом, нанесенным черной или белой красками. Встречены отдельные образцы фрагментов с насыщенным красным цветом поверхности. Данные визуального осмотра и результаты химического анализа говорят об использовании ожелезненных глин в качестве основы формовочных масс, из которых изготовлены сосуды, т.е. красный цвет поверхности не является следствием применения специальных красящих веществ. В то же время, полученные результаты согласуются с недавними исследованиями древних красок на керамике янковской культуры раннего железного века в Приморье (Жущиховская, Лазина 2024).

Проведенное исследование позволило установить, что миниатюрные сосуды из археологического памятника Падь Харинская не использовались в ка-

честве льячек. Они служили емкостями для приготовления или хранения пигментов и красок. Уточнение состава красок требует дальнейших исследований.

Авторы выражают благодарность сотрудникам ЦКП ИАЭТ СО РАН за помощь и содействие в работе с коллекцией и отчетами о проведенных исследованиях на археологическом памятнике Падь Харинская.

В работе было использовано оборудование ДВФУ в рамках Междисциплинарного ЦКП «Дальневосточный центр структурных исследований и анализа», при финансовой поддержке из средств государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ тема № FZNS-2024-0014.

Литература

Жушиховская, И. С., Лазина А. А. О технологии красок в древнем гончарстве юга Дальнего Востока России // Вестник «История керамики» / отв. ред. Е. В. Суханов. – М.: ИА РАН. – Вып. 6. – 2024. – С. 109 – 132.

Далекое прошлое Приморья и Приамурья / А. П. Окладников, А. П. Деревянко. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1973. – 440 с

Окладников, А. П., Дьяков В. И. Поселение эпохи бронзы в пади Харинской // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. редактор А.П. Погожева. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 85-117.

Палеометалл северо-западной части Тихого океана / А. В. Александров, С. А. Арутюнов, Д. Л. Бродянский. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1982. – 103 с.

Tamburini, D. Colour Analysis: An Introduction to the Power of Studying Pigments and Dyes in Archaeological and Historical Objects // *Heritage*. – 2021. – №4. – Рр. 4366-4371.

Д.В. Макашев

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Навершия однолезвийного длинноклинкового оружия воинов Японского государства III-VIII вв.

Оружейное дело на территории Японских островов в III-VIII вв. характеризуется активным развитием технологийковки и конструкции длинноклинкового оружия. На смену бронзовым мечам, широко использовавшимся в период

Яёй, в начале периода Кофун приходят железные мечи (*цуруги, кэн*), а также палаши и сабли с серповидным клинком (*тёку-то:*) (Баженов, 2001). Стоит отметить, что под термином *тёку-то:* в японском оружьеведении подразумеваются образцы клинкового оружия с длиной менее 50 см, конструктивно идентичные палашам и серповидным саблям, и, соответственно, описываемые в нашей работе варианты наверший могли использоваться и на достаточно длинных ножах.

Неотъемлемой частью японского длинноклинкового оружия III-VIII вв. являются их эфесы с характерными навершиями. Палаши и сабли с серповидным клинком имели унифицированный стиль оформления эфесов, и на обеих этих разновидностях длинноклинкового оружия использовались одни и те же навершия.

По мнению археологов, самые ранние представители однолезвийного длинноклинкового оружия обладали простым кольцевым навершием без композиции внутри.¹⁷ Практически одновременно с оружием с КНБК появляются экземпляры с кольцевым навершием с композицией.¹⁸ Кольцевые навершия, судя по всему, активно производились вплоть до начала VII в (Вакаса и др., 2022).

Кольцевое навершие без композиции.

В коллекции Токийского национального музея¹⁹ представлено рядом экземпляров. Некоторые из них представляют ранний способ изготовления КНБК – кольцо либо отливалось одной деталью вместе с хвостовиком (рис. 1,1), либо «сварачивалось» из части хвостовика (рис. 1,2). Другие представляют поздний вариант – кольцо приваривалось к хвостовику либо навершие крепилось на хвостовике заклепками (рис. 1,3). КНБК просуществовали примерно до середины V в., после их вытеснили другие варианты наверший.

Кольцевое навершие с композицией.

Внутри кольцевой части навершия чаще всего изображались мифологические животные, встречаются также растительные мотивы. По мнению некоторых исследователей, зооморфные мотивы имеют генетическую связь с характерными скифскими «навершиями в зверином стиле». [Rivkin, 2017]. Можно выделить следующие разновидности КНСК: с одним драконом, с двумя драконами, с одним фениксом, со львом/демоном, с растительным мотивом.

¹⁷ Далее для удобства мы будем применять аббревиатуру КНБК

¹⁸ Далее для удобства мы будем применять аббревиатуру КНСК

¹⁹ Далее для удобства мы будем применять аббревиатуру ТНМ

КНСК с одним драконом. Типичным представителем является экспонат № J-22849 из коллекции ТНМ (рис. 1,4). Навершие состоит из кольца и головы одного дракона внутри, который держит драгоценный камень в своей пасти. Из пасти вырывается один небольшой язык пламени. По нашему мнению, именно этот миниатюрный элемент может служить критерием для отделения КНСК с одним драконом от КНСК с одним фениксом, так как образы феникса и дракона зачастую очень похожи. Орнамент на кольцевой части навершия изображает дракона.

Вероятно, на стиль зооморфных изображений могли влиять местные традиции. Это хорошо заметно на навершиях из Фукуока (рис. 1,5) и Гумма (рис. 1,6). Голова дракона на навершии из Фукуока менее вытянута, гребни на голове меньше по размеру и «прилизаны», в пасти отсутствует драгоценный камень. Вместе с этим, орнамент на кольце практически идентичен орнаменту на навершиях из центральных префектур острова Хонсю. У навершия из префектуры Гумма способ изображения дракона значительно отличается от рассмотренных – голова располагается практически вертикально. Пасть открыта гораздо шире, при этом в ней нет камня.

КНСК с двумя драконами. Типичным представителем является навершие № J-9131 из коллекции ТНМ, датирующееся VI в (рис. 1,7). На навершии изображены два дракона, сражающиеся за драгоценный камень. Кольцевая часть навершия выполнена просто, без орнаментации. В VII в. изображение внутри кольца стало упрощаться – детализация падает, силуэты драконов грубеют (рис. 1,8).

КНСК с одним фениксом. Типичным представителем служит навершие № 1936,1118.136 из коллекции Британского музея (рис. 1,9). Стиль изображения мифического существа схож с рассмотренными КНСК с одним драконом. Навершие выполнено из бронзы и покрыто позолотой. В отличие от КНСК с драконом, из пасти животного не вырывается язык пламени. Также хорошо виден клюв, менее выделяющийся (по сравнению с изображениями драконов) гребень на голове.

В ином стиле выполнено навершие экспоната № J-8035 из коллекции ТНМ, обнаруженное в префектуре Сайтама (рис. 1,10). В отличие от рассмотренного выше образца, на этом навершии, судя по всему, у феникса отсутствовала «бородка» под клювом и гребень. Форма головы при этом с плавными очертаниями. Орнамент на кольцевой части состоял из хаотичных изогнутых линий.

КНСК со львом/демоном. Типичным представителем выступает экземпляр из Музея искусств Метрополитен²⁰ под номером №32.13.3 (рис. 1,11). Фигуру, изображенную на навершии, интерпретируют по-разному: по мнению

²⁰ Далее для удобства мы будем применять аббревиатуру МЕТ

экспертов из МЕТ это изображение архаичного льва, по мнению японских специалистов – злой дух. По нашему мнению, оба варианта могут быть правдивыми. В центре мифическое создание с, вероятно, подобием усов снизу и рогами или ушами сверху.

КНСК с растительным мотивом. Уникальной разновидностью варианта является навершие палаша IV в. из кургана Тодайдзияма, с изображением жилища на верхней стороне кольцевой части (рис. 1,12). Внутри кольца располагаются три листа, покрытые орнаментом; два расходятся направо и налево от центральной части, один направлен вверх. Кольцевая часть орнаментирована линейно-дуговым орнаментом *тёккомон*. По бокам от кольца расходятся два небольших «уса». Сверху на кольцевой части располагается детализированное изображение хижины. Крыша и нижняя часть стен хижины также орнаментированы: крыша обладает зигзагообразным орнаментом, на нижнюю часть нанесены горизонтальные «елочки».

У других наверший варианта внутри кольцевой части располагается фигура с тремя листьями (рис. 1, 13). На внешней стороне могут быть дополнительные элементы, например, небольшие «усы», вероятно, символизирующие пламя.

Прорезные трехлепестковые навершия. Интересным представителем выступает навершие из кургана Танготай (рис. 1,14). В центре навершия располагается лев/демон, схожий с изображенным на КНСК, которое мы рассмотрели выше. Слева, справа и сверху от льва расположены прорезные орнаментированные «лепестки». Типичные же представители варианта имеют схожую конструкцию с прорезными лепестками, но без композиции внутри (рис. 1,15).

Данный вариант наверший часто относится японскими археологами к КНСК с растительным мотивом, однако, по нашему мнению, из-формы его корректнее выделять отдельно.

Клювовидные навершия с кольцом.

Встречаются на длинноклинковом оружии с одним лезвием достаточно редко. Клювовидные навершия палашей, судя по всему, изготавливались из дерева и могли обиваться листовым металлом. Отличительной деталью этих наверший служит кольцо, с помощью которого на эфесе также фиксировался кожаный ремешок (рис. 2, 1). Оружие с данным вариантом навершия практически не представлено в музейных коллекциях Японии и стран Запада.

Молотовидные навершия.

Представляли наверший округлую полость покрытку листовым металлом, которая заполнялась объемным материалом (к примеру, ватой), и крепилась на рукояти эфеса с помощью крупных заклепок.

Типичным представителем служит экспонат № J-6037 из коллекции ТНМ (рис. 2,2). Хорошо видны вертикальные «борозды», которые предают навершию некоторое сходство с тыквой.

Цилиндрические навершия.

К ним мы отнесли навершия, которые в японском оружиеведении называются *хо:то:*, *энто:* и *кэйто:*, при этом они могут комбинироваться между собой (*энкэй*, *кэйхо:* и т.д.) (Йосиюки, 1984).

Цилиндрически-квадратные навершия. В ТНМ представлен на палаше № J-610 (рис. 2,3). Имеет форму, близкую к параллелепипеду. Поверхность гладкая, без орнамента. Изготовлено, вероятно, из железа.

Цилиндрически-округлые навершия. Представлено в коллекции ТНМ экспонатом № J-36748 (рис. 2,4). Навершие имеет удлиненную округлую форму, а поверхность покрыта орнаментом. Орнамент состоит из множества прямых линий, дуг и окружностей.

Цилиндрические навершия с декором. Вероятно, являются развитием цилиндрически-квадратных наверший. На примерах экспонатов из коллекций ТНМ и МЕТ можно выделить две разновидности наверший – «прямоугольные» и «трапециевидные». На прямоугольных навершиях изображен, вероятно «облачный» орнамент из завитков (рис. 2,5,6). На трапециевидных навершиях имеются детали, совмещенные с отверстиями для заклепок. На навершии из ТНМ, вероятно, изображает три лепестка или листа (форма детали схожа с формой прорезных трехлепестковых наверший) (рис. 2,7). На навершии же из МЕТ, вероятно, может быть изображена курильница *бошаньлу* либо растительный мотив (рис. 2,8).

П-образное навершие.

К VIII начинают возникать элементы оправы, характерные в дальнейшем для классических средневековых японских сабель. Примером этого может служить навершие из коллекции ТНМ, датируемое VIII в. (рис. 2,9). Навершие состоит из двух равных по размеру деталей, соединенных методом кузнечной сварки, в результате чего оно приобрело форму полумесяца с сильно выделяющимся сварным швом. На боковые грани навершия нанесен рисунок, изображающий растение.

В заключении следует отметить, что навершия японских палашей и сабель с серповидным клинком разнообразны как по форме, так и по оформлению. Некоторые из них имеют, без сомнения, континентальное происхождение, однако встречаются также варианты местного происхождения. Навершия как элемент эфеса имели важную практическую роль – помогали удерживать ору-

жие при нанесении рубящих ударов, а также были, вероятно, показателем статуса владельца оружия. В дальнейшем, на классических саблях развитого Средневековья рассмотренные нами в работе варианты наверший не применялись, и являются яркой отличительной чертой оружия периодов Кофун – Нара.

Литература

Баженов А. Г. История японского меча. С.-Пб.: ТПГ «Атлант», 2001. – 264 с.; ил.

Вакаса Тоору, Дэнда Икуо, Исикава Хидэиси, Като Харухико, Ким Вудай, Ли Янгхо, Мацумото Юрико, Накано Кадзухира, Нииро Идзуми, Оота Хироюки, Отани Кодзи, Отани Тоору, Сайто Дайсукэ, Сугияма Кадзунори, Такано Ёко, Такисэ Ёсиюки, Танака Айко, Танака Синсаку, Тоёсима Наохиро, Тэраи Макото, Хихара Эри, Юси Аруга. То:кэн – буки кара ёмитоку кодай сякай [Мечи – изучение древнего общества через оружие]. Хабэсуто, 2022 – 260 с.

Rivkin K., Isaac B. A Study of the Eastern Sword, printed in Mankato, USA, Project Gutenberg Self-Publishing Press, 2017. – 359 с.

Йосиюки Такисэ Энто:, кэйто:, хото: тати ни цуйте [О клинковом оружии с навершиями энто:, кэйто:, хото:] // Нихон кодай бунка кэнкю: [Исследования древней культуры Японии]. – 1984. – №1. – С. 5–40

Рис. 1. 1.1 Навершие экспоната № J-39140, IV в., ТНМ
 1.2 Навершие экспоната № J-33950, IV-V вв., ТНМ
 1.3 Навершие палаша № J-562, V-VI вв., ТНМ
 1.4 Навершие № J-22849, VI в., ТНМ
 1.5 Навершие экспоната № J218, VI-VII вв., Национальный музей Кюсю
 1.6 Навершие, VI-VIII вв. 1.7 Навершие № J-9131, VI-VII вв., ТНМ
 1.8 Навершие экспоната № J-36915, VII в., ТНМ
 1.9 Навершие № 1936, 1118.136, VI в., Британский музей
 1.10 Навершие экспоната № J-8035, VI в., ТНМ
 1.11 Навершие палаша №32.13.3 VI в., МЕТ
 1.12 Навершие палаша № J-39139, IV в., ТНМ
 1.13 Навершие палаша № J-39136, IV в., ТНМ 1.14 Навершие, VI-IX вв.
 1.15 Навершие № J-21750, VI в., ТНМ

Рис. 2. 2.1 Ханива с клювовидным навершием с кольцом, VI в.
 2.2 Навершие экспоната № J-6037, VI в., ТНМ
 2.3 Навершие экспоната № J-610, VI-VII вв., ТНМ
 2.4 Навершие № J-36748, VI в., ТНМ
 2.5 Навершие экспоната № J-13924, VII в., ТНМ
 2.6 Навершие экспоната № J-37219, VII в., ТНМ
 2.7 Навершие экспоната № J-21500, VI в., ТНМ
 2.8 Навершие № 32.13.1, VI в., ТНМ
 2.9 Навершие № E-14266, VIII в., ТНМ

**Анализ плотности застройки городищ и поселений
государства Бохай (698-926гг.)
на территории российского Приморья**

Для изучения домохозяйств важным вопросом является использование их резидентами пространства. Подобные стратегии древнего населения могли формироваться под влиянием экологических, географических и социальных условий и могут быть реконструированы как через изучение функциональных зон отдельных хозяйственных дворов, так и с помощью анализа плотности жилой застройки на памятнике. Перспективными для изучения использования пространства являются памятники раннесредневекового государства Бохай (698-926 гг.), расположенные на территории Приморского края. Некоторые из них уже рассматривались с этой точки зрения (Гельман 2021, 2024).

Цель данной работы – определить возможные причины различий в плотности жилой застройки памятников государства Бохай. Для этого был применен метод вычисления плотности застройки. Обычно в архитектуре используется коэффициент застройки (Александрова, Карелин 2022), что обусловлено многоэтажностью современных зданий. Из-за одноэтажности бохайских жилищ и для большей наглядности значения в данной работе приводятся в процентах. Плотность высчитывается по следующей формуле:

$$\text{плотность жилой застройки} = \frac{\text{суммарная площадь жилищ}}{\text{раскопанная площадь памятника}} \times 100\%$$

Для подсчётов использовались сведения о планиграфии ряда бохайских памятников: городища Краскинское, Горбатка, Николаевское–I (Прокопец 2024) и Николаевское–II (Крадин и др. 2018: 110), Ауровское, Марьяновское и поселения Константиновское–I, Чернятино – 2 (Никитин, Чжун Сук-бэ 2008: 42), Абрикосовское (ОАН Кроуновка 3. Селище). В выборку попали раскопы, соответствующие следующим критериям:

- 1) Найдено хотя бы одно жилище
- 2) Наличие межжилищного пространства и хозяйственных сооружений

Использование этих критериев позволило исключить участки памятников, не связанные с деятельностью домохозяйств, такие как храмовые комплексы и крепостные валы. Так, на Краскинском городище были выбраны раскопы

XXXIV, XL и XLIV, расположенные в северо-западной части памятника. Для нижнего горизонта также использовался восточный сектор раскопа XLVIII, поскольку в ранний период заселения памятника тут находились жилища. Городище Николаевское–II представлено нижним горизонтом, поскольку он связан с материком и в нём наиболее достоверно читаются котлованы жилищ. Из Николаевского–I анализу подвергся только раскоп 1977 г., поскольку на всех остальных не было обнаружено бохайских жилых построек. На Константиновском–I селище под критерии подходит только нижний горизонт, поскольку верхний связан с чжурчжэньским слоем, а в среднем не было найдено жилищ. Материалы поселения Чернятино–2 представлены в работе раскопом 3, в котором обнаружены остатки жилища и межжилищного пространства с хозяйственными ямами, относимые к бохайскому периоду заселения. Участки Марьяновского городища, исследованные в 1960-70х гг., и планиграфия раскопа 4 (1995 г.) также стали источниковой базой для исследования. От Ауровского городища были выбраны раскопы с жилищами 2-5, поскольку они имели наилучшую сохранность.

Вызовом для такого исследования является вопрос синхронности построек. На ряде памятников найденные постройки примерно соотнесены с несколькими выделенными строительными горизонтами. В других случаях, не учитывались жилища, разрушившие более ранние сооружения (как на Николаевском–II, Ауровском городищах). Для интерпретации изменений используется многофакторная объяснительная модель, предложенная Робертом Дреннаном (Drennan 1998). Она изначально использовалась для интерпретации разной плотности населения на памятниках майя в Центральной Америке. Американский археолог выделяет несколько причин для таких различий: 1) размер группы населения, 2) тип земледелия, 4) защита, 5) политический контроль, 6) выполнение памятником функций центрального места. Дреннан исходил из того, что в одном жилище проживало в среднем 5,6 человек. Это сопоставимо с наиболее вероятными размерами малой семьи бохайцев, практиковавших грядковое земледелие. Представляется возможным применять эту модель, поскольку плотность населения неразрывно связана с плотностью жилой застройки.

Результаты вычислений приведены в таблице (табл. 1). На городищах выявлена в среднем большая концентрация жилых построек по сравнению с поселениями. Это хорошо иллюстрирует известную разницу в их планировке. Городища возводились согласно плану, и уже затем при росте численности в жилых кварталах возрастала плотность населения. Особенно высокая концентрация жилищ отмечается на Ауровском и Марьяновском городищах.

Ауровское городище находится на горном хребте (Шавкунов 2019), поэтому сложный рельеф оказал существенное влияние на плотность застройки. Вероятно, в нижнем горизонте Марьяновское городище имело достаточно высокую численность населения для своих размеров.

Таким образом, полученные данные ставят новые вопросы и определяют дальнейшие перспективы работы. Прежде всего – нужно выяснить насколько одновременно функционировали раскопанные в одном горизонте жилища, а так же реконструировать хозяйственную деятельность населения, которая может дать больше информации о причинах различия в использовании пространства бохайским населением.

Таблица 1

**Результаты анализа плотности жилой застройки
на бохайских памятниках**

Памятник	% жилой площади	Всего раскопано, м ²	Количество жилищ
<i>Краскинское городище</i>			
Среднее значение	18,012		
I горизонт	15,36	375	1
II горизонт	13,38	375	2
III горизонт	23,04	375	4
IV горизонт	26,61	375	4
V-VI горизонт	11,67	455	3
<i>городище Горбатка</i>			
Среднее значение	29,24		
I горизонт	21,31	114,5	1
II горизонт	42,88	114,5	3
III горизонт	24,89	114,5	3
IV горизонт	9,83	114,5	1
V горизонт	47,29	114,5	4
<i>городище Николаевское-II, нижний горизонт</i>	9,38	1511	20
<i>городище Николаевское-I, нижний горизонт</i>	30,4	50	2
<i>селище Константиновское-I, нижний горизонт</i>	16,9	69	1
<i>поселение Абрикосовское</i>			
Среднее значение	19,51		
I горизонт	19,83	121	1
II горизонт	26,32	121	1
III горизонт	12,4	121	1
<i>поселение Чернятино-2</i>	2,97	201,7	1
<i>Ауровское городище</i>	37,17	184	4
<i>Марьяновское городище</i>	35,28	142	6

Литература

Александрова, Г. И., Карелин Д. В. Параметры качества средового пространства в аспекте инженерного благоустройства // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2022. – Т. 24, № 5. – С. 38-47.

Гельман Е.И. Домохозяйства бохайского городища Горбатка // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2024. – № 1(64). – С. 103-112.

Гельман Е. И. Нижний строительный горизонт Краскинского городища // Археология Евразийских степей. – 2021. – № 4. – С. 17-30.

Н. Н. Крадин, Е. В. Асташенкова, С. Е. Бакшеева [и др.]. Города средневековых империй Дальнего Востока. Москва: Восточная литература, 2018. – 367 с.

Никитин Ю. Г., Чжун Сук-бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино 2 в Приморье в 2007 году. Тэджон: Корейский государственный университет культурного наследия. 348с.

Прокопец С. Д. Бохайское городище Николаевское-I: история изучения и его место среди городищ в долине р. Илстой (Лефу) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2024. – № 1. – С. 161-181.

Шавкунов В.Э. Фортификационные особенности Ауровского городища // Россия и АТР. – 2019. – № 1(103). – С. 16-23.

Robert D. Drennan (1988) Household location and compact versus dispersed settlement in prehispanic Mesoamerica. Household and community in the Mesoamerican past. 273-293

А.И. Мальцева^{1,2}

¹Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Из истории тайско-американского сотрудничества: вклад США в развитие доисторической археологии Таиланда*

**Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00003*

«История тихоокеанской археологии»

Сотрудничество в области археологии является ключевым аспектом научного познания, обеспечивающим обмен ресурсами, методологиями и современными технологиями для углубленного изучения дописьменной истории различных культур. В Таиланде совместные проекты, экспедиции и образова-

тельные программы способствовали не только открытию новых памятников и созданию новых проектов, но и формированию институтов, направленных на сохранение культурного наследия.

Таиланд и Соединенные Штаты Америки являются близкими союзниками и дипломатическими партнерами. Двусторонние отношения между этими странами были установлены в 1818 г. и закреплены договором 1833 г., что сделало Таиланд первой азиатской страной, заключившей дипломатические отношения с США. С тех пор эти отношения развивались от торговых соглашений до стратегического партнерства, охватывающего широкий спектр взаимодействий в политической, экономической, военной и научной сферах.

Музей археологии и антропологии Пенсильванского университета (The University of Pennsylvania Museum of Archeology and Anthropology) основанный в 1887 г. в Филадельфии, США, проводил свои первые экспедиции в начале XX в. Артефакты, найденные в результате раскопок в Египте, Месопотамии, Африке, Восточной Азии и Латинской Америке, составили основу первых экспозиций. Цель исследований музея заключалась в стремлении охватить всеобъемлющее изучение истории человечества на всех континентах с использованием археологических и антропологических методов.

Фролих Рейни, директор музея, искал пути расширения исследовательских программ за пределы традиционной концентрации на археологии Ближнего Востока и Центральной Америки. К началу 1970-х гг. у него возникли основания полагать, что важные открытия могут быть сделаны в Юго-Восточной Азии, основываясь на исследованиях, проведенных в Таиланде в конце 1960-х гг., в частности, в рамках тайско-датской и тайско-гавайской экспедиций. Честер Горман, зарекомендовавший себя в качестве аспиранта Гавайского университета во время работ в Пещере духов, и Элизабет Лайонс, знакомая Фролиха Рейни и представительница Фонда Форда (Ford Foundation, впоследствии спонсировавший проведение археологических исследований), находившаяся в то время в Таиланде, создали прочную основу для тайско-американского сотрудничества. (The Ban Chiang project: [сайт]. URL: <https://iseaarchaeology.org/>).

Во время строительства дороги в деревне провинции Удонтхани (Северо-Восточный Таиланд) были обнаружены многочисленные фрагменты расписной керамики, которые местные жители передали директору местной школы. В 1960 г. Чарен Пхонтеча, глава отдела археологии Департамента Изыщных искусств, ознакомился с данной коллекцией. Однако на тот момент доисторическая археология в Таиланде находилась на стадии своего становления и не вызывала особого интереса, что препятствовало проведению серьезных исследований.

Ситуация изменилась в 1966 г., когда Стивен Янг, студент Гарвардского университета и сын посла США в Таиланде, посетил деревню с целью изучения её истории. Он собрал небольшую коллекцию артефактов для передачи профессору Чин Юди из Университета Синлапакон. Это событие положило начало более серьезным исследованиям данного археологического объекта (Натапинтху 2007: 55).

В 1972 г. были проведены первые раскопки в сотрудничестве Факультета археологии университета Синлапакон и Факультета социального обеспечения Университета Тхаммасат, в результате был зафиксирован многослойный археологический памятник Банчианг (тайск. บ้านเชียง), датируемый периодом с 3600 года до н. э. по 200 года н. э. В этом же году король и королева Таиланда посетили памятник Банчианг. Этот визит привлек к памятнику внимание всей страны, а изданный после визита указ был призван остановить разграбление памятника (Gozzoli, 2021: 189).

В 1973 г. был создан «Тайско-американский археологический проект северо-восточного Таиланда» или NETAP (Thai-American Northeast Thailand Archaeological Project), В рамках этого проекта были проведены два сезона раскопок в 1974 г. и в 1975 г. под руководством П. Чароенвонгса (Департамент изящных искусств) и Ч. Гормана (Ciarla 1985: 487). Было исследовано два участка, оба места раскопок находились в относительно нетронутых местах недалеко от центра нынешней насыпи, на которой расположена деревня. Считалось, что эти места, вероятно, дадут полную стратиграфию памятника. В течение сезона NETAP 1975 г. Уильям Шоффлер, кандидат наук кафедры антропологии Пенсильванского университета, провел также археологическую разведку на северо-востоке Таиланда, на трех участках, которые, как ожидалось, были сопоставимы по возрасту с Банчианг (Бантонг, Банпхактоп, Донкланг) (White, Hamilton 2018: 20)

Параллельно с NETAP в 1974 г. начался совместный «Проект Банчианг» Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета и Департамента изящных искусств (Fine Arts Department). Ч. Горман руководил проектом в 1973 – 1981 гг., его дело продолжила Дж. Уайт, которая возглавила проект с 1981 г. Целью проекта было исследование памятника Банчианг и создание электронной базы данных.

В итоге за период полевых сезонов было обнаружено значительное количество разнообразных археологических находок (6 тонн были отправлены в Пенсильванский музей), анализ которых занял десятилетия, прежде чем были сделаны первые научные публикации (Lertchanrit, 2024: r1). Всего было иссле-

довано около 126 захоронений, богатых погребальным инвентарем, включающим в себя керамические сосуды, бронзовые и железные орудия, украшения, кости животных, бусины и др. Изначально предполагалось, что памятник является погребальным комплексом, однако теперь превалирует представление о Банчианге, как о поселенческом комплексе с интермуральными захоронениями. Большая часть памятника все еще остается не изучена ввиду того, что находится на территории ныне существующей деревни. В 1992 г. памятник был включён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. (Культурная критерия (III) Объект является уникальным ... для культурной традиции или цивилизации, которая существует до сих пор или уже исчезла), в том числе чтобы сохранить памятник от дальнейших разрушений местными жителями.

С 1984 г. по 1994 г. был запущен Тайский археометаллургический проект (Thailand Archaeometallurgy Project (TAP)), совместный проект Департамента изящных искусств Таиланда и Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета. Под руководством Сурапона Натапинтху (Университет Синлапакон, факультет археологии) и Винсента Пиготта (Азиатское отделение Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета) (Pigott, 1988: 36)

Главная цель проекта – систематическое исследование археологических и геологических данных о происхождении и развитии использования металлов в Юго-Восточной Азии. В рамках проекта были проведены раскопки на памятниках: Нонпавай, Нинкхамхаенг, Нонмакла в долине Кхао Вонг Прачан, Центральный Таиланд, древний рудник Пхулун, и памятник Банчианг, Северо-Восток Таиланда. Основные направления исследований: изучение археометаллургии (Т.О. Прайс) и обозначение региональной хронологии для территории Таиланда (Р. Чарла); Анализ керамики (Ф. Рисполи) и создание типологии литейных форм (Дж. К. Воелкер); Археоботаника (С.А. Вебер, Л. Келхофер) и анализ древней фауны (К.М. Мудар) (Thailand Archaeometallurgy Project: [сайт]. URL: <https://www.penn.museum/research/project.php?pid=10>).

На сегодняшний день деятельность TAP и «Проект Банчианг» продолжает Институт археологии Юго-Восточной Азии (Institute for Southeast Asian Archaeology (ISEAA)). В 1994 – 2013 гг. «Проект Банчианг» публиковал “The Ban Chiang UpDATE”. С 2014 г. этим занимается ISEAA. Институт также запустил новые проекты в начале XXI в.: Археологический проект Среднего Меконга (2005 г.); Археология Юго-Восточной Азии в цифровом формате (2013 г.). Дж. Уайт, в качестве ученого-консультанта Музея археологии и ан-

тропологии Пенсильванского университета, продолжает руководить анализом находок и публикацией отчетов о памятнике Банчианг в Институте.

Деятельность ТАР и «Проекта Банчианг» является ярким примером плодотворного сотрудничества, позволившего продвинуться в изучении прошлого Таиланда. Работы участников проекта, опубликованные на английском языке, увеличили доступность материалов для зарубежных исследователей, привлекли внимание к доисторической археологии Таиланда в мировом археологическом сообществе. В рамках междисциплинарного сотрудничества исследователи проводили специализированные исследования/датировку артефактов в своих странах, за неимением подходящего оборудования в Таиланде. В рамках «Проект Банчианг» большая часть артефактов была перевезена в Музей археологии и антропологии Пенсильванского университета для анализа и датировки. Огромным достижением является создание в рамках «Проект Банчианг» и в рамках деятельности Института Археологии Юго-Восточной Азии баз данных, находящихся в открытом доступе и содержащих материалы по погребениям, артефактам, а также спискам научной литературы.

Литература

Gorman C., Charoenwongsa P. Ban Chiang: A Mosaic of Impressions From the First Two Years. Bangkok: Department of Fine Arts, Bangkok National Museum, 1970. 237 p.

Gozzoli P. C., Gozzoli R. B. Outstanding Universal Value and Sustainability at Ban Chiang World Heritage, Thailand // *Heritage & Society*. 2021. Vol. 14. P. 184–215.

Ciarla R. THAILAND: Our Contribution to the Thailand Archaeometallurgy Project (TAP) // *East and West*. 1985. Vol. 35. P. 487–490.

Lertchanrit T. Review: Ban Chiang, Northeast Thailand, Volume 2 (2A, 2B, 2C, 2D) // *SPAFA Journal*. 2024. Vol. 8. P. r1–r4.

Pigott V. C. The Thailand Archaeometallurgy Project // *JOM*. 1988. Vol. 40, Issue 1. P. 36–37.

Thailand Archaeometallurgy Project // University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology [сайт]. URL: <https://www.penn.museum/research/project.php?pid=10> (дата обращения: 30.10.2024).

The Ban Chiang project // Institute for Southeast Asian archaeology (ISEAA) [сайт]. URL: <https://iseaarchaeology.org/> (дата обращения: 30.10.2024).

White J., Hamilton E. (editors). Ban Chiang, Northeast Thailand, Volume 2A: Background to the Study of the Metal Remains. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2018. 265 p.

Натапинтху С. Бапшон кхонтхай: патанакан тханг ваттанатхам конпра-
ватсад [สุรพล นาถะพินธุ. รากเหง้า บรรพชนคนไทย:
พัฒนาการทางวัฒนธรรมก่อนประวัติศาสตร์]. Корни и предки тайского народа: дои-
сторическое культурное развитие. // Крунгтхеп: матишон, 2007 (2550).
226 p. (на тайск.)

В.Р. Марченко¹

И.Ю. Понкратова¹

С.В. Батаршев²

О.С. Тупахина³

¹Магадан, Северо-Восточный государственный университет

²Владивосток, Научно-производственный центр
историко-культурной экспертизы

³Благовещенск, ООО «Палеопоиск»

Парфюмерия на севере Дальнего Востока России (на примере изучения археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск»)*

**Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество», проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И
в рамках научной темы «История города Гижигинска (XVII – начало XX вв.)»
(ФГАНУ ЦИТиС № гос. регистрации 121070600101-1)*

Введение. Предметом исследования являются относящиеся к парфюмер-
ной продукции артефакты из коллекции ОАН «Город Гижигинск» (Северо-
Эвенский район, Магаданская область) добытой Гижигинской археологической
экспедицией. В раскопе общей площадью 91 м² получены материалы, позво-
лившие конкретизировать данные об образе жизни населения Севере Дальнего
Востока России в XIX – начале XX вв.

Изучаемые артефакты были обнаружены при раскопках жилищной по-
стройки конца XIX – начала XX вв. Это относительно целые флаконы для ду-
хов (4 экз.), крышки и пробки от парфюмерных флаконов (8 экз.), помадная ба-
ночка (1 экз.), фрагменты стеклянных флаконов и помадной банки (27 экз.)

(Археологическая коллекция..., Технический отчет, 2020; Понкратова, 2024, Тупахина, 2025).

Описание предметов.

1. Флакон треугольной формы из-под духов «Маки», стеклянный ($9,4 \times 5$ см) (2 шт.) (рис. 1, 1). Рельефно изображены в нижней части емкости – стебель мака с колючками, вверху – два цветка. На боковых стенках – трафаретная печать в виде стебля с листьями. Выпуск легендарных духов «Маки» и «Красный мак» был начат на фабрике Новая заря в 1927 г. Создателем аромата выступил главный парфюмер фабрики Давид Грабер. Аромат был терпким: его композиция включала ноты не только мака, но также разных специй и гвоздики. На флаконах помещалась этикетка с изображением маков и названием продукции (Любимые ароматы...).

2. Флакон из-под духов, стеклянный (2 шт.) ($14 \times 5,5$ см) (рис. 1, 2). Емкость прямоугольной формы, овальная в сечении, с округлыми мелкими гранями по всему периметру. На одном из флаконов сохранилась закручивающаяся пробка зеленого цвета. В такие флаконы разливали духи «Красная Москва» (фабрика «Новая заря», г. Москва). Известно, что фабрика «Новая заря» представила на Всероссийской хозяйственной выставке эти духи в 1925 г. Сам аромат был составлен еще в 1913 г. парфюмером А. Мишелем, но тогда парфюм назывался «Любимый букет Императрицы» и посвящался трехсотлетию дома Романовых. Это изобретение фабрики Г. А. Брокара было заимствовано большевиками, и аромат «Красной Москвы» стал признанным советским запахом (Лебина, 2015: 142).

3. Флакон из стекла с надписью «Ed. Pinaud, Paris» из-под духов ($3,2 \times 6,4$ см) (рис. 1, 3). Флакон цилиндрической формы с прямоугольным дном. Такие флаконы для духов использовались французским производителем парфюмерии и косметики для дома – Эдуардом Пино. Основанная в Париже в 1830 г. компания предлагала широкий ассортимент высококачественной парфюмерии, включая духи, кремы и другие изделия для ухода за телом. Их продукция отличалась от других марок, имела уникальные ароматы и дизайнерские решения, что привлекало внимание покупателей. Парфюмерия марки «E.D. Pinaud» продавалась в магазинах Гостиный двор в г. Санкт-Петербурге и Муравьевский универмаг в г. Москве. Распространяли ее торговые агенты. И сегодня компания «Ed. Pinaud» производит женскую и мужскую косметику, различные аксессуары, ароматы для дома и пр. (The Story...).

4. Пластмассовые закручивающиеся крышечки от парфюмерных флаконов (4 шт.) ($1,5 \times 1$ см) (рис. 1, 5); на верхней плоскости крышки – клеймо

из двух букв «Т» и «Ж» («Трест жировой»). С 1922 г. продукцию с таким знаком выпускал «Государственный мыльно-парфюмерный завод №5 «Новая Заря» (Лебина, 2015: 142).

5. Пробки парфюмерные (рис. 1, 6–9) размером от 2 до 3 см, изготовлены из стекла. Форма пробок – округлая, вытянутая, прямоугольная с огранкой в верхней части (рис. 1, 6–8). Пробки из синего стекла (рис. 1, 9) более просты. Они использовались к флаконам, в который разливалась мужская парфюмерия – «Тройной одеколон». Предполагаем, что все эти пробки от флаконов из-под духов фабрики потомственного французского парфюмера Генриха Анри Бокара основавшего в 1864 г. в Москве предприятие по производству парфюмерной продукции. После Октябрьской революции 1917 г. фабрика была национализирована и переименована в Государственный мыловаренный завод № 5 (Михайлова, 2011).

6. Помадная баночка (помадница) (6,6 × 5,4 × 4 см) (рис. 1, 4) найдена в мусорном ящике дома XIX – начала XX вв. Помадные банки часто встречаются в городском культурном слое конца XVII – XVIII вв. Они все имеют сходную форму: цилиндрическое тулово, небольшой венчик-край, под которым проходит желобок. Особенностью таких банок являются очень толстые стенки и массивное дно. Помадные банки изготавливались из глины и покрывались непрозрачной оловянной поливой. Внутри полива всегда белая. А снаружи – цветная: голубая, синяя, желтая, фиолетовая, вишневая. Цвет поливы зачастую связан с размерами банок (Гусева, 2019).

Заключение. Таким образом, в изучаемой коллекции парфюмерные флаконы, крышки и пробки к ним представлены отечественной и иностранной продукцией. Отечественная парфюмерия производилась в основном на фабрике «Новая заря», г. Москва. С импортом из Франции в Россию связана находка флакона духов «Ed. Pinaud, Paris». Помадная баночка могла попасть в мусорный ящик из нижележащего слоя XVIII в.

Парфюмерная продукция, вероятно, поступала в Гижигинск в результате торговли и, исходя из многочисленности находок в небольшом раскопе, пользовалась популярностью у населения. Известно, что в конце XIX в. на Камчатке активно функционировали магазины, торговавшие одеколонами, духами, помадами. Хорошим тоном считалось «смазывание волос нерпячим жиром и нанесение парфюма на костюм перед походом в церковь, в гости на «вечорку»» (Сильницкий, 1897: 37). Возможно, что использование парфюмерии гижигинцами являлось желание создать определенный образ о себе, положительно повлиять на свое эмоциональное состояние.

Рис. 1. ОАН «Город Гижигинск»: 1–3 – парфюмерные флаконы, 4 – помадная баночка, 5 – крышка с клеймом «ТЖ», 6–9 – пробки от парфюмерных флаконов

Литература

Археологическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» (2024 г.) // Фонды МОО РГО (СВГУ, временное хранение).

Гусева Т. В. Про милых дам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opentextnn.ru/history/archeology/find/guseva-t-v-pro-milyh-dam/> (дата обращения: 05.03.2025).

Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

Любимые ароматы советских женщин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/41904661/> (дата обращения: 30. 03.2025).

Михайлова Л. Брокер Генрих Афанасьевич: первый русский парфюмер // Business excellence : журнал. – 2011. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим до-

ступа: <http://muzeu.sch628.edusite.ru/DswMedia/brokar.pdf> (дата обращения: 03.04.2025).

Сильницкий А. И. Поездка на Камчатку и на р. Анадырь (в 1891 – 1896 гг.). – Хабаровск: : тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1897. – 79 с.

Понкратова И. Ю. Археологические полевые работы по изучению ОАН «Город Гижигинск» в 2023 году (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ). – Магадан, 2024. – 93 с.

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток, 2020. – 303 с.

Тупахина О. С. Археологические раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «город Гижигинск» в Северо-Эвенском районе Магаданской области в 2024 г. ООО «Палеопоиск». – Новосибирск, 2025. – 175 с.

The Story of E. D. Pinaud. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ed-pinaud.com/en/the-story-of-edpinaud/> (дата обращения: 04.03.2025).

С.Г. Мельников

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

К роли В.Е. Ларичева в изучение «варварских» государств Центральной Азии

Несомненно, вклад Виталия Епифановича Ларичева в историческую науку в Сибири огромен, его обширные научные интересы касаются различных областей исторической науки таких как палеоантропология, изучение первобытного искусства и его символического значения, астроархеология, археология от палеолита до средневековья, а также изучение письменных памятников Восточной Азии. Большой опыт археологических полевых работ на территории Красноярка, Прибайкалья, Забайкалья, Приангарья, Приморья, Приамурья, странах Средней и Центральной Азии, а также Америки (Алеутские острова) синтезировался с изучением письменных источников, посвященных истории, культуре, обычаям государств и народов Дальнего Востока, в частности

В.Е. Ларичев наиболее интересовался чжурчжэнями. На протяжении 1960–90-х годов выходят множество статей и монографии затрагивающие различные аспекты проблематики киданьского, чжурчжэньского, маньчжурского общества. Данная работа посвящена рассмотрению непосредственного вклада В.Е. Ларичева и его школы в развитие современной исторической науки, на материале посвященном Центральной Азии. Также будут затронуты некоторые аспекты критики В.Е. Ларичева, как со стороны археологов, так и историков-востоковедов.

Научные изыскания В.Е. Ларичева сталкивались с критикой от коллег археологов, в частности, от А.А. Формозова. Он излагает её в своей книге, которая содержит скорее личные обиды автора и несогласие в подходе к исследованию, чем критику (Формозов 2005: 36–41). Также есть критика опубликованная в журнале Советская археология, 1981. – № 4 «Письмо в редакцию» под авторством Грязнова М. П., Столяра А. Д., Рогачёва А. Н., авторы которого уже более обстоятельно подошли к критике работ В. Е. Ларичева. Её суть сводится к нескольким замечаниям. Во-первых – научно-популярная составляющая работ превалирует над научностью, в следствии этого яркие речевые обороты и категорические высказывания автора затмевают необходимость четкой и фактически точной аргументации. Во-вторых – артефакты, которым В.Е. Ларичев придает сюжетную атрибуцию и символическое значение, при их критическом рассмотрении и наглядной демонстрации, оказываются случайным сколом, изломом или являются особенностью структуры породы. В-третьих, нарушение научной этики (Грязнов и др., 1981: 289–295). Но важно отметить, рецензия касается только археологических трудов В.Е. Ларичева с 1976–1980 гг. и сконцентрирована вокруг критики исследования памятника – Малая Сыя в Хакасии и его результатов.

Особого внимания, если не главного в этом ракурсе, заслуживает деятельность В. Е. Ларичева и возглавляемого им Сектора истории и археологии стран зарубежного Востока ИАЭТ СО РАН, созданного в начале 1970-х годов. В штат входили опытные ученые, как историки-востоковеды, так и археологи (А.Г. Малявкин, А.Я. Кряжев, Т.И. Кашина, Б.Г. Григоренко), которые воспитали новое поколение исследователей, которые комплексно, используя разные типы источников исследуют проблемы истории, археологии, филологии, этнологии и этнографии Евразии (Г.Г. Пиков, С.Н. Гончаров, С.В. Алкин, А.В. Варенов, С. А. Комиссаров, В.В. Евсюков и др.). В Центре начинается издаваться сборник материалов Комиссии по востоковедению при президиуме СО АН СССР под общим названием «История и культура Востока Азии», который в самом первом номере (вышел в 1972 г.) ставит важную установку на ис-

следование не только великих цивилизаций, но и сопредельные территории их окружающие, на которых на протяжении многих веков находились кочевые и полукочевые народы (Пиков 2002: 17). Материал, которых в них публиковался был внушительным, как по хронологическому охвату (от палеолита до Нового времени), так и по разработанности проблематики, которую затрагивали исследователи из разных научных центров Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Владивостока и Монголии. В связи с темой исследования нужно упомянуть некоторых авторов, которые издавались в сборнике: В.Е. Ларичев, А.Г. Малявкин, Г.Г. Пиков, Л.В. Тюрюмина, В.В. Евсюков, Е.И. Кычанов, В.С. Таскин, Л.Р. Кызласов, С.Т. Кожанов, В.С. Кузнецов, А.Л. Ивлиев, С.Н. Гончаренко, В.М. Воробьев, Ю.С. Худяков, В.Д. Кубарев, П. Г. Григоренко и другие. В серии есть несколько сборников статей, почти целиком посвященных проблемам археологии, источниковедения и филологии, а также социальной, политической и экономической истории кочевых и полукочевых обществ, затрагивались этнография, нумизматика и оружиеведение. В общей сложности с 1972 г. по 2025 г. вышло более 30 сборников из серии «История и культура Востока Азии».

Необходимо отметить так называемые «Проекты», переводы памятников маньчжурских источников на русский язык. По «Проекту» вышло четыре сборника в которые включены: предисловие от редактора (В.Е. Ларичев), сопровождающие проблематику статьи (В.Е. Ларичев, В.С. Мясников, Г.Г. Пиков, С.В. Алкин, В.С. Кузнецов, Е.Г. Ипатова и Н.Н. Крадин), перевод источника и комментарии к нему, которые выполняла Людмила Васильевна Тюрюмина. История этих монументальных памятников истории и литературы началась еще в XII веке, когда чжурчжэни в 1125 г. уничтожили империю Ляо, они основали империю Цзинь и создали Гошиюань – Институт истории государства для создания официальных историй государства Ляо, Сун и Цзинь (История 2007: 5). Известно, что еще в киданьской империи существовало Историографическое управление, созданное в 1075–1084 гг., но оно не опиралось на нормы составления летописей, действовавшие в Китае. Ещё император Син-цзун (1032–1054 гг.) подчёркивал, что необходимо чтобы официальная история фиксировала славу народу и для этого необходимо наиболее правдивое изложение (WF 1949: 468–469). Именно для этого киданьские императоры, могли вмешиваться в процедуру составления документов, прочитывать их и отвергать. Но работа Гошиюаня в империи Цзинь приостановилась из-за начавших завоевания монголов и как следствие, подчинения чжурчжэней, появившейся империи Юань. Работу над составлением официальных историй трех династий про-

должил в 1343 г. Токто, вставший во главе специальной Комиссии. За очень короткие сроки (меньше, чем за год), Токто представил монгольскому императору Тогон-Темуру все три хроники. В XVII веке уже маньчжурами была также организована комиссия по переводу официальной истории династий Ляо, Цзинь и Юань на маньчжурский язык. В итоге появились «Дайляо судури гуруни», «Айсинь судури гуруни» и «Дай юань суруни судури». Первый перевод появился еще в первой пол. XIX века, один из участников Пекинской духовной миссии Григорий Михайлович Розов (1808–1853 гг.) осуществил перевод «Айсинь судури гуруни». Рукопись долгое время находилась в архиве и только в 1998 г. была издана под названием «История Золотой империи». Перевод «Дайляо судури гуруни» был частично выполнен во второй пол. XIX века Г.К. фон Габеленцем, но он его не окончил, и вся масса материала на немецком языке была издана посмертно его сыном. Современным критериям академического перевода она не соответствует (История 2007: 11). Но огромными стараниями Л.В. Тюрюминой, перевод с маньчжурского все же вышел в 2007 году, В.Е. Ларичев всегда высоко оценивал переводы Л.В. Тюрюминой, называя её «переводчик от Бога» (Там же 2007: 13). Также в издание вошли две работы русских востоковедов XIX века, которые целенаправленно начали изучать историю киданей, это работы М.Д. Храповицкого и М.Н. Суровцова, подготовленные к изданию Г.Г. Пиковым. Заключительная династийная история «Дай юань суруни судури» вышедшая в 2011 году, объединила в себя перевод Л.В. Тюрюминой (Тетради I–III), а также перевод архимандрита Петра (Каменского) (Тетради IV–VI) выполненный еще в нач. XIX века. А в 2013 году вышел перевод «Маньвэнь лао дан» (Старый архив на маньчжурском языке), источник, повествующий о раннем этапе истории маньчжур с 1607–1637 гг., переведенный также Л.В. Тюрюминой.

Еще до развертывания работы по «Проектам», в конце 1970-х гг. вышла и кустарным образом распространялась рецензия на статью В.Е. Ларичева «Навершие памятника князю Золотой империи» 1974 г. и другие его работы, написанная Анатолием Гавриловичем Малявкиным, она не была издана и сейчас, если и сохранилась в полном виде, то в глубинах архива или личных фондах. А.Г. Малявкин ставит ряд принципиальных исследовательских установок, которые, он считает необходимыми элементами исследования. Он призывает абстрагироваться от китаецентризма и критически анализировать его как в источниках, так и в работах современных исследователей. При трактовке и дешифровке титулатуры он предлагает соблюдать контекстуальные основы происхождения этих титулов, в частности, в чжурчжэньской традиции. Также

он выступал против «засорения библиографии» (Пиков 2022: 91). Конкретно, к работам В.Е. Ларичева А.Г. Малявкин отмечал неудовлетворительное качество переводов. Мы не можем согласиться с полной обоснованностью этой критики. Во-первых, В.Е. Ларичев считал себя скорее мыслителем, нежели чем филологом, так для своей статьи 1974 г. и для ранее опубликованной монографии «Тайна каменной черепахи...» 1966 г. он использует перевод «Цзинь ши» осуществлённый Г.М. Розовым, тогда ещё находящийся в архиве. Но неточности в переводе никак не сказались на выводе о принадлежности черепахи (биси) и соответствующей стелы, находящейся в г. Хабаровске, к погребению Дигуная. Во-вторых, побуждение написать рецензию на работу В.Е. Ларичева у А.Г. Малявкина подкреплялось и личной неприязнью. Более обстоятельно этот момент раскрыл китайский археолог Линь Юнь, в своей статье он рассматривает историю исследования чжурчжэньских черепашек и знакомит китайских коллег с результатами изучения. Он также затронул, что у В.Е. Ларичева имеются неточности в расшифровке титулатуры, связанные с эволюцией и изменением значения конкретных иероглифов. Но отметил принципиально важную роль В.Е. Ларичева во всем исследовании черепашек. Он реконструировал взаимосвязи между всеми участниками исследования, проводившегося в период с 1880-90-х гг. итогом этого стало, что В.Е. Ларичев находит в архиве утраченные и забытые источники. Дневник Палладия (Кафарова) и первый перевод иероглифов, выполненный Шевелевым, а также карту расположения черепашек, выполненную Нахвальным (Линь Юнь: 267—284). Линь Юнь отмечает, что некоторые аргументы В.Е. Ларичева содержат элементы предположения, но они все рациональны (Там же 2019: 286), а также признаёт, что ещё до него самого, первым кто смог определить, что черепаха в г. Хабаровск относится к Дигунаю был В.Е. Ларичев (Там же 2019: 264).

В заключении хотелось бы отметить, что затронуть все аспекты, на которые смог повлиять В.Е. Ларичев чрезвычайно сложно. Талант организатора и необычный исследовательский подход к материалу, позволяли ему всесторонне развивать сибирскую историческую науку, делать это комплексно. Предоставить настоящему и будущему поколению исследователей, не только имеющийся, но зачастую немногочисленный археологический материал, но и уникальные письменные источники, для наиболее полной и осознанной картины народов Центральной Азии.

Литература

Формозов А.А. Человек и наука: Из записей археолога. — М., 2005. — 224 с.

Грязнов М. П., Столяр А. Д., Рогачев А. Н. Письмо в редакцию // Советская археология. 1981. № 4. С. 289—295.

Пиков Г. Г. Исследование средневековой восточной истории в Секторе истории и археологии стран зарубежного Востока ИАЭТ СО РАН // История и культура Востока Азии Т. 1: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. — С. 15-28.

Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907-1125). — Transactions of the American philosophical Society, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. — P. 468—469.

История Железной империи: пер. и комм. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. — С. 5—15.

Пиков Г. Г. Анатолий Гаврилович Малявкин — востоковед-«харбинец» // Могищество памяти: Казань, 2022. — С. 86—93.

Линь Юнь. Линьюнвэньцзи [林运。林运文集//考古学卷]. Сборник сочинений Линь Юнь// Каогу сюэцзюань. 2019. №1. С. 264—293 (на кит. яз.).

В.Г. Мусеев^{1, 2}

А.В. Зубова^{1, 2}

А.А. Шишкин³

¹ Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

² Магадан, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский
институт им. Н.А. Шило ДВО РАН

³Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Популяционные связи айнов Сахалина по антропологическим данным*

**Работа выполнена при поддержке РФФ, проект 22-18-00319
«Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии»*

Японский архипелаг и Сахалин представляют собой самые крупные островные территории Дальнего Востока. Географически они представляют собой части некогда единого Сахалин-Хоккайдо-Курильского полуострова (Buvit et al. 2016), который соединялся с материком в районе устья Амура. Разделение этого полуострова на отдельные острова происходило уже после окончания по-

следнего ледникового максимума. Примерно 12-11 тыс. л.н. от него отделился о. Хоккайдо, около 7 тыс. л.н. произошло окончательное отделение Сахалина от материковой части Азии.

Несмотря на то, что культурные связи между Сахалином и Хоккайдо оставались относительно стабильными вплоть до близкого к современности времени, географическая дифференциация обусловила ряд существенных различий в направлениях популяционных связей населения этих островов и специфике их хозяйственных моделей.

Хоккайдо в позднем плейстоцене заселяют носители дземонских культурных традиций, и в дальнейшем здесь фиксируется практически непрерывная линия популяционной преемственности между носителями культур дземон – дзокудземон (эпидземон) – сацумон, ведущая к современным айнам (Zgusta 2015: 49-59). На Сахалине культурные и популяционные процессы как минимум с эпохи неолита определяются динамикой взаимного влияния автохтонных, хоккайдских и амурских групп (Василевский и др. 2010), которое формирует сложную этнокультурную ситуацию.

Самой ранней культурой айнской линии на Сахалине считается анивская культура (8-3 вв. до н.э.), синхронная финальному дземону. Ее носители были вытеснены или ассимилированы носителями сусуйских традиций (Василевский, Грищенко 2012: 30) и в дальнейшем по территории Сахалина распространяются мохэско-охотские группы. Их связь с айнскими выглядит весьма неоднозначной. Предполагается, что на рубеже I и II тыс. н.э. они были вытеснены с территории Сахалина протоайнскими племенами, известными по летописным источникам под названием «кувэй» или «гувэй» (Василевский 2018). С этого периода начинается широкая экспансия протоайнского населения на Сахалин и Курильские острова, и как минимум к XVII в. айны распространяются вплоть до юга Камчатки, куда попадают через север Курильской гряды (Дикова 1983).

Проблема формирования антропологического состава близких к современности айнов Сахалина остается дискуссионной уже более 70 лет. Несмотря на то, что не вызывает сомнения тот факт, что сахалинские айны формировались на основе мигрантов с о. Хоккайдо, антропологами неоднократно фиксировались значительные различия краниологических характеристик хоккайдских и сахалинских серий. М.Г. Левин предполагал, что это связано с нивхской примесью (Левин 1958: 252). Нами ранее высказывалось мнение, что причиной может являться вхождение в состав сахалинских айнов компонента, связанного с носителями охотской культуры (Мойсеев и др. 2019: 143). А.Г. Козинцев по краниоскопическим данным предполагал смешение сахалинских айнов

с ульчами (Kozintsev 1990: 261). Исследовательский фокус концентрировался преимущественно на взаимодействии между мигрантами с Хоккайдо и автохтонным населением амуро-сахалинского региона, оставляя без внимания возможное влияние на состав сахалинских айнов населения более отдаленных территорий.

Задачей нашего исследования стал анализ краниологического состава айнов Сахалина и Хоккайдо методами многомерной статистики, и проверка предположения о том, что двухкомпонентная модель формирования антропологического состава айнов Сахалина, объясняющая их своеобразие исключительно смешением автохтонного сахалинского населения с мигрантами с Хоккайдо, может объяснять не весь спектр их краниологической вариабельности. Также был проведен анализ распространения кариеса у сахалинских и хоккайдских айнов, результаты которого позволили в первом приближении оценить географическую динамику углеводной составляющей рациона их питания, важную для понимания дифференциации моделей жизнеобеспечения.

Краниометрические характеристики айнов Сахалина (описание серии см. Моисеев, Зубова 2025) были сопоставлены с сериями черепов нивхов, ороков, ульчей, айнов Хоккайдо, носителей культурных традиций эпохи дземон, дзоку-дземон, сацумон Японского архипелага, охотской культуры Хоккайдо древнеберингоморской культуры и находками с южной Камчатки второй половины I тыс. до н.э., вероятнее всего относящихся к древнеительменской культуре.

Результаты дискриминантного канонического анализа с последующей кластеризацией координат по основным каноническим векторам методом k-средних показали, что в отличие от айнов Хоккайдо, в составе которых доминирует древний компонент, связанный с дземонскими популяциями, у айнов Сахалина наблюдается высокий уровень внутригруппового разнообразия. Формирование их антропологического состава происходило с участием нескольких линий популяционных связей. В «дземонский» кластер вместе с айнами Хоккайдо попадает меньше половины индивидов. Примерно 20% черепов демонстрирует ближайшее сходство с нивхами, столько же – с носителями древнеительменской и древнеберингоморской культуры, формирующими общий кластер, и чуть менее 15% с охотцами. Это не только подтверждает выдвигаемые ранее гипотезы о наличии в составе айнов Сахалина компонентов, связанных с охотцами, нивхами и ульчами, но и расширяет ареал их биологических связей как минимум до территории южной части Камчатки, заселенной предками современных ительменов.

Интерес вызывает тот факт, что для айнов Хоккайдо данная линия связей имела намного меньшее значение, чем для айнов Сахалина. Только один инди-

вид с Хоккайдо демонстрирует близкое сходство с древнеительменскими и древнеберингоморскими находками. Возможно это связано с культурными различиями между сахалинскими и хоккайдскими айнами, повлиявшими на стратегии их жизнеобеспечения и степень мобильности.

Частота кариеса, маркирующего наличие в составе рациона питания легкоусвояемых углеводов, в обследованной авторами серии айнов Хоккайдо составляет 22,5% (неопубликованные данные авторов), что соответствует дземонскому населению Хоккайдо (Oxenham, Matsumura, 2008) и земледельческим группам о. Кюсю и северного Хонсю (Irei et al., 2008). У айнов Сахалина этот показатель почти в два раза ниже – 11,54% (Зубова и др., 2020), что ближе к носителям охотской культуры (14,3% (Oxenham, Matsumura, 2008)), ориентированной на морские ресурсы. Изотопные характеристики костной ткани сахалинских айнов также соответствуют рациону питания, основной составляющей которого являются морские млекопитающие (Kuzmin, 2015).

Литература

Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука. 1983. 231 с.

Зубова А.В., Моисеев В.Г., Дупа С., Хартанович В.И. Патологии зубной системы у айнов Сахалина // Экология древних и традиционных обществ. Материалы VI Международной научной конференции. – Тюмень. – 2020. – С. 386-390.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР. – 1958. – ТИЭ, нов. Сер., – Т. XXXVI. – 359 с.

Моисеев В.Г., Зубова А.В., де Ла Фуэнте К., Яншина О.В., Кишкурно М.С., Чикишева Т.А. Новые краниологические и палеогенетические данные к проблеме происхождения коренного населения Хоккайдо и Сахалина // Camera praehistorica. – 2019. – № 2 (3). – С. 137–146.

Моисеев В.Г., Зубова А.В. Краниометрические данные к проблеме происхождения и популяционных связей айнов Сахалина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2025. – №1. – с. 129-137

Buvit I., Izuho M., Terry K., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula // Quaternary International. – 2016. – v. 425. – p. 100 – 119.

Irei K., Doi N., Fukumine T., Nishime A., Hanihara T., Yoneda M., Ishida H. Dental diseases of human skeletal remains from the early-modern period of Kumejima Island, Okinawa, Japan // *Anthropological science*. – 2008. – V. 116(2). – p. 149-159

Kozintsev A.G. Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours: cranioscopic data // *Journal of the Anthropological Society of Nippon*. – 1990. – V. 98(3). – P. 247-267.

Kuzmin Y.V. Reconstruction of prehistoric and medieval dietary patterns in the Russian Far East: a review of current data // *Radiocarbon*. – 2015. – V. 57(4). – P. 571-580.

Oxenham M.F., Matsumura H. Oral and Physiological Paleohealth in Cold Adapted Peoples: Northeast Asia, Hokkaido // *American journal of physical anthropology*. – 2008. – №135, – p.64–74

Zgusta R. The Peoples of Northeast Asia through Time. Precolonial Ethnic and Cultural Processes along the Coast between Hokkaido and the Bering Strait. Leiden; Boston: Brill. 2015. 452 p.

А.А. Немкова

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Неолит Корейского полуострова: терминология, периоды, культуры

Изучение корейского неолита началось сравнительно недавно, после окончания Второй мировой войны и, в частности, после отмены оккупационного режима Кореи. В начале XIX в. исследованием археологических памятников Корейского полуострова занимались японские археологи, в частности Тории Рюдзо и Фудзита Рёсаку, перу которых принадлежит первая терминология и теории происхождения гончарной традиции на полуострове. Таким образом, современная корейская археологическая терминология включает в себя несколько уникальных терминов: собственно, корейские и термины, являющиеся дословными переводами с других языков. Неверное толкование терминов может привести к искажению представлений о неолитической культуре Корейского полуострова, поэтому данное исследование направлено на систематизацию и анализ корейской археологической терминологии для дальнейшего более глубокого изучения неолита Кореи.

Археологические исследования Корейского полуострова были начаты в 1910-х гг. во время японской оккупации полуострова, оказавшей значительное влияние на научную сферу. В этом контексте выдающееся значение имеют работы археолога Тории Рюдзо (鳥居 龍蔵), который провел первые исследования стоянок каменного века в провинциях Пхёнан (평안도), Хванхэ (황해도) и Кёнгидо (경기도). В 1916 г. были опубликованы результаты обследований, где Рюдзо описал первые находки гребенчатой керамики в данном регионе. На основании собранного материала, опираясь на антропологическое понимание особенностей материальной культуры как расовых различий, Тории Рюдзо разделил на основании керамического материала население Кореи на две группы – хусуюмун (후수유문) и баксумумун (박수무문) (Ан Сынмо, 2016). Первые проживали во внутренней части полуострова, преимущественно по берегам рек и использовали плоскодонную керамику. В то время как вторые, баксумумун, проживали на побережьях, активно использовали ресурсы моря, о чем свидетельствуют многочисленные памятники с раковинными кучами, а также использовали в быту керамику с заостренным дном. Остродонная керамика была выделена как уникальная, получив отдельный термин для обозначения – баксуюмун (박수유문토기) – орнаментированная керамика населения побережья или просто «керамика юмун (유문토기, 有紋土器)».

В 1930 г. японский археолог Фудзита Рёсаку (藤田亮策) опубликовал работу, посвященную распространению глиняной посуды типа чыльмонмун (즐목문토기) (Фудзита Рёсаку 1930). В своем исследовании Фудзита Рёсаку впервые употребил для гребенчатой керамики термин «чыльмонмун», который является дословным переводом понятия «камкерамика» (캄케라믹). Термин «kammkeramik» происходит из немецкого языка и представляет собой сочетание слов "гребень" (kamm) и "керамика" (keramik), обозначающее глиняную посуду с глубоким бочкообразным дном, украшенным гребенчатым орнаментом, популярным в 3 тыс. до н.э. в Северной Евразии (Shaw, Jameson, 2002). Важным аспектом является метод нанесения орнамента, который выполняется при помощи вдавления или гравировки по сухой поверхности сосуда (Нордквист, Мёккёнен 2015).

Фудзита Рёсаку обозначил эту культурную связь как «северная теория», предполагая существование камкерамической сети культур каменного века, охватывающих Северное полушарие, включая Скандинавию, Сибирь и Аляску

(Ким Сонтхэ 2015). В этом контексте культура гребенчатой керамики Корейского полуострова рассматривается как ответвление от упомянутой камкерамической культуры (Им Сантэк 2017). Керамика этих регионов, по мнению исследователя, имеет сходные черты, в первую очередь в орнаментации сосудов. Однако последующие исследования опровергают это заключение.

После освобождения Кореи от японской оккупации начинается новый этап в археологии региона – самостоятельное изучение собственной дописьменной истории. Корейские археологи доказали несостоятельность термина «чыльмонмун тхоги» и ввели новый «чыльмун», обозначающий гребенчатый узор керамики, который является актуальным до настоящего времени.

В современных научных исследованиях активно применяется два термина, касающихся неолита Кореи: «писсаль мун» и «чыльмун». Оба эти термина имеют общее происхождение и восходят к китайскому слову «чыльмун тхоги», обозначающий специфический тип керамики периода. Начиная с 1945 г., корейские археологи стали активно использовать термин «писсаль мун», как точный перевод китайского иероглифического написания «чыльмун». В то время как «чыльмун» сам по себе представляет корейское прочтение этого китайского термина.

Типичный глиняный сосуд эпохи неолита характеризуется наличием гребенчатого узора, обладает эллипсовидной формой. Эти сосуды декорируются геометрическим орнаментом в виде точек или прочерченных линий, наподобие гребенки по всему тулову изделия. В современном дискурсе для обозначения такого характерного остродонного сосуда с параллельными косыми прочерченными линиями используется термин «писсаль мун», тогда как для обозначения остальной керамики неолита с иными разнообразными геометрическими орнаментами применяется термин «чыльмун». Около 1500 г. до н.э. керамика чыльмун была полностью ассимилирована керамикой типа мумун, отличающейся полным отсутствием орнамента. Таким образом, термин «чыльмун», по сути, является эквивалентом понятия «неолит».

Во многом представления в 1950-х гг. о чыльмун и мумун согласуются с концепцией Тории Рюдзо. Явное сходство можно наблюдать в последовательном перемещении населения с побережья вглубь полуострова, что обусловлено различиями в образе жизни чыльмун (неолита) и мумун (бронзового века). Именно с 1960-х гг. термин «чыльмун» утвердился в научной литературе, ассоциируясь с неолитическим периодом и охватывая весь спектр глиняной посуды региона.

По мере накопления новых археологических материалов наблюдается значительное изменение в понимании происхождения неолитической гончар-

ной культуры. В частности, в 1960-1970-х гг. происходит окончательный отход от «северной теории» камкерамики и разрабатывается теория автохтонного происхождения чыльмун.

Ключевую роль в этом процессе сыграл корейский археолог Ким Воллён, который в своих работах «Основы археологии Кореи» в 1972 и 1973 гг., используя материалы раскопок раковинной кучи в Тонсамдоне, радикально пересмотрел существующие взгляды о ранних формах керамики (Ким Воллён 1986). В частности, было установлено, что обнаруженная на памятнике Осанни более грубая керамика с органической примесью предшествовала гребенчатой, что противоречило ранее установленным хронологическим рамкам появления керамики на полуострове (Чхве Джонтхэк 2010).

С момента обнаружения в 1980-х гг. керамика Косанни была признана самой древней известной керамикой неолитического периода, найденной в Коре, с абсолютной датировкой около 8 – 7,5 тыс. л. до н. э. Эта керамика изготовлена из глины с органическими примесями, такими как растительные волокна, и имеющая на некоторых обнаруженных фрагментах налепные валики.

В 1985 г. для обозначения керамики южного побережья Лим Сантхэком был введен новый термин – юнгимун (Чхве Джонтхэк 2010). Стоит отметить, что керамика данного типа не получила широкого распространения на всей территории Кореи. Проявившись изначально на о-ве Чеджудо, она затем была перенесена на южное, а позже на восточное побережье полуострова, претерпев значительные стилистические изменения, и полностью исчезая около 7 тыс. л. до н.э. с появлением гребенчатой керамики на западном побережье полуострова.

Несмотря на то, что точное происхождение этой керамики до сих пор остается неясным, выдвигается гипотеза о том, что юнгимун может представлять собой ответвление от неолитической культуры Российского Дальнего Востока.

Сейчас гребенчатую керамику чыльмун принято делить по стилистическим особенностям форм и орнаментации на: северо-западный, северо-восточный, центрально-западный, центрально-восточный и южный районы. Северо-западный район находится к северу от р. Чхончхонган с центром на р. Амноккан и граничит с северо-восточным районом Китая. Северо-восточный регион граничит с Приморским краем России и охватывает приустьевую часть бассейна р. Туманная. Центрально-западный – включает бассейны р. Тэдонган и Ханган (наиболее значимый памятник – Амсандон, в г. Сеул). Центрально-восточный – р-н Йондон (территория к востоку от Восточно-корейских гор), провинция Канвондо. И южный район, включающий в себя южное побережье с прилегающими островами.

Керамическая посуда каждого из районов отличается локальным морфологическим и орнаментальным своеобразием. Например, основным отличием между северо-восточным, северо-западным и центрально-западным регионами является отличие в форме сосудов. Если на севере распространены сосуды с плоским дном, то в центральном районе полуострова использовались сосуды с заостренным дном. Районное деление керамики следует рассматривать как условное, так как каждый район подвергался собственным процессам трансформации, заимствуя элементы форм и орнамента со смежных территорий. В результате проведенного исследования, можно заключить, что считавшееся ранее отдельными самостоятельными культурами, является лишь стилистическими особенностями района и требует пересмотра подходов к выделению культур.

Литература

Ан Сынмо. Хангук синсокки сидэ ёнгу (Изучение периода неолита в Корее). Сеул: Согён мунхваса, 2016. 398 с. (на кор. яз.)

Им Сантэк. Критический обзор происхождения и систематики в корейской археологии: по материалам эпохи неолита и бронзы // Хангук когохагбо. 2017. № 102. С.196-249. (на кор. яз.)

Ким Воллён. Хангук когохак кэсолъ (Основы археологии Кореи). Сеул: Ильджиса, 1986. 293 с. (на кор. яз.)

Ким Сонтхэ. Худжитха Рёсакху-ый Чосон сонса когохак ёнгу-ва кы ёнхян: чхыльмун тхоги-ва чисонмё ёнгу-рыль чунсим-ыйро (Исследование влияния Фудзиты Рёсаку на корейскую первобытную археологию – фокус на изучение глиняной керамики чыльмун и дольменов). Дисс. магистра. Ун-т Аджу, 2015. 74 с. (на кор. яз.)

Нордквист К., Мёккёнен Т. Переосмысление типичной гребенчатой керамики по А. Эйрпя // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Отв. ред. Г.А. Хлопачев; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2015. С. 208–217.

Фудзита Рёсаку. О распространении глиняной посуды Чумокмун. Журнал Чхунчхонхак. Т.2. 1930. (на яп. яз.)

Чхве Джонтхэк. Сложение и распространение технологии изготовления керамики в древности // Ханбандо-ый хык, тоджаги-ро тхэонада (Корейская земля, рождение керамики). История корейской культуры. Т. 32. Квачхон: Кука пхёнчхан вивонхве. 2010. С. 45-60 (на кор. яз.)

Shaw Ian, Jameson Robert. A Dictionary of Archaeology. Blackwell Publishing Ltd., 2002. 640 p. (на англ. яз.)

**«Тайны» острова Чундо:
археологические памятники и культуры***

**Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН
№ FWZG-2025-0002 «Общее и особенное в траекториях развития древних
культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до средневековья»*

Провинция Канвондо находится в центральной части Корейского полуострова, на побережье Японского (Восточного) моря. Этот регион Республики Корея до недавнего времени считался удаленной от основных культурных центров периферией. Цель статьи – продемонстрировать на примере одного из малоизвестных до сих пор археологических комплексов пров. Канвондо, Острова Чундо, важность и значимость региональных исследований для изучения археологии и древней истории Восточной Азии.

Чундо – небольшой сдвоенный остров на р. Пукханган, расположенный в 700–800 м к западу от пристани в р-не Кынхвадон на западной окраине г. Чхунчхон пров. Конвондо Республики Корея. Изначально он представлял собой часть материка, но в результате строительства плотины Ыйам ниже по течению р. Пукханган в 1967 г., низкие участки суши были затоплены, а возвышенные превратились в острова. Самым крупным из них является Чундо. Первоначально остров был 8-образной в плане формы. В настоящее время он разделен искусственным проливом на 2 части: большую южную Хаджундо («Нижний Чундо») и меньшую северную Санджундо («Верхний Чундо»). Суммарная площадь обеих частей о. Чундо составляет ок. 5,5 кв. км (Ли Гонму и др. 1981: 2-3).

О существовании археологических объектов на Чундо стало известно в 1977 г. благодаря разведкам, проводившимся отрядом Национального музея Республики Корея. Тогда к моменту обследования в результате размыва берегов острова, в его прибрежной полосе образовались обнажения культурного слоя, из которых были извлечены фрагменты гладкостенной посуды с налепными валиками и без них, сосудов с типа *кимхэ* и шлифованные каменные орудия. Также обнаружено и обследовано 2 дольмена (Ким Джээль 1980: 4).

Первые археологические раскопки на о. Чундо состоялись в 1980–1984 гг. Это были небольшие по масштабам академические изыскания, проводившиеся

в различных частях острова сотрудниками Национального музея Республики Корея и Музея университета Канвон. В результате этих работ раскопано 3 жилища (1981, 1984 г.) (Ли Гонму и др. 1981: 24-27; Чи Гонгиль, Ли Ёнхун 1984: 19-20, 22-23) и 9 дольменов бронзового века (1982-1984 гг.) (Пак Хансоль и др. 1982: 83-121; Чи Гонгиль, Ли Ёнхун 1983: 13-17; 1984: 20-23; Чхве Боггю 1984а: 32-34), 2 жилища раннего железного века (1980, 1982 гг.) (Ли Гонму и др. 1980: 34-38; Чи Гонгиль, Хан Ёнхи 1982: 42-53), средневековый курган с каменной насыпью (Пак Хансоль и др. 1982: 4-82). Параллельно с целью выявления новых памятников проводились и археологические разведки, давшие немногочисленные подъемные находки эпохи неолита – раннего средневековья (Чхве Боггю 1984б: 60-63). Тогда результаты исследований на Чундо не представлялись значительными и не получили широкого освещения ни в прессе, ни в научных или справочных изданиях. Вся деятельность по их анализу и интерпретации ограничилась подготовкой отчетной документации о проведенных археологических полевых работах.

Новый этап в изучении культурного наследия о. Чундо начался в 2009 г., когда стартовала инициированная правительством Республики Корея 5-летняя программа восстановления 4 больших рек Южной Кореи – Ханган, Нактонган, Кымган и Ёнсанган (2009-2013 гг.), а в 2013 г. и другой значимый проект – строительство Парка развлечений Леголенд на самом о. Чундо (2013-2017 гг.) (Суслин 2011; Ли Хёнгу 2020). Это позволило провести на территории Чундо масштабные археологические исследования, очертившие всестороннюю картину его древней культуры и показавшие значение территории для исследований по археологии и истории Кореи и сопредельных территорий.

Исследования подтвердили, что начало заселения древним человеком о. Чундо относится к периоду позднего неолита (середина II тыс. до н.э.). К этому времени принадлежит открытый очаг и 6 хозяйственных ям (Ли Хёнвон б/г). Самые поздние археологические объекты острова датируются временем существования династии Ли / Чосон (XIV-XIX вв.) (Чан Усун 2021: 51]. Но настоящим сюрпризом для ученых и общественности стало открытие на о. Чундо не имеющих аналогов для данной территории крупных археологических комплексов периодов бронзового и раннего железного веков.

Наибольшее количество материалов о. Чундо относится к периоду бронзового века (X-V вв. до н.э.). Это 1273 жилища, 745 хозяйственных ям, ров, 14 скоплений столбовых ямок (вероятно, остатки наземных построек), 150 погребений, 20 дренажных канавок и остатки древних грядок. Наиболее интерес-

ными объектами этого периода являются поселение со рвом и мегалитические погребальные комплексы.

Поселение со рвом Остров Чундо, проект Леголенд, участок В1, Е1 изучено на западе острова. Ров U-образный в сечении, шириной 1,7-2,5 м, глубиной до 1,2 м. Он ограничивает площадку подпрямоугольной в плане формы, длиной 121,6 м, шириной 87,2 м, площадью 9516 кв. м, на которой расположено более 900 жилищ с неглубокими квадратными и прямоугольными котлованами (рис. 1). Инвентарь конструкций представлен гладкостенной керамической посудой и шлифованными каменными орудиями. В 2 жилищах комплекса (№ 37 и 40) выявлены предметы культуры Древнего Чосона – бронзовый скрипковидный кинжал и веерообразный кельт. Это стало сенсацией, т.к. подобные изделия до сих пор были обнаружены только в погребениях (Ли Хёнгу 2015: 376-379; Чон Вончхоль 2022: 400).

Дольмены присутствуют практически на всех участках раскопок, где обнаружен культурный слой бронзового века. Покровные плиты многих из них были уничтожены, поэтому такое колоссальное количество конструкций удалось обнаружить только благодаря археологическим раскопкам. Дольмены о. Чундо представляют собой мегалитические сооружения со сплошными или кольцевыми каменными насыпями в большинстве случаев четырехугольных очертаний, в центре которых располагалась накрытая массивной покровной плитой камера, построенная из уложенных слоями или поставленных на ребро каменных плит. В одном из подобных дольменов обнаружен бронзовый скрипковидный кинжал, что указывает на связь культуры бронзы о. Чундо с культурой Древнего Чосона (О Ганвон 2024: 34, 49; Чон Вончхоль 2022: 400).

Также на юго-востоке о. Чундо раскопано крупное поселение культуры раннего железного века (III в. до н. э. – I в.) – Остров Чундо, проект Леголенд, участок D4. На нем исследовано 33 жилища, 76 хозяйственных ям, ровик и 3 наземные постройки. Ров V-образный в сечении, длиной ок. 130 м, ширинок до 1,7 м и до 1,5 м глубиной ограничивает поселение с западной, противоположной от реки стороны. Зафиксировано 2 типа жилищ – полуземлянок: двухкамерные и подпрямоугольные (5-угольные) с прямоугольным тамбуром – входом (рис. 2). В средней части жилищ располагался очаг с галечным основанием и глиняным бортиком. В 3 жилищах зафиксированы Г-образные и прямые одноканальные каменно-земляные каны. Многочисленные хозяйственные постройки – ямы подовальной, округлой и подквадратной в плане формы. Находки керамики в них указывают на то, что они служили хранилищами запасов поселка. Скопления столбовых ямок, представляющие собой остатки наземных

сооружений, безынвентарные. Возможно, они являлись центрами проведения общинных ритуалов. Инвентарь поселения представлен неорнаментированной и сероглиняной керамикой, а также железными изделиями, в основном, ножами (Пак Донсон, Ли Михва 2017: 65-67; Пак Донсон 2018: 42-46).

Таким образом, благодаря археологическим работам последних лет на о. Чундо выявлен уникальный комплекс археологических памятников эпохи неолита – позднего средневековья. Но прежде всего, Остров Чундо – один из крупнейших поселенческих комплексов периода бронзового века на территории Южной Кореи. Его существование охватывает все этапы эпохи бронзы и дает археологам и историкам богатый материал о развитии культуры бронзы Кореи, ее внешних связях, хозяйстве, хронологии и периодизации. Это также и крупное поселение раннего железного века (культуры *чундо*), демонстрирующее преемственность традиций эпохи бронзы и раннего железа, культуры раннего железного века и раннего средневековья (Пэкче) на Корейском полуострове, а также связи центральной Кореи с районами северо-восточной части Корейского полуострова, Маньчжурии и Приморья.

*Рис. 1. Поселение Остров Чундо, проект Леголенд, участок В1, Е1.
Вид сверху (по: Ли Хёнгу 2015: рис. 2)*

*Рис. 2. Остров Чундо, проект Леголенд, участок D4.
Вид сверху (по: Пак Донсон, Ли Мухва 2017: фото 1)*

Литература

Ким Джээль. Краткое сообщение об археологических раскопках на о. Чундо в г. Чхунчхон // Панмульгван синмун. 1980. №108. С. 4 (на кор. яз.).

Ли Гонму, Ли Гансын, Хан Ёнхи, Ким Джээль. Чундо джинджон бого II (Чундо II: отчет о раскопках, продолжающееся издание) Сеул: Куннип чунан банмульгван, 1981. 133 с. (на кор. яз.).

Ли Гонму, Ли Гансын, Хан Ёнхи, Ким Сонтхэ. Чундо джинджон бого I (Чундо I: отчет о раскопках, продолжающееся издание). Сеул: Куннип чунан банмульгван, 1980. 156 с. (на кор. яз.).

Ли Хёнвон. Памятник Остров Чундо // Хангуг минджок мунхва дэбэкква саджон (Энциклопедия культуры корейского народа). – б/г. [Электронный ресурс]. – URL <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0053726> (дата обращения 23.03.2025) (на кор. яз.).

Ли Хёнгу. Разве правильно будет построить Леголенд на руинах памятника Остров Чундо? // Кёнхян синмун. – 2020 [Электронный ресурс]. – URL

<https://www.khan.co.kr/article/202001022050005> (дата обращения 11.03.2025) (на кор. яз.).

Ли Хёнгу. Древняя община о. Чундо // Хангук кодэса ёнгу. 2015. № 21. С. 371-438 (на кор. яз.).

О Ганвон. Время сооружения и эволюция скоплений дольменов комплекса памятников Чундо Леголенд в г. Чхунчхон // Пэкче ёнгу. 2024. № 79. С. 21-58 (на кор. яз.).

Пак Донсон, Ли Михва. Отчет об археологических раскопках объектов культурного наследия на объекте Остров Чундо, проект Леголенд, участок D-4 // Чунбу когохакхве хаксуль бальпхё (Мат-лы Симпозиума Ассоциации археологии центральной Кореи). 2017. № 2. С. 65-73 (на кор. яз.).

Пак Донсон. Поселение со рвом периода до трёх государств и трёх государств (Пэкче) на объекте Остров Чундо, проект Леголенд, участок D4 // Хангук когохак чоноль 2017. 2018. б/н. С. 42-47 (на кор. яз.).

Пак Хансоль, Чхве Боггю, Но хёгджин, Чхве Ынджу. Чундо пальгульджоса богосо (Отчет об археологических раскопках на о. Чундо). – Чхунчхон: Канвон дэхаккё банмульгван, 1982. 133 с. (на кор. яз.).

Суслин С.С. Значение научно-технических ресурсов в современном развитии Южной Кореи // Мировое и национальное хозяйство. – 2011. – № 2 (17) [Электронный ресурс]. – ULR <https://mirec.mgimo.ru/2011/2011-02/znachenie-nauchno-tehnicheskikh-resursov-v-sovremennom-razvitii-yuzhnoj-korei> (дата обращения 23.03.2025).

Чан Усун. Историческая ценность древних памятников о. Чундо и отношение к ним в корейском обществе // Сондо мунхва. 2021. № 30. С. 43-76 (на кор. яз.).

Чи Гонгиль, Ли Ёнхун. Чундо джинджон бого IV (Чундо IV: отчет о раскопках, продолжающееся издание) Сеул: Куннип чунан банмульгван, 1983. 180 с. (на кор. яз.).

Чи Гонгиль, Ли Ёнхун. Чундо джинджон бого V (Чундо V: отчет о раскопках, продолжающееся издание) Сеул: Куннип чунан банмульгван, 1984. 184 с. (на кор. яз.).

Чи Гонгиль, Хан Ёнхи. Чундо джинджон бого III (Чундо III: отчет о раскопках, продолжающееся издание). Сеул: Куннип чунан банмульгван, 1982. 177 с. (на кор. яз.).

Чон Вончхоль. Памятник Остров Чундо // Хангук когохак саджон: чхондонги сие пхён (чынбопхан) (Словарь корейской археологии: бронзовый век

(новая редакция)): в 3 т. – Т 2 / Отв. ред. Хван Инхо. Тэджон: Куннип мунхваджэ ёнгусо, 2022. С. 397-401 (на кор. яз.).

Чхве Боггю. Чундо юджок палгыль джоса бого (Отчет об археологических раскопках на памятнике Остров Чундо). Чхунчхон: Канвон дэхаккё банмульгван, 1984а. 61 с. (на кор. яз.).

Чхве Боггю. Чундо юджок чипхё джоса бого (Отчет об археологических разведках на памятнике Остров Чундо). – Чхунчхон: Канвон дэхаккё банмульгван, 1984б. 126 с. (на кор. яз.).

Е.Ю. Никитин

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Новые данные о поселении «Первостроителей 1» по результатам исследований 2024 года

Местоположение и история исследования памятника. ОАН «Первостроителей 1. Поселение» расположен на мысовидном отроге прибрежной сопки, на побережье бухты Врангеля в Находкинском ГО Приморского края. Памятник был открыт в 1990 г. Ю.Г. Никитиным (*Никитин Ю.Г. 1990*), определен, как раннесредневековое поселение, часть которого разрушена железной дорогой. Впоследствии был обследован в 2012 году Лазиным Б.В. (*Лазин Б.В. 2012*). Затем в 2021 году П.А. Афремовым, площадь памятника определена в 1409 кв.м., установлена его датировка: ранний железный век – раннее средневековье. В 2022 и 2023 году обследование прилегающей территории проводилось Никитиным Е.Ю. и Дюковым Е.И. (*Никитин Е.Ю. 2022, Дюков Е.И. 2023*). В ходе обследования 2022 года был выявлен участок, имеющий отношение к поселению «Первостроителей 1», представлявший собой узкую возвышенность, вытянутую с северо-запада на юго-восток, между железной дорогой и ограждением портового терминала (рис. 1). Было предварительно установлено, что на площади ок. 1000 кв.м. распространяются, насыщенные древними артефактами, поврежденные остатки культурного слоя, являющиеся частью ОАН «Первостроителей 1. Поселение».

Спасательные исследования 2024 года. Летом 2024 года археологическим отрядом ООО «НПЦ «Наследие-ДВ»» были проведены спасательные археологические исследования южного участка памятника «Первостроителей 1. Поселение», в зоне строительства контейнерного терминала ООО «ВСК», на территории порта Восточный (*Никитин Е.Ю. 2024*). Раскоп, общей площа-

дью 1000 кв. м., был заложен на ранее выявленной узкой возвышенности (высотой 3–5 м, шириной с запада на восток 8–11 м), вытянутой вдоль западного края железнодорожных путей. Возвышенность, располагалась в 50 м к западу от основной части ОАН «Первостроителей 1. Поселение».

По результатам исследований, было установлено, что вся верхняя часть массива возвышенности состоит из перемешанных напластований, образовавшихся за счет срезания части прибрежной сопки во время прокладки железнодорожной линии в 1970-х гг. Остатки насыщенных находками слоев выявились в северной части раскопа на площади ок. 450 кв.м., где перемещенный грунт включал большие объемы переотложенного культурного слоя с древними артефактами, состоял из темно-коричневых суглинков, частично перемешанных со светло-коричневой материковой глиной. Этот горизонт разделялся на две части – верхнюю, мощностью около 50 см, в которой содержание культурного слоя достигает почти 80%, и нижнюю, мощностью около 30–40 см, где преобладают материковые суглинки и глина, как следствие, содержание археологического материала резко уменьшается. Средняя мощность культуросодержащих отложений в северной части раскопа составила 40–75 см. В южной части раскопа перемешанные напластования представляли собой не включающий остатки культурного слоя, строительный отвал.

В целом, можно заключить, что весь объем раскопанной части возвышенности представлял собой массу перемещенного грунта, возникшую при сооружении железной дороги с северо-западной части мыса, на котором расположена основная часть археологического памятника «Первостроителей 1. Поселение». В процессе перемещения культурный слой был смешан с материковым суглинком. Поэтому культурные остатки в виде обломков орудий и керамики из разрушенных древних жилищ оказались в толще этих отложений в перемешанном виде. Несмотря на переотложенные характер исследованных напластований и отсутствие каких-либо данных о поселенческой структуре разрушенной части памятника, при проведении раскопок была получена представительная археологическая коллекция из более чем 8800 артефактов, включающая керамическую кухонную посуду и ее обломки, каменные и железные изделия.

Археологическая коллекция. Наибольшая часть коллекции артефактов отнесена к янковской археологической культуре эпохи палеометалла (VIII–IV вв. до н.э.), кроме того выделены серии артефактов, относящиеся к зайсановской археологической культуре эпохи неолита (III–II тыс. лет до н.э.), а также мохэской культуре раннего средневековья (VI–VIII вв. н.э.). Небольшая часть археологической коллекции (фарфор, гвозди, скобяные изделия, бронзо-

вая монета) относятся к началу XX века, когда поблизости от места проведения спасательных раскопок располагалось село Поворотное.

Керамическая коллекция, раскопа 1 насчитывает 8232 ед., относящихся к различным культурно-историческим периодам. Из-за переотложенного характера залегания археологических находок, керамическая коллекция раскопа 1 памятника «Первостроителей 1. Поселение» сильно фрагментирована, археологически целых сосудов не встречено, восстановление формы сосудов затруднительно. Исходя из характерных признаков, вся керамическая коллекция может быть разделена на четыре культурных компонента: зайсановская культура эпохи неолита, янковская культура эпохи палеометалла, мохэская культура эпохи средневековья и керамика периода этнографической современности.

Керамика эпохи неолита. Составляет не более трех десятков неорнаментированных и орнаментированных фрагментов стенок сосудов, несколько венчиков и двух донышек от разных сосудов. Неолитическая керамика по составу теста и примесей, характеру обжига, цвету и толщине черепков, соответствует керамике среднего и позднего этапа зайсановской культуры, характерного для таких ближайших по расположению памятников как Перевал 1 (*Медведев В.Е. 2000*), Волчанец-1 (*Вострецов Ю.Е. 2018*) в устье р. Волчанки залива Восток и поселения Булочка (*Деревянко, Ким и др., 2004: 297*). Учитывая обнаруженные обсидиановые отщепы и скребки на отщепах, всю неолитическую коллекцию можно соотнести с валентиновской группой памятников, датированных по нижнему слою памятника Валентин-перешеек в диапазоне от 4900 до 4320 лет назад (*Гарковик А.В. 1988*).

Керамика эпохи раннего железного века (янковская культура). Составляет наибольшую часть от всех идентифицированных фрагментов сосудов – 99 %. Коллекция янковской керамики из Раскопа 1 включает в себя более 8 тыс. фрагментов лепных сосудов, характерных для янковской археологической культуры: плоскодонные сосуды с горловиной – горшки, сосуды без горловины – миски, чашки, тарелки, сосуды на поддонах. Основу формовочной массы составляют легкоплавкие глины с высоким содержанием железа. В составе керамического теста присутствуют минеральные примеси (кварц, полевой шпат, слюда и др.) в виде как крупных (до 3 мм), так и мелких (0,5-2мм) включений. Основными приёмами обработки поверхности на многих фрагментах является лощение и ангобирование. На нескольких десятках фрагментов керамики, в основном обломках тарелок, мисок, чаш есть следы пигмента, придающие покрытию красный цвет. Часть фрагментов имеет тёмную окраску в результате «дымления». Около 10-15% всей янковской керамики декорирована. Рельефный декор

представлен многочисленными вариантами сочетания углубленного, выпуклого, прочерченного, прорезного орнаментов, характерных для янковской культуры (Андреева, Жущиховская 1986).

Керамика эпохи бронзового века (всего 5 фрагментов). Представлена двумя фрагментами неорнаментированных венчиков сосуда и тремя орнаментированными венчиками сосуда ручной лепки и окислительного обжига. От остальных эпох данные фрагменты отличает приостренная, загнутая наружу кромка венчика, а также орнаментация на кромке венчика в виде вертикальных насечек.

Керамика эпохи раннего средневековья (мохэская культура). Выделено всего 5 фрагментов, представлена одним фрагментом орнаментированной стенки сосуда и тремя фрагментами орнаментированных венчиков. Типичная мохэская керамика отличается ручной лепкой и окислительным обжигом. На фрагментах встречены такие характерные черты культуры мохэ как гребенчатый штамп, налепные валики с насечками.

Каменные и обсидиановые изделия. Насчитывают 73 единицы, в основном представляют собой хозяйственно-бытовой инвентарь: абразивы (2 экз), грузила (7 экз), наконечники стрел и их фрагменты (6 экз), рубящие орудия и их фрагменты (13 экз), ложила (6 экз), мотыги и их фрагменты (4 экз), ножи (1 экз), отбойники и их фрагменты (3 экз), отщепы (9 экз), скребки (6 экз), фрагмент точильного камня (1 экз), фрагмент куранта (1 экз), фрагмент терочника (1 экз). Из украшений можно отметить 2 цилиндрических бусины. Большинство изделий может быть отнесено к янковской археологической культуре.

Особый интерес представляют два фрагмента, составляющие части шлифованного кинжала с хорошо сохранившейся рукоятью и нижней частью лезвия. Находки подобных кинжалов широко известны из раскопок памятников янковской культуры в Приморье, таких как Славянка-1, Песчаный-1, Чапаево, Малая подушечка и др. (Андреева, Жущиховская и др. 1986: 55,86,123).

Железные изделия (5 экз), представлены фрагментом чугунного котла, 3-мя рыболовными крючками и сильно коррозированным наконечником стрелы. Костяные изделия представлены одной находкой – фрагментом костяного гарпуна янковской культуры. Керамические изделия (14 экз) представлены орнаментированными (4 экз) и неорнаментированными (7 экз) пряслицами, фрагментом глазурованной керамики и ножкой от керамической фигурки.

Выводы. По итогам археологических исследований было установлено, что остатки насыщенного археологическими находками напластований выявились в северной части раскопа, на площади около 450 кв.м. Отложения, включающие переотложенный культурный слой, были сформированы в 1970-х гг,

в результате разрушения западной части прибрежной сопки и сваливания перемещенного грунта во время прокладки ж/д ветки. Судя по старым картам, разрушению подверглась мысовидная часть сопки, расположенная ближе всего к береговой линии. Вероятно, именно эта часть поселения содержала преимущественно янковский компонент. Можно предполагать, что изначальная площадь памятника была в 2-3 раза больше современной. Выявление серии неолитических артефактов позволяет расширить диапазон датировки всего памятника до периода от неолита до средневековья.

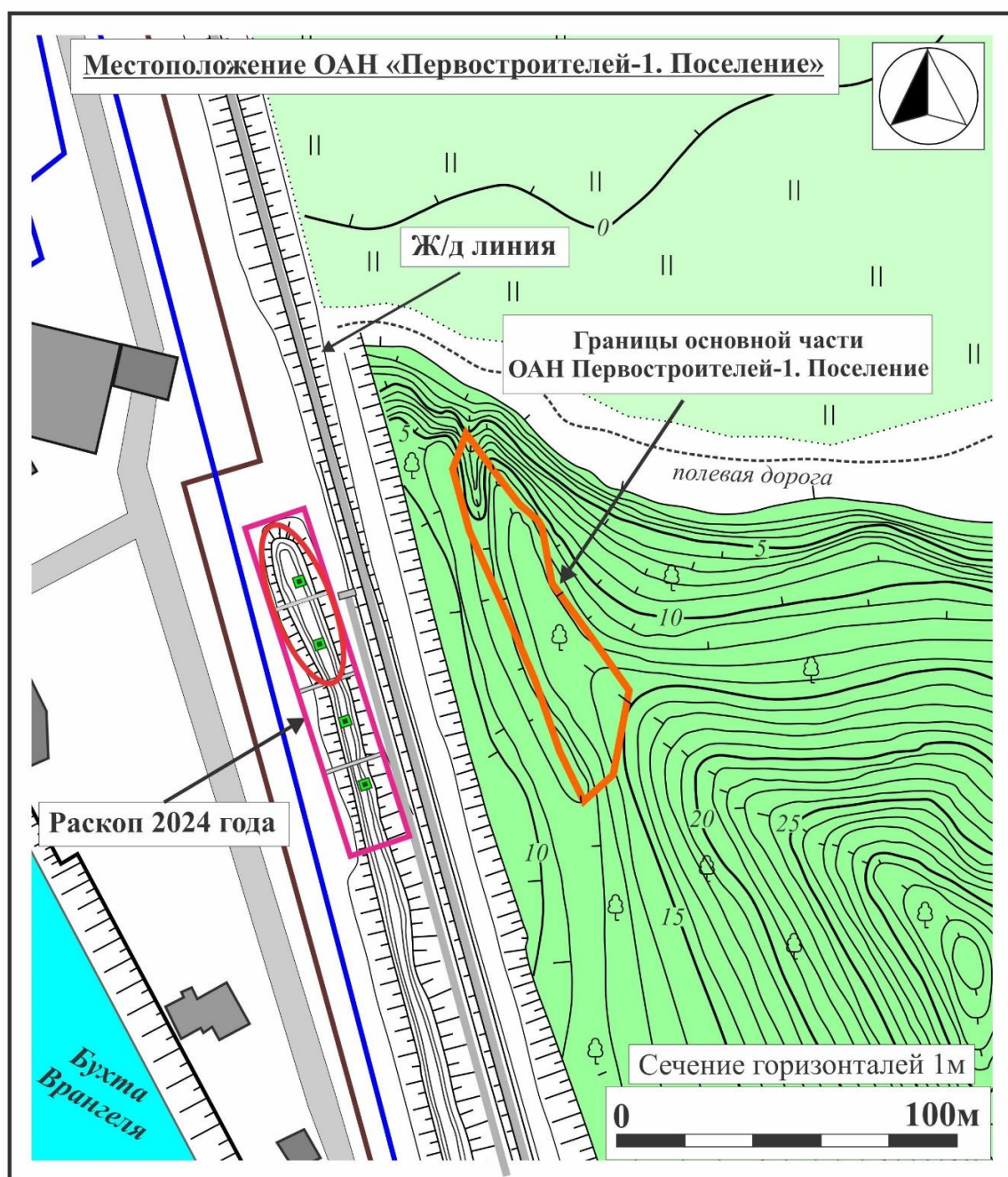

Рис. 1. Схема расположения ОАН «Первостроителей 1. Поселение»

Литература

Андреева Ж.В., Жушиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура М.: Наука, 1986. 214 с.

Афремов П.Я. «Развитие перегрузочного комплекса ООО «Восточно-Уральский Терминал». Железнодорожная инфраструктура общего пользования станции Находка-Восточная». Технический отчет о выполненных историко-архивных исследованиях и охранном археологическом обследовании. 1730-23-1150-ОАН. Том 07. – Владивосток: ООО «НПЦ ИКЭ», 2021. – 147 л.

Вострецов Ю.Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений. Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН №20 2018, с.40-65.

Гарковик А.В. Новые материалы по зайсановской археологической культуре // Проблемы археологии Северной Азии: (К 80-летию акад. А.П. Окладникова): Тез. докл. XXVIII Регион. археол. студ. конф. (28-30 марта 1988 г.). – Чита, 1988. – С. 135-137.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, В.Е. Медведев, Шин Чан Су, Хон Хён У, Ю Ын Сик, В.А. Краминцев, О.С. Медведева, И.В. Филатова. Отчет о раскопках на сопке Булочка в Партизанском районе Приморского края в 2004 году // Сеул, 2005. 920 л.

Дюков Е.И. Производственный отчет о проведенном археологическом обследовании территории объекта «Реконструкция контейнерного терминала ООО «ВСК», расположенной в п. Врангель, Находкинского ГО Приморского края. Владивосток, 2023, 383 л.

Лазин Б.В. Археологическое исследования на территории Хасанского района и Находкинского городского округа Приморского края в 2012 году. Владивосток, 2013 // Архив УНМ ДВФУ.

Медведев, В.Е. Поселение Перевал на юге Приморья. История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000. Изд-во ДВГУ: 40–48.

Никитин Е.Ю. Отчет об археологической разведке на территории на территории земельных участков с кадастровыми номерами 25:31:070002:171, 25:31:070002:172, 25:31:070002:3752, 25:31:070002:337, 25:31:070002:3753, 25:31:070002:391 в п. Врангель, Находкинского ГО Приморского края, на основании открытого листа №3041-2022 // Архив МАиЭ УНМ ДВФУ.

Никитин Е.Ю. Отчет об спасательных археологических раскопках ОАН «Первостроителей 1. Поселение» в Находкинском ГО Приморского края, на ос-

новании открытого листа № P018-00103-00/01223514. Владивосток, 2024 // Архив МАиЭ УНМ ДВФУ.

Никитин Ю.Г. 1990. Отчет об археологических исследованиях в Приморском крае в 1990 году // Рукопись.

Е.Ю. Никитин¹

Е.С. Галютин²

¹Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

²Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Костяные артефакты памятника «Стеклянуха 1. Городище»

Находки костяных изделий пока немногочисленны на средневековых памятниках на территории Приморья, где их сохранность не всегда удовлетворительна. Поэтому их обнаружение является большой удачей, а введение в научный оборот становится необходимостью. В работе впервые публикуются костяные артефакты, обнаруженные на памятнике «Стеклянуха 1. Городище» (Шкотовский район) за период проведения раскопок на нем в 2021-2023 гг.

Памятник был открыт в конце XIX в. Л.А. Кропоткиным. Однако только в конце XX в. (1986-1988 гг.) были проведены первые археологические раскопки под руководством А.В. Александрова. В последующем раскопок на памятнике не велось долгое время. Внутренняя территория городища подвергалась активной распашке, в результате чего верхняя часть культурного слоя оказалась повреждена (Никитин 2022: 107). Исследования на городище были возобновлены в 2020 году и продолжены в 2021-2024 гг., благодаря совместной работе специалистов ООО «НПЦ Наследие-ДВ» и ДВФУ (Лазин 2021; Никитин 2021, 2022, 2023). В 2020-24 гг. раскопки проходили близ северо-западного угла внутренней части памятника (раскоп №5). Общая площадь раскопок за указанный период составила 820 кв. м (Никитин 2022; Никитин 2023).

На данном памятнике зафиксированы два культурно-хронологических горизонта. Верхний горизонт ввиду хозяйственной деятельности на территории городища в период XX-XXI вв. был существенно нарушен. Однако полученные в нем в ходе раскопок материалы и выявленные объекты можно отнести к чжурчжэньскому времени (XII-XIII вв.) (Никитин 2024: 144, 145). Нижний культурно-хронологический горизонт, на основании археологических находок и результатов радиоуглеродного датирования, можно предварительно отнести

к диапазону VIII-X вв. (Никитин 2024: 145, 146). Говорить о выделении бохайского слоя пока еще преждевременно, так как не обнаружено объектов, относящихся конкретно к Бохаю, найден лишь керамический материал. Однако, нет сомнений, что артефакты из слоя VIII-X вв. можно рассматривать как артефакты бохайского времени.

Общее количество обнаруженных костяных артефактов на памятнике «Стеклянуха 1. Городище», полученных из раскопок 2020-2024 гг., составило 33 экземпляра. Из них к горизонту чжурчжэньского времени относятся 17 изделий; к бохайскому времени – 16 образцов. Костяные артефакты представлены в основном пластинами-накладками (3 – бохайского времени; 7 – чжурчжэньских), наконечниками стрел (3 – бохайского времени; 2 – чжурчжэньских) и заготовками и обломками изделий неясного функционального назначения (8 – бохайского времени; 3 – чжурчжэньских) ввиду их фрагментированности.

Доля костяных артефактов из памятника «Стеклянуха 1. Городища» от общего количества изделий из кости и рога, обнаруженных на всех бохайских и чжурчжэньских памятниках Приморья, составляет: для чжурчжэней – около 11% (17 из 160) и бохайского времени – около 5% (16 из 345). Несмотря на относительную малочисленность обнаруженных костяных предметов на данном памятнике, здесь найдены уникальные, ранее нигде не встречавшиеся образцы.

Рис. 1

Так, в чжурчжэньском материале имеется полусферическая крышечка от круглой предположительно косметической коробочки (рис. 1:1). Аналогич-

ные изделия встречаются среди глазурованной керамики и фарфора на бохайских и чжурчжэньских памятниках (Гельман 1999: 24-25, 51,52). Размеры ее составили: внешний диаметр – 2,2 см, внутренний – 1,7 см. Изделие выполнено весьма искусно и аккуратно из эпифиза крупного млекопитающего металлическим инструментом. Внешняя поверхность зашлифована, а внутренняя часть выбрана круговыми движениями от центра, о чем свидетельствуют диаметрально следы от резца и выступ в центре (рис. 1:2). Так же крышечка имеет аккуратно вырезанный уступ ниже венчика для плотного соединения с нижней частью коробочки.

К уникальным костяным артефактам из чжурчжэньского слоя можно отнести, предположительно, декорированное ушко для стрелы. Изделие имеет цилиндрическую форму. Его размеры: длина – 2 см, диаметр – 0,7 см, диаметр отверстия – 0,5 см. В пользу предположения о том, что это именно костяное ушко стрелы свидетельствует наличие прорези у одного из оснований, куда могла помещаться тетива. Диаметр отверстия соответствует предполагаемому диаметру для древка чжурчжэньской стрелы в месте фиксации оперения и ушка (Маковеев 2020: 191). Декор, выполненный в виде косой сетки, помимо декоративной функции мог уменьшить скольжение пальцев при натяжении. Аналогичные материалы, но без декора были найдены в бохайском слое на Константиновском-1 поселении. Таким образом, можно предположить, что обнаружена первая находка костяного ушка чжурчжэньской стрелы в Приморье.

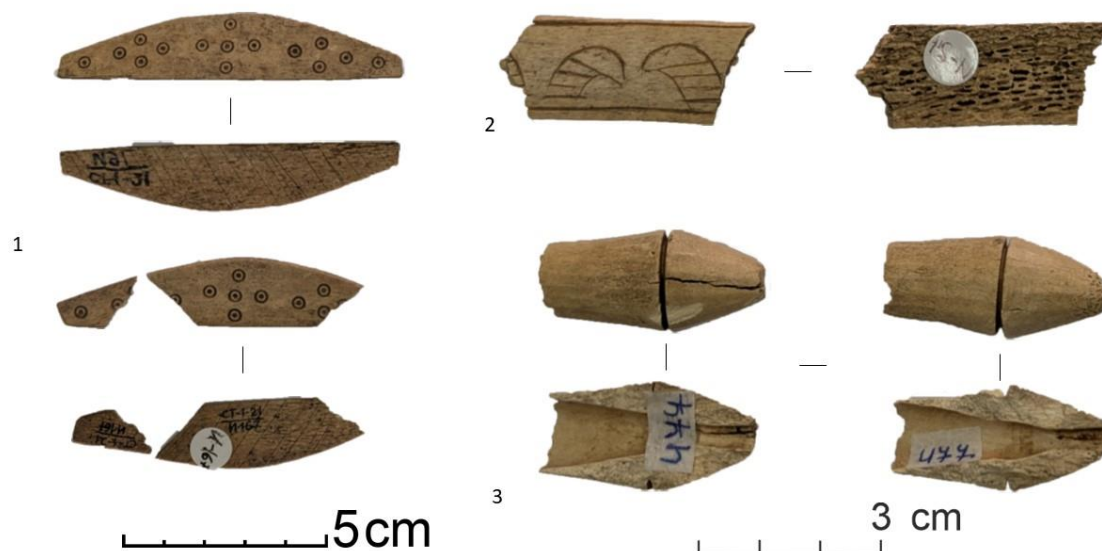

Рис. 2

К уникальным вещам, относящимся к бохайскому времени, можно отнести предполагаемую заготовку костяного свистунка стрелы (рис. 2:3). Однако ни форма, ни конструктивные особенности не свидетельствуют в пользу этого предположения. На бохайских памятниках Приморья обнаружено 20 экземпляров подобных изделий, и все они имеют такие сходные черты, как веретеновидная форма, наличие сквозного отверстия равного диаметру древка стрелы, а также расширенную внутреннюю камеру с двумя-тремя наружными отверстиями (Галютин 2024). Рассматриваемое изделие не имеет ничего общего с ними и даже не соответствует представлениям о заготовке костяного свистунка стрелы. По конструктивным особенностям больше подходит под характеристики томара. Форма изделия цилиндрическая с окончанием в форме усеченного конуса. Имеется сквозное отверстие у основания диаметром равное 1 см (предполагаемый диаметр бохайской стрелы), которое ближе к концу сужается до 0,3 см. Конец «отсекается» от основной части, глубокой линией, прорезанной по диаметру изделия. Аналогичное изделие, но представленное только концом, обнаружено на Николаевском-II бохайском городище.

В пахоте найден фрагмент костяной пластины подпрямоугольной формы (рис. 2:2). На ней вырезан декор с рамкой сверху и снизу по краю пластины, а внутри нее имеются изображения в виде двух отростков, заштрихованных горизонтальными линиями. Эти отростки смотрят концами друг на друга. Однако наличие у самого края обломанной части третьего отростка, направленного в противоположную сторону от ближайшего к нему, говорит о том, что декор имел повторяющееся сочетание знаков, когда отростки отвернуты друг от друга. В пользу этого говорит и дошедшая до нас полная пластина с подобным декором из бохайского слоя Марьяновского городища, где помимо аналогичного расположения отростков и рамки, имелась «разделительная фигура» (Государство Бохай 1994: 175-177). На данный момент обнаружено всего две пластины с подобным декором. И по аналогии с марьяновским экземпляром рассматриваемую пластину можно отнести к бохайскому времени.

Другие костяные пластины (3 экз.), отнесенные к бохайскому времени, имеют характерный для бохайского декора (исходя из материалов, обнаруженных в Приморье) циркульный орнамент. Две из них выполнены в форме сплюснутого полукруга (рис. 2:1). Декорирована только одна из сторон, вторая имеет диагональные тонкие прорезы, предположительно, для лучшей фиксации клеящими веществами на предмет, к которому изделие крепилось (лук?). Основной знак декора – круг с точкой в центре. Он имеет следующие сочетания в рамках одной пластины: в центре – пять знаков, образующих «ромб»; слева

и справа – по четыре знака в «ромб», растягиваясь по мере сужения пластины к краю; и по одному на концах изделия. Подобная форма костяной пластины и сочетание знаков круга с точкой в центре в декоре было обнаружено на Николаевском-II городище (Государство Бохай 1990: 175-177). Третья пластина имеет прямоугольную форму и фрагментирована, отчего на ней видны всего два знака круга с точкой в центре, расположенные диагонально друг другу. Подобные фрагменты встречались на городищах Горбатка и Николаевское-II.

Декорированные костяные изделия, найденные в слое бохайского времени памятника «Стеклянуха 1. Городище» составляют 15% от общего числа орнаментированных материалов (4 из 26), обнаруженных на бохайских памятниках Приморья.

Таким образом, несмотря на кажущуюся малочисленность костяных артефактов (33 экземпляра, из которых 22 определяемы), в сравнении другими чжурчжэньскими и бохайскими памятниками Приморья, объект археологического наследия «Стеклянуха 1. Городище» достаточно представлен с точки зрения количества костяных артефактов в соотношении с исследованной площадью²¹. На памятнике обнаружены уникальные костяные изделия, которые найдены в единственном числе, а также образцы, редко встречающиеся на других памятниках своей эпохи. Коллекция из городища Стеклянуха-1 существенно дополнила общие представления о косторезном деле у средневекового населения в изучаемом регионе, его особенности в разные хронологические периоды. Она также дает новые сведения о разнообразии ассортимента из кости и рога, декоре и технологии их изготовления.

Литература

Галютин, Е.С. Производство и использование бохайских костяных свистунков стрел юга Дальнего Востока России // Труды ИИАЭ ДВО РАН.- 2024. – Т 43. – С.188-199.

Гельман, Е.И. Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 222 с.

Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. Отв. ред. Шавкунов Э.В. М., 1994. 217 с.

²¹ Самыми представительными памятниками с этой точки зрения являются: чжурчжэньские городища– Майское, Шайгинское, Осиновское поселение; бохайские городища Николаевско-II, Горбатка и поселения Константиновское-1 и Чернятино-2.

Лазин, Б.В. Отчет об археологических раскопках на объекте археологического наследия «Стеклянуха 1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2020 году, на основании открытого листа №1618-2020. // Архив ИА РАН. – 438 л.

Маковеев, Д.В. К вопросу о реконструкции чжурчжэньской стрелы // Россия и АТР. – 2020. – № 1. – С. 182-196.

Никитин, Е.Ю. Отчет об Археологических раскопках на объекте археологического наследия «Стеклянуха-1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2021 году // Архив ИА РАН. – 563 л.

Никитин, Е.Ю. Предварительные результаты археологических исследований Стеклянухинского городища в 2020-2021 гг. // Тихоокеанская археология – 2022 – 5 – С. 107-112.

Никитин, Е.Ю. Отчет об Археологических раскопках на объекте археологического наследия «Стеклянуха-1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2022 году. 2023 г. // Архив ИА РАН. – 541 л.

Никитин, Е.Ю. Отчет об Археологических раскопках на объекте археологического наследия «Стеклянуха-1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2023 году. 2024 г. // Архив ИА РАН. – 306 л.

Никитин, Е.Ю. Выделение строительных горизонтов на городище Стеклянуха-1 (по материалам раскопа №5 2020-2023) // Тихоокеанская археология – 2024 – 7 – С. 141-146.

Е.Ю. Никитин¹

В.С. Хвищук¹

Ю.Г. Никитин²

Е.В. Сидоренко²

И.В. Саяпина²

¹Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

²Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Культурная идентификация объектов № 1 и № 10 Стеклянухинского городища (Приморье)

Стеклянухинское городище в селе Стеклянуха Шкотовского района Приморского края вновь приковало к себе внимание исследователей после возобновления раскопок в 2020–2024 гг., благодаря совместной работе специалистов

ООО «НПЦ Наследие-ДВ» и ДВФУ (Лазин 2020; Никитин 2021, 2022, 2023). Предварительные результаты работ частично введены в научный оборот с актуализацией проблематики (Никитин 2024, Войтко 2024, Никитин, Хвищук 2024). На участке раскопа № 5 удалось выявить 33 объекта различной степени сохранности и размеров (Никитин 2024, с. 147, рис. 1). Часть из них (объекты № 11 и № 12) отнесена к чжурчжэньскому периоду обитания и датирована XII–XIII вв. по находкам монет этого периода. Таким же временем датируются и фортификации Стеклянухинского городища. Культурный слой этого периода сильно поврежден пахотой в результате хозяйственной деятельности жителей села Стеклянуха. Под пахотой зафиксированы объекты, подвергшиеся частичному разрушению уже в чжурчжэньский период обитания: «Набор сооружений, залегающих внутри этого горизонта разнообразен – жилища с канами (об. №2, №10), остатки легких жилищ с очагами (об. №1, №13, №17), амбар (об. №4), колодец (об. №21), остатки производственной площадки с кузнечным горном (об. №7, №20), фундаменты стен, хозяйственные, мусорные ямы и пр.» (Никитин 2024, с. 144). Предварительные результаты изучения выявили их разнотипность и разновременность. Так, объект № 2 (жилище площадью около 18 кв. м с Г-образным трехканальным каном, с печью внутри жилища и дымовой трубой у северо-восточного угла) по конструктивным особенностям, материалу и C14 (883–975 AD²²) датирован постбохайским временем (Никитин, Хвищук 2024, с. 159). К бохайскому периоду отнесен объект №4 – 787–877 AD (Никитин 2024, с. 145). Другие объекты пока не имеют абсолютных дат.

При подобной поликомпонентности памятника (наличие разновременных и разнотипных комплексов без четкой стратиграфической позиции) представляется целесообразной следующая методика его анализа: 1) выявление комплексов с интактным или частично сохраненным культурным слоем и градация комплексов по степени их информативности; 2) определение культурной принадлежности комплексов и их датировка. В результате в распоряжении исследователей будут опорные комплексы для идентификации других объектов и анализа их информативности. В данной работе такой подход применен к объектам № 1 и № 10.

Объект № 1. Представляет собой слегка углубленный котлован прямоугольной формы с длиной сторон 2,0 м и 2,5 м с ровным полом, с каменной конструкцией у западного борта и очагом в виде пятна сильно прокаленного

²² Датировки выполнены лабораторией Korea Institute of Science and Technology (KITAMS 2200015-017).

грунта в восточной части (70×50 см). По периметру с внешней стороны располагались в ряд округлые столбовые ямы диаметром 25–28 см и 35–40 см, что свидетельствует о каркасно-столбовой конструкции сооружения. Исследователями объект №1 интерпретируется как легкое жилище с очагом (Лазин 2020, с. 34; Никитин 2024, с. 144). Заполнение частично нарушено пахотой в верхней части. Остальная часть заполнения (3 пласта по 4–5 см) сохранила инситность залегания. Показательно сочетание в едином комплексе лепной посуды польцевского облика и гончарных изделий с мелкочаеистой выбивкой (технический орнамент) (табл. 1). В заполнении обнаружен обломок железного ножа с прямой спинкой. Абсолютных дат пока нет, хотя уголь от деревянных конструкций собран.

Объект № 10. Представляет собой углубленное в материк жилище прямоугольной формы с одноканальным Г-образным каном шириной 22–25 см, глубиной 15–22 см, обложенным камнями, с топкой-очагом, состоящим из печи и очажной ямы. Дымоходный канал был сооружен в невысокой (13–16 см) кановой подушке шириной 45–50 см, которая служила и краем котлована жилища. Нарушение культурного слоя комплекса пахотой зафиксировано в верхней части заполнения. Нижележащее заполнение (1–6 пласты по 5–6 см) не потревожено, впускных конструкций не зафиксировано. По всей толще инситного слоя, включая дымоходный канал и топку, совместно залегали как лепные сосуды польцевского облика, так и фрагменты сосудов с выбивкой, изготовленные на круге, среди которых встречена археологически целая чаша (табл. 1). Обнаружены фрагменты перфорированных днищ (пароварки). Железные изделия представлены небольшим кольцом и обломками неопределенного назначения. Датирование по С14 не производилось, уголь для анализов собран.

Таким образом, стратиграфический и планиграфический анализ объектов №1 и №10 позволяет считать их замкнутыми²³ комплексами с хорошей степенью сохранности инситного культурного слоя (пахотой разрушена только верхняя часть на уровне 5–10 см, соответствующая кровле).

Таблица 1

	Сектор 1	Сектор 3
Пахота Пласт 1	вп	вп
Пахота пласт 2	п	вп
	Объект № 1	Объект 10

²³ Замкнутым комплексом считается совокупность находок, размещенных внутри искусственных выемок и углублений, не имеющих изолирующих перекрытий (по: Дьяков 1989, с. 28).

Пласт 1	ВП	ВП
Пласт 2	ВП	ВП
Пласт 3	ВП	ВП
Пласт 4		ВП
Пласт 5		ВП
Пласт 6		ВП

П – лепная керамика польцевской гончарной традиции

В – круговая (станковая) керамика с выбивкой (технический орнамент)

Культурная идентификация объектов №1 и №10. Особенность данных объектов заключается, в первую очередь, в сочетании в одном комплексе лепной посуды польцевского облика и гончарных изделий с «вафельной» выбивкой, наряду с пароварками, железными изделиями и одноканальным каном. На данный момент изучения приморских культур подобное сочетание артефактов известно только в смольнинской культуре раннего средневековья (*Жуциховская, Шавкунов 2009; Шавкунов 2015*). Опорными стационарно исследованными памятниками культуры являются городища Смольнинское и Шайга-Редут (раскопки В.Э. Шавкунова). Сопоставление материалов объектов №1 и №10 Стеклянухинского городища с комплексами Смольнинского городища и памятника Шайга-Редут показало их близость по большинству параметров (табл. 2) что позволяет идентифицировать эти объекты как принадлежащие смольнинской культуре раннего средневековья. Ранее Стеклянухинское городище относилось к памятникам смольнинской культуры по результатам типологического анализа материала (*Шавкунов 2015, с. 19*). В результате исследований 2020–2023 гг. выделены инситные комплексы (объекты №1 и №10), по которым можно проводить культурную идентификацию других частично сохранившихся объектов, а городище перешло в разряд опорных памятников смольнинской культуры.

Таблица 2

Корреляция керамических комплексов смольнинской культуры

	Смольнин- ское городище	Городище Шайга- Редут	Стеклянухинское городище	
			Комплекс №1	Комплекс № 10
Гончарная керамика с выбивкой	+	+	+	+
Польцевский орнамент на лепной керамике	+	+	+	+
Блюдовидный венчик	+	+	–	–

Яйцевидное тулово	+	+	+	+
Пароварки	+	+	*	+
Чаши на кольцевом поддоне	+	+	*	*
Чашевидное устье	+	+	—	+?
Миниатюрные сосуды	+	+	+	*

*— не обнаружены в данном комплексе, но есть в других комплексах городища, содержащих смольнинскую керамику.

Литература

Войтко Д.А. Место Стеклянухинского городища в археологии Приморья в свете актуальных исследований // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития: (Посвящается 300-летию Российской академии наук). 7-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2024 г. / отв. ред. А.Н. Попов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2024. – 236 с. – (Серия «Тихоокеанская археология»; вып. 42). С. 40–44.

Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1989. – 296 с.

Жущиховская И.С., Шавкунов В.Э. Керамический комплекс Смольнинского городища в Приморье: новая культурная традиция // Российская Археология. 2009. №1, с. 53-63.

Лазин Б.В. Отчет об археологических раскопках на объекте археологического наследия «Стеглянуха 1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2020 году, на основании открытого листа №1618-2020. 2021 г. // Архив ИА РАН. – 438 л.

Никитин Е.Ю. Отчет об Археологических раскопках на объекте археологического наследия «Стеглянуха-1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2021 году. 2022 г. // Архив ИА РАН. – 563 л.

Никитин Е.Ю. Отчет об Археологических раскопках на объекте археологического наследия «Стеглянуха-1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2022 году. 2023 г. // Архив ИА РАН. – 541 л.

Никитин Е.Ю. Отчет об Археологических раскопках на объекте археологического наследия «Стеглянуха-1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2023 году. 2024 г. // Архив ИА РАН. – 306 л.

Никитин Е.Ю. Выделение строительных горизонтов на городище Стеглянуха-1 (по материалам раскопа №5 2020-2023 гг.) // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: исто-

рия, современность, перспективы развития: (Посвящается 300-летию Российской академии наук). 7-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2024 г. / отв. ред. А.Н. Попов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2024. –236 с. – (Серия «Тихоокеанская археология»; вып. 42). С. 141–147.

Никитин Е.Ю., Хвищук В.С. Предварительные результаты исследования жилища №2 Стекланухинского городища по результатам раскопок 2020–2023 гг. // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития: (Посвящается 300-летию Российской академии наук). 7-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2024 г. / отв. ред. А.Н. Попов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2024. –236 с. – (Серия «Тихоокеанская археология»; вып. 42). С. 154–160.

Шавкунов В.Э. Памятники Смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – 164 с.

Ю.Г. Никитин

*Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

О хронологии могильника Чернятино 5 в Приморье

Археологический памятник Чернятино 5 в Октябрьском районе Приморского края, с самого момента его открытия в 1997 г. идентифицирован как родовое кладбище эпохи Мохэ-Бохая (Никитин, Гельман 2002). В общей сложности за все время раскопок могильника археологами Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН и Национального университета культурного наследия Республики Корея было исследовано 196 могил (Никитин, Чжун Сук-Бэ 2005; 2006; 2007; 2009).

Основная часть могил на кладбище, представляющие собой погребения в земляных ямах с несколькими вариантами оформления дна, периметра или края могил камнями, в процессе раскопок предположительно были отнесены к эпохе (до) и бохайских мохэ, т.е. к периоду раннего Бохая. Более поздние погребения в деревянных гробах, помещенные в деревянные погребальные домики, поставленных на прямоугольные галечные платформы относятся к периоду

среднего Бохая. Предполагалось также, что самые поздние погребения на опорных камнях или в каменных склепах относятся к позднему периоду Бохая.

В разное время на могильнике было получено 20 дат:

объект	Пробы	№ лаборатории	Радиоуглеродные даты (BP)	Калиброванные даты
М.1	уголь	АА-37479	1515±50	430-650 cal.AD
М.6	уголь	Nuta2-715	1340±20	681-716 cal.AD
М.7	уголь	Nuta2-718	1300±20	661-681 cal.AD
М.46	уголь	SNU 03-643	1190±40	830 cal.AD
М.48	уголь	SNU 04-602	1400±40	640 cal.AD
М.50	уголь	SNU 03-645	1170±40	840 cal.AD
М.55	уголь	SNU 04-600	1680±40	380 cal.AD
М.56	уголь	SNU 04-601	1690±40	270 ÷ 370 cal.AD
М.59	уголь	SNU 04-599	1360±40	680 cal.AD
М.60-1	зерно	TKa-13488	1310±50	(около 690 AD)
М.60-2	зерно	TKa-13489	1310±45	(около 690 AD)
М.60	уголь	SNU 04-603	1590±40	480cal.AD
М.61	уголь	SNU 04-604	1850±60	160
М.66	OSL		OSL age 1.55±0.08	455±80
М.70	уголь	SNU 04-598	1500±80	540 cal.AD
М.71	уголь	SNU 04-597	1180±60	840 cal.AD
М.73	уголь	SUN 05-822	1430±50	610 cal.AD
М.80	уголь	SUN 05-822	1510±50	540 cal.AD
М.96	OSL		OSL age 1.27±0.06	735±70
М.109	уголь	SUN 05-823	1470±50	590 cal.AD
М.115	уголь	SUN 05-824	1290±60	760 cal.AD

Из полученных 20 дат складываются несколько групп:

1. Наиболее ранние даты в пределах 5 – 6 вв. н.э. М.1, 2, 4, 5, 8, 56, 66, 70, 80. В этой группе достаточную сложность в понимании представляют даты, полученные по углю в погребении М.61 1850 ±80 BP (160 AD), что трудно принять, учитывая наличие крупного станкового сосуда.

2. В этой группе дат в рамках 7-8 вв. н.э. М. 7, 48, 59, 60, 73, 109 наиболее точными можно считать две даты 1310±50 BP и 1310±45 BP (около 690 AD) полученные по сгоревшему зерну из двух станковых сосудов в М.60. Однако по углю из этой могилы получена дата 480 AD

3. В самой поздней группе дат в пределах 8-9 вв. н.э. М. 71, 46, 115. В этой группе безусловно самая поздняя дата 840 AD относится к погребению М.71 в большом каменном склепе. По стратиграфии, склеп с погребением М.70, был построен позже М.71, но полученная дата относится к 540 AD.

Исходя из полученных дат, можно предположить, что наиболее ранняя, северо-восточная часть могильника, относится к эпохе Мохэ и/или раннего Бохая, тогда как центральная и западная часть, относится к периоду среднего Бохая.

Однако после выявления и последующих раскопок на северо-восточном участке памятника остатков мохэских жилищ появилась необходимость более точного определения соотношения (культурной, хронологической и стратиграфической корреляции) этих жилищ с могильником.

Литература

Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. 2002. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино 5 в бассейне р. Суйфун // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Изд-во ДВО РАН. Владивосток с. 195-215.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. 2005. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2003-2004 годах. Дальневосточный государственный технический университет, Корейский государственный университет культурного наследия.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. 2006. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2005 году. Дальневосточный государственный технический университет, Корейский государственный университет культурного наследия.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. 2007. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2006 году. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный государственный технический университет, Корейский государственный университет культурного наследия.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. 2009. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2008 году. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный государственный технический университет, Корейский государственный университет культурного наследия.

Погребальные обряды протогосударства Кая

... «Зодчество возникло так же, как и всякая письменность. Сначала это была азбука. Позднее стали складывать целые слова. Кельтские дольмены и кромлехи, этрусские курганы, иудейские могильные холмы – всё это каменные слова. Некоторые из этих сооружений, преимущественно курганы, – имена собственные» ...
Виктор Гюго «Собор Парижской Богоматери»

В настоящей работе производится обзор российской и корейской историографии по изучению протогосударственного союза Кая и особенностей его погребальной обрядности, известной по археологическим данным археологии этого района.

Протогосударство Кая существовал с 42 по 532 гг. н. э. на юго-востоке Корейского полуострова в нижнем течении р. Нактоган. Каяские земли омываются с юго-востока Корейским проливом. Хронологически период зарождения и расцвета Кая относят к эпохе корейского раннего средневековья, к периоду Трёх государств – Когурё, Пэкче и Силла. На территории Кая находилось 12 племён Пёнхан, которые были объединены под властью главного из них – Кымгван Кая. Согласно летописи «Самгук Юса» монаха Ирёна, существует миф о создании Кыгван Кая: с неба спустились 6 яиц, из которых появились 6 мальчиков, создавших 6 племён, главным из которых было племя Кымгван с центром в г. Кимхэ. Именно этот город был столицей протогосударства. Миф о Ким Суро имеет много общего с мифами о происхождении других корейских государств и объясняет естественное происхождение Кая на основании появления «божественного» лидера, от которого шла инициатива объединения разрозненных племён.

В течение почти всей истории Кореи протогосударство Кая считалось либо как часть государства Силла, либо частью Японского государства Ямато. (Ахметова, Глушкова, Пак 2024: 74). Однако, во второй половине XX в. после окончательного падения японского колониального режима возобновились археологические раскопки в этом районе, пересматривались исторические данные. Начался новый виток переосмысления периода Трёх государств. Кая стало рассматриваться как сложное вождество с зачатками раннего государства, которое

играло не меньшую геополитическую и экономическую роль, чем остальные Три государства.

Вождества Кая располагалось в плодородной долине с богатыми залежами железной руды. Именно этот промысел был ключевым для каясцев: из железа делали оружие, железные доспехи для воинов и коней и пр. Название «Кымгван» переводится с корейского как «Страна железа» (金 гым – железо/золото, 官 гван – страна). Так родилось условное название этого вождества Кая как Железного Королевства (от англ. Iron Kingdom) (YNN: Exploring Korean History season 1, episode 1 Gaya, The Iron Kingdom).

Согласно летописи «Корё Саряк» Кымгван на этапе формирования включало в себя 5 вождеств: Ара Кая, Кымгван Кая, Корён Кая, Пихва Кая и Сонсан Кая. Изначально первенство среди вождеств принадлежало Кымгван, затем в V веке южнокаясские земли стали уходить под покровительство государства Силла и главенствующая роль перешла вождеству Тэгая (с кор. Великая Кая). Общим для всех племён было наличие слова «Кая» в названии всех вождеств, что подчёркивало их общность.

Открытым остаётся вопрос о термине, который следует применять, говоря о рассматриваемом предгосударственном образовании. В российской, корейской и западной историографии обсуждаются разные точки зрения на счёт сложности государственного аппарата и административного деления Кая в период его расцвета и упадка. Часто можно встретить такие названия государства Кая как «федерация» или «конфедерация» (Ахметова, Глушкова, Пак 2024), «королевство» (работы корейского исследователя Кая Ким Тэсика), «империя» (работы профессора Ли Ёнсика). Действительно, племена, с одной стороны, имели общее происхождение и культуру, подобно конфедерации или федерации племён, имели административный центр (г. Кимхэ). С другой стороны, их взаимоотношения нельзя назвать федеративными. Племена Кая имели относительный суверенитет, могли захватывать друг друга, поглощать, что говорит о недружественных связях внутри государства. (Ли Ёнсик 2018: 135). Имеются некоторые отличия в погребениях каждого вождества. Следовательно, вождь в каяских вождествах имел скорее статусную власть и сакральность (божественное происхождение, подтверждающееся мифом о Ким Суро), чем реальную власть.

С другой стороны, на протяжении всего, хоть и не долгого, периода существования Кая, в вождестве было развитое ремесло и торговля железом с китайским Лоланом и японским Ямато, отличная от соседних государств керамика и погребальные обряды. В V-VI вв. Тэгая имело зачатки законодательной системы и государственности. Поэтому, автор данной работы в соответствии

с наиболее популярной точкой зрения относит Кая на стадии его зарождения (I-III вв.) к сложному вожеству, а на завершающей стадии развития (V-VI вв.) – к раннегосударственному образованию (Тихонов, Кан 2011: 80). Прочие названия этого предгосударственного образования скорее отражают стремление авторов подчеркнуть в названии важность изучаемого ими протогосударства и особенности его административного деления, столь непохожего на привычные средневековые государства.

Стоит отметить, что южнокорейские племенные группы Чинхан (из которых образовалась государство Силла) и Пёнхан (предшественники Кая) являются родственными, что объясняет общность их погребальных обычаев: согласно китайской летописи «Сань-Го джи» историка Чэнь Шоу, во времена, когда Пёнхан и Чинхан были едины, они использовали в погребальных обрядах «перья больших птиц, думая, что этим помогают покойнику (его душе) улететь». Особенно важное значение они придавали уткам как священными птицам. Считалось, что утки чисты, как водоплавающие птицы, и могут пересекать мир через реки и моря, которые не могут пересечь люди, и таким образом они помогают вознести на небо умершую душу. По всей видимости, пёнханцев и вследствие каясцев удивляли эти перелётные птицы, улетающие в холодное время года в неизвестное для людей направление. Способное к полёту существо принадлежало небу, было божественно. Считалось, что именно птицы приносят весной семена злаков. Вожди исполняли обряды Умение исполнять обряды ритуального «превращения в птицу» (Тихонов, Кан: 78).

Культ птиц просматривается и в керамике, и на железных изделиях: на задней части доспехов воинов отпечатывался орнамент с птицами (bird/duck-shaped pattern), который напоминал двуглавую утку с вытянутыми клювами. На территории племён Пёнхан и Чинхан также встречается ритуальная уткообразная керамика (с кор. *óri moyŋ tхógi*) высокой прочности (Национальный музей Кореи 2011) (рис.1). Общим было и создание золотых корон, которые носили племенные вожди, например корона основателя Кымгван Кая – Ким Суро, найденная в Чисан-доне.

Рис. 1. Уткообразная керамика периода Кая, раскопанная на берегах реки Нактоган. Фото с сайта Национального музея Кореи

Пожалуй, главными структурными объектами погребальных комплексов каясцев являлись *курганы*. Курганы как характерный тип погребений кочевых народов по одной из

версий пришли в Восточную Азию от тагарского погребального обряда Сибири в Северный Китай, затем культурные традиции переняли корейцы. (Кузнецова 2019: 130). Чаще всего курганный тип захоронений встречается на территории Кая и Силла, но курганы Кая имеют некоторые отличия: они располагаются также группами, но чаще на склонах хребтов. (Grayson 1984: 69).

Каяские курганы имеют связь с японскими курганами эпохи Кофун. По одной из версий, квадратно-круглую форму японских курганов (дзэн-по:ко:эн-фун) или форму замочной скважины японцы заимствовали у племён Кая. Данный тип курганов тесно связан с восточной философской мыслью, а именно с представлениями древних китайцев о переходе умерших «в мир иной». Круглая часть кургана по традиции символизирует небо, что можно интерпретировать как уход императоров и знатных лиц в Небесный мир (Кузнецова 2019:130).

Главной сокровищницей наследия Кая считается курганный могильник *Тумули*, вошедший в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Курганный могильник, названный по латинскому слову *тумулус* (tumulus – холм, во мн. ч. – tumuli), представляет собой семь групп курганов, захороненных с I по VI вв., где была похоронена каяская знать: Дэсон-дон, Марисан,

Окчон, Чисан-дон, Сонгак-дон, Югок-ри и Дурак-ри, Гё-донг и Сонхён-дон. Каждая группа курганов расположена на холмах соответствующего ей названия. Погребение состоит из самой курганный насыпи сверху и захоронения ямного типа с каменным или деревянным гробом. На начальном этапе, особенно в районе г. Кимхэ, гробы были деревянными. Были случаи жертвоприношений, хоть и не в массовом количестве (гробница №13 Дэсон-донг). Вместе со знатью хоронили и его прислугу: по данным раскопок гробницы №57 курганов Тэсон-дон вместе с захороненным воином были найдены скелет женщины японского происхождения, что говорит о торговых связях Кая и Японии: каясцы вели торговлю металлом с Японией в обмен на рабочую силу.

На позднем этапе в период расцвета вожества Тэгая стали сооружать многокамерные гробницы, где в основной камере лежало тело погребённого, а в дополнительной камере помещался погребальный инвентарь. (Ким Сэги 2023: 25). Вместе с погребённым клали инвентарь в виде воинского и конного вооружения – шлемы и доспехи для воина и его коня, в том числе пластинчатые, кинжалы. Бронзовые кинжалы и зеркала свидетельствовали и торговле с китайскими государствами и областью Лолан и Дафан, формально являвшейся зависимой от Китая часть Кореи.

В период Тэгая, когда Силла контролировала южные земли долины Нактоган, заметно разделение погребального обряда на южную и северную традицию захоронения.

Несмотря на постоянную научную и археологическую активность в районе р. Нактоган и г. Кимхэ союз Кая всё ещё остаётся недостаточно исследованным. В сравнении с объёмом материала в российской археологии по средневековым Трёх корейским государствам сюжет Кая не имеет такое большое количество работ отечественных исследователей, включая не только аспект погребальной обрядности, но и керамики, металлургии, военного вооружения и др. На данный момент остаётся большое количество нераскопанных могил. В последние десятилетия накопился большой фактический материал по археологии Кая, и его изучение отечественными исследователями могло бы помочь более глубокому исследованию процессов, происходивших в I тыс. н.э. в Восточной Азии и формированию более достоверной исторической картины на Корейском полуострове в период Средневековья.

Литература

Ахметова А.И., Глушкова С.Ю., Пак С. Д. Обзор современного состояния изученности истории и культуры Конфедерации Кая // Современные востоковедческие исследования. 2024. Т. 6 (2). С. 72-83.

Ким Сэги. Кая гогохак тыккан. Каяхак академи (Спец. курс об археологии Кая. Академия изучения Кая). 2023. Т.26. С. 18-25 (на кор. яз).

Кузнецова М.К. Японские курганные захоронения Кофун // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. Т. 25. №4. С. 114-135.

Ли Ёнстик. Кая чэгуг-э пальчонданге-ва чхогикотэгуг карон (Этапы развития Конфедерации Кая и теория древнего государства). 2018. Т.1. С.136 (на кор.яз.)

Пак М.Н. Описание корейских племён в начале новой эры (по Сань-го чжи») // Проблемы востоковедения. 1961. №1. С.115-138.

Grayson J.H. Excavations of Late Kaya Period tumuli in Koryong, Korea: Chisan-Dong tombs 32-35 and associated burials // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 1984. V.5. P.64-73.

Kim Minbeom. Tomb No. 30 of the Ancient Tombs in Yugok-ri and Durak-ri, Namwon // Journal of Korean Archaeology. 2021. V.1. P. 126-133.

Oh Jaejin, Bae Gilhee, Kim Sangok, Lee Chanyoung, Kim Donggyun, An Kidong, Kim Minha, Cho Shinkyu, Jeong Haemin. Tomb No. 75 of the Ancient Tombs at Marisan Mountain, Haman // Journal of Korean Archaeology. 2021. V.1. P.134-139.

Интернет ресурсы:

Уткообразная керамика. 100 артефактов, выбранных Национальным музеем Кореи. Дата обращения: 28.03.2011 (на кор. яз)

YTN. [Exploring Korean History] 01 Gaya, The Iron Kingdom. Дата обращения: 28.09.2018 (на кор. с англ. суб).

Ю. Огино¹
Т. Ямахара²
Ц. Нисиваки³

¹ Япония, Хакодате, Общественный фонд содействия истории
и культуре Южного Хоккайдо

² Обихиро, бывший директор Музея юбилея столетия Обихиро

³ Саппоро, бывший служащий Управления образования Хоккайдо

Происхождение керамики начала голоцена на Хоккайдо

Известно, что японский архипелаг является одним из ареалов на востоке Азии, где керамические сосуды появились уже в позднем плейстоцене (Kuzmin 2015). Однако на Хоккайдо, самом северном из островов архипелага, который в это время составлял вместе с Сахалином полуостров, выступающий из континентальной Азии, находок керамики с такой же ранней датой мало (Morisaki, Natsuki 2017).

А в начале голоцена, преимущественно на восточном тихоокеанском побережье Хоккайдо, вдруг распространился уникальный керамический стиль Акацуки. Одновременно с ним появились полуподземные жилища, хозяйственные ямы, бифасиально обработанные бесчерешковые наконечники стрел, шлифованные тесла и т. д., свидетельствуя о наступлении неолитического образа жизни. До сих пор происхождение этого керамического стиля плохо изучено. Но недавно новые находки были сделаны на юго-западе Хоккайдо, и они представляет собой возможную связь между стилем Акацуки и более ранней эпохой «протодземоны» финального плейстоцена на Хонсю, как по возрасту, так и по стилистике, хоть пока данные отрывочны.

Материал со стоянки Оофунэ-Г. В 2022 году один из авторов настоящей статьи Юкио Огино с отрядом Общественного фонда содействия истории и культуре Южного Хоккайдо провел спасательные раскопки на стоянке Оофунэ-Г, расположенной на северо-востоке городской территории Хакодате. Площадка раскопа находилась на заднем участке 50-метровой узкой прибережной террасы Тихого океана, на пологом склоне вдоль мелкого ручья. Там под слоем вулканического пепла из расположенного поблизости вулкана Кома-гатакэ (приблизительно 6.500 уВР без калибровки) раскопали площадь в 964 кв. метра, и рядом с одним из истоков ручья было найдено 334 предмета, в том

числе 50 фрагментов керамики. В основном они были найдены сосредоточенными на участке диаметром 10 метров (Миками, Огино (ред.) 2024).

Среди них мы смогли определить минимум шесть сосудов, четыре из них без особого орнамента, а два украшено прокаткой палочки, обмотанной веревкой. Один сосуд из числа первых явно имеет плоское дно, два других датированы по нагару, для одного получена дата 9.990 ± 35 уВР (PLD-49705), для другого 9.900 ± 30 уВР (PLD-49706). Здесь нужно иметь в виду эффект океанического резервуара, поскольку даты получены по сосудам, найденным в прибрежных районах. Согласно специальным подсчетам, на юге Хоккайдо под воздействием этого эффекта радиоуглеродный возраст увеличивается на 150-450 лет. С учетом этих данных, возможная некалиброванная дата керамики стоянки Оофунэ-Г составляет 9.500-9.600 лет назад.

Пока не была найдена керамика на стоянке Оофунэ-Г, на юго-западе Хоккайдо самыми ранними считались остродонные керамические сосуды, принадлежащие стилю Каккуми (синоним стиля Хибакари на севере Хонсю), который датирован 8.800-9.200 лет назад без калибровки, а затем – стилям с оттисками и протаскиванием створкой раковины (Негиси и др. 2022). Однако в свете новых находок стоит отметить возможность того, что на юге Хоккайдо до появления этих остродонных стилей, могли какое-то время бытовать плоскодонные сосуды, которые обычно считали коренной особенностью восточной части Хоккайдо.

Гончарство архипелага на рубеже плейстоцена-голоцена. Рубеж археологических эпох «протодземон» (или «первоначальный дземон»; оба слова при переводе японского термина «Соо-соо-ки 草創期» означают «эпоха основания») и «начальный дземон» (или «Соо-ки» 早期) в целом приходится на границу плейстоцена и голоцена, хоть это только случайное совпадение. Керамические сосуды эпохи «протодземон» разнообразные как по форме, так и по орнаментации. Но среди ранних и средних их вариантов, как правило, доньшки круглые или острые.

А к концу той же эпохи «протодземон», или накануне самого начала голоцена, на Хонсю широко распространяются плоскодонные сосуды. Причины для таких изменений пока неизвестны, но по крайней мере на центральном Хонсю, по-видимому, весь набор сосудов без исключения в какой-то момент стал плоскодонным. Там известны очень хорошие памятники с керамикой такого типа, и ареал их распространения не имеет явного разрыва.

Именно в том же ареале центрального Хонсю местные люди начали впервые прокатывать поверхность сосудов с катящей веревкой. Эти чешуйчатые от-

печатки веревочного проката – самый специфический признак для неолитической керамики Японского архипелага, который дальше наследовался многими стилями, и сам термин «дземон» происходит из названия таких отпечатков. Можно было бы думать, что именно вслед за этими сосудами с прокаткой веревки родились остродонные сосуды начального дземон на центральном Хонсю, так как они тоже украшены были прокаткой веревок («кайтэн дземон»), палочек, обмотанных веревкой («йорийто-мон»), или резных палочек («осигата-мон»), хотя и в этом случае мы не знаем, что послужило причиной возврата к остродонным формам сосудов.

Тут приходится отметить, что среди вышеназванных плоскодонных сосудов с веревочным орнаментом часто встречается четырехугольный абрис доннышек и венчиков. Можно сказать, что это довольно редкая и уникальная особенность для всего многообразия бесчисленных стилей дземон. А кроме этих образцов финального плейстоцена в центре Хонсю, подобные очертания доннышек мы можем найти среди керамических материалов раннего голоцена на двух противоположных концах архипелага, или на востоке Хоккайдо и юге Кюсю.

Отсюда возникает вопрос, возможно ли, что на рубеже плейстоцена-голоцена традиции гончарства центрального Хонсю распространяли свое влияние в двух направлениях, и послужили толчком к формированию на Хоккайдо оседлого образа жизни с керамикой?

Плоскодонная керамика на севере островов. С конца 20 в. на северо-востоке Хонсю начали обнаруживать плоскодонные сосуды ранней фазы эпохи начального дземона (Накано 2008). У большинства из них орнаментация отсутствует, но сопровождают их малочисленные сосуды с отпечатками прокаток палочек, обмотанных веревкой. Такая керамика представляет собой наилучший аналог для материалов стоянки Оофунэ-Г на юге Хоккайдо и отчасти для стоянки Тайсо-6 на востоке Хоккайдо на территории города Обихиро (Китазава и др. (ред.) 2001), где не были найдены сосуды с прокатом палочек, обмотанных веревкой. Материал с последней стоянки считается самыми ранними среди образцов стиля Акацуки, а изолирован, отдален был от аналогов северо-востока Хонсю до тех пор, как нашли материалы Оофунэ-Г.

Датирование показывает, что весь ряд аналогов относится к началу голоцена, то есть, более или менее 9.500 уВР без калибровки. По хронологии они следовали без явного перерыва за плоскодонными образцами позднего «протодземон» на Хонсю (Кобаяси и др. 2023), среди которых и можно было бы искать истоки их формы и орнаментации, хотя орнамент уже в немалой степени исчез. По-нашему мнению, новый материал с Оофунэ-Г вносит значительный

вклад в укрепление гипотезы о наличии такой цепи связей, заполняя лакуну (Огино 2024).

Впрочем, немало вопросов еще остались нерешенными. Например, среди материалов с северо-востока Хонсю пока не были обнаружены сосуды с четырехугольным очертанием. Известно, что эта уникальная черта иногда встречается на сосудах стиля Акацуки, но самый ранний вариант того же стиля, со стоянки Тайсе-6, не имеет этой особенности. Пока не можем уверенно сказать, что эта черта свидетельствует о связи между стилем Акацуки востока Хоккайдо и финальным «протодземон» центрального Хонсю.

Что же касается плоскодонной керамики на Сахалине с четырехугольным очертанием и скромным украшением в виде наклепных элементов, или стиля Сони (Василевский, Грищенко 2016), то мы опять не можем сказать уверенно, имела ли она окончательное происхождение в гончарстве раннего голоцена на Японском архипелаге, в том числе Хоккайдо. Соглашаясь с положительным отношением к такой возможности (Яншина 2017), нам следует признать, что немало вопросов здесь остаются открытыми и ждут дальнейшего решения.

Авторы выражают глубокую признательность к.и.н. Оксане Яншиной за советы и редакцию текста настоящих тезисов.

Литература

Авторская монография

Миками Х., Огино, Ю. (ред.) Стоянка Оофунэ-G (на яп. языке). Хакода-те: Городский комитет образования Хакода-те, Общественный фонд содействия истории и культуре Южное Хоккайдо, 2024. С. 202.

Китазава, М., Ямахара, Т., Сасадзима, К. (ред.) Группа памятников Тайсё, Обихиро, Том 1 (на яп. языке). Обихиро: Городский комитет образования Обихиро, 2005. С. 130.

Статьи в сборниках

Василевский, А. А., Грищенко В. А. Хронология, периодизация и основные признаки культуры сони (начало среднего неолита острова Сахалин) // Вестник Сахалинского музея, вып. 23. – Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2016. – С. 30–46.

Кобаяси, К., Сатоо, Т., Айхара, Д. Датирование керамических образцов протодземон и начального дземон на префектуре Аомори, часть 1 // Исследовательский бюллетень, вып. 28 (на яп. языке). – Аомори: Префектурный центр исследований земляных культурных ценностей Аомори, 2023. – С. 1–18.

Накано, Т. Керамика без орнаментации начального дземона // Справочник керамики дземона: проект 70-летнему юбилею г-на Тацуо Кобаяси (на яп. языке). – Токио: Редкомитет, 2008. – С. 30–46.

Нэгиси, Ё, Нацуки, Д., Куникита, Д., Икэя, Н., Сатоо, Х. Датирования керамических образцов и определения ресурсов обсидиана начального дземон в окрестностях Сангарского пролива // Бюллетень Департамента археологии Токийского университета, вып. 35. (на яп. языке) – Токио: тот же Департамент, 2022. – С. 1–24.

Яншина, О. В. Новые данные о керамике культуры Сони и её происхождении // Археология Circum-Pacific: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. – Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2017. – С. 195–219.

Статьи в журналах

Kuzmin, Y. V. The origins of pottery in East Asia: updated analysis (the 2015 state-of-the-art) // Documenta Praehistorica. – 2015. – 42. – С. 1–11.

Morisaki, K., Natsuki, D. Human behavioral change and the distributional dynamics of early Japanese pottery // Quaternary International. – 2017. – 30 – С. 1–11.

Огино, Ю. Керамика без орнаментации / с прокаткой палочки, обмотанной веревкой, начального дземон со стоянки Оофунэ-Г на городской территории Хакодате (на яп. языке) // Инновационная археология. – 2024. – вып. 12. – С. 2–5.

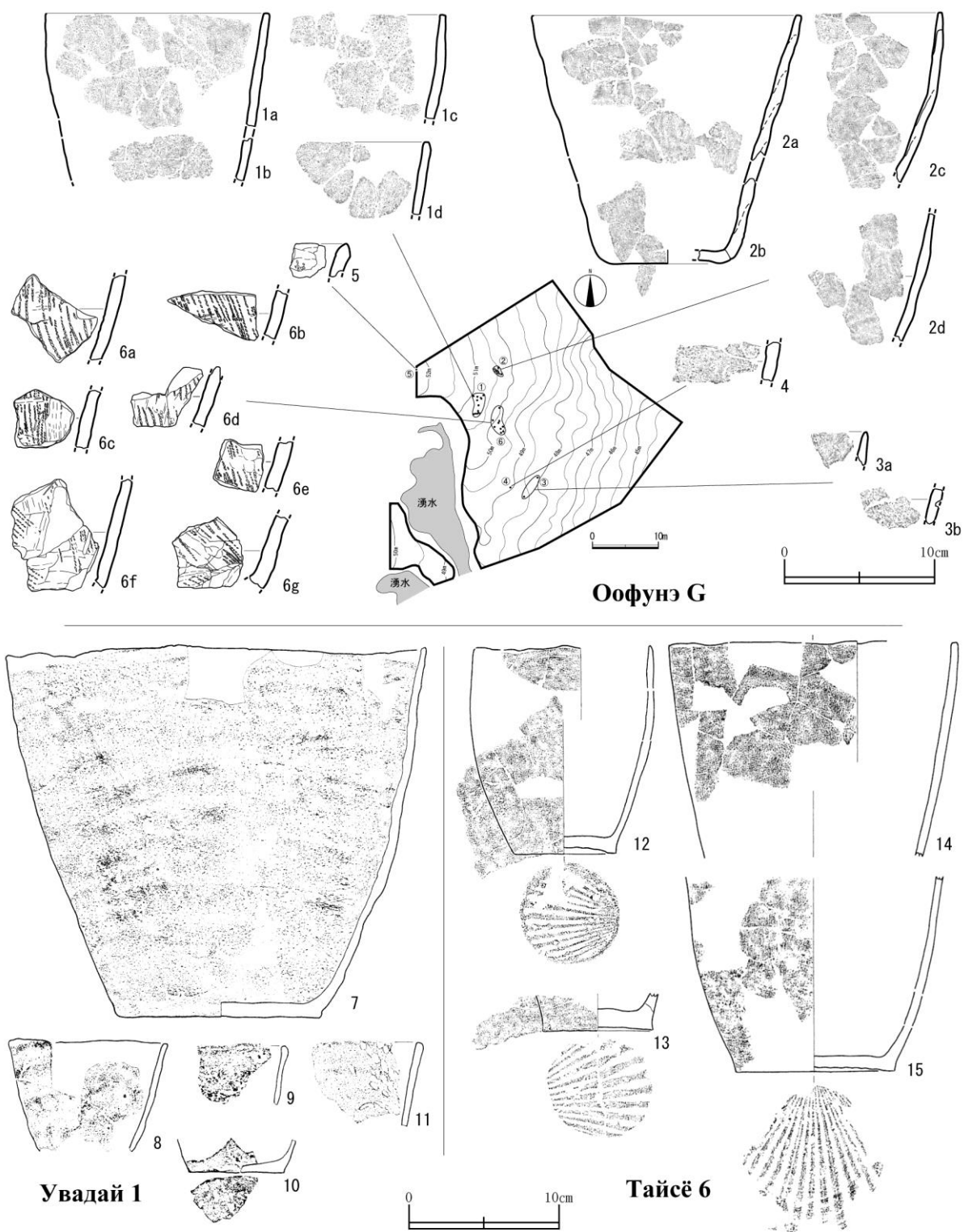

Рис. 1. Керамические материалы начала голоцена.
 1-6: стоянка Оофунэ G (юг о. Хоккайдо).
 7-11: стоянка Увадай 1 (северо-восток Хонсю).
 12-15: стоянка Тайсё 6 (восток о. Хоккайдо)

Портрет на фоне Тихоокеанской археологии (к столетию Н. Н. Дикова)*

**Работа выполнена в рамках научной темы*

*«Археология Севера Дальнего Востока России: от каменного века до нового времени»
(ФГАНУ ЦИТиС № гос. регистрации 124031400004-5)*

*Рис. 1. Н. Н. Диков, 1960-1970е гг.
(Источник фото: Музейный Центр
«Наследие Чукотки»)*

Одним из пионеров «Тихоокеанской археологии» – направления археологических исследований в тихоокеанском бассейне сложившегося в первой половине – середине XX в. (Табарев и др. 2019; Табарев, Табарева, 2024) по праву можно считать археолога Николая Николаевича Дикова (рис.1), которому в 2025 г. исполнилось бы 100 лет.

Его научная деятельность на севере началась в 1955 г. с должности директора Чукотского окружного музея в г. Анадырь. До этого были исследования в Забайкалье, экспедиции на Ангаре, в Ашхабаде, Иркутске и пр. (Анкета, 1981. Л. 2), защита кандидатской диссертации (Диков,

1953). Нелегко пришлось на новом месте: жил при музее в кладовке, спал в спальном мешке (Бродянский, 2005). Зимой

1955 г. состоялось первое знакомство молодого директора музея с археологией Чукотки в пос. Сиреники, а уже в 1956 г. Н. Н. Диков приступил к планомерным исследованиям на побережье Чукотки. В деревянной лодке (где на веслах, где с шестом) в поисках древних костров прошел не одну сотню километров по чукотским рекам. Используя промысловые байдары, обследовал северное побережье Чукотки от острова Айон до пос. Наукан, что на мысе Дежнева, выявляя древнеэскимосские памятники. В результате сплошной разведки на по-

бережье северо-восточной части Чукотского полуострова и внутриконтинентальных районов Центральной Чукотки были обнаружены, раскопаны и изучены десятки ранее неизвестных памятников каменного века – стоянок, мастерских, поселений (Диков, 1977; 1979; Понкратова, 2025).

Рассуждая об особенностях эпохи каменного века на Чукотке, ученый высказал идеи, которые и сегодня актуальны. Он категорически не был согласен с теорией о том, что кризисные изменения экологических условий на севере, вымирание стадных животных, которые вызвали здесь переход от коллективной охоты к индивидуальной, и якобы определили переход от палеолитической к мезолитической технике. Он считал, что смена технологий, микролитизация, появление вкладышевых орудий в голоцене на Чукотке, и в целом в Арктике имели имманентный (внутренний) характер (1979, с. 129). Ученый выдвинул гипотезы о северном автохтонном происхождении древнеэскимосской культуры, а также о проточукотской принадлежности внутриконтинентальных памятников Чукотки (Диков, 1979, с. 169–237).

На Чукотке Н. Н. Дикову пришлось пережить испытание голодом (не в первый раз – до этого в детском возрасте голод 1931–1933 гг., в 16 лет – в блокадном Ленинграде). В маршруте на берегу Берингова пролива у мыса Сенлун ночью оползень накрыл его палатку. К счастью, Николай успел выскокить; единственное, что он успел вытащить – это мокрый спальник, все остальное пропало. Неделью пришлось ждать вельбот, и его спасли самодисциплина и воля – еды не было и ему приходилось жевать водоросли и пить воду (Бродянский, 2005).

За исследования на Чукотском полуострове Н. Н. Дикову в 1963 г. было присвоено звание старшего научного сотрудника по специальности «Археология». В представлениях к званию, написанными известными учеными отмечается, что «многочисленные научные работы Н. Н. Дикова, напечатанные главным образом в местных научных изданиях, написаны на высоком уровне, со страстной любовью к делу, «с огоньком». Они представляют собой крупное и яркое явление на фоне советской археологической литературы, и значительно обогащают наши представления об археологии северо-востока нашей страны...» (Бориковский, 1961. Л. 19), «... Диков не только неутомимый исследователь-археолог, но и талантливый популяризатор. Его книга «По следам древних костров» написана увлекательно и прекрасно популяризирует успехи археологической науки» (Герасимов, 1962. Л. 25). Г. Ф. Дебец писал: «Мы еще очень далеки, конечно, от полного представления о древней истории народов Чукотки. Однако поразительная работоспособность и глубокая эрудиция Н.Н. Дикова

позволяют выразить уверенность, что его работы в недалеком будущем заполнят досадный пробел советских археологических исследований на северо-востоке Азии» (Дебец, 1962. Л. 26–27). Директор СВКНИИ академик Н. А. Шило отмечал, что Н. Н. Диков «как ученый отличается большой инициативностью и весьма продуктивен... обладает разносторонними знаниями в области истории, археологии и этнографии и постоянно пропагандирует их...» (Шило, 1962. Л. 22).

В должности директора музея Н. Н. Диков проработал почти 6 лет. В августе 1960 г. он был назначен исполняющим обязанности начальника отдела истории и этнографии и языков малых народов Севера СВКНИИ СО АН СССР в г. Магадане (Анкета., 1981. Л. 2), а в декабре этого же года – заведующим лабораторией археологии, истории и этнографии названного учреждения (Анкета., 1981. Л. 4).

В 1961 г. Н. Н. Диков организовал свою первую экспедицию на п-ов Камчатка, исследования которого проводились до конца его жизни. Всего же на Камчатке им было открыто и исследовано около 67 объектов, важнейшими опорными и ключевыми для выделения археологических культур на Камчатке, Чукотке, Верхней Колыме стали стоянки у Большого Ушковского озера, которые вошли в историю Северо-Востока России как опорные для периодизации каменного века (Понкротова, 2018). Методы исследования Н. Н. Дикова ушковских стоянок подвергались критике, в частности за снятие бульдозером верхних слоев на стоянке Ушки I. Тем не менее, опыт работы автора на стоянке Ушки V показал, что такая методика в то время была оправдана и обеспечила большой объем полученных исследователем данных. Ушковские стоянки и сегодня остаются наиболее исследованными на Камчатке (Понкротова, 2022).

Н. Н. Диков опровергнул теорию о том, что Евразийская Арктика впервые была заселена только в мезолите или неолите (1979, с. 130). И доказал это открытием палеолитических стоянок на Чукотке и Камчатке, определив хронологический диапазон и критерии древнейших североазиатских культур (1993а).

Особое внимание ученый уделял вопросам, связанным со временем и особенностями заселения Американского континента. Изучение хорошо стратифицированных ушковских стоянок на Камчатке, сопоставление материалов Чукотки, Якутии, Америки, Северного Китая позволило ему высказать идею о проникновении человека в Америку через Берингию более 40 тыс. л. н. Результаты его исследований подтвердили высказанные ранее предложения о позднепалеолитических миграциях со стороны Чукотки и Камчатки в сторону Америки (Диков, 1993а, с 176–177).

Открытия и заслуги ученого неоднократно становились предметом публикаций в журналах и газетах. Материалы его исследований и сегодня цитируются в большинстве научных публикаций Тихоокеанского севера (Понкратова, 2025 и др.). Благодаря посвященным памяти Н. Н. Дикова статьям М. А. Кирьяк (Диковой), раскрываются не вошедшие в официальные документы факты биографии, образ ученого, его мысли. В одном из дневников он писал: «...Значение веры непреходяще, ибо человек никогда до конца не познает сущности себя и всего мира. Смысл человека в постижении этого смысла. И этот процесс бесконечен...» (Кирьяк, 2000). И с этим нельзя не согласиться. Воспоминания ветеранов СВКНИИ ДВО РАН дополняют неформальный образ ученого: отмечается не только громадный кругозор ученого, но и тонкое чувство юмора, и, наверное, самое важное – его постоянная работа над самим собой: он относился к редчайшей категории людей, которые делают себя сами (Наши юбилеры, 2000).

В 1996 г. после тяжелой и продолжительной болезни Н. Н. Дикова не стало. Но память о нем жива, его труды востребованы. Его идеи до сих пор находят подтверждение в новых исследованиях тихоокеанского севера.

Литература

Анкета, Н. Н. Диков, 1981 г. // ГАМО. – Фонд Р-459. – Л. 2–4.

Борисковский П. И. Отзыв. – Ленинград, 18 ноября 1961 г. // ГАМО. – Фонд Р-459. – Д. 35. – Л. 19.

Бродянский Д. Л. Легендарный Николай Николаевич // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцене. Материалы международной научной конференции «По следам древних костров...». – Магадан : Изд-во СМУ, 2005. – С. 6–7.

Герасимов М. М. Отзыв о работах Н.Н. Дикова. – Москва, 7 декабря 1962 г. // ГАМО. – Фонд Р-459. – Д. 35. – Л. 25.

Дебец Г. Ф. Отзыв о работах Н.Н. Дикова по археологии Чукотского полуострова. – Москва, 8 декабря 1962 г. // ГАМО. – Фонд Р-459. – Д. 35. – Л. 26–27.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья : в 2-х т. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00. – Ленинград, 1953. – 475 с.

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 391 с.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. – М. : Наука, 1979. – 352 с.

Диков Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности: (Каменный век Чукотского полуострова). – СПб. : Наука. Санкт-Петербургская изд. фирма, 1993а. – 304 с.

Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан: СВКНИ ДВО РАН, 1993б. – 68 с.

Кирьяк М. А. Преодоление (читая дневники Н. Н. Дикова) // Колымские вести, 2000. – № 8. – С. 78–81.

Наши юбиляры // Колымские вести, 2000. – № 8. – С. 78.

Понкратова И. Ю. История исследований ушковских стоянок (Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2018. – № 3(19) – С. 110-119.

Понкратова И. Ю. Каменный век полуострова Камчатка : в 2-х т. : диссертация ... доктора исторических наук : 5.6.3. – Магадан, 2022. – 495 с.

Понкратова И. Ю. Николай Николаевич Диков: к 100-летию со дня рождения : биобиблиографич. указ. – Магадан : Изд-во «Охотник», 2025. – 96 с.

Табарев А. В., Гаврилина Т. А., Патрушева А. Е., Серовец Г. В. Пионеры тихоокеанской археологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – №. 2 (48). – С. 21–31.

Табарев А. В., Табарева Ю. В. Проект «История тихоокеанской археологии»: проблематика, подходы, источники // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития : (Посвящается 125-летию ДВФУ и 300-летию Российской академии наук). 7-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2024 г. : сборник материалов. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2024. – С. 220–225.

Шилов Н. А. Производственно-общественная характеристика – Магадан, 30 марта 1962 г. // ГАМО. – Фонд Р-459. – Д. 35. – Л. 22.

**Хронология погребальных комплексов,
родственные и брачные отношения
носителей бойсманской археологической культуры
среднего неолита Приморья
(по материалам могильников на памятнике Бойсмана-2)**

В раковинной куче памятника Бойсмана-2 были обнаружены два могильника (1 и 2), расположенные на расстоянии 12-18 м друг от друга. В каждом из них погребения расположены по окружности с одним центральным захоронением (рис. 1). Оба могильника отнесены к бойсманской археологической культуре среднего неолита (6,3 – 4, 7 тыс. л.н. (некалибр.), 5455 – 3640 calBCE). Изначально было высказано предположение о том, что могильники представляют разные, но родственные группы древних бойсманцев [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997; Попов, 2008] (илл. 1).

Прямое радиоуглеродное датирование антропологических материалов в обоих могильниках дали следующие результаты:

Таблица 1

Хронология могильника 1

Могильник 1				
Положение образца	Дата, л.н. радиоугл.	Возраст cal BCE по δ (68,3%)	Возраст cal BCE по 2δ (95,4%)	Индекс и номер
Погребение 1. Костяк Б, жен.*	6080±70	5202 – 4851	5213 – 4810	TERRA-b06129705
Погребение 1. Костяк не опред.	5660±50	4549 – 4405	4615 – 4362	TERRA-b06129706
Погребение 2. Костяк жен.	5860±100	4842 – 4594	4981 – 4493	TERRA-06129717
Погребение 3. Костяк А, муж.	6000±60	4962 – 4802	5039 – 4729	TERRA-b06129718
Погребение 3. Костяк не опред.	6020±60*	4993 – 4841	5197 – 4743	TERRA-b06129719
Погребение 3. Костяк Ж, муж.	5690±60	4604 – 4457	4751 – 4442	TERRA-b06129730
Погребение 3. Костяк Б, жен.	5780±70	4701 – 4554	4819 – 4463	TERRA-b06129731
Погребение 4. Костяк муж.	6060±90	5201 – 4837	5289 – 4785	TERRA-b06129732
Погребение 5. Костяк муж.*	5890±60	4837 – 4703 4770	4932 – 4608 4770	TERRA-b06129733
Усредненный возраст могильника 1.		4876 – 4672 4774	4969 – 4590 4780	

**Родственники первого уровня в могильнике 1*

Хронология могильника 2

Могильник 2				
Положение образца	Возраст, л.н. радиоугл.	Возраст cal BCE по δ (68,3%)	Возраст cal BCE по 2δ (95,4%)	Индекс и номер
Погребение 1. Костяк муж.	5995 $\pm$ 35	4935 – 4840	4981 – 4795	Poz – 83474
Погребение 2. Костяк Б, жен.	5840 $\pm$ 35	4777 – 4623	4792 – 4604	Poz – 83475
Погребение 3. Костяк А, муж.*	4875 $\pm$ 60	3748 – 3539	3857 – 3522	PSUAMS- 2160
Погребение 4. Костяк А, жен.	6155 $\pm$ 35	5206 – 5001	5213 – 4989	Poz – 83476
Погребение 4. Костяк Б, муж.	6325 $\pm$ 35	5353 – 5230	5372 – 5218	PSUAMS- 2070
Погребение 5. Костяк А, жен.	5890 $\pm$ 60	4837 – 4703	4956 – 4729	Poz – 83477
Погребение 5. Костяк Б, муж.	5985 $\pm$ 35	4932 – 4810	5013 – 4776	PSUAMS – 2114
Погребение 6. Костяк жен.	6030 $\pm$ 40	4987 – 4851	5034 – 4806	Poz – 83478
Усредненный возраст могильника 2.		4847 – 4670 4759	4913 – 4674 4794	

*Субъект, имеющий родственников первого уровня в могильнике 2.

Таким образом, можно сделать вывод о практически одновременном бытовании могильников в абсолютном измерении и отнести их, с большой долей вероятности, к концу первой четверти V тысячелетия до н.э. Вполне очевидно, что оба могильника практически одновременны, либо временной разрыв между ними не более одного поколения. Интересно, что в первом могильнике представлены все возрастные категории (от *infantis* I (0-2 года) до *senilis* (более 55 лет), а во втором могильнике крайние возрастные группы отсутствуют полностью. Тем не менее, по возрастному составу погребенных (Чикишева, 2003) можно сделать вывод о том, что в каждом могильнике представлены индивидуумы соприкасающихся поколений (от внуков/правнуков до бабушки/прабабушки для первого могильника, и от внуков/детей до дедов-бабушек/родителей для второго могильника). Более точные данные о наличии родственников внутри могильников были получены после изучения ДНК погребенных.

В 2015 – 2021 годах коллективом палеогенетиков и археологов под руководством Дэвида Райха (David Reich) были проведены исследования и опубликованы геномные данные по 191 древнему индивиду из Восточной Азии, в том числе из могильника Бойсмана-2 [Genomic insights..., 2021]. Были получены интересные результаты для рассмотрения родственных связей внутри могильников Бойсмана-2.

В погребении № 3 второго могильника были найдены останки семи человек, которые были уложены в три ряда – первый состоял из возрастных (*matures*) мужчины и женщины, второй – юная женщина (*juvenis*), а в третьем – двое молодых мужчин, женщина того же возраста (*adultus*) и одна взрослая женщина (*matures*). По результатам ДНК-анализа было установлено, что в данной могиле были погребены родственники, имевшие разные родственные и семейные отношения и, вероятно, различавшиеся по социальному положению. Главное место занимали 40-летние мужчина и женщина, которые лежали на спине лицами друг к другу и имели богатый сопроводительный инвентарь. У мужчины возле передней части шеи была обнаружена тонкая (0,1 см) ромбовидная в плане (дл. 12 см, шир. 7 см) костяная пластина, орнаментированная резьбой, имитирующей сеть, под пластиной – 3 костяных заточенных острия, в районе верхней половины костяка – 3 бусины из кости, камня, янтаря (?). У женщины – возле передней части шеи – похожая костяная орнаментированная пластина, а также у правого плеча дугообразная подвеска из рога с отверстиями на противоположных краях (дл. 13 см) – явно единый комплекс шейного украшения. Кроме того, ее инвентарь дополняли 11 бусин из камня, кости и янтаря (?) на верхней части костяка, под шейными позвонками – шлифованный кинжал из серого сланца (длина 26 см) с биконическим отверстием в средней части навершия рукояти; обработанный тонкой отжимной ретушью нож из полупрозрачного халцедона; роговое острие. В результате анализа их ДНК выяснилось, что они были родными братом и сестрой (семья 1 (Рис. 1)). То есть, они были кровными родственниками и, судя по сопроводительному инвентарю, имели довольно высокий социальный статус. Самое яркое подтверждение этому – уникальные для бойсманского вещевого комплекса орнаментированные нагрудные пластины, больше не встреченные нигде более – ни в могилах, ни, хотя бы фрагментарно, в слоях бытования в раковинной куче. К востоку и северу от них были погребены родственники мужчины – его жена и их общие дети (семья 2 (Рис. 1)). Супруга и трое детей составляли плотную группу к востоку. Интересно, что крайнее положение в этой группе занимали женщины – жена лежала на правом боку спиной к югу, а ее дочь на левом боку спиной на север. Дети достаточно взрослые (20 – 25 лет). В середине, на спине лежали скелеты сыновей/братьев. У супруги были 10 браслетов из раковин на левой руке, а возле черепа – рог и своеобразные изделия с винтовой нарезкой из рога, два каменных концевых скребка, таз располагался на точильной плитке. У дочери – два односторонних гарпуна под затылочной частью черепа и крупный роговой отросток под тазом. Сыновья/братья не имели инвентаря, за исключе-

нием длинного изогнутого острия из кабаньего клыка среди ребер в средней части грудной клетки одного из них (мог быть инструментом убийства – возможно ритуального). Самая младшая дочь (14-15 лет) была захоронена к западу от взрослых членов семьи на левом боку (спиной на север) лицом на юг – в сторону семейного коллектива. Ее тазовые кости располагались на крупном точильном камне, здесь же лежали 2 округлых гальки – одна из белого, другая из черного кварцита и бусина из янтаря (?); под ее черепом и плечами – костяное острие, односторонний гарпун; на левом плече – фрагмент браслета из раковины.

Интересной деталью являются различия в преднамеренной деформации черепов погребенных с использованием нескольких видов деформирующих воздействий, которые для второго могильника зафиксированы в основном у женщин. И если у родной сестры «главы» семейства отмечен теменно-затылочный вид, то у супруги и ее детей – лобно-затылочный [Чикишева, 2003, с. 211, табл. 2].

К сожалению, других родственных связей внутри второго могильника, а также между субъектами первого и второго могильников, не было выявлено. В то же время, в первом могильнике по результатам генетических исследований так же были обнаружены погребенные родственники. Таковыми оказалась женщина возрастом 40-45 лет из парного погребения № 1 и мужчина 25-30 лет из одиночного погребения № 5 (семья 3 (Рис. 1)). Учитывая возрастную разницу и определения генетиков, что они были родственниками первого уровня, можно сделать вывод о том, что перед нами с большей долей вероятности мать и сын. Иных родственников в первом могильнике не зафиксировано. Не имеется сведений о наличии родственников между могильниками. Но при этом обращает на себя внимание различие в черепных деформациях при сравнении двух могильников: в первом могильнике были встречены кольцевая и лобно-затылочная виды, а во втором – лобно-затылочная и теменно-затылочная виды, демонстрирующая во втором могильнике, кроме того, различия представителей по кровному принципу.

По результатам проведенных генетических анализов и археологических исследований можно сделать некоторые выводы:

1. Генетические исследования показали, что могильники Бойсмана-2, вероятно, являются кладбищами двух разных групп (общин) кровных родственников и их брачных партнеров и детей, представляющих носителей бойсманской археологической культуры среднего неолита.

2. Базовой ячейкой бойсманской общины была малая семья, состоящая из брачных партнеров и их детей.

3. Скорее всего родство велось по мужской линии, о чем свидетельствует расположение супруга и его сопроводительный инвентарь, прежде всего нагрудная костяная пластина, бусы. В то время как супруга, погребена несколько отдельно вместе с детьми, как бы обозначая хотя и родственную, но «пришлую» связь с супругом.

4. По коллективному погребению прослеживается более высокий социальный статус кровных родственников внутри бойсманской общины – рядом с супругом погребена его родная сестра, но не его жена и дети. Она имела такое же нагрудное украшение, как и ее брат – костяную пластину с идентичным узором и бусины, которые практически отсутствуют у жены и детей главы семьи.

5. Различия в видах черепной деформации у женщин разной кровной принадлежности в коллективном погребении, возможно, характеризуют особенности «местных» (теменно-затылочная деформация кровной сестры мужчины) и «пришлых» (лобно-затылочная деформация у супруги и детей).

6. В бойсманской общине существовало выраженное возрастное разделение. Так, младшая дочь (14 – 15 лет) была захоронена несколько отдельно от групп взрослых в коллективном погребении. Большое количество браслетов (от 2 до 10) обнаружено только у женщин от 40 лет и старше, в то время как у более младших – только единичные фрагменты одного браслета.

Литература

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Неолит южного Приморья (бойсманская археологическая культура). Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1997.- 96 с.

Попов А.Н. Погребальные комплексы на многослойном памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье// Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН. 2008 г., № 2 (34), С. 68 – 76.

Чикишева Т.А. Результаты исследования новых палеоантропологических материалов из могильника на поселении Бойсмана-2 (раскопки 1998-2000 г.г.) //Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: сб. материалов конференции/отв. ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. – С. 209-213.

Genomic insights into the formation of human populations in East Asia./Wang Chuan-Chao, Yeh Hui-Yuan, Popov Alexander N., Zhang Hu-Qin, Matsumura Hirofumi, Sirak Kendra, Cheronet Olivia, Kovalev Alexey, Rohland Na-

din, Kim Alexander M., Mallick Swapn, Bernardos Rebecca, Tumen Dashtseveg,
 Zhao Jing, Liu Yi-Chang, Liu Jiun-Yu, Mah Matthew, Wang Ke, Zhang Zhao, Ad-
 amski Nicole, Broomandkhoshbacht Nasreen, Callan Kimberly, Candilio Francesca,
 Carlson Kellie Sara Duffett, Culleton Brendan J., Eccles Laurie, Freilich Suzanne,
 Keating Denise, Lawson Ann Marie, Mandl Kirsten, Michel Megan, Oppenheimer
 Jonas, Özdoğan Kadir Toykan, Stewardson Kristin, Wen Shaoqing, Yan Shi, Zalzala
 Fatma, Chuang Richard, Huang Ching-Jung, Looch Hana, Shiung Chung-Ching, Ni-
 kitin Yuri G., Tabarev Andrei V., Tishkin Alexey A., Lin Song, Sun Zhou-Yong, Wu
 Xiao-Ming, Yang Tie-Lin, Hu Xi, Chen Liang, Du Hua, Bayarsaikhan Jamsranjav,
 Mijiddorj Enkhbayar, Erdenebaatar Diimaajav, Iderkhangai Tumur-Ochir, Myagmar
 Erdene, Kanzawa-Kiriyama Hideaki, Nishino Masato, Shinoda Ken-ichi, Shubina
 Olga A., Guo Jianxin, Cai Wangwei, Deng Qiongying, Kang Longli, Li Dawei, Li
 Dongna, Lin Rong, Nini , Shrestha Rukesh, Wang Ling-Xiang, Wei Lanhai, Xie
 Guangmao, Yao Hongbing, Zhang Manfei, He Guanglin, Yang Xiaomin, Hu Rong,
 Robbeets Martine, Schiffels Stephan, Kennett Douglas J., Jin Li, Li Hui, Krause Jo-
 hannes, Pinhasi Ron, Reich David. // Nature – Vol. 591 – 2021 – PP. 413–419.

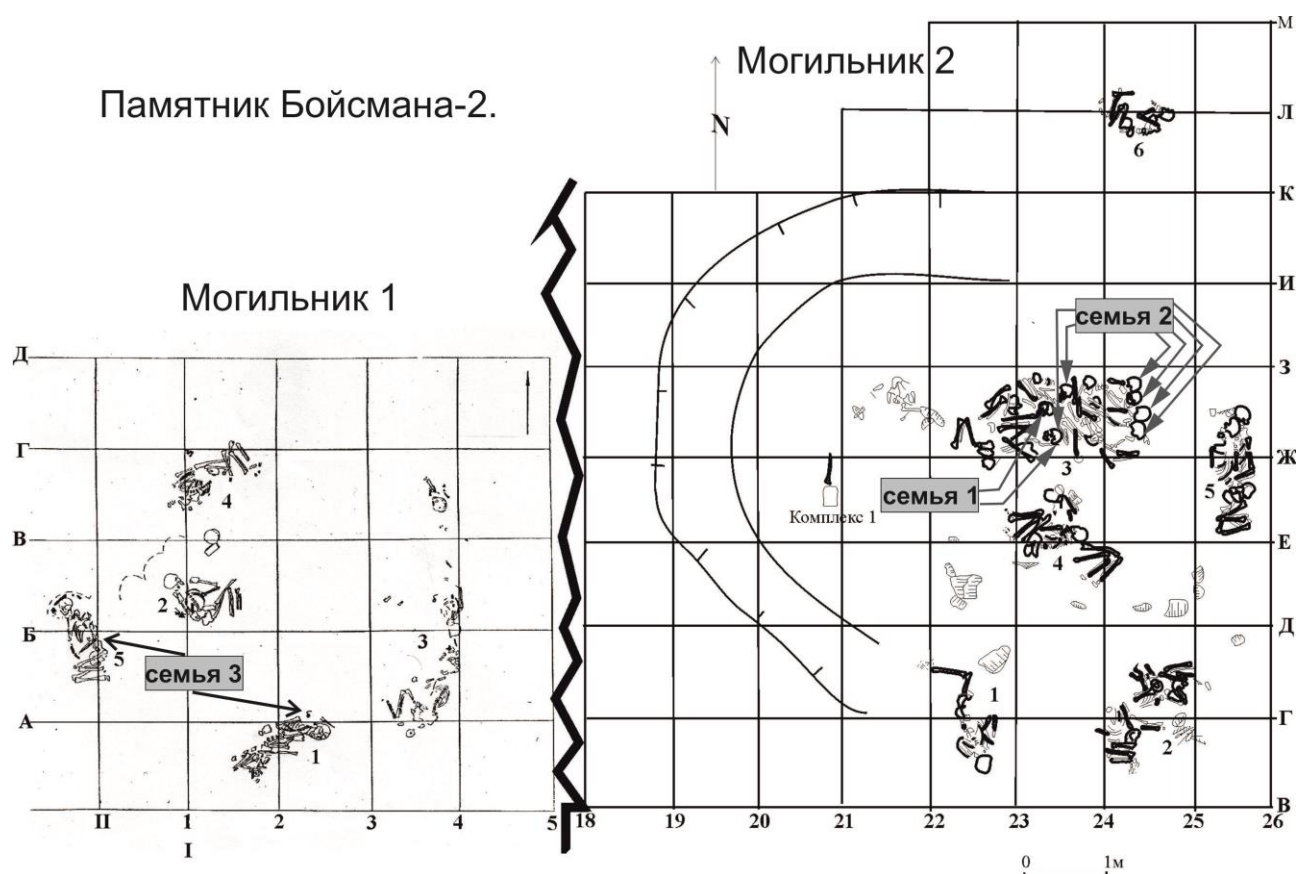

Рис. 1. Памятник Бойсмана 2. Могильники 1 и 2

*А.Н. Попов
А.А. Быкова*

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Археологический материал жилища № 43 памятника «Михайловка. Поселение 2» в Приморье

Памятник «Михайловка. Поселение 2» расположен в 120 км к северу от г. Владивостока, на оконечности 40-метрового мыса правого берега р. Раковка. В результате спасательных раскопок в 2023 году было обнаружено 9 неолитических жилищ (Лазин и др. 2024: 121). Одно из них получило порядковый номер 43.

Керамический инвентарь представлен 135 фрагментами керамической посуды, среди них: 15 венечных частей, 119 стенок и 1 фрагмент дна и придонной части. Археологически целые сосуды отсутствуют. Большая часть материала залегала в центральной и юго-восточной частях жилища.

подавляющее большинство керамической посуды изготовлено из тонко-текстурного глиняного теста, в качестве отощающей добавки использовалась, преимущественно, дробленая дресва с включениями песка, слюды и кварца. Сосуды изготавливались ленточным кольцевым налепом. На ряде фрагментов присутствуют признаки механического воздействия – малой толщины и различной степени деформации параллельные трассы, указывающие на горизонтальное заглаживание поверхности сосудов в процессе формовки (Глушков 1997: 54–55). Цвет фрагментов варьируется от коричневых, светло-коричневых, темно-коричневых до рыжевато-коричневых и серо-коричневых тонов, при этом в изломе, с внешней и внутренней сторон у большей части фрагментов совпадает. Обжиг осуществлялся в окислительной и восстановительной средах при средних температурах (Неолит юга Дальнего Востока...1991: 129). Фактура поверхности керамических фрагментов гладкая или шероховатая. Толщина стенок в среднем варьируется в пределах 3–5 мм. Внутренние поверхности стенок гладкие, следы нагара отсутствуют.

Представленная коллекция состоит из сосудов одного морфологического типа. Сосуды простой баночной формы, с прямым венчиком, плоской или уплощенной кромкой или слегка отогнутой наружу, непрофилированные, в единичных случаях горловина слабо выделена.

В коллекции 30 орнаментированных фрагментов. Зоны орнаментации – венчик (кромка) и приустьевая часть тулова. Основные способы нанесения декора – штампование, наложение, прочерчивание. Преобладает техника штампования, которая применялась как самостоятельно, так и в сочетании с другими техническими приемами. Орнаментация кромки венчика имеет второстепенное значение, выступая как дополнение к основному декору (Дьяков 1992: 91). Всего в коллекции 12 керамических фрагментов с двумя зонами орнаментации. 5 фрагментов орнаментированы в приустьевой части без отступа от кромки, остальные 7 с отступом 1,5, 2, 4 или 5 мм. Орнаментальные элементы приустьевой части сосудов представлены ромбическими, овально-округлыми оттисками. Доминирующий мотив – «амурская плетенка». Для ряда фрагментов характерно укрупнение «рисунка», к которому относится увеличение как оттиска штампа, так и расстояния между элементами. На 2-х орнаментированных фрагментах заметно углубление нажимом орнамента. Иногда декор усложняется подчеркивающей прямой линией. Ширина орнаментированной зоны достигает 3–3,5–4,3 см.

По сохранившимся фрагментам выделено несколько четко прослеживающихся простых и сложных композиций орнамента.

К группе простых относится орнамент, состоящий из одного мотива – элементов оттисков ромбического штампа, которые фиксируются без отступа от кромки и образуют «сетку», разделяющуюся неорнаментированной полосой в 1,5 см, идущей под наклоном примерно в 45 градусов. К этой же группе можно отнести сплошной орнамент, аналогичного порядка, состоящий из овальных или ромбических оттисков с минимальным расстоянием между ними. Оба варианта включают по вертикали 4–7 оттисков.

Первый сложный композиционный вариант представлен орнаментом кромки венчика и приустьевой части стенки. Кромка декорировалась прочерченными линиями без строгой системы. Орнамент стенки представлен ромбическими или овальными оттисками штампа, включающими по вертикали от 4 до 7 оттисков.

Во втором варианте декор кромки представлен расположенными через одинаковое расстояние веревочными оттисками или прочерченными линиями. В приустьевой части оттиски ромбического или овального штампа слабо выраженные, образуют «сетку» из 4–6 горизонтальных рядов.

Третий вариант состоит из трех мотивов. Кромка орнаментирована плотными веревочными оттисками. По стенке, с отступом 3 мм, идет сплошная орнаментированная зона, с заметным увеличением ширины, образованная вытянутыми оттисками ромбического штампа из 9–11 вертикальных рядов, которая оконтурена прочерченной линией.

Проанализированные фрагменты демонстрирует стандартный набор технических операций в процессе конструирования сосудов, позволяют говорить о строгом соблюдении зональности в орнаментации, а также об устойчиво транслирующихся принципах построения декора в рамках единой гончарной традиции. Прослеживается сходство по зонам орнаментации, элементам и мотивам орнамента с материалами памятника Рудная Пристань (Дьяков 1992). Можно сделать вывод о принадлежности материала к раннему этапу руднинской археологической культуры (Батаршев 2008).

По опубликованным ранее данным каменный комплекс представлен следующими орудиями: шлифованными рубящими – «горбатыми» теслами и долотами, обломком шлифованного наконечника стрелы и, орудиями, выполненными краевой ретушью на обломках шлифованных более крупных орудий. Среди орудий с ретушью – бифасы, концевые скребки, треугольные ножи и наконечники стрел. В заполнении жилища №43 также были обнаружены гладкие овальные галечки (лощила), заготовки, абразивы и удлиненные гальки. (Дюков, 2024).

Таким образом, жилище № 43 по характеристикам керамического и каменного инвентаря относится к руднинской археологической культуре. Присутствие в каменной коллекции компонентов позднего этапа (фрагмент шлифованного наконечника стрелы), делает возможным отнесение его к промежуточному варианту между ранним и поздним этапами руднинской культуры.

Литература

Батаршев, С.В., Попов, А.Н. Памятник Сергеевка-1 на приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3. – С. 2–13.

Бобринский, А.А. Гончарство Восточной Европы. Москва: Наука, 1978. 272 с.

Глушков, И.Г. Керамика как исторический источник / И. Г. Глушков. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 1996. 328 с.

Дьяков, В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья / В. И. Дьяков. Владивосток: Дальнаука, 1992. 140 с.

Дюков Е.И. Предварительные результаты исследования жилища руднинской культуры на ОАН «Поселение Михайловка-2» // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития : (Посвящается 125-летию ДВФУ

и 300-летию Российской академии наук) / отв. ред. А.Н. Попов – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2024. Вып. 42. – С. 75–81.

Лазин Б.В., Попов А.Н., Дюков Е.И., Руденко М.К., Лазина А.А., Залётова Е.Н., Зубков С.А., Никитин Е.Ю., Щипун О.И., Снопкова А.А., Войтко Д.А., Еремеева Е.А., Елошкин Г.А. Предварительные результаты раскопок поселения Михайловка-2 в 2023 г. // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития: (Посвящается 125-летию ДВФУ и 300-летию Российской академии наук) / отв. ред. А.Н. Попов. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2024. Вып. 42. – С.120–124.

Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота / отв. ред. Ж. В. Андреева. – Москва : Наука, 1991. – 224 с.

*А.Н. Попов
М.К. Руденко
Е.И. Дюков
Б.В. Лазин
Д.А. Войтко*

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

**Комплекс каменных артефактов руднинской культуры
памятника «Михайловка-2. Поселение»
(по материалам жилищ №34 и №43)**

Введение

Поселение Михайловка-2 находится в Михайловском районе Приморского края, в 3 км к югу от с. Михайловка, по правому борту долины реки Раковка на 40-метровом мысу. С момента открытия в 1984 году, на памятнике неоднократно проводились раскопочные работы, общая площадь исследований составила 9450 кв. м, 9030 из которых были произведены вовремя спасательных работ в 2023 году (Лазин и др., 2024). Всего было исследовано 46 жилищ, в число которых вошли 9 жилищ руднинской культуры среднего неолита, и 37 жилищ мохэской культуры раннего средневековья (Кривуля, 2014; Лазин и др., 2024).

Цель данного исследования – первичный анализ комплекса каменных артефактов руднинской культуры раскопанных на памятнике «Михайловка-2. Поселение» для расширения и уточнения сведений о локальных особенностях

технологии изготовления и типологической номенклатуры каменного инвентаря культур среднего неолита. В рамках данной работы представлены результаты исследования комплексов каменных артефактов из котлованов двух (из девяти) жилищ №34 и №43, что обусловлено типологической выразительностью артефактов и их насыщенностью в заполнении этих жилищ.

2. Комплекс каменных артефактов из жилищ № 34 и № 43

Оба жилища имели подпрямоугольные очертания, ориентированные в направлении северо-запад – юго-восток, размерами 8,2х7,6 м (№34) и 4,4х4 м (№43).

Заполнение котлованов жилищ можно условно разделить на три уровня. Верхний – гумусированные отложения и верхняя часть коричневого суглинка. Содержит разрозненные артефакты мохэской культуры. Артефакты этого уровня не учитывались при проведении исследования.

Средний (основное заполнение котлованов), а также нижний (пол) уровни представляют собой «чистые» слои с артефактами руднинской культуры. В жилище №34 – это коричневый суглинок темного оттенка с небольшим содержанием дресвы и мелких угольков, и темно-коричневый суглинок с дресвой и мелкими углями. В жилище №43 – темно-коричневый суглинок с дресвой и углистыми включениями, и углистый слой.

К комплексу руднинских каменных артефактов жилища № 34 отнесено 45 экз. (1,5 % от всех каменных артефактов культуры), жилища № 43 – 2521 экз. (83,7%).

Жилище № 43.

Количественное преобладание артефактов из жилища №43 обусловлено наличием многочисленных продуктов производства каменного инвентаря – 2462 экз. (97,6 % от всего комплекса), основная масса которых была обнаружена в результате флотации.

К артефактам данной категории отнесены сырьевые заготовки и их обломки – 30 экз. В их числе гальки их обломки – 24 экз., преимущественно из каменных пород серых оттенков, реже светло-коричневых и близких к черным тонов. Размеры целых галек 2х1,9х1,6 – 14,5х4,7х3,7 см. На торцах и боковых гранях 9 экз. имеются крупные негативы сколов. Сланцевые плитки – 6 экз. серо-зеленого и коричневого цвета, размерами от 2,6х2,4х0,4 до 8х9,3х0,5 см, и расколотая на два обломка пемза – 9,4х7,2х4,8 см.

Артефакты, иллюстрирующие первичную стадию изготовления ретушированных орудий единичны. В их числе угловатый нуклевидный обломок (3,9х2,7х1,8 см) из светло-коричневой кремнистой породы с частично сохранившейся желвачной коркой и негативами разнонаправленных снятий по всем граням.

Примечательно наличие торцового клиновидного микронуклеуса (2,5х4,3х1,4 см), оформленного на сколе из серо-зеленой кремнистой породы, с подготовленной серией сколов скошенной ударной площадкой. Учитывая наличие подобных единичных артефактов на опорном поселении культуры – Рудная Пристать (Дьяков, 1992, с. 63) мы можем сделать предположение о знакомстве и применении населением Михайловки-2 архаичной микролитической техники. В то же время, мы допускаем возможность наличия на территории поселения верхнепалеолитического комплекса, к которому и относится данный артефакт.

Отходы процесса камнеобработки насчитывают – 2430 экз. В их числе многочисленные отщепы геометрических и аморфных очертаний с выраженными ударными бугорками – 373 экз. (1,4х0,3х0,8 – 4х2,2х0,9 см), единичные пластинчатые отщепы – 8 экз. (3,6х0,6х1,3 – 8,1х0,7х2,7 см), микроотщепы – 708 экз. (до 1,2х0,4х0,7 см), а также мелкие чешуйки – 1340 экз. (до 1х0,3х0,8 см). Первичные продукты расщепления с сохранившейся желвачной коркой занимают менее 1,3 % от всей категории.

Орудийный набор насчитывает 59 экз. (2,3 % от всего комплекса), среди которых: ретушированных – 29 экз.; шлифованных – 16 экз.; без следов преднамеренного оформления – 14 экз.

Ретушированные изделия.

Наконечники метательных орудий – 12 экз. (3 заготовки, 5 целых и 4 обломка). Целые наконечники стрел по форме пера можно разделить на три группы:

1) треугольные (3 экз. – 1,8х0,35х0,9 – 2,7х0,4х1,2 см) из темно-серой породы с линзовидным или близким к нему сечением, вогнутым, прямым и скошенным основанием, оформленные сплошной ретушью с одной стороны, и краевой с другой;

2) удлинено-треугольный (3,5х0,6х1 см) из светло-серой кремнистой породы с линзовидным сечением и вогнутым основанием, оформленный краевой двусторонней ретушью;

3) иволистный (4х0,5х0,25 см) наконечник на пластине, с шестигранным сечением и прямым основанием, обработанный двусторонней краевой ретушью.

Обломки представлены фрагментами жала (1 экз.), пера (1 экз.), насада (1 экз.) наконечников треугольной формы из розовато-серой кремнистой (1 экз.) и темно-серой (2 экз.) породы, а также обломком насада удлинено-треугольного наконечника из темно-серой породы. Все обломки обработаны бифасиальной ретушью.

Заготовки представлены: целым изделием треугольной формы, обработанным двусторонней ударной ретушью; двумя обломками насадов, один из ко-

торых частично обработан крупными веерообразными негативами, а другой частичной двусторонней краевой ретушью. Все артефакты из темно-серой породы.

Скребки – 5 экз., в числе которых:

1) концевые (4 экз. – 2,3х1,7х0,4 – 6,3х2,8х0,4 см), выполненные на пластинчатых отщепках серой кремнистой, черной и серой каменной пород, а также на отщепе из черного обсидиана, округлые лезвия которых оформлены краевой ретушью, в двух случаях подработаны боковые грани, так же спинка одного скребка покрыта сплошной ретушью;

2) комбинированный (1,6х0,8х1,7 см), выполненный на сколе из черного обсидиана, с двумя округлыми лезвиями высокой формы, оформленными краевой ретушью.

Бифасы – 3 экз. (1 целый и 2 обломка). Целое изделие (6,7х0,9х2,6 см) листовидной формы с приостренным основанием, выполненное из наполовину прокаленной светло-серой кремнистой породы с черными прослойками, обработанное крупной ударной ретушью по всему телу и дополнительно подработано двусторонней краевой. Обломки выполнены из коричневой кремнистой породы, один из которых частично прокален. Обработаны крупными сколами.

Режущие орудия – 2 экз. Первый (7,5х1х3,9 см) – обломок режущего орудия прямоугольной формы из серой сланцевой плитки, противоположенные грани которого обработаны краевой ретушью, на одной из них прослежены следы использования в виде мелкой выкрошенности по кромке. Вторым (5,7х0,6х2,8 см) – нож слегка изогнутой прямоугольной формы на пластинчатом отщепе из светло-серой кремнистой породы, со скругленным лезвием, обработанным двусторонней краевой ретушью, а также подработанным обушком.

Так же к числу ретушированных орудий отнесено изделие на крупном (14,6х9х0,9 см) плитчатом сколе из среднезернистой каменной породы, на одной из граней которого крупной зубчатой ретушью оформлено протяженное, округлое лезвие – 11,5х1,6 см, кромка которого скруглена и частично выкрошена. Данное орудие определено как пила.

Помимо этого, представлена серия ретушированных отщепов (7 экз. – 2,3х0,4х0,9 – 4,1х0,6х2,6 см) аморфных и геометрических очертаний из темно-серой породы (6 экз.) и черного обсидиана (1 экз.), одна или две грани которых оформлены краевой односторонней ретушью, в одном случае прослежено сочетание односторонней и двусторонней. На двух изделиях зафиксированы лишь следы использования – мелкая выкрошенность.

Шлифованные изделия.

Рубящие орудия 12 экз. (1 заготовка, 3 целых, 4 обломка и 4 скола) из галек серых оттенков, серо-зеленого и коричневого цвета.

Целые орудия представлены теслами трапецевидной (10,6х1,7х4,3 и 14,7х2,8х5,2 см) и треугольной формы (11,6х1,6х2,4 см), с асимметричным / горбатым (2 экз.) или овальным (1 экз.) сечением, с округлым или прямым сработанным лезвием, плоскими или приостренным обушками. На обушках и боковых гранях изделий отчетливо прослеживаются следы первичного оформления – крупные негативы оббивки, местами пришлифованные.

К числу обломков отнесены: 1) две шлифованные рубящие части горбатого тесла (9,5х3,1х5,1 см) и массивного топора (7,7х2,5х4,7 см) с подтрапецевидным сечением, на выступающей части которого прослеживается широкий негатив продольного снятия; 2) два обломка полностью шлифованного горбатого тесла (10,1х2,3х3,1 см) с приостренным обушком, на одном из которых прослежены следы вторичного использования – рабочая кромка оббита, скруглена и притуплена.

Заготовка представлена подтрапецевидной галькой (9,5х1,5х2,5 см) со следами оббивки у обушка и лезвия, а также с продольным широким негативом, в направлении от обушка к лезвию, и следами пришлифовки на одной из широких сторон лезвия.

Среди сколов интересен экземпляр со следами вторичного использования в качестве проколки (6,5х0,4х0,4 см). На одном из его торцов краевой односторонней ретушью оформлена приостренная рабочая часть, кромка которой притуплена и слегка выкрошена.

Шлифованные наконечники стрел представлены одной треугольной заготовкой (3,5х0,4х1,9 см) с прямоугольным сечением из серо-зеленого сланца. Так же обнаружены три обломка (1х0,15х0,9 – 2,5х0,2х0,9 см) прямоугольной части пера наконечников с линзовидным сечением, в одном случае близким к шестигранному, выполненные из серо-зеленого и светло-серого сланца.

Орудия без следов преднамеренного оформления.

Абразивы – 14 экз. В их числе 8 экз. (5,1х1,3х5,2 – 15,8х7,3х8,7 см) – угловатые обломки разнотернистых песчаников серых и коричневых оттенков, подпрямоугольной или неправильной геометрической формы.

Отдельную группу представляют овальные и удлиненно-вытянутые гальки с уплощённо-овальным и подпрямоугольным сечением из средне- и мелкозернистых частично прокаленных коричневых песчаников – 6 экз. (3 целых и 3 обломка). На торце одной из галек зафиксированы негатив от крупного скола и выкрошенная кромка. Так же крупный широкий скол прослежен на торце одного из галечных обломков. Размеры целых изделий – 5,1х2х4,3 – 20,1х0,7х5,2 см.

Жилище № 34

В комплексе каменных артефактов жилища №34 находки, связанные с процессом производства и оформления каменного инвентаря немногочисленны – 18 экз. (40 % от всего комплекса).

Заготовки и обломки сырья насчитывают 11 экз., десять из которых – удлинённо-вытянутые, округлые и неправильной формы гальки (3,8х1,3х1,6 – 14,2х2,4х3,9 см), и их обломки из каменных пород серых оттенков и коричневого яшмоида. На широких и боковых гранях трех галек зафиксированы крупные негативы сколов. В эту же категорию относится небольшой угловатый обломок сланцевой плитки темно-серого цвета.

Один из галечных обломков (11,2х2,2х4,1 см) темно-серого цвета, вероятно, использовался в качестве отбойника. На его торце и прилегающей к нему боковой грани прослеживается забитость, а также короткие широкие негативы от сколов.

Продукты и отходы процесса камнеобработки насчитывают 6 экз., в их числе: отщепы геометрических очертаний из каменной породы серых оттенков (5 экз. – 2,2х0,2х1,9 – 6,3х0,9х4,1 см), спинка, одного из которых покрыта галечной коркой; пластинчатый отщеп (1 экз. – 3,6х0,3х1,5 см) из светло-коричневой каменной породы.

Орудийный набор насчитывает 25 экз., среди которых: ретушированных – 3 экз.; шлифованных – 15 экз.; без следов преднамеренного оформления – 10 экз.

Ретушированные изделия.

Режущее орудие (7х1,2х6 см) на уплощенном прямоугольном сколе из темно-серой каменной породы с крупными веерообразными негативами сколов по спинке. Лезвие и обушок обработаны краевой односторонней ретушью. На кромке рабочей части зафиксированы следы использования – мелкая выкрошенность.

Так же к числу ретушированных орудий отнесен крупный (11,6х1х10,2 см) плитчатый скол светло-коричневого цвета, подтрапиевидной формы с смыкающимися друг к другу округлым и прямым лезвиями, со следами сработанности в виде зубчатой ретуши и выкрошенных кромок. Данное изделие, как и в случае с жилищем №43, определено как пила.

Помимо этого, обнаружена заготовка плечикового ретушированного орудия (2,4х0,6х1,4 см) на сколе из зеленой кремнистой породы, с подпрямоугольным туловом и отделенной от него плечиками уступами прямоугольной рабо-

чей частью, обработанной односторонней краевой ретушью. Кромка плоская, не обработана, без следов использования.

Шлифованные изделия.

Шлифованные орудия представлены деревообрабатывающими инструментами – 15 экз., в числе которых 2 заготовки и 2 обломка рубящих орудий, 6 тесел и 4 стамески, а также 1 скол.

Тесла по размерным показателям можно разделить на две группы. Первая (5 экз.) – изделия средних размеров (8,2х1,5х3 – 8,9х1,2х2,5 см), трапециевидной формы, с асимметричным (3 экз.) или овальным (2 экз.) сечением округлым (2 экз.) или близким к прямому (3 экз.) лезвием, а также с округлым (2 экз.), приостренным (2 экз.) и скошенным (1 экз.) обушком. На всех орудиях прослеживаются следы первичной обработки – крупные негативы оббивки, преимущественно локализованные вдоль боковых граней и на обушках. В четырех случаях изделия полностью зашлифованы. В одном – только лезвие. В качестве заготовок использовались гальки серых и серо-зеленных оттенков.

Вторая группа – массивное изделие (11,1х3х4 см) трапециевидной формы с асимметричным сечением, сильно сработанным округлым лезвием, со скошенным оббитым обушком, выполненное из гальки коричневой породы, шлифованное по лезвию и частично по телу.

Оригинальны в исполнении стамески, выполненные из небольших уплощенных галек светло- и темно-серой каменной породы, обработка которых осуществлялась крупными сколами по широким, а также мелкими и средними по боковым граням. Лезвия изделий интенсивно зашлифованы. Тело и обушок зашлифованы частично. Данные орудия можно разделить на две группы. Первая (2 экз. – 7,2х0,9х2,6 – 7,5х0,7х2,8 см) – изделия овальной формы с уплощенно-асимметричным сечением и округлым лезвием. В одном случае зафиксировано наличие двух округлых лезвий, оформленных на противоположных торцах. Вторая (2 экз. – 5,6х1,1х2,7 – 7х0,9х3,1 см) – изделия с прямоугольным телом и уплощенно-овальным сечением, со скругленным лезвием и плоским, слегка скошенным обушком. На кромках лезвий трех орудий зафиксированы следы сработанности в виде мелких сколов.

Обломки орудий представлены зашлифованной частью лезвия и тела асимметричного в сечении массивного тесла (8,2х2,6х5 см), а также фрагментом тела шлифованного рубящего орудия (3,6х2,6х3,3 см), выполненными из серо-зеленой каменной породы.

Заготовки: удлинненно-вытянутая, асимметричная в сечении галька (11,8х2,5х3,4 см) серо-зеленой породы, с приостренным оббитым обушком

и частично пришлифованной боковой гранью; изделие трапецевидной формы из коричневой каменной породы, со всех сторон покрытое крупными негативами сколов.

На обнаруженном сколе (5,7х1,3х4,4 см) с рубящего орудия, с выраженным ударным бугорком, на боковых гранях зафиксированы следы вторичного использования в виде мелкой выкрошенности.

Орудия без следов преднамеренного оформления.

Абразивы – 10 экз. Среди которых 9 – угловатые обломки разнозернистых песчаников коричневого и серого цвета. Так же к этому набору отнесен обломок удлиненно-вытянутой гальки из мелкозернистого, частично прокаленного песчаника коричневого цвета.

Заключение

Представленные результаты свидетельствуют, что в качестве сырья для изготовления ретушированных изделий в основном использовались каменные породы серых оттенков, кремнистое сырье светло-коричневого и светло-серого цвета, редко черный и дымчатый обсидиан. Отбор сырья и первичное расщепление осуществлялось за пределами поселения.

Вторичная обработка преимущественно осуществлялась краевым одно- и двусторонним ретушированием, реже бифасиальным. Так же применялась ударная обработка как краевая, так и сплошная с одной или двух сторон заготовок.

В качестве сырья для шлифованных орудий использовались гальки из твердых мелкозернистых пород и сланцевые плитки. Первичная обработка была основана на частичной, реже полной оббивке заготовок, что отчетливо прослежено на рубящих орудиях. Вторичная обработка осуществлялась полным или частичным шлифованием с применением разнозернистых абразивов. Так же характерной чертой данного комплекса является реутилизация сработанных шлифованных рубящих орудий.

Сопоставляя технико-технологические признаки процесса камнеобработки с материалами опорных поселений руднинской культуры, представляющих два этапа ее развития: 7,5 – 7 тыс. л. н. – Рудная Пристань (Дьяков, 1992, с. 43–67, пещера Чертовы Вороты (Неолит юга Дальнего Востока ..., 1991, с. 35–80); 7 – 6 тыс. л. н. – Сергеевка-1 (Батаршев, 2009, с. 51-54), мы можем отметить, что ориентация на использование отщепов, пластинчатых отщепов, редко пластин в качестве сколов-заготовок для ретушированных орудий, а также приемы их вторичной обработки находят прямые аналогии в материалах первого этапа. В то же время данные характеристики прослежены и в немногочисленной коллекции памятника Сергеевка-1.

Массовость и разнообразие форм ретушированных орудий, таких как наконечники стрел (треугольные, удлинённо-треугольный, иволистный), концевые и комбинированный скребки, прямоугольные режущие инструменты, позволяют говорить о их большей близости к материалам Рудной Пристани и Чертовых Ворот. Примечательно наличие ножа с лезвием, оформленным двусторонней краевой ретушью, что отличает его от ножей указанных памятников, оформленных односторонней краевой обработкой.

Типологический набор шлифованных орудий не разнообразен. Наличие в нем горбатых тесел, с частичной или полной шлифовкой является характерным маркером для памятников первого этапа. Однако рубящие орудия с овальным сечением не находят аналогов в материалах Рудной Пристани, но отмечены в коллекции Чертовых Ворот. В то же время горбатые тесла отсутствуют в материалах Сергеевки-1. Помимо этого, в коллекциях всех сравниваемых памятников отсутствуют уплощенные стамески с округлым лезвием.

Единичные обломки наконечников стрел не позволяют провести детального сравнения. При этом мы можем отметить сам факт их большей массовости, чем в материалах поселения Рудная Пристань (обнаружен лишь один целый наконечник и заготовка (Дьяков, 1992, с. 51). Так же, наличие обломка шлифованного прямоугольного пера с уплощенно-шестигранным сечением отличает данный комплекс от материалов Чертовых Ворот, но сближает с материалами Сергеевки-1.

Подводя итог сравнительной характеристике каменных артефактов, мы можем сделать вывод о наиболее явном технологическом и типологическом сходстве материалов жилищ №34 и №43 с коллекцией пещеры Чертовы Ворота. Однако распространение техники шлифования, разнообразие форм деревообрабатывающих инструментов, а также сходство с материалами Сергеевки-1, позволяет говорить о более развитом характере процесса камнеобработки рассмотренных комплексов. Проанализированные материалы могут быть промежуточной стадией в развитии каменной индустрии руднинской культуры, связывающей ее первый (Руднинский) и второй (Сергеевский) этапы.

Литература

Батаршев С.В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: ООО «Рея», 2009. – 200 с.

Дюков Е.И. Предварительные результаты исследования жилища руднинской культуры на ОАН «Поселение Михайловка-2» // Тихоокеанская археология: Тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: ис-

тория, современность, перспективы развития. 7-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2024 г. Владивосток, 2024. – С. 75–81.

Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1992. – 140 с.

Кривуля Ю.В. Жилища раннесредневекового поселения Михайловка-2 // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток, 2014. – С. 59–73.

Лазин Б.В. Предварительные результаты раскопок поселения Михайловка-2 в 2023 г. / Б. В. Лазин, А. Н. Попов, Е. И. Дюков [д. р.] // Тихоокеанская археология: Тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития. 7-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2024 г. Владивосток, 2024. – С. 120–124.

Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота / отв. редактор Ж. В. Андреева. М.: Наука, 1991. – 224 с.

А.Н. Попов¹

Б.В. Лазин¹

Е.И. Дюков¹

Ю.А. Микишин²

Г.В. Смирнова³

¹Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

²Владивосток, Дальневосточный геологический институт ДВО РАН

³Томск, Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН

Радиоуглеродная хронология раннесредневекового слоя поселения Михайловка-2 в Приморье

Поселение Михайловка-2 находится в Михайловском районе Приморского края, в 3 км к югу от с. Михайловка. Памятник расположен по правому борту долины реки Раковка на 40-метровом мысу, который на западе плавно переходит в отрог низкогорного массива. С момента открытия в 1984 году, на памятнике неоднократно проводились раскопочные работы, общая площадь исследований составила 9450 кв. м, 9030 из которых были произведены вовремя спасательных работ в 2023 году (Лазин и др., 2024). Суммарно было исследовано 46 жилищ, в число которых вошли 9 жилищ среднего неолита (руднинская культура), и 37 жилищ раннего средневековья с артефактами мохэской архео-

логической культуры (8 жилищ – раскопки 1985 – 2007 годов, 29 жилищ – раскопки 2023 года) (Кривуля Ю.В., 2014; Лазин и др., 2024). Жилища средневекового поселения расположены в 4-х рядах, вытянутых по линии юго-запад – северо-восток, в каждом их них от 3 до 9 жилищ. Первый, самый южный, и второй (в центральной части поселения) занимают склоновый участок, а третий и четвертый (в северной части поселения) почти горизонтальную поверхность вершины холма.

Конечно, интерес к памятнику вызывает не только археологические находки, но и возможность получения достаточных материалов для радиоуглеродного датирования, тем более что большинство средневековых жилищ имели явные следы пожара (Кривуля, 2014, Лазин и др., 2024).

До настоящего времени для средневекового слоя поселения Михайловка-2 были известны 3 радиоуглеродные даты (Кузьмин и др., 2005), образцы для которых были отобраны из жилища № 6, судя по всему, от сгоревших конструкций жилища. К сожалению, глубина залегания образцов и конкретное место их расположения неизвестно (Кузьмин и др., 2005; Кривуля, 2014).

В 2025 году корпус радиоуглеродных дат для поселения Михайловка-2 значительно расширился – было получено еще 5 дат из 5 жилищ, локализованных в разных частях поселения. Во всех из них при разборке заполнения котлована выявлены остатки обугленных деревянных деталей конструкций, в подавляющем большинстве – фрагменты жердей диаметром 5 – 8 см. Обнаруженные артефакты, найденные при разборке данных жилищ, представлены изделиями из керамики, камня и железа и отнесены к мохэской культуре раннего средневековья.

Жилище № 9 расположено в южной части поселения, в центре первого (южного) ряда средневековых жилищ. Котлован жилища имел подквадратные очертания, ориентированный углами по сторонам света. Размеры котлована по уровню пола 5,5х5,5 м. Глубина от дневной поверхности 0,3-0,7 м. Образец для датирования отобран от обугленной жерди (длина фрагмента 40 см), во втором пласте заполнения, на глубине 26 см от дневной поверхности, в южной части котлована.

Жилище № 14 расположено юго-восточной части поселения, является крайне восточным в первом (южном) ряду средневековых жилищ. Котлован жилища имел подквадратные очертания, ориентированный углами по сторонам света. Размеры котлована по уровню пола 5,9х4,9 м. Глубина от дневной поверхности 0,38–0,61 м. Образец для датирования отобран от обугленной жерди

(длина фрагмента 20 см), в третьем пласте заполнения, на глубине 29 см от дневной поверхности в центральной части котлована.

Жилище № 20 расположено в центральной части поселения, в центре второго ряда средневековых жилищ. Котлован жилища имел подквадратные очертания, ориентированный углами по сторонам света. Размеры котлована по уровню пола 4,5х3,5 м. Глубина от дневной поверхности 0,2-0,55 м. Образец для датирования отобран от обугленной жерди (длина фрагмента 25 см), во втором пласте заполнения, на глубине 45 см от дневной поверхности в северной части котлована.

Жилище № 32 расположено в северо-западной части поселения, в западной половине третьего ряда средневековых жилищ. Котлован жилища подпрямоугольных очертаний, ориентированный длинной стороной в направлении северо-запад – юго-восток. Размеры котлована по уровню пола 6х5,5 м. Глубина от дневной поверхности 0,25-0,6 м. Образец для датирования отобран от обугленной жерди (длина фрагмента 25 см), в третьем пласте заполнения, на глубине 29 см от дневной поверхности.

Жилище № 35 расположено в северной части поселения, в центре третьего ряда средневековых жилищ. Представлял собой котлован подпрямоугольных очертаний, ориентированный длинной стороной в направлении северо-запад – юго-восток. Размеры котлована по уровню пола 5х4,5 м. Глубина от дневной поверхности 0,1-0,5 м. Образец для датирования отобран от горизонтально лежащей вдоль северо-западной стенки котлована плахи (длина фрагмента 80 см при ширине 40 см, на глубине 30 см от дневной поверхности в северной части котлована).

Стратиграфические и планиграфические наблюдения показали, что все датированные жилища не были впущены в более древние сооружения и не имели более поздних перестроек. Более того, раскопочные исследования показали отсутствие материалов эпохи палеометалла на памятнике, а более ранние, чем средневековые, культурные горизонты отнесены к эпохе неолита. Археологический комплекс позднего неолита компактно локализован в центральной части памятника (на площади около 2 кв. м) и располагался в 10 м от ближайшего датированного средневекового жилища. Среднеэнеолитические материалы рудинской культуры располагались в 9 жилищах, которые не были затронуты средневековыми котлованами, за исключением одного случая, не имевшего отношения к датированным средневековым жилищам. Наиболее близкие энеолитические котлованы зафиксированы в 4 – 5 м от датированного жилища № 34, остальные – на гораздо большем расстоянии. В заполнении датированных

средневековых жилищах были обнаружены единичные артефакты среднего неолита, которые, вероятнее всего, были переотложены из неолитического межжилищного пространства в процессе строительства средневекового поселения. Таким образом, все датированные жилища монокультурны – мохэская культура раннего средневековья. Нет сомнения в том, что все образцы для датирования раннесредневековые и не имеют более ранних инокультурных примесей.

Радиоуглеродный анализ в 2025 году выполнен в Институте мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (ИМКЭС СО РАН) и проведен жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus (ТомЦКП СО РАН).

Раскоп 2023 года				
Положение образца	Дата, л.н. радиоугл.	Возраст cal по 2 δ (95 %)	Возраст cal по 3 δ (99,7%)	Индекс и номер
Жилище № 9, гл. 26 см	1800 $\pm$ 90	18–524 AD	90–544 AD	ИМКЭС- 14C3112
Жилище № 14, гл. 55 см.	1980 $\pm$ 90	337BC– 242AD	367BC–339AD	ИМКЭС- 14C3108
Жилище № 20, гл. 45 см	2036 $\pm$ 90	351BC– 210AD	395BC–250AD	ИМКЭС- 14C3111
Жилище № 32, гл. 29 см	2070 $\pm$ 90	364BC– 127AD	401BC–235AD	ИМКЭС- 14C3108
Жилище № 35, гл. 30 см	1650 $\pm$ 100	213–634AD	54–661AD	ИМКЭС- 14C3108
Раскопы 1985 – 2007 г. (по Кузьмин и др. 2005)				
Жилища № 6	1570 $\pm$ 130	140 – 650 AD	28– 874 AD	ДВГУ-146
Жилище № 6	1490 $\pm$ 40	450 – 690 AD	420 – 647 AD	ГИН-5976
Жилища № 6	1420 $\pm$ 140	260-940 AD	133 – 1021 AD	ДВГУ- 147

При анализе имеющихся в нашем распоряжении радиоуглеродных дат обращает внимание достаточно ранний возраст четырех из пяти дат 2025 года. Калиброванный возраст по 2 δ (95 %) и 3 δ (99,7%) в среднем относит календарную дату бытования средневекового поселка к рубежу эр, что не соответствует известным письменным источникам, обнаруженному археологическому материалу, большинству ранее полученных радиоуглеродных дат из других мохэских памятников. Можно предполагать, что удревнение радиоуглеродных дат произошло вследствие использования древними строителями крупного дерева возрастом 300 – 400 лет на момент его гибели. Что является маловероятным в силу морфологических особенностей датируемого материала (для жердей,

скорее всего использовались молодые деревья возрастом 10–20 лет) и обстоятельств палеогеографической обстановки того времени, предполагающего незначительное количество столь возрастных деревьев в окружающем ландшафте.

С другой стороны, диапазон вероятностного календарного возраста весьма широк и не обязательно может быть усреднённым в целом. В связи с этим, вполне можем ориентироваться на усредненный календарный возраст по верхнему диапазону данных и в таком случае мы получаем календарный возраст поселка между 502 г.н.э (по 2δ (95 %)) и 571 г.н.э (по 3δ (99,7%)).

Литература

Лазин Б.В., Попов А.Н., Дюков Е.И., Руденко М.К., Лазина А.А., Залётова Е.Н., Зубков С.А., Никитин Е.Ю., Щипун О.И., Снопкова А.А., Войтко Д.А., Еремеева Е.А., Елошкин Г.А. Предварительные результаты раскопок поселения Михайловка-2 в 2023 г.// 7-й Международный симпозиум "Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития (посвящается 125-летию ДВФУ и 300-летию Российской академии наук)», Владивосток, 6–9 мая 2024 г.: сборник материалов. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2024. С. 120-124.

Кривуля Ю.В. Жилища раннесредневекового поселения Михайловка-2// Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Сборник научных статей. Выпуск 3. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 59 – 73.

Кузьмин Я.В., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Хронология культур раннего железного века и средневековья Приморья// Россия и АТР. Владивосток: Дальнаука, 2005, выпуск 4. С. 44 – 55.

А.И. Пугачева

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Ритуальные комплексы позднего этапа эпохи дзёмон в северном Тохоку

Ритуальные комплексы в контексте археологии – это пространство, где проводились магические или религиозные практики человека архаического мышления. Ритуальный комплекс выделяется исходя из наличия культовых построек, предметов ритуальной практики, а также следов неутилитарной деятельности.

Ритуальные комплексы эпохи дзёмон были представлены мегалитическими сооружениями: каменные стелы сэкибо (размеры сэкибо из префектуры Нагано в высоту составляют 2,23 м., а в диаметре – 25 см.), небольшие каменные кладки (поселение Госёно, префектура Иватэ), а также каменные круги.

На позднем этапе эпохи дзёмон в северном Тохоку широкое распространение получает такой тип памятников, как каменные круги. Для ритуальных комплексов с каменными кругами характерны концентрическая структура, большие размеры, наличие «жилищ», хозяйственных ям, захоронений, а также большое количество каменных и глиняных артефактов неизвестного назначения: треугольные и круглые пластины, глиняные изделия в форме грибов, сосуды в форме колокола, миниатюрная глиняная посуда. На памятниках этого типа также часто содержатся такие артефакты, как антропоморфные и зооморфные догу, сэкибо, керамика, каменный инвентарь и украшения.

В данной работе мы рассмотрим ритуальные комплексы позднего этапа эпохи дзёмон в северном Тохоку на примере трёх памятников: Комакино, Исэдотай и Оою.

Памятник Комакино находится в префектуре Аомори, недалеко от крупного залива Муцу и окружён горной цепью Хаккода. Каменный круг Комакино состоит из двух больших рядов, расположенных в два яруса. В центре каменного круга находится каменная кладка 2,5 м в диаметре, состоящая из крупной гальки и мегалита размером 150×100 см (Комакино исэки, 2005; с. 35), представляющая центрообразующий элемент для памятника. Размер внутреннего каменного ряда составляет 29×26 м, внешнего – 35×32 м, а размер площади внутри каменного круга – 514 м² (Комакино исэки, 2005; с. 65).

Результаты радиоуглеродного датирования показали, что нижняя граница для памятника Комакино – 4790 ± 40 лет назад, а верхняя – 3660 ± 40 лет назад (Комакино исэки, 2005; с. 47). Таким образом, строительство каменного круга началось в конце среднего этапа эпохи дзёмон и закончилось в первой половине позднего.

На площади внутри каменного круга было найдено незначительное количество артефактов. В основном, это были фрагменты керамики и каменные орудия. Ритуальное назначение памятника не вызывает сомнений, поэтому небольшое количество находок в центральной части позволяет предположить, что после проведения ритуалов пространство памятника убрали.

Между двумя рядами каменных колец были обнаружены четыре захоронения одного типа: вторичные захоронения в керамических сосудах стиля токо-синай-1. На среднем этапе практиковалось захоронение детей в глиняных сосу-

дах, вариант взрослого захоронения такого типа появляется на позднем этапе. Близость обнаруженных сосудов к ритуальному сооружению, а также необычный способ погребения позволяет предположить, что захоронения принадлежали членам племенной элиты или людям, связанным с каменным кругом Комакино.

За пределами каменных колец, в восточной части памятника, в большом количестве были обнаружены захоронения в грунтовых ямах. На данный момент было выявлено 109 захоронений, однако исследователи предполагают, что число погребений может достигать 200. Из 109 захоронений у около 50 могильных ям была специфическая форма, в историографии известная как «яма в форме колбы». Возможно, что ранее ямы в форме колбы использовались с утилитарными целями. Грунтовые ямы остальных погребений обладали наиболее распространённой для эпохи дзёмон формой – эллипсоидной.

Памятник Исэдотай находится в префектуре Акита, на террасе, расположенной на высоте 40-50 см над уровнем моря, образованной рекой Ёнесиро, окруженный горами Сираками. В процессе исследований территория памятника была поделена на три части: восточную, центральную и западную.

В западной части были найдены большие каменные круги А и С, а также каменная дугообразная структура В. Каменный круг С был окружен 19 жилищными котлованами и, предположительно, является самым ранним объектом на данной территории, он датируется концом среднего этапа эпохи дзёмон. Исследователи предполагают, что конструкции А и В были возведены примерно в одно и то же время.

Размер каменного круга А – 30×27 м (Исэдотай исэки, 1999; с. 28). Во внутренней части каменного сооружения были выявлены грунтовые могилы большого размера и неправильной формы. Внутри каменного круга также были раскопаны небольшие ямы, размер которых в диаметре составлял около 30 см (Исэдотай исэки, 1999; с. 29). Функциональное назначение небольших ям остаётся предметом дискуссий. Вдоль каменного круга А концентрически были расположены семь жилищных построек.

Вдоль дугообразного ряда В, длина которого составляет 15 м, также было обнаружено девять жилищных построек и грунтовые ямы неправильной формы (Исэдотай исэки, 1999; с. 29).

На памятнике Исэдо:тай представлены разнообразные варианты погребений. Помимо захоронений в больших грунтовых ямах неправильной формы, также были выявлены погребения в ямах формы «кобан», круглые грунтовые ямы, грунтовые ямы «облицованные» камнями, внутри которых помещался сосуд. Встречаются также погребения вторичные погребения в сосудах, как на памятнике Комакино.

Памятник Оою расположен в северо-западной части префектуры Акита, окруженный горами Оу. Оою – общее название для ритуального комплекса, состоящего из двух больших каменных кругов Мандза (52,25 м в диаметре) и Нонакадо (44 м в диаметре) (Оою кандзёрессеки, 2009; с. 44). Как и каменный круг памятника Комакино, Мандза и Нонакадо состояли из двух рядов – внешнего и внутреннего. Помимо больших каменных сооружений, на памятнике расположено большое количество скоплений камней, а также 14 конструкций с вертикально врытыми каменными стелами.

На памятнике Оою были обнаружены каменные сооружения, получившие название «солнечные часы». Они располагались между внутренним и внешним каменным рядом и представляли вертикально вкопанную стелу, окружённую выкладкой из крупных камней.

В историографии сложилось мнение, что каменные круги являются разновидностью солярного символа. На памятнике Оою был проведен эксперимент, целью которого было выяснить, построен ли памятник таким образом, чтобы быть связанным с солнечным циклом.

Впервые на потенциальную связь Оою и положения солнца обратил внимание исследователь Кавагути Сигэру в 1956 году, который в ходе наблюдения за заходом солнца в день летнего солнцестояния установил, что линия, соединяющая ключевые элементы памятника, выстроена в соответствии с линией захода солнца в день летнего солнцестояния (Оою кандзёрессеки, 2009; с. 51). В дальнейшем исследователь дополнил свою гипотезу, предположив, что линия построения каменных сооружений совпадает с линией восхода солнца в день зимнего солнцестояния.

Предположение Кавагути Сигэру разделяет один из крупнейших исследователей эпохи дзёмон, Кобаяси Тацуо. Однако при пересмотре гипотезы Кавагути в 2000 г. было установлено, что в линиях каменной постройки и линии захода солнца в день летнего солнцестояния была разница в 13°. В дальнейшем гипотеза эта не перепроверялась и её правомерность остается дискуссионной.

При изучении ритуальных комплексов также важно обратить внимание на выбор мест для строительства памятников. Все рассмотренные археологические объекты окружены горными хребтами. Так, Комакино окружает горная цепь Хаккода, Исэдотай – горы Сираками, вокруг Оою находится горный хребет Оу. Комплексное исследование памятников данного типа показало, что они расположены либо в окружении гор, либо недалеко от заливов (Оою кандзёрессеки, 2009; с. 30). Выбор места представляется неслучайным, ведь человек мифологического мышления не мыслит себя вне природного ландшафта, поэтому окружающая среда была органическим продолжением ритуального пространства.

Необходимо отметить, что ритуальные комплексы позднего этапа эпохи дзёмон в северном Тохоку, несмотря на большое количество различий, демонстрируют общую организационную структуру. Возможно, что этот архаический «канон» генеалогически восходит к традиции, наблюдаемой на поселениях среднего этапа. Особенно на поселениях концентрического типа.

Таким образом, ритуальные комплексы эпохи дзёмон демонстрируют не только разнообразие в устройстве памятников ритуального характера, но также отражают сложность и многоплановость духовных воззрений неолитического населения Японского архипелага.

Литература

Исэдотай исэки. Хаккуцутёса хококусё II (Памятник Исэдотай. Отчет о раскопках II). – Акита: Акита кёйку иинкай, 1999. – 210 с. (на яп. яз.).

Комакино исэки. Хаккуцутёса хококусё IX (Памятник Комакино. Отчет о раскопках IX). – Аомори: Аомори кёйку иинкай, 2005. – 193 с. (на яп. яз.).

Оою кандзёрессеки. Хаккуцутёса хококусё (25) (Каменный круг Оою. Отчет о раскопках (25)). – Акита: Кадзуно кёйку иинкай, 2009. – 92 с. (на яп. яз.).

Д.С. Соколова¹
А.Д. Тухватулина¹
А.В. Табарев²

¹ Новосибирск, Новосибирский государственный университет

² Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

О всесоюзных конференциях океанистов и австраловедов (1968–1989 гг.)

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ,
проект № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии»*

В рамках поддержанного Российским научным фондом проекта по истории тихоокеанской археологии на 2024–2025 гг. нами последовательно рассматриваются различные аспекты этой проблемы, включая деятельность научных организаций и форумов, как международных, так и отечественных (Табарев 2024; Табарев, Табарева 2024).

В настоящем обзоре мы обращаемся к тематике тихоокеанской археологии на площадке «Всесоюзной конференции океанистов и австраловедов», которая регулярно (практически ежегодно²⁴) проходила с 1968 по 1988 гг.

Австралия и Океания – это те части тихоокеанского бассейна, в которых полноценных отечественных археологических экспедиций не было ни в досоветский, ни в советский, ни в постсоветский периоды. Российский вклад в археологию представлен преимущественно докладами и научными публикациями по коллекциям, а также анализом археологической литературы и периодики на иностранных языках.

В отчете²⁵ о проведении первой конференции Д.Д. Тумаркин²⁶ отмечал, что наряду с очевидным оживлением работы советских ученых-гуманитариев по изучению Австрало-Океанийского региона наблюдается отсутствие четкой координации планов между представителями разных дисциплин. «...Преодоление этой разобщенности, установление тесных контактов между учеными разных специальностей, критическая оценка достигнутого уровня исследований и выработка рекомендаций на будущее — таковы ... цели Первой всесоюзной конференции по изучению проблем Австралии и Океании, состоявшейся в Москве 10—12 июня 1968 г. ...» (Тумаркин 1968:140). Конференция была организована Институтом народов Азии АН СССР, и Институтом этнографии АН СССР совместно с Советским национальным комитетом Тихоокеанской научной ассоциации²⁷, в ее работе участвовали ученые из Москвы, Ленинграда и Хабаровска.

Археологическая тематика на первой конференции прозвучала в нескольких докладах – в частности, В.Р. Кабо представил картину истории австралийских аборигенов от времени первоначального заселения (ок. 30 тыс. л. н.) до европейской колонизации и отметил важность комплексного этно-археологического подхода; Л.Г. Рогозина обратилась к коллекциям материалов Кунсткамеры, привезенных с острова Таити Ф.Ф. Беллинсгаузенем, Дж. Куком

²⁴ Судя по хронологии, кроме 1972 и 1974 гг., и всегда в Москве, за исключением IV конференции (1971 г.), проведенной в Ленинграде.

²⁵ Отчеты о всех проведенных конференциях традиционно публиковались в журнале «Советская этнография».

²⁶ Тумаркин Даниил Давыдович (1928 – 2019 гг.) – российский учёный, специалист в области этнографии и истории Океании, в 1971 и 1977 гг. возглавлял этнографические экспедиции на Берегу Маклая (Новая Гвинея), островах Тробриан, Хермит, Вануату, Фиджи, Тонга, Самоа, Тувалу, Кирибати и Науру.

²⁷ *Pacific Science Association*, российское сотрудничество с ней начинается в 1926 г. (Сергиенко, Штец 2020).

и О.Е. Коцебу; Д.Д. Тумаркин подробно остановился на аргументах Т. Хейердала о времени и путях заселения Полинезии со стороны Юго-Восточной Азии и Южной Америки. В ходе заключительной дискуссии ее участники положительно оценили опыт первой конференции, выразили надежду, что этнографы и ученые смежных специальностей смогут участвовать в экспедициях, посещающих острова Океании на научно-исследовательских судах АН СССР, а также приняли решение о публикации материалов конференции в виде отдельного сборника²⁸.

Следует отметить, что, начиная с первой конференции, основную часть докладов составляли выступления историков, лингвистов и специалистов по культуре, этнографических сообщений было гораздо меньше (о чем неоднократно высказывались сожаления в итоговом документе) и археологическую проблематику на форуме представляли именно этнографы. Эти тенденции, за редким исключением, сохранялись и далее.

Например, уже упоминавшаяся Л.Г. Рогозина продолжила серию докладов по материалам Кунсткамеры – одежде из луба в Океании (III конференция, 1970 г.), о покупке коллекций для музея В.В. Святловским (V конференция, 1973 г.); на той же конференции Г.Г. Стратанович на примере обогревательных систем («кан») высказывал предположения о направлении древних миграций в Юго-Восточной и Восточной Азии; в свою очередь В.Р. Кабо обращался к проблеме «австрало-океанийско-дальневосточных» культурных и этнических связей (VI конференция, 1975 г.), подчеркивал важность археологических данных при реконструкции общественного устройства у тасманийцев (IX конференция, 1978 г.); а И.К. Федорова подробно рассматривала особенности и происхождение полинезийской татуировки (XVII конференция 1986 г.).

Большой интерес вызывали доклады, посвященные феномену культуры о-ва Пасхи (Рапануи), например, И.К. Федорова продемонстрировала, как отражались в мифологии символы власти (жезлы, нагрудное украшение реи-миро, фигурки тангата-ману, моаи-кавакава и т. д.) (X конференция, 1979 г.); Н.А. Бутинов рассказывал о сложностях расшифровки рапануйской письменности (XII конференция, 1981 г.); К.Ю. Мешков пытался найти сходства в традиционных культурах о-ва Пасхи, Японии и Индии (XIII конференция, 1982 г.), указывал на некоторые языковые параллели (например, одинаковое звучание слова «пещера» – *ана*).

²⁸ Традиция публикации программы конференции и докладов сохранялась и далее – например, Программа XVII научной конференции по изучению Австралии и Океании. М.: Наука, 1986; Семнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. М., Наука, 1986.

В качестве участников отмечены и иностранные коллеги – на XVIII конференции (1987 г.) присутствовали профессор Гуамского университета (Микронезия) Дик Баллендорф и его жена Франческа (микронезийка с о. Понапе), рассказавшие о постановке учебно-воспитательной работы в Гуамском и других университетах Океании.

Отдельно следует выделить последнюю, XIX конференцию (1988 г.) – в ее программе были два «археологических доклада» (Бутинова, 1989). Один из них («Древний каменный век Австралии, Тасмании и Новой Гвинеи») представил П.И. Борисковский, который рассказал о хронологии заселения этой части тихоокеанского бассейна на основе данных радиоуглеродного анализа (50-40 тыс. л. н., а Тасмании не позднее 23 тыс. л. н.), о локальных вариантах археологических культур (карта, каперти, гамбир, маунт-моффат, оэмпелли), о смене на рубеже 6-5 тыс. л. н. «макролитической» индустрии на «микролитическую», а также о специфике палеолита Австралии — каменные орудия употреблялись почти исключительно для обработки дерева и изготовления деревянных орудий. Во втором докладе («Археологическое изучение Тимора»), с которым выступила Е.С. Соболева, речь шла о наиболее ранних стоянках на острове (ок. 14 тыс. л. н.) и о появлении 5 тыс. л. н. свидетельств земледелия, одомашненных животных и керамических изделий. Она также предположила, что смена макроиндустрии на микро произошла сначала на территории Индонезийского архипелага, а затем в Австралии.

В первой четверти XXI в. традиция форума продолжается на Научной межинститутской конференции «Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития» в Институте востоковедения РАН²⁹, тематический акцент на ней очевидно смещен в сторону современности, истории XIX-XXI вв., вопросов политики, международных отношений и культуры. Тем не менее, этнографические и археологические сюжеты иногда присутствуют – например, доклады по тихоокеанской археологии³⁰ были представлены на 27-й конференции 17 и 22 ноября 2022 г. (Астафьева 2022: 306-307) и на тра-

²⁹ В ИВ РАН существуют специализированные подразделения – Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании и Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона. Археология в них практически не представлена.

³⁰ Табарев А.В. (ИАЭ СО РАН, Новосибирск), Портнова А.А. (ГИ НГУ, Новосибирск) «Мегалиты, пещеры, погребения: Археология Индонезии – первый взгляд изнутри» и Федорова А.А., Мальцева А.И. (ГИ НГУ, Новосибирск) «По следам каменных гигантов: Из истории открытия и изучения мегалитических комплексов в континентальной части Юго-Восточной Азии». В обоих докладах были отсылки к аналогиям мегалитических сооружений в Океании.

диционных «Маклаевских чтениях» в Кунсткамере. Отметим также появление отдельных секций с тематикой океанийских исследований на ряде крупных мероприятий – например, на Международной научной конференции «Наука о народах: история, теория, методология», 14-18 октября 2024 г. в Институте этнологии и антропологии РАН, г. Москва³¹, и на запланированном на октябрь 2025 г. в г. Санкт-Петербурге седьмом международном форуме «Россия и Иberoамерика в турбулентном мире: от общих вызовов к совместным решениям»³².

В заключение подчеркнем, что фактически единственной площадкой для рассмотрения и обсуждения всего спектра проблем тихоокеанской археологии, включая древние культуры Австралии и Океании, на сегодня является Международный симпозиум, проходящий на базе ДВФУ в г. Владивосток с 2018 г. (Попов, Табарев 2020).

Литература

Астафьева Е.М. Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития – 2022 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4. № 4 (57). С. 300–319.

Бутинова М.С. XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании // Советская этнография. 1989. № 6. С. 141–144.

Попов А.Н., Табарев А.В. Хроники «Тихоокеанской археологии» // Camera praehistorica. 2020. №2. С.156-157.

Сергиенко В.И., Штец М. Б. 100 лет Тихоокеанской научной ассоциации // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2020. №6. С.124-146.

Табарев А.В., Табарева Ю.В. Проект "История тихоокеанской археологии": проблематика, подходы, источники // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития: (Посвящается 300-летию Российской академии наук). 7-й Международный археологический симпозиум, Владивосток,

³¹Секция 7. Российский вклад в этнологию и антропологию Нового Света, Австралии и Океании (модераторы Г.Г. Ершова и Н.Н. Миклухо-Маклай) – Табарев А.В. Археология Океании: российский опыт, студенческая специализация, перспективы // Международная научная конференция «Наука о народах: история, теория, методология», Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, 14-18 октября 2024 г.

³² Т14.3. Этнокультурные факторы в историческом развитии народов Нового Света и Океании (модераторы Г.Г. Ершова, Н.Н. Миклухо-Маклай, Е.С. Соболева) – <https://iberorus.spbu.ru/ru/opisanie-sektsij-foruma-2025.html>№143

6–9 мая 2024 г.: сборник материалов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2024. С.220-225.

Табарев А.В. История тихоокеанской археологии: опыт географического зонирования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. Т.30. С.767-771.

Тумаркин Д.Д. Первая всесоюзная конференция океанистов и австраловедов // Советская этнография. 1968. № 6. С. 140–143.

Е.А. Соловьева

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Сюжеты антропоморфных изображений на керамике периодов дзёмон и яёй в Японии*

**Работа выполнена при поддержке проекта НИР № FWZG-2025-0002*

*«Общее и особенное в траекториях развития древних культур
Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до средневековья»*

В работе приводятся результаты исследования антропоморфных изображений на керамике периодов дзёмон³³ и яёй³⁴ в Японии. Период дзёмон широко известен богатым керамическим производством, керамическая посуда отличается разнообразием форм, размеров, орнаментации. Отличительной особенностью периода дзёмон является категория находок под закрепившимся в научной литературе названием *догу*. *Догу* – глиняные статуэтки, обнаруженные на многочисленных памятниках по всей территории Японских островов. Производство фигурок догу продолжалось на протяжении всего периода дзёмон, они классифицируются в несколько групп в соответствии с морфологическими и декоративными особенностями. Известны и антропоморфные изображения

³³ Датировка периода дзёмон: изначальный этап – 1300-9200 л. до н.э., начальный этап – 9200-5300 л. до н.э., ранний этап – 5300-3500 л. до н.э., средний этап – 3500-2500 л. до н.э., поздний этап – 2500-1300 л. до н.э., финальный этап – 1300-500 л. до н.э. [An Illustrated Companion to Japanese Archaeology / Ed. by W. Steinhaus and S. Kaner. – Oxford: Archaeopress, 2016. – С.21.]

³⁴ Датировка периода яёй: начальный этап – X-VIII вв. до н.э., ранний этап – VII-IV вв. до н.э., средний этап – IV в. н.э.-I в. н.э., поздний этап – I-III вв. н.э. [An Illustrated Companion to Japanese Archaeology / Ed. by W. Steinhaus and S. Kaner. – Oxford: Archaeopress, 2016. – С.83.]

на керамической посуде, которые, как правило, выполнены в налепной технике и имеют явные сходства с фигурками *догу*. На северо-востоке о.Хонсю в последние годы были обнаружены антропоморфные изображения, не вполне вписывающиеся в стандарты.

Во-первых, это изображение на фрагменте керамики из памятника Саннай Маруяма, преф. Аомори (рис.1, 1-2). Саннай Маруяма – археологический комплекс, занимающий площадь около 40 га, включает поселенческую часть с более чем 600 жилищами, погребальную часть с сотнями захоронений, ритуальную часть с большим количеством столбовых сооружений (Mizoguchi 2013; Окада 2021). Существование памятника относится к 3900–2200 гг. до н.э., наибольшего расцвета комплекс достиг на среднем этапе периода *дзёмон* (Окада 2021: 15). Фрагмент был найден при разборе хозяйственной ямы. На фрагменте прорезанными линиями изображена фигура человека, которую трактуют как «танцующую».

Во-вторых, изображение на фрагменте керамики из памятника Госёно, преф. Иватэ (рис.1, 3). Госёно – археологический комплекс, датируемый средним – поздним этапами периода *дзёмон*, 2500-2000 л. до н.э. (Такада 2005). Памятник включает несколько поселенческих зон с сотнями жилищ, погребальную зону и крупный ритуальный комплекс в центральной части. Фрагмент керамики обнаружен при исследовании насыпи. Изображение включает голову антропоморфа в головном уборе или с украшениями из перьев. Лицо выполнено из налепленного куска глины, глаза, нос и рот обозначены отверстиями. Контуры верхней части тела и, вероятно, конечности, обозначены налепленной полоской глины, контур подчеркнут рядом точек, перьеобразное украшение на голове также обозначено рядами точек (Госёно исэки V 2015). На сегодняшний день изображение не имеет аналогов.

Сюжеты с антропоморфными фигурами, имеющими украшения из перьев на голове и в движении или танце являются характерными для керамики периода *яёй* (Ситара, Исикава 2017). Процарапанные острым предметом изображения, напоминающие пиктограммы, являются неотъемлемой частью находок в Западной Японии. Несколько сотен из них известно по памятнику Карако Каги, преф. Нара, где было сосредоточено производство керамической посуды для населения окружающей территории. Памятник Карако Каши относится к среднему этапу периода *яёй*, активно функционировал во II в. до н.э. – II в. н.э. Территория памятника занимает около 42 га, включает поселенческий комплекс, укрепления, поля, производственную зону (Сираиси, Мидзуно 2010). Среди многочисленных изображений на керамике выделяется категория антропоморфных фигур, среди которых есть несколько с украшениями или головными

уборами из преев. Например, фигура с клевцом в правой руке и щитом в левой (рис.1, 4) и фигура с клевцом, щитом и пышным головным убором (рис.1, 5-6).

Наличие «птичьих мотивов», изображение жестов, движения обычно связывается с осуществлением ритуальных функций, изображением шаманов. Привлечение изображений на сосудах периода дзёмон позволит пролить свет на ритуальную практику данного времени.

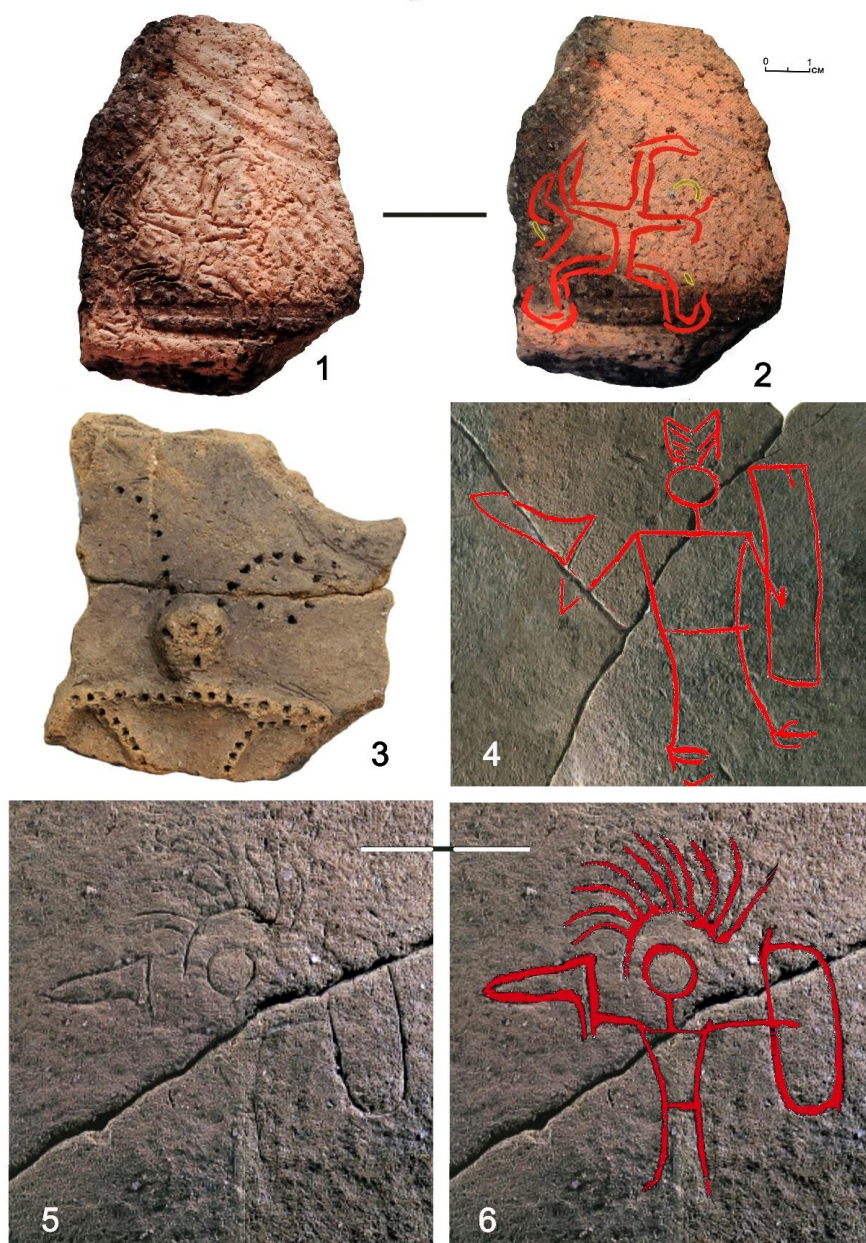

Рис.1 Антропоморфные изображения на керамике конца периода дзёмон - середины периода яёй в Японии: 1,2 – изображение «танцующей» фигуры из Саннай Маруяма, по [Дзёмон фаиру 2011]; 3 – изображение фигуры с перьями на голове из Госёно, по [Госёно исэки V 2015] 4 – изображение фигуры со щитом и клевцом из Карако Каги, по [Окуда 1996] 5,6 – изображение фигуры с клевцом и щитом и перьями на голове из Карако Каги, по [Окуда 1996]

Литература

- Госёно исэки V.** Сокацу хококусё (Памятник Госёно V. Краткий отчет). – Итинохэ: Итинохэ кёйку иинкай, 2015. – 256 с. (на яп. яз.)
- Дзёмон фаиру** (Файлы по дзёмон). – 2011, №190. – 12 с. (на яп. яз.)
- Окада Я.** Саннай Маруяма исэки (Памятник Саннай Маруяма)//Нихон-но исэки, №48. – Токио: Досэйся, 2021. – 182 с.
- Окуда Н., Ямамото Х.** Яёйдзин-но тёдзюгига [Карикатуры людей яёй]. – Токио: Юдзанкаку, 1996. – 180 с. (на яп. яз.).
- Сиранси Т., Мидзуно М.** Яматаикоку: Каракокаги исэки –кара Хасихака кофун-э (Страна Яматаи: от памятника Карако Каги до кургана Хасихака). – Токио: Юдзанкаку, 2010. – 210 с.
- Ситара Х., Исикава Т.** Яёйдзидай дзимбуцудзокэйхин-но кэнкю (Исследование антропоморфных моделей периода яёй). –Токио: Досэйся, 2017. – 294 с. (на яп. яз.).
- Такада К.** Дзёмон-но из то мура-но фукэй Госёно исэки (Представление о доме и деревне эпохи дзёмон: памятник Госёно) // Исэки о манабу (Изучая памятники). – Токио: Синсэнся, 2005. – Вып. 15. – 93 с. (на яп. яз.).
- An Illustrated Companion to Japanese Archaeology** / Ed. by W. Steinhaus and S. Kaner. – Oxford: Archaeopress, 2016. – 342 p.
- Mizoguchi K.** Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. – 393 p.

Р.Т. Оглы Сулейманлы¹

О.С. Тупахина²

И.Ю. Понкратова¹

¹Магадан, Северо-Восточный государственный университет

²Новосибирск, ООО «Палеопоиск»

Нумизматическая коллекция ОАН «Город Гижигинск» (по данным полевых работ в 2024 г.)*

**Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И в рамках научной темы «История города Гижигинска (XVII – начало XX вв.)» (ФГАНУ ЦИТиС № гос. регистрации 121070600101-1)*

Первые находки монет, обнаруженные при раскопках ОАН «Город Гижигинск», уже были введены в научный оборот: детально рассмотрены время

и место чеканки, локальные особенности обращения и пр. (Понкратова и др., 2023). В результате раскопок 2024 г. получена новая серия денежных знаков, что позволяет дополнить полученные ранее данные о характере и динамике денежного обращения на исследуемой территории.

Всего проанализировано 12 денежных знаков (Археологическая коллекция..., Тупахина, 2025). Большинство из них обнаружено внутри постройки деревянного строения XIX – начала XX вв. Здесь были найдены монеты XIX в. (5 экз.) и XX в. (4 экз.). Одна монета (1 копейка 1909 г.) находилась за пределами этой постройки – под северной стеной дома. Две монеты получены в результате изучения слоя с деревянными конструкциями XVIII в. Практически все монеты со следами окисления. Приводим их описание в хронологической последовательности.

1. *Монета «Денга 1749»*, медная, номинал $\frac{1}{2}$ копейки 1749 г. была изготовлена на Екатеринбургском монетном дворе во время правления Елизаветы I (1741–1761 гг.) (рис. 1, 1, 2). Диаметр монеты – 25 мм, вес – 8,19 г. На аверсе монеты упрощенно изображен герб Российской империи первой половины XVIII в. (без щита на груди и ленты Андреевского ордена): двуглавый орел с расправленными крыльями, на головах императорские короны, над которыми корона большего размера. Орел держит символы власти – скипетр и державу. На реверсе монеты изображен щит с растительным орнаментом вокруг и розеткой наверху. Посередине щита в овальной рамке в три строки указан номинал и год чеканки – «ДЕ» | «НГА» | «1749». Между номиналом и годом двойная горизонтальная линия. Монета этого типа чеканилась в 1730–1754 гг. и была одной из самых массовых монет империи того времени (Медная монета...).

2. *Монета* из меди – плохая сохранность не позволили определить номинал. По внешним признакам схожа с *«Денгой 1749»*.

3. *Монета «Копейка серебромъ 1840»* изготовлена из меди. Диаметр – 27 мм, толщина – 0,2 см, вес – 10,2 г. На аверсе монеты – императорский вензель Николая I, внизу римская цифра «I». На оборотной стороне надпись «1 копейка серебромъ». Известно, что в 1839 г. по Императорскому манифесту «Об устройстве денежной системы» все расчеты должны были производиться в серебряных рублях. И в 1840 г. по именному указу Николая I «О новой медной монете на серебро 16-рублевого в пуде достоинства» была введена в оборот новая медная монета, равная по курсу серебряной монете (Монеты России и СССР...).

4. *Монета «5 копеек 1899»* времени правления Николая II отчеканена из серебра 500 пробы. Ее диаметр – 15 мм, вес – 0,9 г. На аверсе монеты в центральной части помещено изображение Малого Государственного Герба Рос-

сийской империи образца 1856 г. На гербе двуглавый орел, коронованный двумя императорскими коронами, выше – корона большего размера. Слева от хвоста орла – буква «А», справа – буква «Г» (инициалы минцмейстера монетного двора). В 1899 г. были выпущены две разновидности 5 копеек: с буквами минцмейстера «АГ»³⁵ – частая разновидность, с буквами «ЭБ»³⁶ – редкая. На реверсе – в центре указан номинал; слева и справа от цифры – две звездочки, над цифрой – имперская корона. Под номиналом орнамент в виде двух стилизованных линий, между которыми розетка; ниже – год чеканки (1899), под ним буквы «С.П.Б.» (Санкт-Петербург). По краям монеты – венок из двух ветвей, связанных внизу лентой (Роль серебряных монет...).

5. Монета «3 копейки 1904» времени правления Николая II изготовлена из меди. Ее диаметр – 27-28 мм, вес – 9,83 г. На аверсе монеты в центральной части изображение Малого Государственного Герба Российской империи образца 1856 г. На гербе двуглавый орел, коронованный двумя императорскими коронами, выше находится такая же корона, но большего размера. Правой лапой орел держит скипетр, левой – державу. На груди – московский герб (Святой Георгий на коне, поражающий копьем змеевидного дракона с крыльями). Московский герб окружает цепь ордена Святого апостола Андрея Первозванного. На крыльях орла расположены гербы восьми царств. В верхней части обода выпуклая надпись: «МЕДНАЯ РОССИЙСКАЯ МОНЕТА», в нижней – вдавленная надпись «ТРИ КОПЕЙКИ». На реверсе в центре помещен номинал в две строки: «3 КОПЕЙКИ». Под номиналом — растительный орнамент с кругом в центре, ниже — буквы «С.П.Б.» (Санкт-Петербург). Вверху полукругом указан год чеканки (1904) и слово «ГОДА», остальное пространство заполнено двумя ветвями — дуба и лавра, перевязанными лентой (тираж около 7 млн. шт.) (3 копейки...).

6. Монета «1 копейка 1909 года С.П.Б.» из меди. Диаметр – 21 мм, вес – 3,28 г. На аверсе – изображение герба, как и на предыдущей монете «3 копейки 1901». На реверсе обозначен номинал в две строки: «1 КОПЕЙКА». Это достаточно частая монета Российской Империи времени правления Николая II выпущенная тиражом 27 500 011 экз. Монета образца чеканилась на Санкт-Петербургском монетном дворе (1 копейка...).

³⁵ Аполлон Людвигович Грасгоф (1843–1916) – российский минцмейстер (руководитель монетного двора), работавший на Петербургском монетном дворе в 1883–1899 годах, его минцмейстерский знак — «АГ».

³⁶ «ЭБ» – инициалы минцмейстера Эликум Бабаянца, который занимал должность в 1899 и 1906–1913 гг.

7. *Монета «2 копейки 1914 года»* изготовлена из меди. Диаметр – 24 мм, вес 6,55 г. На аверсе монеты также Малый Герб Российской империи образца 1856 г.; в верхней части обода выпуклая надпись: «МѢДНАЯ РОССІЙСКАЯ МОНЕТА.», в нижней вдавленная надпись – «ДВЕ КОПЕЙКИ». На реверсе – номинал в две строки «2 КОПЕЙКИ», ниже надпись «С.П.Б.». На внешней части монеты вверху полукругом указан год чеканки «1914» и слово «ГОДА» и две перевязанные лентой ветви дуба и лавра. Монета была выпущена на Санкт-Петербургском монетном дворе при Императоре Николае II (2 копейки...).

8. *Монета «1 копейка 1915 года»* правления Николая II, из меди. Диаметр – 21 мм, вес – 3,28 г. На аверсе монеты Малый Герб Российской империи образца 1856 г.; в верхней части обода выпуклая надпись: «МЕДНАЯ РОССІЙСКАЯ МОНЕТА», в нижней части – вдавленная надпись «ОДНА КОПЕЙКА». На реверсе монеты в схожем с предыдущей монетой стиле номинал «1 КОПЕЙКА». В денежном обороте почти не находилась из-за революции 1917 г. (1 копейка...).

9. *Монета «5 копеек СССР 1928 года»* изготовлена из алюминиевой бронзы. Диаметр – 25 мм, вес – 5 г. На аверсе посередине крупно – герб СССР образца 1923 г. с 6 перевязями ленты на колосьях пшеницы (по числу входивших тогда союзных республик). Вокруг герба вдоль канта слева направо надпись: «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!». В нижней части монеты надпись «С.С.С.Р.». На реверсе крупно цифра «5», под ней слово «КОПЕЕК», ниже год выпуска «1928», еще ниже – круглая точка. По бокам вдоль канта расположены два пшеничных колоса, скрещенных внизу.

10. *Монета «1 копейка СССР 1933 года»* изготовлена из алюминиевой бронзы. Диаметр – 15 мм, вес – 1 г. На аверсах всех монетах этого года в гербе СССР 7 лент, что соответствует 7 бывшим в составе СССР в этом году республикам; вокруг герба по кругу надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». На реверсе вверху крупная цифра «1», под ней слово «КОПЕЙКА»,

11. *Монета «2 копейки СССР 1935 года»* изготовлена из алюминиевой бронзы. Диаметр – 18 мм, вес – 1 г. На аверсе – герб СССР образца 1923 г. с 6 перевязями ленты на колосьях пшеницы. На реверсе указан номинал. Была выпущена в двух вариантах исполнения с одинаковым аверсом и разным реверсом. На монете из Гижигинска реверс старого образца: вокруг герба Советского Союза надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Это означает, что монета была выпущена в первой половине 1935 г.

12. *Монета «10 копеек СССР 1946 года»* изготовлена из медно-никелевого сплава. Диаметр – 17 мм, вес – 1,8 г. На аверсе крупно изображен

герб СССР образца 1936 г. с 11 перевязями ленты на колосьях пшеницы (по числу союзных республик). Нижняя лента связывает пучки колосьев вместе и олицетворяет РСФСР, остальные распределены по 5 штук с каждой стороны. Под гербом вдоль канта имеется надпись «СССР». В центре реверса изображен щит в виде квадрата со скошенными углами. Внутри щита указан номинал в две строки «10 КОП», под щитом год чеканки «1946». Вверху слева направо изображен колос пшеницы, заходящий за щит. Слева и справа имеются дубовые ветви (по 3 листочка и 1 желудю на каждой) (10 копеек...).

*Рис. 1. Монета «Денга 1749»:
1 – из раскопок ОАН «Город Гижигинск» (2024 г.),
2 – демонстрационный вариант (Елизавета. Денга...)*

Таким образом, все проанализированные монеты распределяются по времени изготовления: одна чеканена при Елизавете I, одна плохой сохранности – предположительно XVIII в., одна монета – при Николае I, четыре – при Николае II, четыре – выпущены СССР. Находка «Денги 1749» вместе с другими находками (характерная фаянсовая посуда, игрушки из дерева) позволяет датировать культурный слой, относящийся к периоду функционирования Гижигинской крепости XVIII в. Учитывая найденные ранее денежные знаки (Понкротова и др., 2023), можно утверждать, что они использовались регулярно, особенно в периоды правления Николая II и СССР. Датированные 1946 г. монеты свидетельствуют, что Гижигинск, как поселение функционировал минимум до 1946 г. Отсутствие монет позже 1946 г. выпуска делает перспективным дальнейшее изучение причин оставления Гижигинска жителями.

Литература

Археологическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» (2024 г.) // Фонды МОО РГО (СВГУ, временное хранение).

Елизавета. Денга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russian-money.ru/coins/imperiya/elizaveta/denga/> (дата обращения: 02.04.2025).

Медная монета Елизаветы Петровны 1741–1757 годов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moneta-russia.ru/imperiya/elizaveta/mednaya-moneta-elizavety.php> (дата обращения: 02.04.2025).

Монеты России и СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moneta-russia.ru/> (дата обращения: 01.04.2025).

Понкротова И. Ю., Сулейманлы Р. Т., Батаршев С. В. Нумизматическая коллекция объекта культурного наследия Магаданской области «Город Гижигинск» // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2023. – Вып. 39. – С. 5–15.

Роль серебряных монет в период правления Николая II // **Монеты Царской России.** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fcoins.ru/catalogrimppravmet.asp?prav=nikolay2&met=ser&article=1&ysclid=m91xvd7nrx949014626> (дата обращения: 05.03.2025).

Тупахина О. С. Археологические раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «город Гижигинск» в Северо-Эвенском районе Магаданской области в 2024 г. ООО «Палеопоиск». – Новосибирск, 2025. – 175 с.

1 копейка 1909 года // Деньги России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russian-money.ru/coins/imperiya/nikolai-2/1-kopejka-1909--4422?ysclid=m922zhqo9o970604400> (дата обращения: 04.04.2025).

1 копейка Российской Империи 1915 года // 99 копеек. Каталог. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russian-money.ru/coins/imperiya/nikolai-2/1-kopejka-1915—4427> (дата обращения: 04.04.2025).

2 копейки 1914 года // Деньги России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russian-money.ru/coins/imperiya/nikolai-2/2-kopejki-1914—4714> (дата обращения: 04.04.2025).

3 копейки 1904 года // Деньги России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russian-money.ru/coins/imperiya/nikolai-2/3-kopejki-1904--4723?ysclid=m936i4xnyv56975844> (дата обращения: 04.04.2025).

10 копеек 1946 года // Деньги России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russian-money.ru/coins/sssр/nikel-1931-1957/10-kopeek-1946-4232> (дата обращения: 04.04.2025).

К.В. Сухорукова

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Древнейшие археологические памятники Венесуэлы: тихоокеанский след

Венесуэла – страна, расположенная на северном побережье Южной Америки, обладает богатой историей и разнообразными природными ландшафтами, а на её территории находится большое количество памятников для археологических исследований. Одна из наиболее значимых проблем, связанных с изучением Венесуэлы – исследование древнейших памятников, свидетельствующих о заселении человеком этой местности в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Их материалы позволяют уточнить особенности технологий и взаимодействие с мегафауной, что представляет большой интерес для понимания процессов заселения Америки.

На территории континента были выявлены несколько ранних традиций изготовления наконечников. «Рыбий хвост» и «Кловис», распространённые на довольно большой территории, включая Северную, Южную, Центральную Америку и Месоамерику, а также локальные типы наконечников («Камаре»,

«Лас–Лагунас», «Лас–Каситас»), обнаруженные на территории Венесуэлы, среди которых выделяется тип «Эль–Хобо» (Crucent, Rouse 1962).

Наконечники типа «Эль–Хобо» представлены изделиями веретенообразной, ланцетовидной или листовидной формы с линзовидным или ромбовидным сечением. Разные по длине (от 5 до 11 см), ширине и весу (от 12 до 35 грамм), разделены на 6 модификаций: Хобо 1, Хобо 2, Хобо 3, Кловис–подобные, Идэн³⁷–подобные и зазубренные. По предположениям специалистов размер изделий постепенно уменьшался, что связано с исчезновением мегафауны. Так, наконечники, найденные на более низких молодых террасах, были меньше, чаще, подтреугольных очертаний. Все типы изготовлены преимущественно из кремня (Admiraal 2013; Crucent, Rouse 1958; Jaimes 1999).

Впервые о данном типе наконечников стало известно после исследований на северо–западе Венесуэлы в середине XX в. Одним из первых специалистов, внесших значительный вклад в изучение археологии этой страны, был Хосе Мария Круксан. В 1950-х – 1960-х гг. он совместно с палеонтологом Хосе Ройо–и–Гомесом проводит первые археологические раскопки и исследования на памятнике Муако (штат Фалькон). Там находят останки гомфотерия (*Gomphotherium*) в ассоциации с каменными артефактами (в том числе и наконечник типа «Эль–Хобо»). На бедренной кости обнаруживают решётчатые следы от разрезов, вероятно, сделанных человеком. Радиоуглеродное датирование даёт результаты от 14000 до 16000 л. н. Датировки находок позволили предположить, что человек появился на территории Венесуэлы значительно раньше, чем предполагала модель «Clovis First» (около 11500 л. н.). Однако стратиграфия данного памятника являются предметом дискуссий, так как постоянный поток воды мог привести к смещению слоёв и артефактов. Так, вместе с остатками мегафауны и каменными орудиями были найдены осколки современных стеклянных бутылок (Royo, Gómez, 1960; Crucent, Rouse 1962).

Сомнительность датировок побудила исследователей начать искать другие участки с мегафауной, которые имели бы большую стратиграфическую целостность. В 1960-е гг. поиски «идеального участка» привели к памятнику Тайма–Тайма (штат Фалькон). Исследования там продолжились под руководством Х. М. Круксана и его коллег, включая Ирвинга Роуза. На памятнике были обнаружены останки молодого мастодонта (*Haplomastodon*) с медиальной частью наконечника типа «Эль–Хобо» из кварцита в тазовой полости. Также бы-

³⁷ Eden – наконечники листовидной формы, известные на территории Северной Америки.

ли найдены панцири глиптодонтов, останки другого вида мастодонта (*Stegomastodon*) и ряд инструментов (скребки, отщепы, галечные чопперы и т. д.). Основываясь на серии радиоуглеродных анализов древесных веточек, которые, скорее всего, были частью содержимого желудка одного из животных, специалисты установили возраст приблизительно 13000 л. до н.э. Однако некоторые исследователи, такие как Т. Линч, высказали сомнения в достоверности этих датировок, указывая на возможное загрязнение образцов лигнитом или восходящей водой из источника (Cruikshank, Rouse 1956).

В 1960-1963 гг. производились исследования на участке Мансанильо (штат Сулия). На нём были обнаружены окаменелые остатки древесины и инструменты, вероятно, связанные с комплексом Камаре–Лас–Лагунас. Данных о стратиграфических контекстах с памятника нет (Cruikshank, Rouse 1962).

В 1969 г. к востоку от Муако был обнаружен комплекс Кебрада–де–Кукуручу (штат Фалькон). Там нашли останки мегафауны, включая кости мастодонтов (*Notiomastodon cylindricum*) и глиптодонтов (*Glyptotherium* cf., *G. cylindricum*), а также каменные изделия типа «Джобоид»³⁸ и 2 фрагмента наконечников типа «Эль–Хобо». На костях глиптодонтов заметили антропогенное воздействие: вдавленные переломы и следы разделки. Эрозия и переотложение материалов затрудняют установление точного возраста находок и их взаимосвязи. Некоторые исследователи, например, К. Оксениус, предполагают, что останки мегафауны попали в долину во время морской регрессии, что усложняет исследование находок (Ochsenschlus, Gruhn 1979). Однако есть и аргумент в пользу того, что находки были обнаружены там, где изначально находились: вероятно, Кукуручу, как Муако и Тайма–Тайма, служил «оазисом» для животных мегафауны в засушливые периоды, соответственно, здесь их настигали охотники–собиратели, убивали и разделывали (Oliver 1989).

В 1970-х гг. исследования на Тайма–Тайма продолжили североамериканские специалисты Алан Брайан и Рут Грюн. Они подтвердили наличие следов человеческой деятельности на памятнике, но вопрос датировок остался спорным (Bryan, Gruhn 1979).

В 1980-х гг. М. О. Саноха и А. Морганти начали раскопки на памятнике Ла–Хундисьон (штат Лара). Там были найдены останки представителей мегафауны и каменные артефакты (бифасиальные заготовки, наконечники типа «рыбий хвост» из чёрного кремня, 2 фрагмента наконечников типа «Эль–Хобо»).

³⁸ Комплекс «Джобоид» — орудия, имеющие сходные черты с наконечниками типа «Эль–Хобо», но часто менее стандартизированные.

Датировка окаменелостей дала результат 6840 ± 190 л. н. (Sanoja, Morganti 1999). Данная дата вызвала сомнения по связи между каменными артефактами и костными останками – О. Линарес предположил, что костные останки могли быть подвержены постдепозиционным процессам, таким как выветривание и обугливание, что привело к омолаживанию датировок (Linares 1989).

В 1990-х гг. археолог Артуро Хаймес проводит исследования на памятнике Эль–Вано (штат Лара), где были найдены остеодермы глиптодонта, моляр канида, останки неопознанного хищника (изолированный клык) и 43 элемента черепа и посткраниального скелета ленивца (*Eremotherium cf. E. laurillardii*) с признаками расчленения. Обнаружены также 3 фрагмента наконечников «Эль–Хобо» (из кварцита), односторонний скребок, двусторонний резчик, 3 отщепа, ретушер из оленьего рога, отбойник и чоппер. Два наконечника «Эль–Хобо» найдены в ассоциации с останками эримотерия и один, самый крупный, – между позвонков. Найден также блок песчаника, который, скорее всего, использовался как «наковальня». Эль–Вано датируется 12800 кал. л. н., но из-за низкого содержания коллагена в образце для анализа датировка вызывает сомнения (Jaimes 1999, 2003).

Остается открытым вопрос о происхождении технологии наконечников «Эль–Хобо» – она не связана с желобчатыми изделиями типа кловис и, по мнению части специалистов, может являться вариантом западной черешковой традиции, фиксируемой в тихоокеанской части Северной Америки. Стоит отметить, что наконечники типа «Эль–Хобо» были найдены не только на территории Венесуэлы, но и в других странах, например, на памятнике Монте–Верде в Чили, что свидетельствует о возможном распространении этой технологии по континенту, в том числе и по тихоокеанскому побережью (Ardila 1992).

Необходимо сказать и о развитии методов археологических раскопок и исследований, так как они значительно эволюционировали с середины XX в. Ранние раскопки, проведённые Х. М. Круксаном, преимущественно были сосредоточены на поиске артефактов и их типологической классификации. Однако отсутствие точных методов фиксации и датирования приводило к ошибкам в интерпретации находок. С развитием технологий в 1990-х гг. стали применяться более совершенные методы, такие как радиоуглеродное датирование с использованием AMS, что позволило получить более точные датировки. Кроме того, улучшились методы фиксации и документирования находок, что способствовало более детальному изучению стратиграфии и тафономии памятников.

Большая часть исследователей, изучающих ранние памятники Венесуэлы, из Южной и Северной Америки, а также Европы. В России же, несмотря на до-

статочны тесныя палітыка—эканамічныя і культурныя сувязі з Венесуэлай, у спецыялістаў па археалогіі не было вопыта сумесных праектаў, а інфармацыя па археалагічным культурам Венесуэлы в адчэсвеннай літэратуры абмежавана данымі о найбольш ранніх комплексах — Тайма–Тайма і Муако (Табарев 2006).

Такім образом, древнейшыя археалагічныя помнікі Венесуэлы прадстаўляюць сабой важныя аб'екты для вывучэння ранніх этапаў і маршрутаў засялення чалавекам Южнай Амерыкі. Гэтыя помнікі прадстаўляюць унікальныя даныя о ўзаемадзействіі древніх людзей з мегафаунай, іх охотнічых стратэгіях і тэхналогіях вытворэння орудыя. Кромэ таго, далейшыя даследаванні ў гэтым напрамку могуць укрэпіць навучныя сувязі між Рускай і краінамі Латінскай Амерыкі.

Літэратура

Табарев А. В. Введене в археалогію Южнай Амерыкі. Анды і тыхоакееанскае пабярэж'е. Новасібірск: Сібірская навучная кніга., 2006. 244 с.

Admiraal M. The Origin and Evolution of the Mesa Projectile Point. Thesis for: Master of Arts. Groningen University/Smithsonian Institution. 2013. 108 p.

Ardila G. El Norte de America del Sur: Diversidad y Adaptaciones en el final del Pleistoceno. Bogota: Biblioteca del Banco Popular. 1992. 33 p.

Bryan A. L., Gruhn. R. The radiocarbon dates of Taima-Taima // Ochsenius C., Gruhn R. (Eds) Taima-Taima: A Late Pleistocene Paleo-indian kill site in Northernmost South America Final reports of 1976 excavation. Saarbrücken: CIPICS/South American Quaternary Documentation Program. 1979. P. 53–58.

Cruxent J. M., Rouse. I. A lithic industry of Paleo-Indian type in Venezuela. American Antiquity. 1956. V. 1. P. 172-179.

Cruxent J. M., Rouse. I. An archaeological chronology of Venezuela. Washington: Pan American Union. 1958. V. 1. 277 p.

Cruxent J. M., Rouse I. Arqueología cronológica de Venezuela. Madrid: Revista de Dialectología y Tradiciones Populares. 1962. V. 18. N. 1. P. 576-577.

Jaimes A. Nuevas evidencias de cazadores recolectores y aproximación al entendimiento del uso del espacio geográfico en el noroccidente de Venezuela. Sus implicaciones en el contexto suramericano // Arqueología del área Intermedia. 1999. N.1. P.83-120.

Jaimes A. El Vano una nueva localidad paleo-india en el noroccidente de Venezuela // Maguaré. 2003. N. 17. P. 159-184.

Linares J. Nuevo registro para el Cuaternario de Venezuela del Megaterio menor *Eremotherium elenense* (Mammalia: Megatheriidae), y su supuesta vinculación con cazadores antiguos // Boletín de la Asociación Venezolana de la Arqueología. 1989. Gens 5. P. 25–35.

Ochsenius C. G., Gruhn R. Taima-Taima: A Late Pleistocene Paleo-Indian Kill Site in Northernmost South America. CIPICS/South American Quaternary Documentation Program. 1979. p. 12.

Oliver J. R. The Archaeological, Linguistic and Ethnohistorical Evidence for the Expansion of Arawakan into Northwestern Venezuela and Northeastern Colombia. Doctoral thesis. Urbana-Champaign: University of Illinois. 1989. Gens 1. 1514 p.

Royo y Gómez J. Características paleontológicas y geológicas del yacimiento de vertebrados de Muaco, estado Falcón, con industria lítica humana // Memorias del III Congreso Geológico Venezolano, 1960. V.2. P.501–505.

Sanoja M., Morganti A. La formación cazadora-recolectora del occidente de Venezuela // Revista atlántica-mediterránea de prehistoria y arqueología social. 1999. N.2. P. 179-219.

А.В. Табарев

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

**Тихоокеанская археология на площадке
Первого Всемирного неолитического конгресса
(4-8 ноября 2024 г., Турция)**

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ,
проект № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии»*

3-8 ноября 2024 г. в г. Шанлыурфа (Турция) состоялся Первый Всемирный неолитический конгресс (I World Neolithic Congress). Он собрал более 1000 участников из 486 научных учреждений 63 стран. Программа включала 45 сессий³⁹, посвященных разнообразной глобальной и региональной тематике, на которых было представлено 687 устных и 62 постерных доклада. Место проведения является знаковым — юго-восток Анатолии, где, начиная с 1990-х гг.,

³⁹ <https://worldneolithiccongress.org/program.aspx>. Также на сайте конгресса выложен сборник тезисов всех докладов.

открыты и активно исследуются эффектные памятники докерамического неолита А (Pre-Pottery Neolithic A), датируемые возрастом более 11,5 тыс. л. н. с монументальными сооружениями, Т-образными пилонами, барельефами и скульптурными композициями (Гебёкли-Тепе, Карахан-Тепе, Сефер-Тепе, Сайбурч и др.) (Schmidt, 2010).

Конгресс стал заметным и ярким событием в мировой археологии, публикации с впечатлениями о форуме и оценками работы отдельных сессий начали появляться в зарубежной периодике уже в конце 2024 г. (например, Чжан Сяочжу 2024; Gebel 2024; Gurova 2024; Nikolova 2024).

Подготовка конгресса началась еще в 2021 г., она уже выходила на завершающий этап с первоначальной датой проведения в сентябре 2023 г., но разрушительное землетрясение 6 февраля 2023 г., непосредственно затронувшее и юго-восточную части Турции, включая г. Шанлыурфа, поставило вопрос о времени начала конгресса на паузу. После заключения специальной правительственной комиссии, которая оценила темпы восстановления инфраструктуры в провинции Шанлыурфа, была определена новая дата проведения Первого всемирного неолитического конгресса – 4-8 ноября 2024 г.

Основной площадкой конгресса стал Университет Харран (г. Шанлыурфа), все пленарные и сессионные заседания проходили в здании Факультета экономики и бизнеса, в конференц-зале и 13 аудиториях. Сессии разделили на две группы – с глобальной (G) и с региональной проблематикой (R), кроме того, каждый день начинался с пленарных докладов.

Отечественные археологи приняли участие в организации и проведении двух сессий по глобальной (G01 – «Understanding ‘Long Neolithics’ in Global Comparative Perspective»⁴⁰ и «G19 – «Reading the Stones, Tracing the Changes: Lithic Technology during the Paleolithic – Neolithic Transition»⁴¹) и двух сессий по региональной тематике (R25 – «The Dawn of the Neolithic in Northern Eurasia: Development of Foraging Complexity»⁴² и R27 – «The Emergence of Food-Producing Economies in Central Asia: The Intersection of Cultural and Biological Data»⁴³). В статусе докладчиков и содокладчиков приехали более 30 специалистов из гг. Москва, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Самара, Пермь, Екатеринбург, Новосибирск, Ханты-Мансийск, Барнаул, Улан-Удэ, Якутск, Владивосток, Магадан и Южно-Сахалинск.

⁴⁰ Session Organizers: A. N. Popov, J. Uchiyama, P. Jordan.

⁴¹ Session Organizers: A. V. Tabarev, D. Kilby, Y. Kanomata.

⁴² Session Organizers: E. Dolbunova, M. Kulkova, V. Karmanov, E. Tkach

⁴³ Session Organizers: S. Shnaider, R. Spengler.

География докладов на конгрессе охватывала Ближний Восток, Юго-Восточную и Восточную Европу, Средиземноморье, Кавказ, Северную, Центральную и Восточную Азию, отдельные тропические районы (Амазония, Мезоамерика), а также Индо-тихоокеанский регион.

Как были представлена в этой культурно-исторической мозаике «тихоокеанская археология» и тихоокеанский неолит?

Во-первых, проблема австронезийской миграции, распространение производящего хозяйства и локальные сценарии неолитизации в континентальной и островной частях Юго-Восточной Азии рассматривались в пленарных докладах австралийских специалистов – П. Беллвуда («*Becoming Neolithic: the impact of food production on global human population history during the past 12,000 years*») и Сяочун Хун («*The emergence of Neolithic life in East and Southeast Asia: expansions, encounters, and new societies*»).

Во-вторых, целый ряд сюжетов (археологические культуры, технологии, палеосреда, погребальные комплексы, хронология и т. д.) обсуждались в докладах на шести сессиях с глобальной проблематикой (кроме уже упоминавшихся выше G01 и G19, G02 – «*Early Productive Behavior, or the Regional and Global Problems with the Terms Neolithic/ Neolithisation*»; G07 – «*Neolithic Processes in the Tropics*»; G15 – «*Bioarchaeological Perspectives on the Neolithic Transition*» и G24 – «*Treating Dead Bodies in the Neolithic: Exploring the Increasing Social Complexity*»).

В-третьих, тихоокеанский неолит на уровне отдельных памятников, или территорий (Японский архипелаг, Вьетнам, Тайвань, прибрежные районы юго-востока Китая) рассматривался на двух сессиях с региональной тематикой (R29 – «*Breaking the Neolithic in Asia: Questioning Tropes, Recentering Boundaries and Nuancing Lifeways*» и R31 – «*Neolithic Migrations and Adaptations: From East Asia to the Indo- Pacific*»).

И, наконец, в-четвертых, три сюжета по материалам различных периодов дзёмона (изделия из нефрита, растительная пища в диете, технология плетения корзин) и один по материалам Чукотки присутствовали на постерной выставке.

Географически доклады по тихоокеанской тематике были представлены специалистами из России, Японии, Китая, Франции, Швеции, США и Австралии.

Таким образом, с одной стороны, общее количество докладов, разнообразие сюжетов, присутствие тихоокеанской тематики во всех категориях сессий и в пленарном формате отражает основные направления археологического поиска в регионе и подтверждает список стран («основных игроков») на этой исследовательской площадке.

В то же время, лишь примерно треть докладов была представлена в консолидированном контексте и/или названии специальных сессий (G01, R31), большая часть разбросана по отдельным сессиям, то есть не по территориальному, а тематическому принципу. По целому ряду территорий, которые представляют исключительный интерес для сравнительных оценок особенностей и темпов неолитизации (Индонезия, Малайзия, в целом – Океания и тихоокеанское побережье Северной, Мезо- и Южной Америки) полноценных докладов практически не прозвучало⁴⁴.

Эти замечания, среди прочих, были рассмотрены и зафиксированы на заседаниях научного комитета конгресса⁴⁵, который в своих итоговых документах отметил общий успех проведения форума, а также обозначил перспективу следующего (второго) конгресса на 2028 г. Не менее важным является также предложение о проведении между конгрессами серии локальных и региональных конференций с участием членов научного комитета («*Under umbrella of the World Neolithic Congress*»).

Литература

Gebel H.G.K. Early productive behavior, or the regional and global problems with the terms Neolithic/ Neolithisation. Report on Global Session 02 at the World Neolithic Congress, Şanlıurfa, 4 – 5th of Nov. 2024 // Neo-Lithics. 2024. 24. P. A1-A8

Gurova M. World Neolithic Congress 2024 (Şanlıurfa, Türkiye) and Bulgarian prehistory in context // Bulgarian e-Journal of Archaeology. 2024. V. 14.2. P.311–319.

Nikolova N. The Şanlıurfa Stone Mounds (tenth–seventh millennium BC) Review of the 2024 World Neolithic Congress in Türkiye // Studia Praehistorica. 2024. V.18. P.103–124.

Schmidt K. Göbekli Tepe – the Stone Age Sanctuaries. New results of ongoing excavations with a special focus on sculptures and high reliefs // Documenta Praehistorica. 2010. V. XXXVII. P.239-256.

⁴⁴ Отчасти это было обусловлено местом проведения конгресса (Турция) и стоимостью авиаперелетов для участников из указанных регионов.

⁴⁵ На момент проведения конгресса научный комитет состоял из 31 специалиста – Австралия (3 представителя), Англия (4), Германия (5), Грузия (1), Израиль (1), Испания (1), Канада (1), Китай (1), Россия (2 – А.Н. Попов и А.В. Табарев), Словения (1), США (4), Турция (3), Франция (4).

Чжан Сяочжу. Буи шаньхай вэй юань, буи жиюэ вэй сянь – цзюйцзяю шоу цзе шицзе синьшици шидай каогу дахуэй [张小筑。不以山海为远不以日月为限——聚焦首届世界新石器时代考古大会]. Расстояния и время – не преграда: в центре внимания – первый Всемирный неолитический конгресс // Чжунго вэньу бао [中国文物报]. 12 дек. 2024. С. 5 (на кит.яз.).

О.С. Тупахина²
И. Ю. Понкратова¹
И.В. Казимиров^{1,3}
Л.С. Лебедева¹

¹Магадан, Северо-Восточный государственный университет

²Новосибирск, ООО «Палеопоиск»

³Магадан, Магаданский областной краеведческий музей

Погребение шамана (по материалам археологических раскопок ОКН «Город Гижигинск» в 2024 году)*

**Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество», проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И
в рамках научной темы «История города Гижигинска (XVII – начало XX вв.)»
(ФГАНУ ЦИТиС № гос. регистрации 121070600101-1)*

В 2024 г. Гижигинская археологическая экспедиция проводила полевые работы по изучению ОАН «Город Гижигинск» в Северо-Эвенском районе Магаданской области. Площадь раскопа составил 91 кв. м; найдено около 9 тыс. артефактов, в этом числе предметы быта, религиозной атрибутики (фрагменты иконы), фрагменты посуды, одежды, обуви, строительные материалы, монеты и пр. (Тупахина, 2025).

Весь комплекс находок можно разделить на три группы. Первая группа – остатки жизнедеятельности населения Гижигинска в XIX – начале XX вв. (деревянное строение (дом) с жилыми комнатами, помещением для содержания домашнего скота (конюшня), местом для складирования бытовых отходов (мусорный ящик)). В комнатах находились печи для отопления и приготовления пищи. Вторая группа находок связана с обнаруженным под полом дома ритуальным комплексом (погребение шамана, XVIII в.). Третья группа находок – деревянные конструкции XVIII в., датируемые находкой медной монеты 1749 г. («деньга»).

Конструкция погребения шамана представлена в виде четырехугольной обкладки из сохранившихся прямоугольно затесанных бревен (около 2 м). В верхней части заполнения обкладки зафиксирована относящаяся к верхнему строению галечная забутовка. Ниже, в слое строительной щепы с темно-коричневым суглинком, найдены атрибуты погребального обряда в виде деревянных вотивных предметов вооружения (деревянный меч, стрела), ручек от шаманских погремушек, металлической диадемы (обруча) и кожаного ремешка к ней, камня ярко-красного цвета, камня с остатками тканевого мешочка, фигурки птички (рис. 1), бусины, фрагментов ребер кита с отверстиями, фарфоровой чашечки и пр. Предметы лежали на подложке из сухой травы и веток кедрового стланика.

С погребением связана расположенная рядом очажная площадка, на которой в большом количестве находились кости животных и морских млекопитающих – оленя, нерпы, кита, собаки, возможно, лисицы. Найдены кости (ребра, грудина и пр.), зубы, волосы, принадлежавшие предположительно человеку, фрагменты одежды из ровдуги, антропоморфное изображение из дерева, металлическая бляха-нашивка, деревянные дощечки с вырезанными на них крестами, многочисленные заостренные палочки с обожженными кончиками («спички»?), миниатюрные зооморфные фигурки из кости, завернутые в черную тряпку мелкие камешки и пр. В 2020 г. здесь же была найдена фигурка человека и фрагменты бивня мамонта (Технический отчет, 2020).

Предполагаем, что ритуальный комплекс с погребением связан с традицией хоронить своих шаманов у эвенов – одного из тунгусо-маньчжурских народов и населяющих сегодня Северо-Эвенский район Магаданской области. Первые сведения об эвенских шаманах были получены от Я. И. Линденау, побывавшем на побережье Охотского моря в середине XVIII в. Он сообщал, что «...действия шамана продиктованы желаниями и указаниями «дьяволов» (духов), общение с которыми происходит во сне. Каждый шаман имеет своих духов-помощников, после его смерти духи переходят его преемнику» (Линденау, 1983: 69).

Шаманов хоронили в отдаленных, скрытых от людей местах, «далеких от кочевых троп», «на возвышенных местах» (Попова, 1981: 252; Титорева, 2016: 6). Таким местом является высокая, относительно большая терраса на берегу р. Гижига, к тому времени, вероятно, покинутая людьми Гижигинской крепости XVIII в.

Способ шаманского погребения отличался от обычного. Даже в период христианизации сильных «профессиональных» шаманов, по их требованию, хоронили воздушным способом в долбленных гробах, установленных на помостах («биркэнах») (Титорева, 2016: 6).

Семейных шаманов хоронили отдельно от общего кладбища, но по христианской традиции в земле. Могила должна была быть значительно глубже, чем для обычного человека. Особенностью шаманского погребения было обозначение его фигурками птиц, которых крепили к верхней перекладине надмогильного креста. Перед тем, как опустить гроб в могилу, его устанавливали на прямоугольном помосте, который потом клали сверху на гроб. В ноги покойнику складывали все шаманские принадлежности в сломанном виде, а на грудь клали православную икону (Попова, 1981; Титорева, 2016: 7).

Известны имена «главных» (т.е. профессиональных) эвенских шаманов практиковавших в середине XX в. на территории северного Приохотья в Магаданской области. Это П. Маторин, Н. П. Хабаровский и С. В. Болдухин (Попова, 1981).

В пользу принадлежности гижигинского погребения к эвенкам, свидетельствует и тот факт, что вплоть до середины XX в. пожилые эвены пользовались культовыми изображениями антропоморфного и зооморфного характера (Титорева, 2016). Шаманский кафтан Н. П. Хабаровского был обвешан пришитыми к нему вырезанными из кости изображениями фигурок человека, оленей, кружочками, клыками животных. Его шапка состояла из двух частей, в том числе обруча, «одеваемого вокруг головы и крестообразно расположенных на макушке двух полосок, прикреплявшихся четырьмя лучами к обручу» (Попова, 1981: 247). Антропоморфные и зооморфные фигурки подвешивали вместе с металлическими подвесками и на шаманские пояса (Титорева, 2016: 5).

В фондах Магаданского краеведческого музея хранятся предметы, связанные с эвенским шаманским погребением XVIII в. в п. Дукча (г. Магадан) (экспозиция «Люди земли и моря», 2024–2025 гг.). На фотографии, изображающей момент вскрытия погребения (вероятно, воздушного), видно, что оно было сделано на том месте, на котором впоследствии был построен поселок. При раскопках погребения были найдены нагрудные бляхи, металлические наконечники стрел, ножи, кольца.

В целом, предварительно найденное при раскопках Гижигинска погребение можно отнести к эвенскому, но необходим анализ ДНК останков, который позволит уточнить национальность, время и причину смерти погребенного. Факт нахождения погребения и связанной с ним обрядовой площадки между остатками крепости и пола дома XIX – начала XX вв. свидетельствует, что в истории Гижигинска периоды заселения территории сменялись ее запустением как минимум трижды.

Рис. 1. ОКН «Город Гижигинск»: деревянная птичка из погребения шамана

Литература

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан, 1983. – 176 с.

Попова У. Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II половины XIX – начала XX вв.). – Л. : Наука, 1981. – С. 233–252.

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток, 2020. – 303 с.

Титорева Г. Т. Шаманские верования эвенов Приохотья // Религиоведение: научно-теоретический журнал. – 2016. – №. 2. – С. 3–12.

Тупахина О. С. Археологические раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «город Гижигинск» в Северо-Эвенском районе Магаданской области в 2024 г. ООО «Палеопоиск». – Новосибирск, 2025. – 175 с.

Археология Марианских островов, Микронезия: Период латте

Океания – обширный регион в центре Тихого Океана. Традиционно он подразделяется на три географические области: Полинезию, Меланезию и Микронезию. Марианские острова (далее по тексту – МА) – один из трёх архипелагов островной дуги Изу-Бонин-Мариана на западе Микронезии. Острова простираются в конфигурации север-юг примерно от 13 до 20° с. ш. Марианский архипелаг возник в результате столкновения тектонических плит Тихого океана и Филиппинского моря. Он состоит из 17 островов, крупнейшие из которых находятся на юге архипелага. Марианские острова с севера прилегают к Марианской Впадине, ближайшей к ней сушей является остров Гуам. Все острова имеют вулканическое происхождение. На сегодняшний день архипелаг является не инкорпорированной территорией США (Fitzpatrick 2014).

Первыми европейцами, достигшими Марианских островов, стали участники экспедиции Фернана Магеллана. 6 марта 1521 г. три корабля достигли острова Гуам. Путешествие Магеллана описывает Антонио Пигафетт, который выступал на борту в качестве статиста. Из его летописей мы узнаём, что экипаж к моменту высадки на МА был ужасно ослаблен болезнями и нехваткой продовольствия. Чаморро – народ, населяющий Гуам, летописец описывал как симпатичных, высоких и сильных, однако вороватых, неуправляемых, бесстрашных и безбожных людей. Они напали на корабли, добравшись до них на своих быстрых парусных судах («проа»), и ограбили экипаж, забрав даже одну шлюпку. Магеллан собрал 40 вооруженных человек и забрал награбленные вещи, сжёг местное поселение и убил 7 человек (Bronwen 2014).

Первый визит русских мореплавателей на Марианские острова (или, как их тогда называли, Ладронские острова – «острова воров») произошёл в 1817 г. Это была экспедиция под командованием Отто Евстафьевича Коцебу, на шлюпе «Рюрик». Однако визит был очень кратковременным и не информативным. Это можно узнать из книги о кругосветном путешествии 1823–1826 г., где О. Коцебу писал, что уже бывал на Гуаме.

Второй визит на Гуам произошёл ровно 200 лет назад, в 1825 г. Русские корабли пришвартовались у острова в октябре с целью пополнить запасы про-

визии и передохнуть в пути. Коцебу писал, что с востока остров кажется мало-плодородным, но, если обогнуть его с севера, то западное побережье будет очень щедро одарено природой. На острове Коцебу встретился с губернатором архипелага – Доном Ганго Эрерро. Он оказал русскому мореплавателю радушный приём и помог снабдить экипаж продовольствием. Однако Отто писал, что Эрерро был никудышным чиновником, что за восемь лет его нахождения на посту народ обнищал.

Коцебу также писал о жителях Каролингских островов, которые в это время выступали в роли связистов с Марианским архипелагом, потому что были искусными мореплавателями, очень резво управлялись парусными лодками и могли быстро переплыть от одного острова до другого (Зубов 1954; Коцебу 1981).

Для удобства понимания хронологии развития материальной культуры жителей Марианского архипелага необходимо рассмотреть основные этапы, на которые принято делить его историю в научных публикациях. Ряд исследователей предпринимали попытки разработать археологическую периодизацию Марианских островов. Первую такую попытку осуществил американский антрополог Александр Споеер (1913–1992) в 1957 г. Он разделил историю архипелага на три основных периода: пре-латте (3500–1000 л. н.), латте (1000 л. н. – 1521 г.) и колониальный период, начавшийся в 1521 г. после открытия островов испанцами.

Позднее, в 1983 г., антрополог Дарлен Р. Мур (1938–2024) предложила более детализированную периодизацию, основанную на типах керамики, обнаруженной на МА. Она разделила обширный период пре-Латте, выделенный Споеером, на три этапа: ранний пре-латте (3500–2500 л. н.), средний пре-латте (2500–2000 л. н.) и Переходный период (2000–1000 л. н.). При этом периоды латте и колониальный остались без изменений. Периодизация Д. Мур получила широкое признание и стала общепринятой в исследованиях археологии архипелага. В дальнейшем эта периодизация была дважды уточнена самой Д. Мур в сотрудничестве с Розалинд Хантер-Андерсон. В 1999 г. они пересмотрели хронологические рамки среднего пре-Латте и переходного периода, а в 2001 г. внесли изменения в терминологию.

Кроме того, существует альтернативная периодизация, разработанная Грэмом К. Уордом и Джоном Крейбом в 1990 г., которая основывается на протоисторических данных (Rainbird 2004).

Наиболее хорошо исследованный археологический период МА – период латте. Данный период получил своё название от мегалитических сооружений

«латте», которые привлекли внимание исследователей ещё с момента начала колонизации архипелага. Сооружения «латте» представляют собой парные колонны от 1 до 4 метров в высоту с полусферическими навершиями до 1 м в диаметре. Столбы располагаются попарно и образуют «комплексы латте». Обычно в такой комплекс входят от 3 до 7 пар колонн. Столбы латте сделаны из таких пород как известняк, песчаник и базальт. Также встречаются комплексы, выполненные из дерева. Латте были обнаружены на всех островах архипелага в самых разных местностях – от песчаных пляжей и бухт до болотистых и скалистых внутренних частях островов (Fitzpatrick 2014).

Конструкции латте пришли на смену деревянным домам на сваях. Каменные колонны служили опорой для деревянных жилищ с соломенными крышами. Данные выводы основаны на записях мореплавателей, которые зафиксировали использование конструкций латте в период их активного функционирования. До 95% всех стоянок латте находятся на возвышенностях от 50 до 175 м над уровнем моря. Однако сами конструкции латте не были столь распространены. Только около 20% из всех известных стоянок этого периода содержат хотя бы одну пару комплексов колонн латте. Остальные 80% стоянок представлены преимущественно фрагментами керамики и скоплениями кухонных и бытовых отходов.

Самый крупный из известных комплексов латте был обнаружен на острове Тиниан. Колонны латте на этой стоянке достигают высоты 16 м. На острове Рота были найдены заготовки для возведения ещё более крупного комплекса, который, судя по всему, так и не был завершён.

Интересно отметить, что на крупных островах, таких как Гуам или Сайпан, не обнаружены комплексы латте значительных размеров или с уникальными архитектурными особенностями. Исследователи связывают это с тем, что на больших территориях, вероятно, существовала высокая конкуренция между группами населения или значительные культурные различия между племенами. Эти факторы могли препятствовать развитию и распространению традиции возведения крупных комплексов латте. В отличие от этого, на более мелких островах культура строительства мегалитических сооружений получила большее развитие.

Столбы latte – уникальное археологическое явление, характерное исключительно для МА. Колонна латте даже расположена на флаге Содружества Северных Марианских островов, как символ древней культуры чаморро (Dixon 2021-2022).

Комплексы латте представляют собой лишь часть более широкой мегалитической традиции Микронезии. В этом контексте особого внимания заслужи-

вает знаменитый комплекс Нан-Мадол, расположенный на острове Понпеи, входящем в состав Каролинских островов. Этот комплекс включает 92 сооружения. Радиоуглеродный анализ свидетельствует о том, что строительство Нан-Мадола началось около 1500 лет назад, при этом возведение сооружений происходило постепенно, с продвижением в сторону побережья. Наиболее поздним постройкам около 800 лет, что указывает на длительный процесс строительства. Нан-Мадол использовали как для проведения светских мероприятий, так и для культовых действий, включая погребальные обряды.

На острове Лелу, расположенном близ Косраэ, сохранились остатки древнего города Лелух, которые демонстрируют сходные черты с архитектурой Нан-Мадола. Лелух изучен в меньшей степени, однако археологи предполагают, что его постройки имели схожее назначение с Нан-Мандолом. При этом город Лелух был построен позже сооружений на острове Понпеи — около 800 лет назад, что указывает на продолжение мегалитической традиции в регионе.

Среди других мегалитов Микронезии выделяются так называемые «каменные деньги» с острова Яп. Они представляют собой каменные диски различных размеров, с отверстием в центре. Согласно одной из гипотез, отверстия предназначались для удобства транспортировки дисков с помощью деревянных палок. Размеры таких «монет» варьируются от небольших экземпляров до дисков диаметром в несколько метров. Считается, что эти «монеты» символизировали луну и статус их владельца (Rainbird 2004).

Литература

Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. Москва: Географгиз, 1954. 475 с.

Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823-1826 гг. / О. Коцебу; [пер. с нем., вступ. ст., с. 3-21 и коммент. Д. Д. Тумаркина; отв. ред. Я. М. Свет]. – Изд. 2-е. – Москва: Наука, 1981. 351 с.

Bronwen D. Science, Voyages, and Encounters in Oceania, 1511–1850. London: Palgrave Macmillan, 2014. 361 p.

Dixon B., Bulgrin L., Kottermair M. Latte period cultural heritage in the Commonwealth of the Northern Mariana Islands // I estoria-ta The Mariana Islands and Chamorro Culture, 2021-2022. P. 39-41.

Fitzpatrick S.M. The Archaeology of Western Micronesia // The Oxford Handbook of Prehistoric Oceania. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 4-8.

Rainbird P. Identifying differences: The Mariana Islands // The Archaeology of Micronesia. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. P.101-133.

M. Fukuda¹
V.A. Grishchenko²
D. Natsuki³
F. Yamaya⁴

¹ Tokyo, University of Tokyo

² Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin State University

³ Sapporo, Hokkaido University

⁴ Hokkaido, Rishirifuji Town Board of Education

An Early Neolithic Complex at Rishiri Jinja-Shita Site, Rishiri Island: A Key Archaeological Hub in the La Pérouse/Soya Strait*

**This work was supported by JSPS KAKENHI Grant Numbers
JP21KK0009 and JP23K21982*

Introduction

The archaeological cultural dynamics between Hokkaido and Sakhalin Islands gradually shifted to a “distant” relationship after the formation of the La Pérouse (Soya) Strait. This relationship continued until the late first millennium BC, at which point pottery from the Epi-Jomon cultural tradition began to spread across the strait. The formation of the strait is estimated to have occurred immediately after the Younger Dryas. However, recent joint research results between Japan and Russia suggest the possibility of ongoing human contacts or interactions beyond the existing archaeological evidence, even after the formation of the Strait.

Notably, the archaeological material found with the Tenneru–Akatsuki type pottery, which originated from east-south Hokkaido, was distributed in Sakhalin. Additionally, the Sakhalin Early Neolithic blade technology spread to Hokkaido, mainly to eastern Hokkaido, due to the 8.2 ka cooling event (e.g., Fukuda et al. 2022; Грищенко 2024). The “distant” relationship across the Strait is estimated to have become apparent after the sea-level rise peaked at around 8.0 ka, but before that, during the Early Holocene, it is most likely that fishing groups involved in the procurement and supply of Hokkaido obsidian traveled along the unidentified paleo Okhotsk coast, as it was not as risky to cross the Strait. This hypothesis, which is based on indirect evidence, is supported to a certain extent by research on the reconstruction of the paleo-coastline of Sakhalin

Island by Mikishin (e.g., Микишин и др. 2010). However, this is still only a supposition, and further investigation is necessary to clarify the actual situation on both sides of the La Pérouse Strait, where there are still many unclear aspects.

1. Site Location

In 2024, archaeological excavations were carried out at the **Rishiri Jinja-Shita (RJS) Site** on Rishiri Island in Hokkaido, Japan (Fig.1). It is located in the Sea of Japan in the northernmost part of Hokkaido (45°10' N and 141°10' E). The island is dominated by Mount Rishiri (*Rhishiri-fuji*) (h = 1,721m), and is located opposite the Hokkaido mainland across the La Pérouse, with Rebun Island situated to the north. Geographically close to Sakhalin Island, 40–50 km away, the southern tip of the Sakhalin Island (Cape Krillion) is visible from Mt. Rishiri under favorable weather conditions. The island's topography is characterized by primary mountains, with the central part's steep terrain making it unsuitable for long-term human settlement activities. While there is some flat land along the coast, the formation of settlements is limited due to the lava plateaus and wetlands that have spread out due to volcanic activity. However, there are stable sand dunes and alluvial plains in several coastal areas that have been made suitable for village development. The region benefits from the Tsushima Warm Current, which ensures mild winters and a relatively humid climate.

The Oshidomari Area of Rishirifuji Town, located in the northeast of the island, contains nine known archaeological sites dating from the Late Paleolithic to the Okhotsk Culture Period. The Sakaemachi Campsite (LUP), the RJS (Initial Jomon/Far Eastern Early Neolithic), and the Sakaemachi (Middle Jomon) sites are distributed along the Nobori-omanay River, which flows through the central Oshidomari Area. The RJS is located at an elevation of 30–40 m above sea level on both banks of the Nobori-omanay River. It was registered as an archaeological site in 1982, but there have been no surveys since then, and the details have long been unknown.

2. Excavation Results at RJS Site in 2024

Preliminary surveys were conducted in 2022 and 2023, leading to the decision to conduct an excavation in 2024 on the gentle slope of the left bank of the Nobori-omanay River. The excavation, which covered an area of 24 m², revealed Early Holocene archaeological sediments, a significant discovery in the field.

In areas with minimal post-disturbances, Neolithic cultural layers were identified above the loamy soil, at approximately GL –0.5m. The basic stratigraphy is as follows:

Layer I: topsoil (cultivated soil in the Showa era);

Layer II: Neolithic/Jomon cultural layer (dark brown to brown soil);

Layer III: alluvial soil (yellowish brown loamy soil).

Layer II can be subdivided into an upper and lower part; the upper part yielded the Middle Jomon pottery (**Group-II**), while the lower part yielded unknown pottery (**Group-I**). Group-II has been identified as the Group-I-C of the Kamidomari 3 Site (Taneichi ed. 1985) on Rebun Island, a pottery type that is widely distributed in northern Hokkaido. Similar examples have been found at the Minato-machi 1 Site (Yamaya 2012) in the Oshidomari Area. The presence of this pottery type indicates that the Jomon people, who had relationships with the central or southwestern Hokkaido region, occupied into the Soya Region in northern Hokkaido. Archaeological sediments associated with a residential zone outside the survey square in 2014 were found in the upper Layer II, while the lower Layer II included lithics (flaked tools, axes, metates, and cobbles) and Group-I potsherds. The pebbles were concentrated with potsherds that could be reconstructed to their original form in several locations. Two concentrations of artifacts were identified, and no other features were present in the lower Layer II.

Pottery: The Group-I pottery is characterized by its small to medium height (<25 cm), flat bases, and cooking pots. These vessels exhibit an oval or square shape from the top and bottom views and are distinguished by a puncture or blister pattern deployed under the rim, created through the application of pressure from the outside. The vessel walls are relatively thick (>5 mm) and thin (<5 mm), with the thick walls exhibiting a slightly thickened rim with a puncture or blister pattern. Unlike Jomon-style pottery, they do not display cord-marked patterns or wavy rims. However, both thick and thin vessels exhibit vertical linear incisions, indicative of inner and outer surface treatment. The condition of the surviving pieces is not optimal, with edges that have worn away or broken into small fragments, though there are many fragments that can be joined together. No known examples of this pottery type have been found in the Soya Region or neighboring areas. However, the surface treatment techniques bear a resemblance to those of the Flat-Bottomed Series with Linear Incisions (*Hirazoko Jomonmon-kei Doki-gun*) of the middle Initial Jomon in eastern Hokkaido. The thick pottery's form is comparable to that of the non-ornamented pottery group in the Early Neolithic southern Sakhalin.

Lithics: The raw materials of the flaked tools from the lower Layer II include 145 pieces of obsidian and 63 pieces of shale. While most of the flaked tools from the upper Layer II are obsidian, the proportion of shale is notably high in the lower part. The tools from the lower part are bifacial scrapers and knives, all made of shale. Microblade or blade industries are not evident. In addition, cobbles and axes are made of sandstone and andesite, suggesting extensive utilization of locally available stone resources. A significant quantity of cobbles, generally oval in shape and measuring 6–9 cm in length, shows no clear evidence of use. However, they may have been utilized as sinkers for fishing nets.

¹⁴C Dates: The charred residue on the two potsherds within Group-I have been dated to 8,120±25 BP (PLD-52879) and 7,835±25 BP (PLD-52880). The calibrated ages (2σ) are 9,128–8,996 cal BP (95.45 %) for the former and 8,698–8,670 cal BP (5.30 %) and 8,650–8,544 cal BP (90.15 %) for the latter. C/N analysis results suggest that the former is influenced by the marine reservoir effect. As a result, the age of the archaeological complex found in the lower Layer II is estimated to be ca. 8,700–8,500 cal BP.

Conclusion

The age of the lower Layer II of the RJS Site falls within the EN-Phase 2 (ca. <9.0–8.5 ka cal BP) (Fukuda, Grishchenko 2017; Fukuda et al. 2022) of the Early Holocene adaptation process along the southwestern Okhotsk Sea Coast (Sakhalin–northeastern Hokkaido–southern Kurils). Group-I pottery can be regarded as an extension of the Flat-Bottomed Series pottery with linear incisions in the Initial Jomon eastern Hokkaido (e.g., Numajiri-type pottery), but it is also notable for its slightly different making techniques. This group is significant because it fills the chronological gap around the Early Neolithic La Pérouse Strait and has been designated the “Oshidomari-type.”

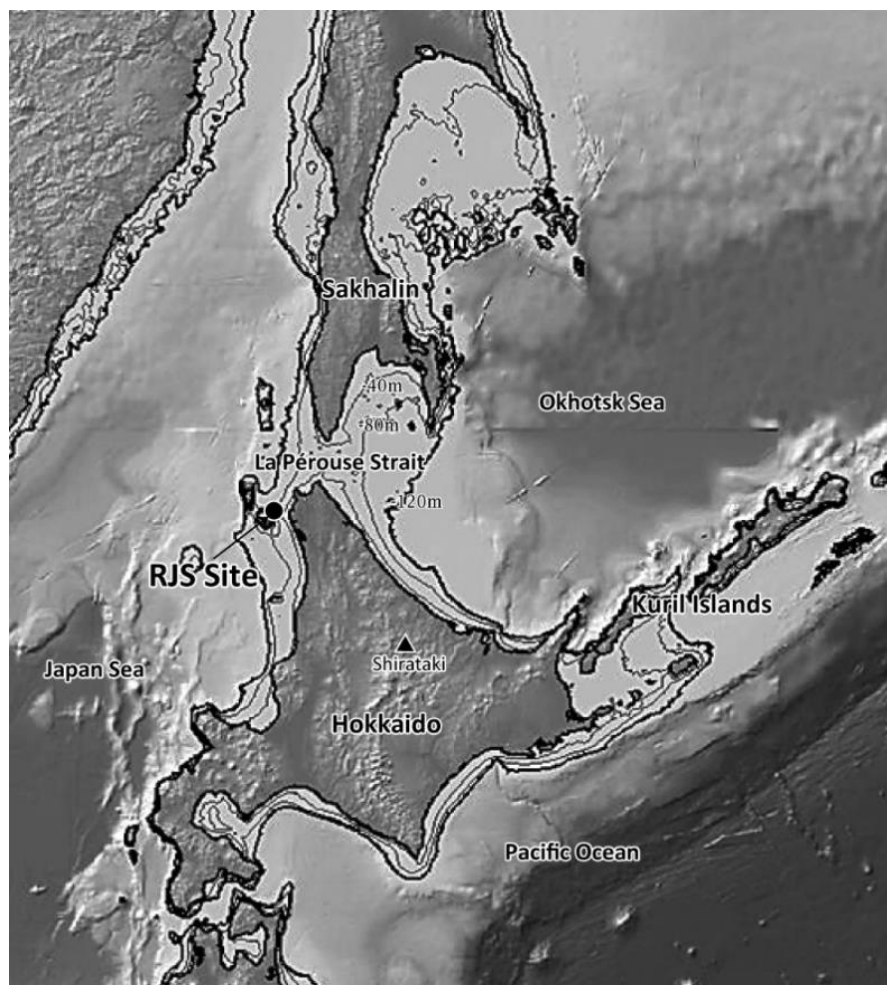

Figure 1. Location of the Rishiri Jinja-Shita (RJS) site, created using GeoMapApp (www.geomapapp.org)

References

Fukuda M., Grishchenko V.A. The adaptations of Neolithic cultures in the Sakhalin/Japanese Archipelago // The Proceedings of the 31st International Abashiri Symposium. The Association for the Promotion of Northern Cultures: Abashiri. — 2017. — pp. 7–12.

Fukuda M., Morisaki K., Sato H. Synthetic perspective on prehistoric hunter-gatherer adaptations and landscape change in Northern Japan // Maritime Prehistory of Northeast Asia. Springer Nature: Singapore. — 2022. — pp.73–95.

Taneichi Y. ed. Rebun-to Horodomari Dankyu no Iseki-gun [Archaeological sites on the Horodomari Terrace, Rebun Island]. — 1985. — 418 p. — Hokkaido Archaeological Center: Ebetsu. [in Japanese]

Yamaya F. The report of investigation at the Minatomachi 1 Site, Rishiri Island // Rishiri Studies. — 2012. — № 31. — pp. 39–53. [in Japanese and English abstract].

Грищенко В.А. 2024. Три фазы культуры наконечников на пластинах и процессы неолитизации острова Сахалин в условиях климатических флуктуаций конца бореала–начала атлантика // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2024. — № 2. — С. 30–41.

Микишин Ю.А., Гвоздева И.Г., Петренко Т.И. Ранний голоцен Сахалина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — № 12. — С. 432–437.

Jung Sukbae

South Korea, Buyeo, Korea National University of Heritage

About the location of Deoklijin (Delizhen) in Balhae

Balhae (Bohai) bordered the territory of Heishuimohe (hereinafter referred to as HM) in Delizhen (Deoklijin) or Delifu (Deoklibu) before subjugating HM. This is evidenced by the records in the «Xintangshu», «Taipinghuanyuji», and «Tanghuiyao».

In the «Xintangshu» (sect. Geography), it is recorded that «to the north of the Balhae Royal City... passing Delizhen, it is 1000 li to [the land of] the Southern HM](渤海王城... 其北經德里鎮 至南黑水靺鞨千里)» (Kogurye... (ed.), 2004, p. 412).

The «Tanghuiyao» has two versions: Dianben and Sikuben. In volume 96 «Mohe», the first version states that «the current boundary of HM borders Xiandefu of Balhae state to the south (今黑水靺鞨界 南與渤海國顯德府)», while the second

version states that «the boundary of HM is close to Delifu of Balhae state to the south (在黑水靺鞨界 南近渤海國德里府)» (Wang Xiaohua et al., 2022, pp. 125-129).

The «Taipinghuanyuji» is also believed to have two different versions. In volume 175 («Wuji») it states that «the present boundary of HM reaches Defu in Balhae (今黑水靺鞨界至渤海德府)» (Taiwanshang..., 1983, p. 617) or «the present boundary of HM reaches Delifu in Balhae state to the south (今黑水靺鞨界南至渤海國德理府)» (Jin Yufu / Balhaesa... (trans.), 2008, pp. 344-345; Liu Jiaming, 2020, p. 57).

Xiandefu in the «Tanghuiyao» is clearly a miswriting of Delifu. The Balhae's base Xiandefu was located further south than Balhae Sanggyengseong (Upper capital)

So where was Delizhen (Delifu) in Balhae?

Currently there are several hypotheses regarding its location.

1. East of Emohehu Lake, 90 li west of Ninggutacheng, i.e. Basalt area north of Jingbohu Lake (Hanlimyuan, 1778; Jang Jingeun (trans.), 2008).

2. Sanxing, i.e. the Yilan area (Jin Yufu / Balhaesa... (trans.), 2008, pp. 346-347).

3. Xingnongcun Fortress(Ft.) at the mouth of Sandaohezi River in the middle and lower reaches of the Mudan river (Tan Qiliang, 1988, p. 112).

4. Fenglin Ft. between Huachuan and Baoqing (Wang Yulang, 1997, pp. 58-63).

5. Huachuan, Jixian, Youyi, and Baoqing regions (Liu Jiaming, 2020, pp. 57-59).

6. Nanchengzi Ft. (Liu Xiaodong et al., 1987, pp. 42-44; Wang Xiaohua et al., 2022, pp. 125-129).

However, except for Xingnongcun Ft., all these hypotheses are primarily based on phonetic similarities.

The Sanxing hypothesis suggests that Hushihali, one of the areas in Sanxing, was called Wuliheli, which is probably 'deli' due to phonetic similarity between 'wu' and 'te', or that Delifu is a homophone of Tielifu. The Huachuan-Baoqing hypothesis proposes that 'deli' and 'dingli' are homophones that write the same sound differently, and since 'dinglifu' was declared an old land of Yilou, Delifu and Dinglifu should also be sought in that region. The Huachuan-Jixian-Youyi-Baoqing hypothesis also suggests 'delifu' is 'dinglifu', and that the 'Yilou' who established 'dinglifu' were known as 'yulou' during the Balhae period. It also considered the route of the Balhae army during their campaign against HM. The Nanchengzi Ft. hypothesis suggests that this Ft. was Bozhou in Balhae, which was later named Bozhou or Bolizhou by HM. Since 'boli' and 'deli' are phonetically similar, Delizhen could have been in this area.

Xingnongcun Ft. is considered a location of Delifu because it was regarded the largest Ft. in the middle and lower reaches of the Mudanjiang-river, and its structure resembles Sanggyeng Capital and Junggyeng Capital. However, the 1994 excavation report revealed that its perimeter of the wall is 642 m long, with a trapezoidal plan (Heilongjiangsheng..., 2005), differing from Sanggyeng (Upper Capital) or Junggyeng (Middle Capital).

Agreeing with Wang Xiaohua and Liu Xiaodong, who point out that Delizhen was a military base, we would like to study Delizhen as a military base. However, Wang Xiaohua and Liu Xiaodong identified the Nanchengzi Ft. on the Mudan River as Delizhen. The statement that Balhae captured Bolizhou in HM and declared it Delizhen does not match with the literary source that «... it is 1000 li to [the land of] the Southern HM]».

In other words, Delizhen or Delifu should be sought not in Boli or Bolizhou in HM but in the south from them. In this regard, Liu Jiaming's opinion is noteworthy. He believes that when Balhae's Second Emperor, Wuwang attacked HM the route of his army started in Dunhua, gone north along the Mudan River, passing Sanggyeng area, Nanchengzi Ft. on the right bank of the middle reaches of the Mudan River, then north through the Hekou and Mulanji areas, and finally reaching the Yilan area at the confluence of the Mudan and Songhua Rivers. Next, it was concluded that they went northeastwards from Yilan to Yulou's territory in the area of Huachuan, Jixian, Youyi and Baoqing where Delizhen was. Liu Jiaming supposes that it was the border area between Balhae and HM, and if the army went north from Delizhen, they would reach the land of South HM (Liu Jiaming, 2020, pp. 57-59).

We agree that Balhae's army followed along the right bank of the Mudan River, first to the Yilan area, and then northeastwards along the First Songhua River. However, it is unlikely that the Balhae army marched through Delizhen toward the mouth of the First Songhua River as South HM's base was not at the mouth of the Songhua River, but in Jiangang Ft. in the bend of the Amur River's (Heilongjiang River) middle reaches.

In fact, there are various hypotheses regarding the location of HM's base that was Heishuizhou or Heishuizhou Dudufu such as: Boli (Khabarovsk), the mouth of the Anuyi River, Tongjiang, the Fengling Ft., the Jiangang Ft., Chaihezhen on the Mudan River. So far, the Boli hypothesis has received the most support, but it was proposed due to phonetic similarity of the word Boli and Boli in the name of Bolizhou province, where Nishuliji was appointed Cishi. Boli refers to the territory where Khabarovsk is now located. However, no archaeological evidence has so far been found in the Khabarovsk region to support this hypothesis.

The hypothesis concerning Jiangang Ft.(江岸古城) is based on a fact that it was one of the largest site on both banks of the middle reaches of the Heilong River,

where the territory of HM extended, and therefore it should have been the administrative center of the Heishuizhou Dudufu at that time (Deng Shuping, 2011, p. 52).

Among the various opinions regarding the Heishuizhou Dudufu administrative center, the relatively recent hypothesis concerning Jiangnan Ft. is, in our opinion, the most convincing. This opinion, proposed by Deng Shuping in 2011, is also supported by Wang Yulang, who had previously believed that the Fenglin Ft. was the administrative center of the Tang Dynasty's Heishuifu Province, Balhae's Dingli-fu Province, and Delifu Province.

The Jiangnan Ft. is located on the southern bank of the Amur River in Luobei, in the city of Hegang, Heilongjiang Province, and consists of a large Ft. and a satellite Ft.. The large Ft. measures 700 m in circumference, with triple walls on the west and double walls on the south. The satellite Ft. is located 237 m west of the large Ft., with a circumference of 220 m. The walls consist of single rows and an outer moat. Within the large Ft. and its satellite, as well as in the space between them, rectangular and square structures and about 300 pit dwellings have been identified (Deng Shuping, 2011, pp. 51-52; Wang Yulang et al., 2020, p. 66).

The site was a large defensive and habitation complex, and its overall scale makes it one of the largest known Mohe sites. The pankouguan, or vase-shaped vessel with a wide rim, found at the site is clearly an artifact belonging to the first phase of the Neifeld-Tongren culture left by the HM. Interestingly, the Jiangnan Ft. is located about 420 km north of the Sanggyeng capital city, the Royal city of Balhae, approximately 1,000 li. This fact corresponds well with the record in the «Xintangshu» (sect. Geography): «to the north of the Balhae Royal City... passing Delizhen, it is 1000 li to [the land of] the southern HM». Therefore, it is evident that Jiangnan Ft. must have been the site of the Bolizhou, the centre of HM, and later the administrative centre of Heishuifu or Heishuizhou.

In order to identify the location of Balhae's Delizhen, we should also investigate the location of Goguryeo type Balhae sites in the vicinity of Jiangnan Ft.. «An Atlas of Chinese Cultural Relics – Heilongjiang province», published in 2015, reports that the Balhae sites in Heilongjiang Province are also found in the northern part of the lower reaches of the Songhua River. For example, the Helibei settlement and the Dexiang burying ground in Tangyuan county are located more than 25 km north of Jiamusi City. In addition, several other Balhae sites have been reported, including the Fuan site, the Fuxing site, the Xianmagou site, the Lantian site in the northern part of the lower reaches of the Songhua River, and the Erlong Mountain Ft. in the southern part of this river (Guojiawenwuju (ed.), 2015). This indicates that the border between Balhae and HM was relatively close to the Amur River.

Moreover, in relation to Delizhen, the Walihuotun Ft.(瓦里霍吞城) attracts particular attention. The Ft. is located on a hill beside the Songhua River in Wanlihecun, Huacheng County, Heilongjiang Province. The Ft. follows the terrain and has an irregular, though approximately trapezoidal, shape. The perimeter of the walls is approximately 3,500 m long. The East Gate and South Gate are semi-circular, and artifacts from the Liao-Jin Dynasties have been found within the Ft.. In this context, during the Liao Dynasty the Ft. was known as a Ft. of the Yuelidubu tribe, one of the five Wuguobu tribes, and was referred to as Wanli settlement (Guojiawenwuju (ed.), 2015).

However, the results of a cross-sectional survey of the destroyed part of the east wall conducted in 2016, should be noted. It was identified that four construction phases of the rampart and additional constructions took place here. The lowest primary wall was constructed by leveling the ground according to the topography and then building up the soil. The second and third walls were built using the technique of layer-by-layer compaction known as Hangda or Panchuk. Wooden structures were found on the southern inner and northern ramparts, which were built by destroying the first rampart. The radiocarbon dating of five wood samples from the site indicated dates between 720 and 860, suggesting that the wooden structure was built during the Tang Dynasty (Liu Xiaodong, 2018)., corresponding to the Balhae period.

As we have previously pointed out, this fact suggests that the initial construction of Walihuotun Ft. may have occurred before or in the early Balhae period, and the secondary wall in the early or middle Balhae period, respectively (Jung Sukbae et al. 2023, pp. 274-276). The current walls of Walihuotun Ft. must have been additionally constructed after the Balhae period, and post-Balhae artifacts found within the Ft. indicate its continued use after the Balhae period.

However, during our visit to the Ft. in 2019, we found numerous pieces of grey potter's wheel earthenware pieces with polished ornaments and ear-shaped handles, which are characteristic of Balhae. These artifacts also prove that the Ft. was used during the Balhae period (Jung Sukbae et al. 2023, pp. 274-276). Located on a river-side hill where the First Songhua River flows northeast before bending eastward, Jiangnan Ft. lies about 59 km from Walihuotun Ft. to the north.

Thus, in our opinion, the Walihotun settlement on the Songhua River can be regarded as the Balhae Ft. of Delizhen on the following grounds:

1. It is a military site;
2. The construction of its first or second wall could have occurred at the beginning of the Balhae period;

3. It offers a wide view of the South HM area on the southern side of the Songhua River;

4. Its location corresponds to the source's description, that it lies 1000 li north of the Balhae Royal City through Delizhen to South HM;

5. To the north lies the Jiangan settlement, which is probably Bolizhou.

However, in a field about 24 km east of Walihuotun Ft., there is a plain Ft. called Xierha Ft.(希爾哈城) with a 3,200 m perimeter wall. The Ft. is also characteristic of the Liao-Jin period, but a clay vessel with a band-shaped handle decorated with polished ornamentation – clearly of Balhae origin – has been identified within the Ft. (Guojiawenwuju (ed.), 2015). During our visit the Ft. in 2019, we observed a number of Balhae clay vessel within the Ft., including a band-shaped handle as mentioned above (Jung Sukbae et al. 2023, pp. 274-276). The visible ramparts of the Xierha Ft. exhibit the characteristic features of a Liao-Jin period, but there may be a Balhae period first rampart underneath, as at Walihuotun Ft.. Could this site have served as the administrative centre of Delifu Province or another province? If these sites are systematically excavated, we may gain further insight into the northern administrative and political structure of Balhae.

Literatures

- Deng Shuping, 2011; 鄧樹平, 2011, 「黑水靺鞨地域範圍與黑水府治所初探」, 『滿族研究』 1.
- Guojiawenwuju (ed.), 2015; 國家文物局 主編, 2015, 『中國文物地圖集 – 黑龍江分冊』, 文物出版社
- Hanlimyuan, 1778; 翰林院 編修, 1778, 『欽定滿洲源流考』.
- Heilongjiangsheng wenwu kaogu yanjiusuo et al., 2005; 黑龍江省文物考古研究所 外, 2005, 「黑龍江海林市興農渤海時期城址的發掘」, 『考古』 3.
- Jang Jingeun (trans.), 2008; 장진근 역주, 2008, 『滿洲源流考』, 파워북.
- Jin Yufu / Balhaesayeonguhoe (trans.), 2008; 김육불 편저 / 발해사연구회 옮김 2008, 『신편 발해국지장편(중)』, 신서원.
- Jung Sukbae, 2024; 정석배, 『발해 강역 연구』, 예지안.
- Jung Sukbae et al., 2023; 정석배 외, 2023, 『발해유적총람II – 중국지역 2』, 예지안.

Koguryeyeongujaedan (ed.), 2004; 고구려연구재단 편 2004, 『발해사 자료집 하』, 고구려연구재단.

Liu Jiaming, 2020; 劉加明, 2020, 『渤海國“北進”研究』, 東北師範大學博士學位論文.

Liu Xiaodong, 2018; 劉曉東, 2018, 「樺川縣瓦里霍吞隋唐時期城址考古調查」, 『中國考古學年鑑』, 文物出版社.

Liu Xiaodong, Luo Baosen, Tao Gang, 1987; 劉曉東·羅葆森·陶剛, 1987, 「渤海國渤海州考」, 『北方文物』 1.

Sun Jingji, Feng Yongqian, 1989; 孫進己·馮永謙 主編, 1989, 『東北歷史地理』 第2卷, 黑龍江人民出版社.

Taiwanshangwuyinshuguan, 1983; 臺灣商務印書館, 1983, 『景印文淵閣四庫全書 第470冊』 (影印本, 1988).

Tan Qiliang (ed.), 1988; 譚其驤 主編, 1988, 『中國歷史地圖集 釋文匯編·東北卷』, 北京, 中央民族學院出版社.

Tan Qiliang, 1988; 譚其驤, 1988, 『中国历史地图集释文汇编·东北卷』, 北京: 中央民族出版社.

Wang Xiaohua, Liu Xiaodong, 2022; 王孝華·劉曉東, 2022, 「渤海德里府, 德理鎮與邊州軍鎮設防問題考」, 『中州學刊』 7.

Wang Yulang, 1997; 王禹浪, 1997, 「靺鞨黑水部地理分布初探」, 『北方文物』 1.

Wang Yulang, Wang Junzheng, 2020; 王禹浪·王俊錚, 2020, 「唐代黑水都督府的歷史地理學考察」, 『歷史地理研究』 4.

Kyungcheol Choy
Jinwoo Kim

South Korea, Ansan, Hanyang University ERICA

**Comparative study of prehistoric subsistence strategies
in the Primorye Region, Russia and the Korean Peninsula
using isotope mixing models**

1. Introduction

The Russian Far East (Primorye) and the Korean Peninsula have cultural and environmental connections dating back to prehistoric times. These strong relationships between the two regions during prehistoric periods are reflected in human remains and archaeological artifacts from various sites. There are both similarities and differences in dietary practices and subsistence strategies between the two regions over time. To date, stable isotope analyses have provided valuable insights into the lifeways of ancient populations and their regional adaptations. (Kuzmin et al., 2002; Fleming, 2020; Kim, 2012; 2015; Shin et al., 2013; Shin and Lee, 2014). However, stable isotope analyses have been conducted independently within each region, and no comparative studies have explored interregional similarities in dietary behavior and subsistence activities between the Russian Far East and the Korean Peninsula during the prehistoric period. To investigate these dietary trends in both regions, we compared previously reported stable isotope analyses of human and faunal remains from both Primorye (Kuzmin et al., 2002; 2003; 2015; 2018; Fleming, 2020) and the Korean Peninsula (Choy and Richards, 2009; Choy et al., 2010; 2012; 2021a; 2021b) since the 2000s.

In this study, we aim to examine the similarities and differences in dietary patterns between the Russian Far East (Primorye) and the Korean Peninsula based on stable isotope data. We compared isotope data from human and faunal remains spanning the Neolithic to the Paleo-metal to the Middle Age periods. We applied Bayesian statistical models (MixSIAR) to evaluate the dietary contributions of each food source. Bayesian mixing models based on stable isotope analysis are increasingly used in archaeological studies to estimate the relative contributions of multiple food sources to ancient diets (Stocks et al., 2018; Choy et al., 2021b; Hart, 2023). In this study, MixSIAR was applied to datasets from the Russian Far East (Primorye, Amur) and the Korean Peninsula to compare dietary subsistence strategies in both regions.

2. Isotopic data and Bayesian Mixing model

For the Bayesian Mixing model, we used previously reported isotope values of human and animals from archaeological sites in Russian Far East (Primorye) (n=39) (Kuzmin et al., 2002; 2003; 2015; 2018; Fleming, 2020) and Korean Peninsula (n=114) (Choy et al., 2009; 2010; 2012; 2021a). To estimate dietary baselines, we used reported isotope values of local plants and animals (terrestrial herbivores, marine mammals, fish, C₃ plants, and C₄ plants) from Korean and Russian archaeological sites (Choy et al., 2009; 2010; Fleming, 2020). These plants and animals were used for the paleodietary reconstruction of ancient populations in each region. We also included isotope values of dogs (n=44) from Primorye regions and the Korean Peninsula (n=8) because dog diets are inferred to human diets (Choy et al., 2009; 2010; Kim, 2010; 2015; Shin et al., 2013; Shin and Lee, 2014).

Individuals were classified into three groups following three chronological periods (Neolithic, Paleometal, and Medieval). We first assessed whether significant differences existed in isotopic values between humans within each period. After confirming the normality of the data, Kruskal-Wallis's tests were employed to evaluate differences in isotopic values of humans across the three chronological groups in the Far East Russia (Primorye and Amur). To assess differences in human dietary patterns between the Russian Far East and the Korean Peninsula, t-tests were applied for each chronological period. The Bayesian mixing model was applied to estimate the proportional contributions of dietary sources for both humans and dogs. To improve the accuracy of the dietary proportion estimates, we incorporated trophic discrimination factors (TDFs) for five dietary source groups (C₃ plants: $\delta^{13}\text{C} = 5.2\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N} = 3.8\text{‰}$, C₄ plants: $\delta^{13}\text{C} = 4.5\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N} = 3.8\text{‰}$, marine fish, marine mammals and terrestrial mammals: $\delta^{13}\text{C} = 1.0\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N} = 3.8\text{‰}$, Cheung and Szpak, 2020; Choy et al., 2021b). All modeling procedures were conducted using the JAGS engine in R program (Cheung and Szpak, 2020).

3. Isotopic results from Primorye, Russia

To assess isotopic trends in the Russian Far East, human remains from Primorye and Amur were divided into three periods based on archaeological chronology (Neolithic, Paleometal, and Medieval). Kruskal-Wallis tests showed that there are significant differences in both carbon and nitrogen isotope values across all periods ($\delta^{13}\text{C}$: $H = 24.22$, $df = 2$, $p < 0.05$, $\varepsilon^2 = 0.42$; $\delta^{15}\text{N}$: $H = 30.66$, $df = 2$, $p < 0.05$, $\varepsilon^2 = 0.52$). Neolithic individuals exhibited lower $\delta^{13}\text{C}$ ($-15.2 \pm 1.4\text{‰}$) and higher $\delta^{15}\text{N}$ ($17.0 \pm 2.0\text{‰}$) values than those of the Paleometal ($-10.2 \pm 0.8\text{‰}$ / $12.4 \pm 0.3\text{‰}$) and Medieval ($-16.1 \pm 1.9\text{‰}$ / $9.5 \pm 0.8\text{‰}$) periods. This suggests that there is a transition from marine-dominated diets to terrestrial-based diets over time. Isotopic data of

dogs from Primorye also showed similar trends with those of humans. Carbon isotopic values increased from Neolithic ($-15.4 \pm 1.0\text{‰}$) to Medieval period ($-11.8 \pm 1.5\text{‰}$). In contrast, nitrogen values decreased from $14.9 \pm 0.6\text{‰}$ to $9.9 \pm 0.8\text{‰}$. Notably, dogs from the Paleometal site displayed enriched $\delta^{13}\text{C}$ values ($-11.9 \pm 1.3\text{‰}$) and depleted $\delta^{15}\text{N}$ values ($12.5 \pm 0.4\text{‰}$) compared to other Paleometal dogs ($\delta^{13}\text{C}$: $-14.8 \pm 0.7\text{‰}$; $\delta^{15}\text{N}$: $15.6 \pm 0.7\text{‰}$), resembling human values from the same period. These findings demonstrate that both human and canine isotopic signatures reflect dietary shifts from Neolithic to Medieval in the Russian Far East.

4. Comparison with Korean Peninsula

We applied two-sample t-tests to evaluate similarity and difference in human diets between the Russian Far East and the Korean Peninsula. In the Neolithic, there are similarity in both carbon and nitrogen stable isotope values between two regions. The $\delta^{13}\text{C}$ values in Primorye ($-15.2 \pm 1.4\text{‰}$) are like those in Korea ($-14.2 \pm 1.4\text{‰}$), and $\delta^{15}\text{N}$ values are similar (Primorye: $17.0 \pm 2.0\text{‰}$; Korea: $15.9 \pm 2.5\text{‰}$), suggesting reliance on marine resources. However, in the Paleometal, there are statistically significant differences in both isotopes ($p < 0.05$) between Primorye and the Korean Peninsula. Primorye individuals showed higher $\delta^{13}\text{C}$ ($-10.2 \pm 0.8\text{‰}$) than Korean Early Iron Age ($-18.7 \pm 0.9\text{‰}$), but like those in the Korean Bronze Age ($-11.3 \pm 0.8\text{‰}$). Primorye people ($12.4 \pm 0.3\text{‰}$) during Paleometal have more enriched $\delta^{15}\text{N}$ compared to Korean Bronze and Early Iron Age ($7.4 \pm 1.3\text{‰}$ / $11.4 \pm 1.1\text{‰}$).

This indicates that Primorye people in Paleometal consumed more marine sources than Korean people, even though both regions accepted C4 plant cultivation (millets). In the Medieval period, due to limited human data in Primorye, dog remains from the Chernjachino-2 site were used as human proxies. The $\delta^{13}\text{C}$ values of Primorye dogs ($-11.8 \pm 1.5\text{‰}$) were significantly higher than those in Amur ($-16.1 \pm 1.9\text{‰}$) and Medieval Korea ($-18.3 \pm 0.9\text{‰}$), while $\delta^{15}\text{N}$ values showed less variation in Medieval Korea ($10.7 \pm 1.3\text{‰}$) and Primorye ($9.9 \pm 0.8\text{‰}$). This large difference in carbon isotopes is related to millet consumption.

6. Estimating Dietary Contributions Using MixSIAR

Bayesian modeling (MixSIAR) estimated the relative contributions of five dietary sources (C₃ plants, C₄ plants, fish, terrestrial herbivores, and marine mammals) in the Russian Far East and the Korean Peninsula. Dietary contributions of each food in both Far East Russia and Korea are visually presented in **Figure 1**. Figure 1 shows the comparison of proportional contributions of food sources between two regions. Our data show that there are similarities and differences in dietary patterns in the two regions. In the Neolithic period, marine resources were main dietary sources in both Primorye: marine mammals (51%), marine fish (18%) and Korea: marine mammals

(41%), marine fish (23%), comprising over 60% of marine sources in total protein inputs. This pattern indicates the two regions have a widespread coastal adaptation and a strong reliance on marine food webs. However, in the Paleometal period, dietary composition diverged differently. At the beginning of Paleometal period, C₄ plants are main dietary sources in both Far East Russia (49%), and Korean Bronze Age (62%) along with low marine input dropping below 15%. However, in Iron Age Korea, C₃ plants (34%), and terrestrial herbivores (37%) are main food sources, suggesting intensified agriculture of C₃ plants such as rice, and barley. Previous researchers have suggested that the introduction of rice agriculture started during Bronze Age Korea and there was an intensification of rice farming in Iron Age Korea. Our MixSIAR data show that there are differences in dietary patterns in both Primorye, Russia and Korean Peninsula during Paleometal period. In the Medieval period, the dietary composition of Chernjachino-2 dogs was dominated by C₄ plants (44%), with marine mammals (19%) and fish (19%) serving as important secondary sources. In the Amur region, diets are based on terrestrial herbivores (29%) and C₃ plants (25%). Early Medieval people (Balhae/Malgai) in Primorye, Russia displayed greater dependence on C₄ plants (23%), C₃ plants (20%), terrestrial herbivores (18%). However, there are moderate contributions from marine fish (23%) in the Early Medieval period. By contrast, later Medieval people shifted markedly toward terrestrial herbivores (39%) and C₃ plants (29%), reflecting dependence on C₃ plant agriculture. Interestingly, this dietary pattern in the later Medieval period is like that of the Proto–Three Kingdoms populations on the Korean Peninsula (herbivores 36%, C₃ plants 34%), suggesting a similarity in subsistence strategies during the Late Medieval period.

The modeling data reveals that difference in dietary patterns between the Primorye region and the Korean Peninsula occurred during Paleometal period. While regional differences in resource use are evident, the overarching trajectory suggests long-term parallels in subsistence evolution. In the Neolithic period, both regions relied extensively on marine resources, with isotope-based estimates indicating over 60% contribution from aquatic sources. This dietary similarity implies that coastal ecologies played central roles in early lifeways in both regions. Despite differences in specific marine exploitation strategies, shared reliance suggests either independent adaptation to similar environmental conditions or possible cultural links. However, the divergence in subsistence strategies between the Russian Far East and Korea becomes more marked during the Paleometal period. Korean populations exhibit a shift toward the consumption of C₄ plants (millet), followed by a transition to C₃ plants (rice). In contrast, populations in the Primorye region also adopted millet consumption but continued to maintain higher levels of marine protein intake. These patterns

may reflect differences in the timing of agricultural intensification, but they also highlight parallel transitions toward more diversified subsistence strategies in both regions. By the historical period, dietary profiles in both regions converged once again. There are the similarity between the Russian Far East and the Proto–Three Kingdoms populations in Korea show a strong reliance on terrestrial herbivores and C_3 plants, with little marine inputs, even though Russian Far East has more marine input than Korean Peninsula. This similarity may indicate shared economic transformations, potentially linked to environmental changes, or interregional interactions. Overall, these findings highlight a profound ecological and cultural interconnectedness between the Russian Far East and the Korean Peninsula, sustained through adaptive strategies that were both regionally specific and broadly comparable.

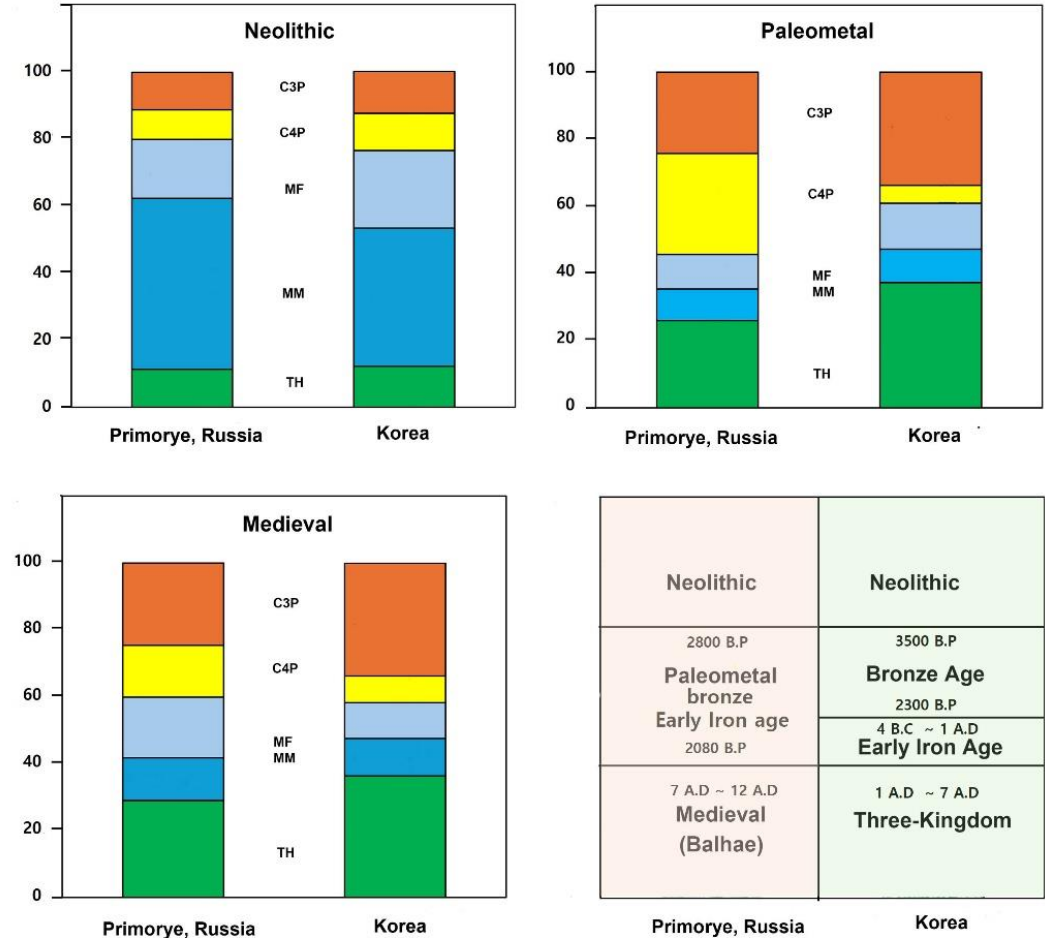

Figure 1. The Bayesian mixing model (MixSIAR) shows the proportional contributions of five food sources for the Russian Far East (Primorye, left) and the Korean Peninsula (right) across three periods: Neolithic, Paleometal, and Medieval. The five food groups are C3P (C_3 plants), C4P (C_4 plants), MF (marine fish), MM (marine mammals) and TH (terrestrial herbivores)

7. Conclusion

This study provides the first comparative isotopic analysis between the Russian Far East and the Korean Peninsula using a Bayesian mixing model. Despite regional variation, both regions exhibited similar shifts in subsistence strategies—from marine-based diets to an increased reliance on crop-based diets over time. The differences in dietary profiles suggest varying ecological pressures or cultural changes during the Paleometal period between the Russian Far East and the Korean Peninsula. By applying MixSIAR, this research highlights both similarities and differences in subsistence strategies between the two regions. Future work should include more isotopic analysis of human remains and cover a broader geographic area to better understand long-term subsistence patterns in the Russian Far East.

References

- Cheung C, Szpak P** (2020) Interpreting past human diets using stable isotope mixing models. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 28, 1106–1142
- Choy, K., Richards, M. P.** (2009). Stable isotope evidence of human diet at the Nukdo shell midden site, South Korea. *Journal of Archaeological Science*, 36, 1312–1318.
- Choy, K., Jeon, O.-R., Fuller, B. T., Richards, M. P.** (2010). Isotopic evidence of dietary variations and weaning practices in the Gaya cemetery at Yeanri, Gimhae, South Korea. *American Journal of Physical Anthropology*, 142, 74–84.
- Choy, K., An, D., Richards, M. P.** (2012). Stable isotopic analysis of human and faunal remains from the Incipient Chulmun (Neolithic) shell midden site of Ando Island, Korea. *Journal of Archaeological Science*, 39, 2091–2097.
- Choy, K., Yun, H. Y., Lee, J., Fuller, B. T., Shin, K.H.** (2021a). Direct isotopic evidence for human millet consumption in the Middle Mumun period: Implication and importance of millets in early agriculture on the Korean Peninsula. *Journal of Archaeological Science*, 129, 105372.
- Choy, K., Yun, H. Y., Kim, S. H., Jung, S., Fuller, B. T., Kim, D. W.** (2021b). Isotopic investigation of skeletal remains at the Imdang tombs reveals high consumption of game birds and social stratification in ancient Korea. *Scientific Reports*, 11, 22551.
- Choy, K.** (2022). Achievements and Directions of Neolithic Subsistence Studies through Stable Isotope Analysis: Focused on Case Studies. *Journal of Korean Neolithic Studies*, 44, 1–24.
- Fleming, R. D.** (2020). Examination of ancient animal management practices using stable isotope analysis: Case studies from the Russian Far East. *Asian Perspectives*, 59, 158–179.

Hart, J. P. (2023). Bayesian dietary mixing models in archaeology: Recent developments and future directions. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 15(5), Article 98.

Kim, H. (2010). The Age and Dietary Concerned about Human Remains of Daepo Shell Midden. *Neolithic Studies*, 20.

Kim, H. (2012). Initial Emergence and Patterns of Domestic Pig Rearing in the Yeongnam Region: A Stable Isotope Analysis. *Journal of Korean Archaeology*, 84, 4–29

Kim, H. S. (2015). Dietary practices and livestock management at the Dong-nae Shell Midden: A stable isotope approach. *Korean Bulletin of Archaeology*, Special Issue, 33–49.

Kuzmin, Y. V., Sulerzhitsky, L. D., Orlova, L. A. (2002). Palaeodietary patterning and radiocarbon dating of Neolithic populations in the Russian Far East. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2, 50–64.

Kuzmin, Y. V., Richards, M., Bolotin, D. P. (2003). Diet of the population of the Zeya-Bureya Plain (Amur River basin) in the Early Iron Age and the Middle Ages (based on isotope composition of carbon and nitrogen in bone collagen). In N. P. Matveeva (Ed.), *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv* (Vol. 2, pp. 132–133).

Kuzmin, Y. V., Keates, S. G., Sato, H. (2015). Reconstruction of prehistoric and medieval dietary patterns in the Russian Far East: A review of current data. *Quaternary International*, 405, 95–103.

Kuzmin, Y. V., Medvedev, V. E., Vasilevsky, R. S. (2018). Paleodietary patterns of the Cherepakha 13 site population (Early Iron Age) in Primorye Province, Russian Far East, based on stable isotope analysis. *Asian Archaeology*, 4, 115–125.

Shin, J. Y., Kang, D. Y., Kim, S. H., Jung, E. D. (2013). Isotopic dietary history of Neolithic people from Janghang site at Gadeok Island, Busan. *Analytical Science and Technology*, 26, 387–394.

Shin, JY, Lee, JJ. (2014). A Stable Isotope Analysis of Human Remains from Baekje Stone Chamber Tombs: Regional and Social Stratification in Subsistence Economy. *Journal of Honam Archaeological Society*, 48, 103–1

Stock, B. C., Jackson, A. L., Ward, E. J., Parnell, A. C., Phillips, D. L., Semmens, B. X. (2018). Analyzing mixing systems using a new generation of Bayesian tracer mixing models. *PeerJ*, 6, e5

«Тихоокеанская археология»
Выпуск 43

Научное издание

**ТИХООКЕАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ:
Проблемы теории и практики**

*8-й Международный симпозиум
Владивосток, 5–8 мая 2025 г.*

Сборник материалов

**PACIFIC ARCHAEOLOGY:
Problems of Theory and Practice**

*8th International Symposium
Vladivostok, May 5–8, 2025*

Abstracts

Подписано в печать 28.04.2025.
Формат 60х84 ¹/16. Усл. печ. л. 16,39.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–80). Заказ 108.

Дальневосточный федеральный университет
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.
(Типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10)